

НАЦИОНАЛЬНОЕ
ВОЗРОЖДЕНИЕ
И
ФОРМИРОВАНИЕ
СЛАВЯНСКИХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ
ЯЗЫКОВ



АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО КОМПЛЕКСНЫМ ПРОБЛЕМАМ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ
И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА
в эпоху перехода
от феодализма к капитализму**

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ:

- Д. Ф. Марков* (председатель),
В. Н. Виноградов, И. С. Миллер (заместители председателя),
Л. А. Обушенкова (ответственный секретарь),
Г. Л. Арш, В. И. Злыднев, Т. М. Исламов,
В. Д. Конобеев, А. С. Мыльников, Л. Н. Смирнов,
Б. Ф. Стахеев, В. И. Фрейдзон, И. М. Шептунов

НАЦИОНАЛЬНОЕ
ВОЗРОЖДЕНИЕ
И ФОРМИРОВАНИЕ
СЛАВЯНСКИХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ
ЯЗЫКОВ



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1978

Коллективный труд представляет собой опыт параллельного освещения процессов возникновения и развития литературных языков западных и южных славян в конце XVIII—первой половине XIX в. в связи с национально-освободительным движением этих народов, формированием наций и национальных культур.

Редакционная коллегия:

доктор филологических наук

С. Б. БЕРНШТЕЙН

(ответственный редактор),

доктор филологических наук

Л. Н. СМЕРНОВ,

кандидат филологических наук

Г. К. ВЕНЕДИКТОВ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В последние годы историки, историки культуры, литературоведы и лингвисты Института славяноведения и балканистики АН СССР в сотрудничестве с учеными других научных учреждений страны разрабатывают крупную комплексную проблему «Закономерности развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму». Данная проблема относится к тому периоду новой истории народов этой части Европы, когда складывались капиталистические отношения, формировались нации и национальные культуры, велась борьба за создание новых независимых национальных государств или за восстановление ранее утраченной политической независимости. В историографии этот период принято обычно называть эпохой национального возрождения. Эта эпоха в целом длилась примерно сто лет. Она началась во второй половине XVIII в. и завершилась в 70-е годы XIX в. Границы эти в известной мере условны, так как у одних народов национальное возрождение охватывало более короткий, у других — более длительный период.

Национальное возрождение — важная историческая эпоха, пережитая народами Центральной и Юго-Восточной Европы. В эту эпоху произошли глубинные перемены в социально-экономической, политической, идеологической и других областях. Одна из важнейших особенностей ее у западных и южных славян заключается в том, что эти перемены теснейшим образом переплетались с национально-освободительным движением. Собственно национальные программы, как известно, занимали у них, как и у других народов этого региона, очень большое место в общественно-политическом и культурном движении. Связано это с тем, что западные и южные славяне длитель-

ное время находились на положении народов угнетенных. Им приходилось отстаивать свое право на национальное существование. В этих условиях языковые вопросы приобретали особую остроту и актуальность, они занимали важное место в идеологических и культурных программах национально-освободительных движений того времени. Для деятелей эпохи национального возрождения язык был главнейшим признаком национально-этнической принадлежности. Упадок родного языка означал для них падение народа; расцвет языка — духовное пробуждение народа, расцвет его национальной культуры. Не удивительно, что процесс формирования национальных литературных языков у западных и южных славян был неразрывно связан с возрожденческим движением на их землях, с их борьбой за права родного языка, за его сохранение и применение в разных общественных и культурных сферах. В свою очередь сам родной язык и, в частности, единый литературный язык данной нации был своего рода знаменем и орудием борьбы зарубежных славянских народов за их национальное возрождение. Единого литературного языка требовали новые условия жизни общества, встававшего на путь капиталистического развития: укреплявшиеся хозяйственно-экономические связи, создание и функционирование национального рынка, развитие национальной литературы, школы и других областей национальной культуры и т. д. Формирование национальных литературных языков у западных и южных славян в эпоху национального возрождения явилось стимулом развития национальной культуры этих народов, знаменовало важнейший этап становления и консолидации каждой из славянских наций в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Поэтому изучение истории зарубежных славянских литературных языков в эпоху национального возрождения представляет значительный интерес не только в собственно лингвистическом, но и в более широком историко-культурном аспекте.

При изучении формирования и развития славянских литературных языков в эпоху национального возрождения обнаруживаются некоторые общие закономерности, сходные явления, в немалой степени определяемые общностью или сходством основных социально-экономических, политических и историко-культурных условий и пред-

посылок (кризис феодализма, становление капиталистических отношений, формирование наций, рост национального самосознания, стремление к созданию национальной культуры, подъем национально-освободительного движения западных и южных славян и др.). Формирование литературных языков у западных и южных славян протекало в условиях отсутствия у них своей государственности, когда многие важные функции литературного языка выполнялись на их землях языками господствующих наций (немецкий, венгерский, турецкий) или классическими культурными языками (латинский, греческий). Это обстоятельство наложило существенный отпечаток как на постановку проблемы литературного языка в указанную эпоху, так и на сам процесс складывания конкретных литературных языков. Достаточно указать здесь на позднее развитие национальной школы, позднее появление национальной периодической печати, отсутствие в эту эпоху национальных государственных, административных и прочих институтов — факторы, играющие значительную роль не только в упрочении социальной базы данного языка, но и в выработке его норм и их кодификации, что в период становления литературных языков особенно важно и трудно.

Одна из важнейших проблем, которая вставала перед создателями отдельных национальных литературных языков, была проблема выбора (определения) пути их формирования. Эта проблема представляет значительный интерес для современного исследователя. Ее решение было связано с трудной и сложной задачей: на какой основе следует строить новый литературный язык, в котором остро нуждалась пробуждавшаяся нация, — на основе ли языка старой письменности, на основе ли живой народно-разговорной речи или же идти по некоему среднему, компромиссному пути. Как известно, все славянские народы пришли к эпохе своего возрождения с более или менее богатой письменностью, уже имея ту или иную литературно-письменную традицию. Что касается живого языка, то у разных славянских народов он отличался разной степенью диалектной дробности и глубиной местных различий. Различным было и состояние наддиалектных образований. Литературные языки зарубежных славян складывались по-разному. Одни (например, чешский) базировались на языке старой письменности, в основу

других (например, словацкий, болгарский) была положена народно-разговорная речь. Следует отметить, однако, что ориентация на предшествующую литературно-письменную традицию или на народно-разговорную речь касается, как правило, только общего направления и результата формирования того или иного литературного языка. На отдельных же этапах этого процесса обнаруживаются отклонения от этого пути. Нужно подчеркнуть, что выбор основного пути формирования литературного языка определялся не столько собственно лингвистическими, сколько экстралингвистическими причинами.

При рассмотрении процессов формирования национальных литературных языков у западных и южных славян существенное значение имеет проблема двуязычия (разного типа).

Что касается собственно лингвистического аспекта исследования процесса формирования национальных литературных языков, то здесь прежде всего встают проблемы становления литературных норм, их унификации и стабилизации. В этом плане большое значение приобретает и освещение сознательной деятельности видных ученых-филологов, писателей и других деятелей национального возрождения по обогащению, нормализации и кодификации литературных языков.

В истории становления и развития каждого национального литературного языка имеется немало и специфических особенностей. Такие особенности, отличительные явления и тенденции обнаруживаются и в процессах формирования литературных языков западных и южных славян в эпоху их национального возрождения.

Сектор славянского языкознания Института славяноведения и балканистики АН СССР в сотрудничестве с учеными Московского и Львовского университетов в последние годы разрабатывает проблему становления и развития национальных литературных языков зарубежного славянства в разных аспектах. Настоящий коллективный труд представляет собой первый опыт освещения существенных проблем истории литературных языков чехов, словаков, лужичан, болгар, сербов и словенцев в указанную эпоху. На данном этапе изучения этих проблем авторский коллектив не ставил перед собой задачи всестороннего исследования формирования литературных языков всех зарубежных славян.

СТАНОВЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ЧЕШСКОЙ НАЦИИ



Формирование чешской нации проходило в условиях централизованного многонационального государства, абсолютистский режим которого затруднял и осложнял этот процесс.

В нарастающей борьбе против пережитков средневекового феодализма развивался капиталистический строй, старая общественно-экономическая формация распадалась, вместо нее все более глубокие корни пускала новая формация — капиталистическая. Для понимания специфических особенностей процесса формирования чешской нации необходимо учитывать исторические условия развития чешского народа.

После поражения чехов на Белой горе в 1620 г. Габсбургская династия, под власть которой перешла полностью Чехия, пыталась уничтожить политическую, экономическую и национальную независимость чешского народа.

В условиях национального угнетения, сочетающегося с тяжелейшим феодальным гнетом и полной экономической и политической зависимостью, шло резкое наступление на чешскую культуру, проводилась борьба с любыми формами проявления национальной самостоятельности. Школы, в которых учили чешскому языку, закрывались, а чешская литература беспощадно уничтожалась. Так, например, иезуит А. Кониаш получил печальную известность тем, что составил список наиболее читаемых и популярных некаатолических книг, подлежащих уничтожению. Он сжег 60 000 книг, среди которых большую половину составляли чешские книги, в том числе почти все издания Кралицкой библии. Усилились гонения против протестантов, против представителей общины «чешских братьев».

Ситуация, сложившаяся во второй половине XVIII в. в Чехии, некоторым деятелям Возрождения казалась бесперспективной. Даже такой активный деятель чешского Возрождения, как Ф. М. Пельцл, писал: «Когда-нибудь чешские земли окажутся в таком положении, что от славянского языка останутся лишь названия городов, деревень и рек»¹, а Й. Добровский в письме к своему другу Копитару жаловался: «Дело нашего народа, если не поможет господь бог, совершенно безнадежно»².

Положение Чехии конца XVIII в. отчетливо отражает последствия насильственной германизации славянского населения в Австрийской империи, стремление австрийского абсолютизма к полной и окончательной ликвидации политической самостоятельности, национальной и культурной самобытности народов, входящих в состав Габсбургской монархии.

Вследствие указанных причин формирующаяся чешская нация не находила поддержки в самом государстве; она должна была вести национально-освободительную борьбу в рамках централизованного и многонационального государства.

Процесс формирования наций охватывает, как правило, все слои общества. Однако формирующаяся чешская нация не могла опереться на чешское дворянство и верхушку буржуазии, к тому времени почти полностью онемеченных, утративших связь с развитием чешской народности и далеких от народа как по языку, так и по своим интересам и характеру космополитической культуры. Цели национально-освободительной борьбы чешского народа не были связаны с интересами этой «верхушки». Указанные обстоятельства, с одной стороны, значительно тормозили процесс формирования чешской нации, а с другой стороны, придавали чешскому национальному движению демократический характер.

Старые феодальные отношения оказываются в явном противоречии с вновь возникающими производственными отношениями. Постепенная ликвидация феодальных отношений как следствие наступления капитализма, многочисленные сельские восстания, расшатывающие феодальные устои государства, отмена в 1781 г. крепостного права, возник-

¹ Vlček J. Dějiny české literatury. Praha, 1960, s. 11.

² Hošák L. Nové československé dějiny. Praha, 1947, s. 408.

новение мануфактур, увеличение числа рабочих, появление многочисленной говорящей по-чешски мелкой буржуазии, вступившей в борьбу с крупной немецкой буржуазией, — все это определяло специфику национально-освободительного движения чешского народа и своеобразие путей формирования чешской нации. Характерной особенностью чешского национального возрождения является также и то, что борьба за национальное возрождение, начавшееся в связи с тем, что Чехия вступила на путь капиталистического развития, вылилась прежде всего в борьбу за национальный язык, за права родного языка во всех областях общественно-политической и культурной жизни.

Усилия передовой части буржуазной чешской интеллигенции, которая стояла во главе национального движения, были направлены прежде всего на возрождение родного языка, на возрождение национальной культуры, что получило отражение в ряде лингвистических, литературоведческих и исторических работ того времени.

Закономерным является вопрос, почему определяющим фактором в идеологии национально-освободительного движения чешского народа был вопрос о языковой общности и связанный с ним вопрос об общности национальной культуры, почему центральной проблемой чешского Возрождения было возрождение литературного чешского языка. Ответ на это также следует искать в исторических судьбах чешского народа, как носителя чешского языка, и в специфике языковой ситуации Чехии в XVII и XVIII вв., характеризовавшейся некоторыми особенностями.

Ограничение функций литературного чешского языка. К концу XVIII в. литературный чешский язык был практически полностью вытеснен из всех сфер государственной, политической и культурной жизни. С 1774 г. чешский язык не изучался в школах (обязательным языком был немецкий). В 1781 г. немецкий язык был провозглашен в качестве общегосударственного языка Австрийской империи.

В этот период чешский литературный язык перестает быть языком науки, которым он, наряду с латынью, был в добелогорский период. В функции научного языка восстанавливается латынь, а также немецкий и французский языки.

И хотя в декрете Марии Терезии от 1763 г. выдвигалось требование, чтобы «дети усердно упражнялись в чешском языке, так как чешский язык в чешском королевстве и маркграфстве моравском исчезает, что может привести к отсутствию чиновников, которые могли бы договориться с чешским населением»³, в последующих декретах от 1774 и 1781 гг. германизаторская тенденция Марии Терезии и особенно императора Иосифа II, которые хотели иметь в своей монархии только один язык — немецкий — выступала в острой и обнаженной форме. Учить можно было только на немецком языке и в немецком духе.

Й. Добровский об этой реформе и своем недоверии Вене писал известному словенскому ученому и другу Копитару: «Я точно знаю, что там родился (букв. вылучился — *А. Ш.*) дьявольский принцип германизации»⁴.

Вспоминая о годах, проведенных в гимназии пиаристов, Йозеф Юнгман следующим образом описывает царившую там атмосферу германизации: «Разве вас, как и меня, тысячу раз не убеждал магистр в том, что я немец и что немецкий язык является моим родным языком, а ведь мать моя никогда не произнесла ни единого немецкого слова»⁵. Обличая социальную и национальную дискриминацию, Юнгман пишет далее: «...Чех изгоняется из всех учреждений, он не может быть даже ничтожным писакой-поденщиком; как у египтян, он обречен проклятием идти за плугом или работать шилом, как это делали его отцы». И далее: «...Чешские крестьяне заставляют своих детей учиться по-немецки, зная, что иначе им не удастся далеко отойти от плуга»⁶.

Как видим, в этот период языковой и национальный вопросы тесно переплетаются с социальной борьбой против господствующих слоев общества — феодалов и знати, т. е., по сути дела, против немцев или онемеченных чехов, отрেকшихся от родного языка и национальной культуры.

³ *Dolanský J. Zrození buditele. «Josef Dobrovský. 1753—1953» Praha, 1953, s. 32.*

⁴ *Briefwechsel zwischen Dobrowsky und Kopitar. 1829. Vydal V. Jagić. Petrograd—Berlin, 1885, s. 404.*

⁵ *Jungmann J. O jazyku českém II, Boj o obrození. Praha, 1948, s. 32.*

⁶ *Jungmann J. O jazyku českém. . . , s. 39.*

Сужение социального состава носителей чешского языка. В связи с денационализацией и онемечиванием чешского дворянства, духовенства и верхушки буржуазии, разговорным языком этих социальных групп становится немецкий язык, который выступает в это время в качестве своеобразного социального жаргона.

Сужалась сфера употребления чешского языка и в широких слоях городского (также довольно онемеченного) населения. Языковую ситуацию в городах характеризовал билингвизм.

Кроме того, приток сельского населения в города, вызванный развитием капитализма, повлек за собой насыщение речи городского населения множеством элементов, отражавших различные территориальные и социальные диалекты.

Таким образом, разговорный язык городского населения изобилует как большим количеством германизмов, так и диалектизмов.

В конце XVIII в. чешский язык использовался в качестве разговорного языка лишь «низшими» слоями общества: сельским населением, мелкими ремесленниками, городской беднотой, частью интеллигенции (в основном выходцами из народа). Хотя вплоть до XVIII в. чешский язык наряду с немецким оставался официальным, деловым языком, однако этот язык, состоящий по большей части из окаменевших, застывших формул, как живой не развивался. Так, например, решения сейма XVIII в. изобилуют языковыми формулами чешского языка XVI в. (в них содержится множество синтаксических особенностей литературного языка периода гуманизма) ⁷.

Можно утверждать, что к началу эпохи возрождения, т. е. к последней четверти XVIII в., чешский язык в основном использовался как средство устного общения простого народа и лишь в ограниченной степени он был письменным языком.

Следовательно, наряду с ограничением функций литературного чешского языка, характерной особенностью данного периода является также сужение социального состава его носителей.

⁷ *Havránek B. Vývoj spisovného jazyka českého. «Československá vlastivěda», ř. II. Praha, 1936, s. 68.*

Указанные и другие диалектизмы употребляются З. Черниновой в литературном контексте наряду с иностранными словами и лексикой литературного чешского языка.

Неустойчивость нормы литературного чешского языка отчетливо отражают грамматики чешского языка, появившиеся в XVII и XVIII вв. Так, например, в грамматике В. Росы, которая хотя и написана на латинском языке, но частично содержит параллельный чешский текст, имеется большое количество неправильных, с точки зрения литературного языка, форм. Например, в твор. п. мн. ч. муж. рода встречаются формы: *zubami, stromami, domami*, или *zubama, stromama, domama* (в лит. языке *zuby, stromy, domu*); в 3 л. мн. ч. глаголов настоящего времени употребляются формы *běžejí, mlčejí* (в лит. чешском яз. *běží, mlčí*); формы сравнительной степени к прилагательным *nížký hluboký* — в грамматике В. Росы передаются формами *nížčejší, hlubočejší* (в лит. языке *nížší, hlubší*) и т. д.

Как плохие грамматисты прославились также Н. В. Поль, М. Шимек, К. И. Там¹², работы которых изобиловали диалектными вкраплениями, а также необоснованными неологизмами, не прижившимися в языке; ср. употребление следующих слов: *slovárna* вместо *slovník* «словарь»; *příšera* вместо *dobrodružství* «авантюра, приключение»; *ředlice* вместо *planeta* «планета»; *vzkvostnice* вместо *palác* «дворец»; *větřlí* вместо *rověť* «воздух»; *obeclí* вместо *publikum* «публика»; *vyvojněník* вместо *invalida* «инвалид»; *skokotnosta* вместо *taneční mistr* «танцмейстер»; *pukop* вместо *granát* «граната» и т. п.

Пуристическое словотворчество, противоречащее законам деривации чешского языка. Засоренность лексики чешского языка XVII—XVIII вв. германизмами вызвала опасения патриотически настроенных чехов за судьбу чешского языка и обусловила активные действия пуристов, словотворческие попытки которых нередко были весьма неудачны. Так, например, известный пурист В. Роса в своем стремлении заменить иностранные слова,

¹² *Pohl J. V. Die böhmische Sprachkunst, 1756; Šimek M. Nandbuch für eine Lehrer der böhmischen Literatur, 1785; Thom K. J. Kurzgefäste böhmische Sprachlehre. 1785.*

употреблявшиеся в чешском языке, изобретал такие чешские слова, которые поражали своей механичностью и искусственностью. В своей грамматике и стилистике «*Čechořečnost seu gramatica linguae*» (1672) он заменяет, например, слово *alegorie* словами *přejinovatelka*, *jinovka*, *jinotajitelka*, слово *ironie* словами *usmívatelka*, *usmívka*, *usmívalka* и т. д.¹³ С подобными же попытками мы встречаемся у Фрозина (1704) и в словаре Вусина (1700). Последний вводит слова *knihovtipník* вместо *student* «студент», *měsícopis* вместо *kalendář* «календарь» и даже *vonosit* вместо *nos* «нос», т. к. оно напоминало ему немецкое *Nase* и латинское *nasus*¹⁴.

Можно привести и другие примеры неологизмов, противоречащих деривационным тенденциям чешского языка. Ср., например, употребление вместо *kuchyně* «кухня» — *čudnice*, вместо *salát* «салат» — *zelenochrupka*, вместо *tabák* «табак» — *chřipoprach*, вместо *talíř* «тарелка» — *vokolník*, вместо *fajfka* «курительная трубка» — *tahohubka* и пр.

В своей грамматике «*Die böhmische Sprachkunst*», которая позже выходит под названием «*Neuverbesserte böhmische Gramatik*», Я. В. Поль воспроизводит в основном текст грамматики В. Росы (его «*Čechořečnost*»), дополняя примеры, приводимые Росой, вновь образованными словами. Например, среди сущ. женск. р. он приводит такое искусственное новообразование, как *tkadlcice*, среди уменьшительных образований *Vilímeček* и др. К образованному В. Росой слову *měšt'anosta* (= *měšt'an*) Поль приводит уменьшительное *měšt'anostík*, *měšt'anostíček*. Ряд слов Поль образовал при помощи несуществующего в чешском языке суффикса — *tnost*: *budatnost*, *umětnost*.

Склонность В. Росы к «нанизыванию» синонимических словообразовательных типов Поль довел до абсурда. Например, он составляет такие синонимические ряды, как *nosič*, *nosílek*, *nositel*, *nosíček*, *noska*; *žebralek*, *žebřatel*, *žebraček*, *žebrožka* и т. п. Любопытно, что большая часть неологизмов у Поля образована при помощи деривации. Однако, наряду с деривационным словообразова-

¹³ *Vondrák V. Vývoj současného spisovného jazyka*. Brno, 1926.

¹⁴ *Harránek B. Vývoj. . .*, s. 65—68.

Указанные и другие диалектизмы употребляются З. Черниновой в литературном контексте наряду с иностранными словами и лексикой литературного чешского языка.

Неустойчивость нормы литературного чешского языка отчетливо отражают грамматики чешского языка, появившиеся в XVII и XVIII вв. Так, например, в грамматике В. Росы, которая хотя и написана на латинском языке, но частично содержит параллельный чешский текст, имеется большое количество неправильных, с точки зрения литературного языка, форм. Например, в твор. п. мн. ч. муж. рода встречаются формы: *zubami, stromami, domami*, или *zubama, stromama, domama* (в лит. языке *zuby, stromy, domy*); в 3 л. мн. ч. глаголов настоящего времени употребляются формы *běžejí, mlčejí* (в лит. чешском яз. *běží, mlčí*); формы сравнительной степени к прилагательным *nížký hluboký* — в грамматике В. Росы передаются формами *nížčejší, hlubočejší* (в лит. языке *nížší, hlubší*) и т. д.

Как плохие грамматисты прославились также Н. В. Поль, М. Шимек, К. И. Там¹², работы которых изобиловали диалектными вкраплениями, а также необоснованными неологизмами, не прижившимися в языке; ср. употребление следующих слов: *slovárna* вместо *slovník* «словарь»; *příšera* вместо *dobrodružství* «авантюра, приключение»; *ředlice* вместо *planeta* «планета»; *vzkvostnice* вместо *palác* «дворец»; *větrlí* вместо *rověť* «воздух»; *obeclí* вместо *publikum* «публика»; *vyvojněník* вместо *invalida* «инвалид»; *skokotnosta* вместо *taneční mistr* «танцмейстер»; *pukon* вместо *granát* «граната» и т. п.

Пуристическое словотворчество, противоречащее законам деривации чешского языка. Засоренность лексики чешского языка XVII—XVIII вв. германизмами вызвала опасения патриотически настроенных чехов за судьбу чешского языка и обусловила активные действия пуристов, словотворческие попытки которых нередко были весьма неудачны. Так, например, известный пурист В. Роса в своем стремлении заменить иностранные слова,

¹² *Pohl J. V. Die böhmische Sprachkunst, 1756; Šimek M. Nandbuch für eine Lehrer der böhmischen Literatur, 1785; Thom K. J. Kurzgefäste böhmische Sprachlehre. 1785.*

употреблявшиеся в чешском языке, изобретал такие чешские слова, которые поражали своей механичностью и искусственностью. В своей грамматике и стилистике «*Češočejnost seu gramatica linguae*» (1672) он заменяет, например, слово *alegorie* словами *přejinovatelka*, *jinovka*, *jinotajitelka*, слово *ironie* словами *usmívateľka*, *usmívka*, *usmívalka* и т. д.¹³ С подобными же попытками мы встречаемся у Фрозина (1704) и в словаре Вусина (1700). Последний вводит слова *knihovtipník* вместо *student* «студент», *měsícopis* вместо *kalendář* «календарь» и даже *vonopit* вместо *nos* «нос», т. к. оно напоминало ему немецкое *Nase* и латинское *nasus*¹⁴.

Можно привести и другие примеры неологизмов, противоречащих деривационным тенденциям чешского языка. Ср., например, употребление вместо *kuchyně* «кухня» — *čudnice*, вместо *salát* «салат» — *zelenochrupka*, вместо *tabák* «табак» — *chřípoprach*, вместо *talíř* «тарелка» — *vokolník*, вместо *fajfka* «курительная трубка» — *tahohubka* и пр.

В своей грамматике «*Die böhmische Sprachkunst*», которая позже выходит под названием «*Neuverbesserte böhmische Gramatik*», Я. В. Поль воспроизводит в основном текст грамматики В. Росы (его «*Češočejnost*»), дополняя примеры, приводимые Росой, вновь образованными словами. Например, среди сущ. женск. р. он приводит такое искусственное новообразование, как *tkadlcice*, среди уменьшительных образований *Vilímeček* и др. К образованному В. Росой слову *měšt'anosta* (= *měšt'an*) Поль приводит уменьшительное *měšt'anostík*, *měšt'anostíček*. Ряд слов Поль образовал при помощи несуществующего в чешском языке суффикса — *tnost*: *budatnost*, *umětnost*.

Склонность В. Росы к «нанизыванию» синонимических словообразовательных типов Поль довел до абсурда. Например, он составляет такие синонимические ряды, как *nosíč*, *nosílek*, *nositel*, *nosíček*, *noska*; *žebralek*, *žebretel*, *žebraček*, *žebrožka* и т. п. Любопытно, что большая часть неологизмов у Поля образована при помощи деривации. Однако, наряду с деривационным словообразова-

¹³ *Vondrák V. Vývoj současného spisovného jazyka. Brno, 1926.*

¹⁴ *Harránek B. Vývoj. . . , s. 65—68.*

нием, у него встречаются не менее искусственные композиты типа *hlavňogubna*, *železokujírna* «кузница» и др.¹⁵

Хаос, внесенный Полем в словообразовательную систему литературного чешского языка, вызвал резкий протест Й. Добровского, который в своих работах критиковал В. Поля и М. Шимка не только за «химерические слова», противоречащие современному языковому узусу, но и за то, что они отрывали язык от традиций чешской языковой культуры, «делая его неузнаваемым».

Следует заметить, что иллюстративный материал, содержащийся в указанных и им подобных грамматиках, часто не имеет стилистических помет, приводимые примеры не дифференцированы на узуальные и окказиональные образования. Написанные без необходимых знаний грамматики и стилистики чешского языка, эти работы способствовали еще большей нестабильности и разрушению языковых норм литературного чешского языка.

Таким образом, с полным основанием можно утверждать, что в результате длительной германизации, следствием которой явилось ограничение функций чешского литературного языка, сужение социального состава его носителей, сужение жанровой структуры литературного творчества, нарушение стабильности и кодифицированности норм чешского литературного языка, проникновение в него германизмов и диалектизмов, вызвавшее пуристическое словотворчество, не соответствующее духу чешского языка, чешский литературный язык второй половины XVIII в. не мог удовлетворить возрастающие коммуникативные потребности современного общества во всех сферах социально-экономической, политической и культурной жизни. Он не мог быть использован в качестве основы для создания общенародной языковой культуры формирующейся чешской нации, полнокровное развитие которой могло осуществляться только на основе родного языка. Дальнейшее совершенствование литературного чешского языка как высшей формы существования национального языка являлось одной из первоочередных задач формирующейся чешской нации, на-

¹⁵ *Hauser P. Dobrovského práce o tvoření slov a domácí mluvnická tradice. Sb. Studie o jazyce a literatuře národního obrození. Praha, 1959; Lisický A. Ján Václav Pöl v zápase o české slovo. Osvěta, 50, 1920.*

ционально-освободительного движения в Чехии конца XVIII—начала XIX в. Необходимой предпосылкой формирования языка нации является его единство: «...Единство языка и беспрепятствованное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец — условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом и покупателем»¹⁶.

Характерной чертой национального движения в Чехии и Словакии в конце XVIII—начале XIX в. было выступление на арену «многочисленных мелких «будителей»: писателей, журналистов, юристов, учителей, священников, крестьян, сельских и городских интеллигентов, которые помогли народу избавиться от феодального гнета и которые стремились к его просвещению, пробуждению, активизации»¹⁷.

Задачи, стоящие перед первым поколением «будителей», были весьма многообразны. Они стремились возродить литературный чешский язык во всей широте его коммуникативных функций, создать прочную, единую языковую норму, стабильную грамматическую основу литературного чешского языка, стремились расширить социальный состав носителей литературного чешского языка, сделать его достоянием широких слоев населения.

Большое внимание чешские «будители» уделяли пробуждению интереса образующейся чешской нации к истории языка и народа, его традициям, памятникам письменности, культурному и литературному наследию XVI—начала XVII вв., считавшихся классическим периодом в истории развития чешского литературного языка. В этой связи уместно напомнить о таких важных акциях, как издание памятников прошлого, особенно литературных памятников Велеславинского периода, предпринятое В. Дурихом, Ф. Прохазкой, Ф. М. Пельцлом и др. Так, Фр. Ф. Прохазка издает «Новый завет», а затем и всю библию, признавая в предисловии к «Новому завету» зависимость этого издания от текста Кралицкой библии. Только в 1786 г. Прохазка издал 12 произведений стар-

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 258—259.

¹⁷ История Чехословакии, т. 1. М., 1956, с. 341.

шей поры, язык которых был лишь незначительно изменен по сравнению с оригиналом. Й. Добровский издание текстов библий Прохазкой считает классическим, одобряет их языковую чистоту и правильность.

Знаменательным событием в истории развития национально-освободительной борьбы чешского народа явилось учреждение кафедры чешского языка в Пражском университете в 1792 г. Ранее подобная кафедра была учреждена в Вене. С 1785 г. разрешается использование чешского языка на театральной сцене, появляются драматургические произведения как переводные, так и, несколько позже, оригинальные. Важную роль играло и основание в 1784 г. «Чешского научного общества», ставившего своей целью изучение истории и естественных богатств страны.

Для общего подъема чешской культуры большое значение имело также развитие чешской журналистики и публицистики. Особого упоминания заслуживает деятельность М. Крамериуса, или Велеславина XVIII в., как его называли современники, который был издателем и редактором регулярной газеты на чешском языке. Так, в 1786 г. он редактирует «Шенфельдскую почтовую газету»; с июля 1789 г. он самостоятельно издает «Пражскую почтовую газету», получившую с 1791 г. новое название «Патриотическая газета» Крамериуса.

В конце XVIII в. на чешском языке появляются произведения поэтических жанров (мы имеем в виду поэтическую школу А. Пухмайера), авторы которых признавали авторитет языковой эстетики и правила просодии Й. Добровского.

Следует также подчеркнуть, что выходившие в ту пору газеты и журналы ставили перед собой не только просветительские задачи, расширяя кругозор своих читателей и воспитывая их в патриотическом духе, но они часто служили средством проведения языковой политики (примечательными являются, в частности, соответствующие комментарии от редакции, рекомендующие замену заимствованных лексем отечественными словами. Например, рекомендовалось употреблять *oužlabí* вместо *kanál* «канал», *stínidlo* вместо *parasol* «зонтик от солнца» и др. — см. «Почтовая газета» 1791 г.).

Однако следует напомнить, что начало литературного и культурного возрождения чехов в последней четверти XVIII в. само по себе еще не является началом нового

литературного языка. Язык литературных произведений в начальный период чешского возрождения не очень отличается от языка печатной литературы XVII—XVIII вв.; и в фонетике, и в морфологии он является таким же нестабильным, как и в предшествующие эпохи, в различной степени отражая проникшие в него диалектные элементы; его словарь изобилует иностранными заимствованиями (особенно немецкими и латинскими) и очень смелыми новообразованиями, не всегда соответствующими законам чешского словообразования.

Таким образом, в начальный период возрождения можно говорить либо об очень консервативном языке религиозной литературы, либо о «полународном» языке, представленном в произведениях популярной и художественной литературы, предназначенной для народа.

Центральной фигурой первого периода чешского возрождения был Й. Добровский, который активно включился в число ученых, стремящихся познать свое отечество, его прошлое и настоящее, стремящихся к развитию чешской литературы и к совершенствованию родного языка. О том, как серьезно и ответственно относился Й. Добровский к поставленным задачам, свидетельствуют журналы, которые он начал издавать, начиная с 1779 г., под названием «*Böhmische Litteratur auf das Jahr 1779*» («Чешская литература за 1779 г.» — I том содержит четыре номера). Второй том вышел под названием «*Böhmische und Mährische Litteratur auf das Jahr 1780*» («Чешская и моравская литература за 1780 г.»). Позже начал выходить «*Literarisches Magazin Böhmische und Mähren*» (1786—1787 гг.) («Литературный журнал Чехии и Моравии»).

Й. Добровский отказывается от общей направленности официальных австрийских органов печати. Не разделяет он и апологетического характера работ группы чешских патриотов (Бальбин, Войгт, Пельцль и др.), которые в конце XVIII в. стремились пробудить интерес к чешской литературе и к чешскому языку среди чешского дворянства, уже давно отошедшего от чешской культуры. Историзм работ этой группы патриотов и поиски «прекрасных образов» в прошлом находились в противоречии с общественными интересами национального чешского движения и потребностями современной чешской литературы.

В предисловии к «Чешской и моравской литературе за 1780 г.» И. Добровский писал: «Моим главным намерением является говорить правду без стеснения, только чистую, ничем не прикрашенную правду. . .»¹⁸

Критическое отношение к действительности, огромный интерес к настоящему и желание помочь современнику создать новую культуру определили направленность журналов Добровского: в них он описывает все с точки зрения интересов человека, разума и естественности, следит за современным состоянием науки, культуры, литературы, дает информацию о библиотеках, редких книгах, открытиях, коллекциях, культурных организациях, важнейших рукописях и достойных внимания общественных событиях. Характер и содержание журналов свидетельствует не только об их просветительской и патриотической направленности, но и о всесторонности молодого Добровского.

В соответствии с выдвинутой программой Добровский стремится осветить всю широкую область культуры, делает обзоры научных работ не только по литературе, но и по естественным наукам. Однако в центре его интересов находился чешский язык и чешская литература. Добровский ставит перед собой цель «навести порядок в чешской литературе с языковой стороны, поднять языковую культуру произведений, написанных на чешском языке». В связи с этим постепенно меняется и само представление о чешской литературе. Если посмотреть обзоры современной литературы и новых книг, которые делал Войгт в «Acta litteraria Bohemiae et Moraviae» в 1775 г., то можно обнаружить, что в этих обзорах нет ни одной книги, написанной на чешском языке. Собственно чешская литература для Войгта не существовала. Добровский же, хотя и регистрирует всю литературу, выходящую в Чехии и Моравии (на немецком, латинском и чешском языках), но при этом прежде всего уделяет внимание литературе, написанной на чешском языке. Так понятие «чешская литература» для Добровского теряет свое территориальное содержание и принимает содержание национально-языковое¹⁹.

¹⁸ Böhmisches und Mährische Litteratur auf das Jahr 1780, s. 5.

¹⁹ Vodička F. Cesty a cíle obrozenské literatury, s. 318—322.

Й. Добровский, как и другие деятели чешского возрождения, прекрасно понимал, что с точки зрения интересов национального движения существует объективная потребность в более глубокой культуре литературного языка, который мог бы стать языком общенародным, языком национальных интересов и национальной общности.

Позже, когда Й. Добровский пишет свою «Историю чешского языка и литературы» (*Geschichte der Böhmisches Sprache und Litteratur*) он в понятие «*Böhmische Litteratur*» включает только литературу, написанную на чешском языке.

Й. Добровский неоднократно подчеркивал, что культура литературного языка должна быть культурой общенародного языка. Отсюда постоянный интерес к чешской литературе, ее характеру и качеству, целенаправленное стремление к ее языковому совершенству. Разумеется, Добровский занимался чешской литературой и влиял на нее как лингвист, который видел в литературе совокупность языковых выражений, в той или иной степени выполняющих общественную функцию.

Стремление понять условия развития чешского языка привело Й. Добровского к изучению литературных памятников прошлого. Сравнение современного языкового состояния с языком литературы предшествующих периодов помогло Й. Добровскому осознать те неизмеримые ценности, которые заложены в языке и литературе старшей поры, а также то, как они важны для совершенствования современного чешского языка. Язык литературы XV—XVI вв., и прежде всего язык литературных произведений велеславинского периода является для Й. Добровского мерилем степени языкового совершенства²⁰. В соответствии с этим вырабатываются Добровским и принципы культуры литературного языка. Считая язык жи-

²⁰ Tím cenněji zůstávají pro nás zachované památky našeho jazyka z těch dob, kdy nebyl jen hovorovým jazykem prostého člověka, ale současně mluveným a psaným jazykem nejušlechtilejší a nejosvícenější části národa. . . Posuzují-li někteří bohatství, jemnost a ohebnost českého jazyka, které často stačí jen k tomu, aby se rozuměli na trhu, pak nemůže zajisté jejich úsudek o dokonalosti českého jazyka dopadnout pro něj příliš příznivě» («Spisy a projevy Josefa Dobrovského», vydal B. Jedlička, sv. VII, Praha, 1936, s. 56).

вым и чувствительным организмом, который не переносит никакого произвольного вмешательства и насилия, глубоко понимая закономерности развития языка, Добровский подчеркивает необходимость принимать во внимание несколько основных факторов, без которых невозможно понимание закономерностей развития языка и его научное описание: 1. уважение к языковой традиции; 2. стабильность грамматической системы языка; 3. признание народа — как создателя языковых средств, а народного языка — как источника познания языка; 4. знание других славянских языков.

Обосновывая необходимость создания полного чешского словаря, Добровский предъявлял к лексикографам следующие требования: знание родного языка, знание того языка, на который делается перевод, понимание русского, польского и сербохорватского языков, знание общей и чешской грамматики, классической чешской литературы, а также знание народного языка (т. е. необходимость черпать материал из ценных источников родного языка — *sbírat materiál z pokladů vlastní materštiny*). При этом Добровский строго предупреждает: «Остерегайтесь без необходимости изобретать новые слова. Мы хотим иметь словарь, который существует в действительности. . . Нельзя создавать новые слова в период, когда современный чешский язык не употребляется для тех целей, которым он должен служить»²¹. Отсюда — его отрицательное отношение к словотворчеству Поля и др. При этом Й. Добровский допускает возможность образования новых слов, но в строгом соответствии с грамматикой (*podle analogie gramatiky*) и языковым узусом²². И хотя Й. Добровский, в отличие от второго поколения чешских «будителей», не мог решить вопроса о словарном составе чешского языка с точки зрения потребности национального движения, но и в этой области он принес много пользы, заставляя своих учеников и последователей изучать словарный запас древнечешского языка. Свои эксцерпции и эксцерпции своих друзей он предоста-

²¹ Böhmsche und Mährische Litteratur, s. 106.

²² «. . . Gramatik a lexikograf se . . . má dívat na jazykový uzus jako na základní zákon svých pravidel a nemá naprosto co činit s vynálezáním nových slov» («Böhmsche und Mährische Litteratur», s. 106).

вил в распоряжение Й. Юнгмана, за работой которого он следил с пониманием и восхищением.

В работах, посвященных словообразованию, Добровский занимался не только описанием словообразовательной системы чешского языка, но стремился постичь общие закономерности словообразования в славянских языках. Его основные работы, посвященные словообразованию²³, демонстрируют на материале чешского языка словообразовательные возможности славянских языков.

Кроме самостоятельной работы по словообразованию (*Bildsamkeit*) вопросы словообразования Й. Добровский рассматривает во введении к словарю Ф. Й. Томсы²⁴ и во вводной статье к собственному словарю²⁵.

Не порывая с традициями предшествующих грамматик (М. Бенешевского (1577), В. Бенедикта из Нудожер (1603) и особенно с грамматикой В. Росы и П. Долежела), Й. Добровский обнаруживает при анализе словообразовательной системы более научный подход, опирающийся на знание древних этапов в развитии языка, на знание диалектов и других славянских языков. Не удовлетворяясь одним только констатированием и классификацией языкового материала, Добровский стремится прежде всего к объяснению фактов, к созданию теории словообразовательных типов. Так реализовались теоретические принципы Й. Добровского в работах, предшествующих созданию его монументальной грамматики чешского языка.

Несмотря на то, что на начальном этапе национального возрождения по сравнению с предшествующим периодом «упадка» чешский язык почти не изменился, существенно изменилась потребность в литературном чешском языке, который бы отвечал все возрастающим нуждам нарождающейся нации. Поэтому деятели чешского возрождения, которые с самого начала видели в языке главнейший признак национальной общности, стремились к тому,

²³ *Dobrovský J.* Die Bildsamkeit der Slawischen Sprache an der Bildung der Substantive und Adjektive in der böhmischen Sprache dargestellt. Praha, 1799.

²⁴ *Tomša F. J.* Über den Ursprung und die Bildung der Slawischen Sprache. — Vollständiges Wörterbuch der böhmisch-deutsch — lateinischen Sprache. Praha, 1791.

²⁵ *Dobrovsky J.* Deutsch-böhmisch Wörterbuch, I, Praha, 1802.

чтобы общенародный чешский язык имел стабильную грамматическую структуру. Однако стабилизации языковой нормы в немалой степени препятствовало отсутствие целенаправленной, централизованной языковой политики, учитывающей внутренние закономерности развития литературного чешского языка. Поэтому теоретики и грамматисты начального периода возрождения под руководством Й. Добровского ищут прочную стабильную норму литературного языка в языке произведений второй половины XVI в. Отражением этих теоретических поисков являются вышедшие в конце XVIII в. грамматика Томсы²⁶, Пельцла²⁷ и Й. Добровского (1809 г.). Грамматика Томсы и Грамматика Пельцла, хотя они значительно отличались друг от друга, были написаны под несомненным влиянием Й. Добровского. Кодификация чешского языка, предложенная в грамматике Томсы, ближе к языковому узусу, который мы находим в произведениях XVIII в., в то время как грамматика Пельцла в языковом отношении очень консервативна. В ней последовательно сохраняется норма языка произведений XVI в., значительно архаизирующая фонетику, морфологию и правописание литературного языка периода возрождения.

С продуманной, четко сформулированной программой языкового возрождения выступил патриарх славистики Й. Добровский, деятельность которого в первый период чешского возрождения была особенно плодотворной и значительной. В созданных им трудах и особенно в первой «Подробной грамматике чешского языка» («Ausführliches Lehrgebäude der böhmischen Sprache» — 1 изд. 1809; 2 изд. 1819) Й. Добровский изложил и фактически реализовал свою программу возрождения чешского литературного языка.

Языковая кодификация Й. Добровского базируется на научном познании внутренних закономерностей развития чешского литературного языка, его грамматической структуры, тенденций словообразования. Так, в частности, Й. Добровский писал следующее: «Тот, кто хочет создавать новые слова, должен прежде всего изучить законы деривации. Лишь только совершенный знаток языка может отважиться на создание нового слова, при-

²⁶ *Tomsa F. J. Böhmishe Sprachlehre. 1782.*

²⁷ *Pelcl F. M. Grundsätze der böhmischen Grammatik. 1795.*

чем только в тех случаях, когда есть неотложная необходимость этого»²⁸.

Й. Добровский, как и другие выдающиеся деятели чешского возрождения, понял необходимость создания общенародного литературного языка как основной предпосылки для подъема чешской культуры и дальнейшего развития чешской нации.

Олицетворением и классическим примером образцового литературного языка для Й. Добровского был язык лучших произведений XVI в. (язык Кралицкой библии и произведений Д. А. Велеславина), который характеризовался стабильностью грамматической структуры, богатством выразительных средств, который был хорошо стилистически дифференцирован, был языком разнообразной в жанровом отношении литературы. Сформировавшийся на основе среднечешского наречия литературный чешский язык уже в XIV—XV вв. не обнаруживал значительных диалектных различий. Это свидетельствует о том, что в пределах чешских земель существовал более или менее единый тип литературного языка, который к концу XV и в XVI в. достигает значительной стабильности. Период с 1520 по 1620 г. называют «золотым», «классическим» периодом в развитии чешской литературы. Указанные обстоятельства объясняют стремление чешских «будителей» опереться на культурные достижения своих предков, использовать высокую книжную культуру добелогорского периода, ибо с этим периодом связано представление о расцвете чешского языка и литературы, о национальной самобытности и независимости чешского народа. Такой язык можно было противопоставить господствующему в XVII—XVIII вв. немецкому языку и чешским диалектам. Именно поэтому литературный язык XVI в. был сознательно положен в основу языка художественной литературы, науки, в основу единого литературного языка формирующейся нации в конце XVIII—начале XIX в.

Следовательно, характерной особенностью формирования литературного языка чешской нации является то, что в отличие от некоторых других славянских языков, национальный литературный чешский язык возник не на базе существующего живого разговорного языка

²⁸ «Die Bildsamkeit der slawischen Sprache», 1799, s. 9.

или же диалекта. В его основу был положен высоко развитый, нормализованный литературный чешский язык предшествующей эпохи, т. е. язык литературы XVI—начала XVII в. Таким образом, специфичность формирования языка чешской нации заключалась в прерывности его развития, в нарушении принципа последовательной гармоничности в эволюции литературного чешского языка, в необходимости на рубеже XVIII и XIX вв. возродить литературный язык старшей поры, письменно-литературную традицию XVI—начала XVII в.

Боязнь расшатать норму образцового литературного языка XVI в. не позволила Й. Добровскому и его последователям опереться на живой разговорный язык, хотя, вероятно, в конце XVIII в. уже существовал интердиалект, который впоследствии перерос рамки интердиалекта и в настоящее время, в XX в., проявляет тенденцию стать общенародным нелитературным разговорным языком (*obecná čeština*)²⁹. Однако следует помнить исторические рамки появления чешского интердиалекта. Это конец периода феодализма, т. е. период членения территории распространения чешского языка на феодальные княжества, жившие своей изолированной и автономной жизнью. Это обстоятельство скорее способствовало диалектной дифференциации, чем нивелировке диалектов и появлению интердиалектных образований³⁰. Поэтому интердиалект к XVIII в. не мог быть стабильным цельно-оформленным языковым образованием, способным служить основой литературного чешского языка.

Следует отметить, что, предлагая свою кодификацию, Й. Добровский шел на намеренную архаизацию норм литературного чешского языка. Он вводит, например, старое различие деепричастий по числам и родам, отсутствовавшее в языке Кралицкой библии и в произведениях А. Я. Коменского, устраняет множество диалектизмов и новообразований, проникших в язык на протяжении XVII—XVIII вв. За существительными мужского и среднего рода в тв. падеже мн. ч. и в некоторых других падежах снова закрепляются старые славянские

²⁹ *Bělič J. K otázce obecné češtiny. «Československé přednášky pro IV mezinárodní sjezd slavistů». Praha, 1958.*

³⁰ *Bělič J. K otázce vzniku nové spisovné češtiny. «Slovo a slovesnost», r. XII, 1950, s. 11.*

окончания (ср. ránu, domu, oknu), хотя в народном языке существовала уже совершенно определенная тенденция к их унификации; устанавливается различие полных прилагательных в им. п. мн. ч. по родам, хотя в народном языке форма прилагательных ср. р. совпадает с ж. р.; вводятся инфинитивы на *-ti* и т. д. С другой стороны, Добровский устраняет некоторые вышедшие из употребления явления: например, он пишет одно *l* (в некоторых грамматиках эпохи Возрождения, например, Ф. М. Пельцла, писалось два *l* (*l // t*)), ограничивает употребление форм двойственного числа и т. п.

Сказанное отнюдь не снижает значимости кодификации Й. Добровского для дальнейшей судьбы чешского литературного языка, не ставит под сомнение обоснованности принятого им решения. Хотя, разумеется, мы не можем игнорировать отличающиеся точки зрения на кодификацию, предложенную Й. Добровским, как его современниками, так и некоторыми учеными нашего времени.

Интересный анализ различных оценок кодификации Добровского как и самой кодификации (морфологической части) мы находим у А. Едлички, который обращает внимание на такие особенности этой кодификации, которые оставались вне поля зрения исследователей.

Так, академик Б. Гавранек в своей «Истории развития литературного чешского языка» в целом определяет кодификацию Й. Добровского как консервативную с указанием на то, что эта консервативность в полной мере соответствовала тенденции периода возрождения отличать литературный язык от повседневного разговорного языка³¹. Близкую точку зрения на характер кодификации Й. Добровского высказывает и Ф. Водичка, который отмечает, что «Добровский за исходное своей классификации берет высоко развитый язык велеславинского периода, а не «расшатанный узус» последующего периода»³².

Однако А. Едличка, соглашаясь в целом с правильностью приведенных выше определений, существенно дополняет ее, указывая на то, что исходные критерии языковой нормы велеславинского периода сталкива-

³¹ *Havránek B. Vývoj. . .*, s. 96.

³² *Vodička F. Počátky krásné prózy novočeské. Praha, 1948, s. 23.*

ются у Добровского с критерием языкового узуса и что именно под влиянием живого разговорного узуса Добровский нередко отходит от старой велеславинской нормы³³. Я. Белич также отмечает, что именно с учетом языкового узуса Й. Добровский отбросил неживые архаизмы своего времени³⁴.

Определяя кодификацию Добровского как целостное, хорошо дифференцированное и тонкое описание нормы литературного чешского языка, А. Едличка указывает и на то, что морфологическую норму чешского языка Добровский видит в динамике, как развивающийся процесс, о чем свидетельствуют многие приводимые им дублетные формы. При этом Добровский учитывает роль носителей языка и их социальную принадлежность, указывая, например, на то, что одни формы употребляются у представителей старшего поколения, другие — у младшего, третьи — у представителей народа. Добровский обращает также внимание на частоту тех или иных морфологических явлений, вскрывает факторы смысловые (связь окончания с семантикой имени существительного) и формальные (характер окончания, длина слов и др.), определяет системную корреспонденцию окончаний (например, корреспонденция окончаний форм род. *я* предл. падежей у неодушевленных существительных мужского рода типа *hrad*) и многие другие факторы, влияющие на морфологическую систему чешского языка³⁵.

Поэтому общее определение кодификации Добровского как архаической и консервативной, хотя и является правильным, но оно неполно и недостаточно, так как «исходная архаичность» кодификации ограничивается и дополняется принципом динамического подхода к изучению морфологической системы чешского языка.

С нашей точки зрения, кодификация Й. Добровского является следствием трезвой оценки реально существующей языковой ситуации Чехии в конце XVIII в.

Оценивая вклад Йозефа Добровского в изучение чешского языка, можно с полным основанием утверждать,

³³ *Jedlička A. Josef Dobrovský a tvaroslovná kodifikace spisovné češtiny. Sb. Studie o jazyce a literatuře národního obrození. Praha, 1959, s. 5—24.*

³⁴ *Bělič J. Sedm kapitol o češtině. Praha, 1955, s. 28.*

³⁵ *Jedlička A. Josef Dobrovský a tvaroslovná kodifikace. . . , s. 22.*

что он не только продолжил грамматические традиции предшествующего периода (достаточно сказать, что за период с начала XVI в. по 1804 г. было создано не менее 18 грамматик чешского языка), но и открыл новую эпоху научного изучения литературного чешского языка, создав первую научную грамматику чешского языка, в которой он описал основные закономерности грамматической системы чешского языка и осветил законы чешского словообразования.

Грамматика Й. Добровского отличается от всех предшествующих грамматик ясностью, точной систематичностью, великолепным знанием и строгим отбором фактов, умением собранные и проанализированные факты обобщить, установить правила и закономерности их функционирования, которые бы помогли читателю разобраться в сложной грамматической системе чешского языка³⁶.

Однако ценность его грамматики заключается не только в строгости и научности описания грамматических норм языка добелогорского периода, но и в том, что Добровский понял значение и необходимость развития и культивирования стабильного и полуфункционального литературного чешского языка XVI в., который он предпочел «распатанной норме» языка периода «упадка», изобилующего диалектизмами и германизмами. Отрицательное отношение к языку именно этого периода заставило Й. Добровского исключить из грамматики всякие колебания, в том числе и такие, которые довольно часто появлялись в сочинениях добелогорского периода. В этом подчеркивании единства и стабильности языка проявляется так называемая «классичность» Й. Добровского³⁷.

Необходимость строгой кодификации и нормализации чешского языка вызывалась также и состоянием первых «возрожденческих» грамматик, которые вышли до появления «Подробной грамматики чешского языка» Й. Добровского и которые с разной степенью полноты и объективности регистрировали диалектное членение чешского языка, а также характер диалектизмов, употреблявшихся в литературном чешском языке.

³⁶ Trávníček Fr. Význam Dobrovského pro vytváření národního jazyka. «Slavia», roč. XXIII, 1954, č. 2—3.

³⁷ Bělíř J. K otázce vzniku nové spisovné češtiny, s. 10.

Проведенный Фр. Цуржином анализ первых «возрожденческих грамматик с точки зрения употребления в них диалектных элементов определяет не только уровень грамматических описаний того времени, но также разное понимание и интерпретацию диалектного материала и элементов обиходно-разговорной речи, приводимых в грамматиках в качестве иллюстративного материала»³⁸.

С указанной точкой зрения анализу подвергались четыре грамматики начального периода возрождения: Ф. И. Томсы, Фр. М. Пельцла, Яна Неедлого и Й. Добровского.

Как уже указывалось, первым и достаточно подробным описанием грамматического строя чешского языка была грамматика Ф. И. Томсы³⁹, в которой были использованы материалы грамматики П. Долежала⁴⁰ и некоторых других авторов.

Как и Й. Добровский, Ф. И. Томса чувствовал диалектное членение и стилистическую дифференциацию чешского языка, живые языковые явления он стремился отделить от тех, которые встречаются у писателей, обращал внимание на их частотность и употребительность. Однако при описании диалектного материала Ф. И. Томса обнаружил как незнание диалектов, так и этимологии слов. Так, например, в фонетической части он указывает на мягкость и твердость согласных и связанную с ними дифференциацию между *i* и *y*, которой в чешских диалектах уже не было, на произношение *u* на месте *v* после гласных *a*, *e*, *o* (*stau*, *leu* — особенность северо-восточных чешских наречий).

Вообще же Ф. И. Томса часто не определяет территориальной принадлежности приводимых им диалектных примеров, указывая лишь на то, что «так встречается в повседневном языке». Например, отмечая произношение *chlíb* вм. *chléb*, *plíva* вм. *pléva* и т. п., он ограничивается лишь предупреждением, что «так нельзя писать», а рассматривая неправильное произношение протети-

³⁸ *Cuřin Fr.* Nářeční prvky v nejstarších obrozeneckých mluvniciích. «Stati k národnímu obrození», Universita Karlova, 1972, s. 7—25; *Cuřin Fr.* Kapitoly z dějin českých nářečí a místních a pomístních jmen. Praha, 1970; *Idem.* Studie z historické dialektologie a toponomastiky Čech. Praha, 1967.

³⁹ *Tomsa F. J.* Böhmishe Sprachlehre für Deutsche. Praha, 1782.

⁴⁰ *Doležal P.* Grammatica slavico-bohemica. 1746.

ческого *v* в словах *voda*, *vobes*, *voběd*, Томса рекомендует не отбрасывать начальный *v* в словах *voda*, *vorati* (= *orati*), *vosina* (= *osina*), *vorava* (= *otava*), ссылаясь на то, что в приводимых словах *v* является исконным.

В словообразовании Томса дает немного отсылок к диалектным явлениям, хотя делает интересные замечания о колебаниях в роде имен существительных (типа *obuĕ*, *osel*) и о различном звуковом виде дублетных форм типа *prsu/prsa*, *snídaní/snídaně* и др., характеризующих различные диалектные территории.

В морфологии Томса делает мало сравнений с обиходным языком и диалектами, хотя и здесь имеются любопытные утверждения типа: «в обиходном языке мужской и средний род множ. числа часто заменяются женским: *ty ráni*, *ty racholci*, *ty okna*» (с. 62—63).

Уже приведенные примеры достаточно красноречиво свидетельствуют об уровне грамматического описания. И хотя информации о диалектных и обиходно-разговорных элементах в грамматике Томсы содержится довольно много, они даются в самом общем виде, без диалектной дифференциации. Нередко на выбор диалектных элементов оказывало влияние то, что Томса являлся выходцем из восточнечешской области (отсюда инфинитив на *-t'*, причастие типа *sed'al* и др.).

В грамматике Фр. М. Пельцла⁴¹ содержится значительно меньше указаний на диалектные особенности чешского языка, хотя Пельцл обнаруживает знание других славянских языков (особенно польского и русского). Как уже указывалось, грамматика Пельцла является наиболее консервативной. По традиции Пельцл отмечает различное произношение мягких и твердых согласных (особенно губных, а также «мягкого» и твердого) *i* (*i* и *y*)), выделяет 2 типа *l*: твердое (*dunkel*), которое произносят мораване, словаки и поляки (*hlava*, *mlynář*) и нетвердое *l*, которое произносится как немецкое (*líce lidé*) и которое благодаря своей благозвучности у чехов вытеснило твердое *t*. В морфологии диалектные элементы Пельцл отмечает еще реже, указывая лишь на то, что в более «грубых» (*gröbere*) диалектах нет склонения существительных мягкой разновидности, так как последние там склоняются по образцу существительных твердой разно-

⁴¹ Pelcl F. M. Grundsätze der böhmischen Gramatik. 1795.

видности (otec — otca, muž — muža) и т. п. Кроме того, Пельцл отмечает, что односложные существительные женского рода с основой на *-t*, *-d* по-чешски произносятся с твердым *t*, *d*, а по-моравски — с мягким *ṭ*, *ḍ*: hut — huť, mast — mastí, lod — loď' т. п. (с. 44—45). При описании глагольных форм Пельцл замечает, что в 1 л. ед. ч. «в благородном и чистом литературном языке» употребляется окончание *i*, хотя простой народ (der Pöbel) говорит miluju, ranuju. Из грамматического описания Пельцла видно, что его интересовал в основном литературный язык (reine Schrift sprache); диалектный материал он не приводит даже из своего родного восточнечешского наречия ⁴².

Больше внимания диалектным элементам уделял в своей грамматике Ян Неедлы ⁴³, который обнаружил довольно приличное знание как диалектов, так и социальной дифференциации чешского языка. Неедлы выделяет три наречия: чешское, моравское и словацкое ⁴⁴, различает обиходно-разговорную речь (die gemeine Rede) и литературный язык (die Schriftsprache), обнаруживает знание архаизмов и так называемого «торжественного языка» (с. 196).

В фонетике, так же как и его предшественники, он выделяет мягкие губные перед *-ě* и *-i* и твердые губные перед *e*, *y*, мягкое и твердое *l*. Последнее, по его мнению, произносилось «грубо» и «широко» (grab, die natürlich), как до сих пор его произносят мораване и словаки в словах posel, hlava, slovo. При этом Я. Неедлы отмечает, что указанное различие в Чехии уже не наблюдается. По-видимому, Неедлы знал ганацкие наречия. Так, при описании *ó* он указывает, что оно встречается в междометиях, в иностранных словах и отчасти в Моравии. Об этом же свидетельствует его указание на то, что в Моравии и Словакии «живет долгое *ú*».

Неедлы знал и некоторые собственно чешские диалектные особенности, он писал, что в Чехии *é* изменяется в *í* (dobré — dobrý), а *y* → *ej* (dobrý → dobrej), что в начале слова перед гласным появляется протетическое *v* (vokno) и др.

⁴² *Cuřín Fr.* Op. cit., s. 14.

⁴³ *Nejedlý Jan* (von Johann Nejedlý). *Practische böhmische Gramatik für Deutsche.* Praha, 1809.

⁴⁴ Я. Неедлы словацкий язык считал одним из чешских диалектов.

В разделах, посвященных словообразованию и морфологии, Я. Неедлы, как и Томса, указывает на колебание в роде некоторых существительных (*chrast-* в Чехии ж. р., в Моравии — муж. р.), и в связи с этим на изменение звукового вида слов (*břich* — *břicho*), обращает внимание на то, что в обиходно-разговорной речи у существительных муж. рода (особено после *h*, *ch*, *k*, *r*) появляется окончание *-ách* (*hrách* — *hráchách*, *potok* — *potokách*), а в твор. падеже множ. ч. — окончание *-ami*, *-ama* вместо *-i* (с. 61). При этом Неедлы не рекомендует переносить указанные явления в литературный язык. Я. Неедлы чаще, чем другие авторы, обращается к живому разговорному языку. Он указывает, например, что у притяжательных прилагательных на *-ův*, *-ova*, *-ovo* употребляется несклоняемая форма на *-ovic* (*sládkovic syn*, *dcera*) (134—138), что числительные имеют формы *dvouch*, *obouch*, *dvoum*, *oboum*, *dvouma*, *obouma*, что инфинитивы на *-ci* в разговорном языке оканчиваются на *-ct* (*říct*, *mocit*), что у причастий прошедшего времени отпадает *-l* (*řek*, *pad*) (с. 191), что вместо вспомогательной формы *bychom* можно услышать *bychme*, *bysme* и т. д. Почти во всех случаях Неедлы говорит об общем обиходном языке (*obecná řeč*), не выделяя отдельных диалектных областей и, по-видимому, включая в «обиходную речь» моравские диалектные области.

Й. Добровский в своей «Подробной грамматике чешского языка» приводит самый обширный диалектный материал, который ему был известен из чешских грамматик и из собственного опыта (он три года жил в Оломоуце, хорошо знал словацкий язык и славянские языки).

Й. Добровский сразу же обратил внимание на то, что чехи любят «более высокие» и «более тонкие» гласные, т. е. *e* вместо *o*, *a* и что этим чешский язык отличается от словацкого языка и отчасти от моравских диалектов. Описывая мягкие губные, Добровский констатирует, что у чехов эта мягкость не так очевидна, как у русских и поляков, что чехи отличаются от словаков наличием изменения *-aj* в *-ej* т. п. При описании словообразования и морфологии — разделы грамматики, которые по сравнению с другими грамматистами у Добровского представлены наиболее полно, — Добровский отмечал различия не только между Чехией и Моравией, но и между отдельными диалектами. Некоторые описываемые им различия

касаются целых категорий. Ср., например, утверждение, что для Моравии типичными являются существительные женского рода, основа которых оканчивается на мягкий согласный, в то время как в Чехии эти же имена оканчиваются на твердый согласный (*starost'* — *starost*, *milost'* — *milost*, *deň* — *den*, *kámeň* — *kámen* т. п.). Различия между Чехией и Моравией наблюдаются также, по мнению Добровского, в роде существительных, причем в отдельных областях это связано с формой имени. Например, в Чехии существительные *šat*, *příkor*, *sáh* — мужского рода, в то время как в Моравии они женского рода: *šata*, *příkora*, *sáha*.

В морфологии Добровский также отмечает довольно большое количество диалектных различий, делает много замечаний и по поводу форм обиходно-разговорного языка. Он, например, указывает, что в обиходном языке наряду с *hory*, *prsy*, *oblaky* говорится *hora*, *prsa*, *oblaka*, что там употребляются формы *v dluhách*, *na rohách*, *v hříchách*, *městách*, *místách*; *piju*, *myju*, *mažu* вместо *piji*, *myji*, *maži* (стр. 552), *napnul*, *napnout*, *najmul*, *najmout*, *utnul*, *utnout* (556); *vidějí*, *slyšejí* вместо *vidí*, *slyší*; *peč*, *vleč*, *tluč* вместо *pec*, *vlec*, *tluc*; *mocť*, *říct* вместо *moci*, *říci* и т. п.

О различиях в собственно чешских областях Добровский говорит мало. Некоторые чисто диалектные явления он выдает за общечешские (например, *sládkovic syn*, *přál/příl*, *vál/víl*).

Сравнение четырех грамматик чешского языка (из которых три предназначались для немцев), написанных в первый период возрождения, обнаруживает прежде всего различия между авторами. Между Пельцлем и тремя другими авторами различие заключается в объеме приводимого диалектного материала, различие между тремя остальными авторами заключается как в отборе материала, в выборе конкретных примеров, так и в их интерпретации, в степени определения их локализованности и употребительности.

На основании анализа диалектного материала, содержащегося в четырех грамматиках, нельзя составить точного представления о диалектном членении чешского языка рассматриваемого периода, о степени употребительности и географической распространенности даже тех явлений, которые отмечаются большинством авторов.

Указанная ситуация лишней раз подтверждает правильность поисков в период возрождения такой кодификации чешского языка, которая бы опиралась на прочную, стабилизированную, научно обоснованную грамматическую систему.

В свете сказанного становится понятным, почему Й. Добровский не ограничился устранением колебаний, которые характеризовали современный ему чешский язык, но попытался установить закономерности и провести нормализацию там, где она отсутствовала в языке произведений добелогорского периода. Это касается употребления форм деепричастий, различения форм 3 л. мн. ч. глаголов в настоящем времени (*hledí, honí, no umějí, válejí*) и некоторых других явлений.

Й. Добровский провел также изменения и в области правописания. Он отходит от системы «братского» правописания (т. е. от системы правописания, узаконенной «чешскими братьями»). Поэтому после *c, z, s* он пишет *i* и *í* только в тех случаях, где это обусловлено требованиями этимологии и морфологической структуры слова (т. е. в дат. пад. ед. ч.; *otci, knězi*, в им. п. мн. ч.: *vojáci*, у относительно-притяжательных прилагательных типа *psí, kozí, telecí*, у глаголов, оканчивающихся в 1 л. ед. ч. на *-ím*: *prosím, vozím* и т. п.).

При описании грамматического строя литературного чешского языка, при классификации категорий и форм, характеристике словообразования, а также при изменении правописания Й. Добровский обнаруживает исключительное понимание системного характера языка.

Кодификация Й. Добровского была горячо принята и ревностно охранялась многими выдающимися деятелями возрождения. Так, Й. Юнгман, оценивая достоинства грамматики Й. Добровского, писал: «Он (Добровский) является основательным исправителем или лучше сказать создателем чешской грамматики, которая может служить образцом для многих других языков. Более новые грамматики хорошими являются только в той степени, в какой они исходят из ее основ»⁴⁵. Попытки приблизить литературный язык к диалектам, использовать элементы народной речи наталкивались в то время на ка-

⁴⁵ *Jungmann J. Historie literatury české, 2. vyd. Praha, 1849, s. 359.*

тегорические протесты, так как деятели возрождения, группировавшиеся вокруг Добровского, образцом литературного языка с точки зрения звукового состава и грамматики (а для Добровского — и лексики) считали язык литературы XVI в. Этой же точки зрения на основу литературного чешского языка придерживались и некоторые выдающиеся деятели 2-го периода чешского возрождения.

Так, в 1832 г. в статье «О различиях чешского литературного языка» Юнгман писал: «Сочинения XVI в., а среди них на первом месте Кралицкая библия, национальная сокровищница нашего народа, должны считаться источником и законом для письменного языка в Чехии, в Моравии и в Венгрии»⁴⁶.

Нормализация и даже частичная архаизация литературного языка в первый период возрождения была возможна и потому, что литературный чешский язык был почти исключительно книжным и отношение к нему со стороны теоретиков было научно-объективистским: к нему относились как к готовой, законченной системе. Разговорной формы литературного языка в конце XVIII в. и в начале XIX в. еще не было. Она возникла не раньше середины XIX в., когда литературный язык начал проникать в различные сферы общественной и культурной жизни⁴⁷.

Представители первого поколения чешских «будителей» в повседневной практике чешским языком не пользовались. На чешском языке писалась популярная литература, предназначенная для народа. Для нее было вполне достаточно выразительных средств языка предшествующих периодов. Поэтому усилия первого поколения «будителей» были направлены прежде всего на совершенствование грамматического строя чешского языка. Недостатки других сторон языка (включая словарный состав) не находились в центре их внимания, что в известной степени определялось отрицательным отношением чешских «будителей» к дилетантскому пуризму и индивидуальному словотворчеству деятелей предшествующего периода. Однако основной причиной их невнимания к лек-

⁴⁶ Jungmann J. O různění českého písemního jazyka. — *Časopis českého muzea*, roč. VI, sv. 2. Praha, 1832, s. 169.

⁴⁷ Bělič J. K otázce vzniku nové spisovné češtiny, s. 14.

сической стороне языка является внеязыковая социальная действительность: потребности в создании новых слов либо не было, либо эта потребность еще не осознавалась⁴⁸.

Благодаря огромным знаниям и авторитету Й. Добровского его кодификация литературного чешского языка удерживалась на протяжении всего XIX века. В конце XIX в. она была положена в основу описания современного чешского материала в «Исторической грамматике чешского языка» Я. Гебауэра.

Однако заслуженное право называться патриархом славистики Добровский завоевал не только своими работами по чешскому языку. Й. Добровский является основоположником научного изучения славянства, славистики как науки, зачинателем сравнительного и исторического изучения славянских языков. Базой для такого изучения было не только критическое отношение к историческим источникам, унаследованное им от его учителя Г. Добнера, не только необычайный интерес к изучению библейских славянских текстов (прежде всего древнечешских и церковнославянских), который Добровскому привил его учитель В. Ф. Дурих, но и удивительное для того времени знание всех славянских языков.

Следует подчеркнуть, что Й. Добровский придавал большое значение изучению развития родственных славянских языков. На первое место он ставил знание старославянского и русского языков. Стремление к изучению славянских языков, к установлению контактов со славянскими народами является второй существенной стороной чешского возрождения, так как идея славянского родства, славянской общности и взаимности помогала формированию чешского национального самосознания.

Кроме чешского языка, который был предметом подробного изучения как в историческом плане, так и с точки зрения современного состояния, в центре внимания Йозефа Добровского находился церковнославянский язык, знание которого он считал необходимой предпосылкой для научной подготовки каждого слависта. В письме В. Копитару в 1809 г. он писал: «Со своими учениками, которые изучают языки как филологию, я начи-

⁴⁸ Там же, с. 16.

наю всегда со старославянского языка, и с большой пользой. . . Только таким путем можно стать серьезным славистом»⁴⁹.

Работы Й. Добровского по церковнославянскому языку начинают выходить с 1790 г. Изучение библейских церковнославянских текстов, разночтений церковнославянских переводов Нового Завета, их описание, — все это является подготовительным этапом для создания фундаментальной работы по грамматике церковнославянского языка и для изучения деятельности славянских просветителей Кирилла и Мефодия. В 1822 г. выходит его монументальная работа «*Institutiones linguae Slavicae dialecti veteris*» (которая была подготовлена к печати еще в 1811 г.).

Грамматика церковнославянского языка Й. Добровского открыла путь к научному изучению церковнославянского языка и его памятников, хотя и она имеет свои недостатки, так как Добровский не знал некоторых древнейших старославянских рукописей. Но, несмотря на отдельные недостатки, *Institutiones* Й. Добровского, как и *Ausführliches Lehrgebäude der Böhmischen Sprache* (наряду с целым рядом других работ), заложили основу теоретического изучения грамматики славянских языков, и на долгое время стали образцом, по которому писались грамматики других славянских языков, в частности, грамматика русского языка А. Пухмайера «*Lehrgebäude der Russischen Sprache*» (1820), грамматика славенского языка Метелки («*Lehrgebäude der Slowenischen Sprache*», 1825), грамматика польского языка Й. Бандтке («*Polnische Gramatik*»), автор которой посвятил свой труд Й. Добровскому.

После выхода *Institutiones* и по образцу обеих грамматик Й. Добровского большую грамматику сербского языка готовился написать Вук Караджич.

На развитие чешской национальной культуры и пробуждение у чехов славянского самосознания огромное влияние оказали чешско-русские культурные связи. Для Й. Добровского и других деятелей чешского возрождения русский язык был языком великого народа, носителя славных культурных и исторических традиций, народа, который уже тогда был для всех славян опорой, народом-

⁴⁹ Briefwechsel zwischen Dobrowsky und Kopitar, ed. Jagić V., S. 22.

освободителем. Симпатии чешских читателей к русскому народу и языку Добровский и другие деятели возрождения стремились усилить в своих славистических работах.

В 1792 г. Й. Добровский предпринял путешествие в Россию, которое явилось серьезным рубежом не только в его жизни, но и в истории культурных и политических устремлений чешского народа. Это путешествие имело огромное значение для формирования отношения Добровского и других деятелей чешского возрождения к России и русскому народу, оно вызвало у них большой интерес ко всему русскому, уважение к величию и силе русского народа. Вера Добровского в великую миссию славян в результате этой поездки усилилась. Добровский установил и поддерживал с русскими учеными живые контакты. В 1820 г. он был избран членом Российской академии наук.

Поездка в Россию позволила Добровскому усовершенствовать знание русского языка, которое он считал необходимым компонентом славистического образования. Поэтому своих учеников он заставлял интенсивно заниматься русским языком и радовался их успехам. В 1795 г. он пишет Дуриху о своих учениках, которые усердно занимаются русским языком и которые «способны хорошо переводить цветы русской поэзии на чешский язык»⁵⁰.

Й. Добровский стремился пропагандировать русский язык и в широких читательских кругах своего *Cestopisu* (описание путешествия). С этой целью в 1796 г. он присоединил к *Cestopisu* комментированную и исправленную русскую и чешскую часть из большого многоязычного словаря Петербургской академии наук («*Glossarium comparativum totius orbis*»). Й. Добровский назвал это добавление «Сравнение русской и чешской речи» (*Vergleichung der Russischen und Böhmischen Sprache*), имея при этом в виду не только чисто научную цель, но и пропагандистскую. Для объяснения значения слов кроме русской и чешской части Й. Добровский взял также немецкие и латинские параллели, а к большей части слов присоединил критические замечания, исправления и дополнения. Своим «Сравнением русской и чешской речи» Й. Добровский хотел на большей части славянского материала показать, какие перспективы открывает такой словарь

⁵⁰ *Dobrovský J. Rossica. Spisy a projevy. Praha, 1953.*

для сравнительного изучения родственных славянских языков.

Позже во второй части *Slovanky* («Славянки», 1815) он написал на этот словарь рецензию, в которой указывает на неполноту, неточность, а иногда неправильность собранного материала. В нескольких своих замечаниях Добровский обращает внимание на происхождение некоторых лексических особенностей русского языка (в частности, указывает на неславянское происхождение слова *глаз*, наряду с которым употребляется славянское слово *око*.)

Несколько лет спустя в связи с пребыванием русских войск на территории Чехии Й. Добровский написал также практический учебник русского языка (1799), вышедший под названием «Новое пособие, как лучше понимать русский язык» (*Neues Hilfsmittel die russische Sprache leichter zu verstehen, vorzüglich für Böhmen, zum Teilauch für Deutsche*). Написание этого пособия было вызвано как потребностью чешского населения общаться с русскими войсками, так и желанием автора подчеркнуть, какое значение для формирования славянского самосознания имеет общение обоих славянских народов. В этом пособии Й. Добровский дает чехам необходимую информацию о различиях и совпадениях между русским и чешским языками. Хотя Добровский внимательно следил за грамматической литературой о русском языке, он не решился свое практическое пособие при его повторном издании переработать сам и написать систематическую грамматику русского языка.

Задачу написания такой грамматики в духе принципов Добровского взял на себя А. Пухмайер: в 1820 г. вышла в свет его «Грамматика русского языка» с предисловием Й. Добровского⁵¹. Эта грамматика использовалась в качестве пособия по изучению русского языка в высших учебных заведениях на протяжении многих лет. Так, в частности, она была рекомендована для изучения русского языка еще и Бодуэном де Куртене⁵².

Научная грамматика русского языка А. Пухмайера — это солидная работа. Хорошее знание чешского

⁵¹ *Puchmajer A. Lehrgebäude der russischen Sprache. Nach dem J. Dobrowsky. 1820.*

⁵² *Dobrowsky J. Rossica, s. 14.*

языка и теоретических принципов Добровского позволили автору глубоко проникнуть в особенности русского языка. К грамматике Пухмайера Й. Добровский написал предисловие с подзаголовком «Litteratur der russischen Sprachlehren». В начале предисловия Добровский коротко информирует читателей о происхождении имени Рус. Начало русского литературного языка Добровский видит в постепенном проникновении древнерусских элементов в памятники, написанные церковнославянским языком, к которым он относил и «Русскую правду» и «Слово о полку Игореве», а также древние грамоты и летописи⁵³.

Интерес Й. Добровского к русскому языку и к грамматическим исследованиям по нему был так велик и постоянен, что он подвергает критической оценке все выходящие по русскому языку грамматики и практические пособия, обращая особое внимание на описание словоизменения. Из грамматических трудов, написанных нерусскими авторами, Добровский очень ценил «Практическую грамматику» Й. Фатера. Наибольшим признанием Добровского однако пользовалась «Грамматика русского языка» его ученика А. Пухмайера. Свидетельством большого интереса к русскому языку является также рецензия Добровского на шеститомный Словарь Академии Российской, опубликованная в венском издании «Jahrbücher der Litteratur», 1825 г. (т. 2, стр. 55—70). В различных своих работах Добровский уделял внимание также частным вопросам русистики, особенно связанным с проблематикой классификации славянских языков.

Й. Добровский, будучи отличным знатоком древнерусских литературных памятников, оказывал существенную помощь своим ученикам, в частности Й. Мюллеру, при переводе «Слова о полку Игореве» и «Хроники Нестора» на немецкий язык. По инициативе Добровского «Слово о полку Игореве» было переведено Й. Юнгманом также и на чешский язык, хотя в рукописном виде этот перевод пролежал до 1932 года (когда он был издан В. А. Францевым)⁵⁴.

Интересу Й. Добровского к русскому языку способствовали и его личные контакты с русскими учеными,

⁵³ Dobrovsky J. Rossica, s. 19.

⁵⁴ Slovo o pluku Igorově. Ruský text v transkripci, český překlad a výklady J. Jungmanna z roku 1810. Vydal a úvodem opatřil V. A. Francev. Praha, 1932.

которые в Й. Добровском видели прежде всего выдающегося знатока старославянского и церковнославянского языков, работы которого в России внимательно изучались и переводились. Оценивая в целом вклад Й. Добровского в изучение русского языка, следует сказать, что и в этой области он был первопроходцем, который, находясь на пороге чешского возрождения, одним из первых осознал величие русского народа и значение русской культуры для всех славян; в русском народе он видел ядро славянства, а в культурном и политическом сотрудничестве русского и чешского народов — опору для формирующейся чешской нации.

Однако интересы Й. Добровского не ограничивались изучением только церковнославянского, старославянского, чешского и русского языков. Журналы «Славин» (1806) и «Словянка» (1814 и 1815 гг.), а также его многочисленные рецензии отражают широту славистических интересов Й. Добровского. Особенно его интересовали серболужицкие языки, с которыми он начал знакомиться уже в самом начале своей научной деятельности и изучение которых он завершил во время своего пребывания в Лужице в 1823 г.

Довольно много внимания Добровский уделял также изучению языка полабских славян, примерами из которого он дополняет Словарь Петербургской Академии наук, а также изучение польского языка и древнепольских памятников, о чем свидетельствует проведенный им критический анализ словаря Линде и обширная корреспонденция с Й. С. Бандтке⁵⁵. Й. Добровский проявлял также интерес к украинскому языку. Обширные знания Й. Добровского позволили ему установить тесное родство славянских языков и диалектов, и определить их отношение к другим индоевропейским языкам. Й. Добровский окончательно установил, что церковнославянский язык является лишь братом, а не отцом славянских языков, внося, таким образом, существенную поправку в точку зрения Шлозера и других⁵⁶.

Определяя историческую роль Й. Добровского для первого периода чешского возрождения, для начального периода формирования чешской нации, можно с полным

⁵⁵ Glagolitica. Über die glagolitische Litteratur. Slavín, 1807.

⁵⁶ «Josef Dobrovský», s. 100.

правом сказать, что Й. Добровский был основоположником нового литературного языка чешской нации, его нормализатором и кодификатором, создателем славянского языкознания. Добровский во многом опередил не только своих предшественников, но и своих последователей. Научно, строго критически, с необычайной методической точностью и требовательностью оперируя огромным фактическим материалом, Й. Добровский соединил в себе рационалиста-систематика и критического эмпирика. Принципиально новое понимание задач науки, возникающей в условиях изменяющихся общественных отношений, науки, способной служить на благо народа, Й. Добровский прививал и своим ученикам, которые тогда объединялись в «Ученом обществе» («Učená společnost»), превращенном затем в «Чешское королевское общество наук». И хотя по своему таланту, знаниям и широте интересов Й. Добровский намного превосходил своих учеников, они для него были серьезной опорой и импульсом в работе.

Удивительное для того времени знание славянских языков и славянских памятников позволило Й. Добровскому заложить основы сравнительно-исторического изучения славянских языков.

Говоря о величии Йозефа Добровского, нельзя не присоединиться к той оценке, которую его деятельности дал академик Эд. Неядлы: «Из его произведений исходило что-то такое, что всему придавало глубоко национальный характер. На первом месте находилось изучение славянских языков и литератур и вообще славянских народов, благодаря которому он стал и по настоящее время является общепризнанным и уважаемым основоположником и патриархом славистики»⁵⁷.

С именем Й. Добровского связан и огромный размах в развитии возрожденческой литературы, написанной на чешском языке. Можно считать символическим то обстоятельство, что поэтическая школа А. Пухмайера уже первый том своего «Собрания стихотворений и напевов», вышедший в 1795 г., посвятила Й. Добровскому, так как в его трудах они видели самые сильные импульсы для своих поэтических усилий в борьбе за новую чешскую

⁵⁷ Nejedlý Z. Z dějin národa českého. d. I. Praha, 1949.

литературу, которую они хотели поставить на службу пробуждающемуся национальному движению.

Молодая поэтическая школа А. Пухмайера хорошо знала идеи Добровского; она стремилась воплотить эти идеи в своей практике. Первые чешские поэты пухмайеровской генерации (братья Ян и Войтех Неедлы, Гневковский и еще около 30 поэтов) сочиняют для своих «Альманахов» стихи (вышло 5 томов 1785—1814) в соответствии с принципами, установленными Добровским, который указал на необходимость создания стихов на ритмической основе: чешский ритм должен основываться на чередовании ударных и безударных слов. В связи с этим Й. Добровский описал правила чешского ударения, правила переноса ударения на предлоги и употребления безударных слов, которые в отношении ударения должны примыкать к ударным словам.

Представители новой поэтической школы сначала ставили перед собой скромные цели: они удовлетворялись переводами и поэтическим оформлением славянской поэзии (прежде всего русской и польской), а также немецкой и французской. Многие их переводы и сочинения не достигли поэтических высот, оставаясь на уровне народных песен. Талантливые переводчики и поэты (Й. Юнгман, Ян Колар, Фр. Л. Челаковский и др.), принесшие славу чешской литературе, относятся уже ко второму поколению чешских «будителей».

Деятельность первого поколения «будителей», а также работы Й. Добровского в области богемистики и славистики открыли дорогу к практическим целям второго, юнгмановского поколения чешских «будителей». Задачи первого поколения деятелей чешского возрождения, заключавшиеся в возрождении литературного чешского языка, в укреплении языковой основы чешской литературы, в формировании национального самосознания, в установлении связи между славянскими народами, были выполнены.

Интересы консолидации чешского народа, его полнокровного социально-экономического и культурного развития требовали завершения стабилизации нормы чешского литературного языка, превращения его в полифункциональный язык, являющийся средством коммуникации формирующейся чешской нации. Выполнение данных задач находилось в центре внимания нового поколе-

ния патриотов-будителей, выступивших на арену социально-экономической, политической и культурной деятельности на втором этапе национального возрождения.

Изменения в языковой ситуации, наблюдаемые в этот период, во многом были predeterminedены социально-политическими и экономическими сдвигами, произошедшими в жизни Чехии первой половины XIX в.

Отмена крепостничества, ускорившая кризис феодальной системы, становление капиталистического уклада, разорение крестьянства обусловили массовый приток в города сельского населения, пополнившего прежде всего ряды городского пролетариата и отчасти мелкой буржуазии. Так, например, судя по статистическим данным⁵⁸, в 1780—1840 гг. количество крестьян (по сравнению с предшествующим периодом) возросло лишь на 9%, чиновников и вообще представителей средних слоев населения — на 192%. Если же мы учтем, что в послебелогорский период крестьянство являлось основным носителем чешского языка, то для нас станет вполне очевидным, насколько увеличилась прослойка горожан, говорящих по-чешски.

Таким образом, постепенно чешский язык становится средством повседневного общения не только на селе, но и в городе. Именно крестьянство, городской пролетариат, зарождающаяся мелкая буржуазия, формирующаяся интеллигенция становятся социальной опорой чешского национального возрождения, получившего в начале XIX в. характер массового движения, являющегося своеобразной формой национально-освободительной и социальной борьбы.

Важной приметой этого времени было формирование национальной, демократической, прогрессивно мыслящей интеллигенции, активно владеющей чешским языком. В основной своей массе новая интеллигенция была представлена выходцами из крестьянства, со всей остротой испытавшего тяжесть социального бесправия и национального гнета.

Ярким примером этого рода является судьба выдающегося представителя новой демократической интеллигенции Й. Юнгмана. Юнгман родился в 1773 г. в с. Гуд-

⁵⁸ Ср.: Říha O. Hospodářský a sociálně politický vývoj Československa. Praha, 1946, s. 12.

лице у Бероуна в семье сапожника, бывшего также одновременно церковным сторожем. Будучи шестым из десяти детей, Юнгман рано познал нужду. Зачастую ему приходилось зарабатывать себе на жизнь частными уроками, репетиторством в богатых семьях. По своему социальному положению Юнгман был крепостным и лишь в возрасте 26 лет, после завершения высшего образования, был освобожден из крепостной зависимости. Несмотря на достигнутое им положение в обществе (был деканом философского факультета и ректором Карлова университета), Юнгман сохранил горячую любовь к простому народу — основному хранителю чешского языка и национальных традиций. Именно народное поэтическое творчество и язык сельского населения явились прочной основой чешского национального возрождения.

Таким образом, в первой половине XIX в. отмечаются важные качественные изменения в социальном составе активных носителей чешского языка. Так, если раньше речь могла идти лишь о крестьянах как хранителях языковой традиции, то теперь, как уже говорилось, чешский язык становится средством повседневного общения также городского пролетариата, ремесленничества, мелких торговцев, интеллигенции (учителей, духовенства и пр.).

Заслуживает внимания факт увеличения о б щ е й ч и с л е н н о с т и носителей чешского языка. Немалую роль в этом процессе сыграли успехи, достигнутые национально-освободительным движением, в частности, постепенное проникновение чешского языка в сферу образования — в школы, гимназии, университеты. Впрочем, о неполноте и частичности этих побед красноречиво свидетельствуют, например, такие факты: в 1848 г. обучение чешскому языку было введено лишь в 10 гимназиях; с 1854 г. на чешском языке в гимназиях изучались лишь закон божий и чешский язык. Только после падения абсолютизма в 1864 г. чешский и немецкий языки были уравнены в правах как в начальной, так и в средней школе⁵⁹.

Представители передовой, патриотической интеллигенции подвергались гонениям и строгой цензуре. «Родной наш язык, — говорил Фр. Палацкий, — не звучит

⁵⁹ Ср.: *Jelínek J. Nástin dějin vyučování českému jazyku v letech 1774—1918. Praha, 1972, s. 31.*

публично ни в высшей школе, ни в канцеляриях земского правительства, ни в собраниях образованных сословий»⁶⁰. Невзирая на противодействие властей, «будители» самоотверженно организовывали бесплатные курсы и семинары по изучению литературного чешского языка в школах и гимназиях, много времени и внимания уделял этой деятельности и сам Юнгман.

Важно подчеркнуть, что популяризация и распространение знания чешского литературного языка, обучение ему стали возможными благодаря кодификации грамматического строя, осуществленной Й. Добровским. Авторитет последнего оказал огромное влияние и на авторов многочисленных грамматик литературного чешского языка, вышедших в то время и являвшихся подспорьем в процессе обучения родному языку. Так, Юнгман говорил: «Мы имеем более пятидесяти грамматик чешского языка, при этом непрерывно появляются все новые и новые. Скажу откровенно: все они хороши лишь в том случае, если придерживаются грамматики Добровского»⁶¹.

Специфической особенностью этого периода является постепенное расширение сферы применения чешского литературного языка. Так, в частности, последний снова начинает использоваться в качестве языка художественной литературы. Напомним, что в XVII—XVIII вв. на чешском языке создавалась лишь так называемая «народная литература», включавшая религиозно-дидактические сочинения, адресованные, главным образом, сельскому читателю, не владевшему немецким языком.

Важно подчеркнуть, что расширение функций чешского литературного языка не было стихийным процессом, оно явилось результатом целенаправленной деятельности «будителей» и, в частности, Й. Юнгмана, стремившихся превратить литературный чешский язык в средство создания национальной культуры в полном смысле этого слова, чтобы «каждый культурный чех мог читать чешскую художественную литературу и познавать мир путем чтения чешских специальных книг»⁶².

Выход периодических журналов, газет, альманахов на чешском языке позволил будителям обращаться не-

⁶⁰ *Palacký Fr. Slovo k vlastencům, Spisy drobné, III. Praha, 1902, s. 272.*

⁶¹ *Jungmann J. Slovesnost. Praha, 1846, s. 6.*

⁶² *Havránek B. Studie o spisovném jazyce. Praha, 1963, s. 196.*

посредственно к народу, воспитывать чувство национального самосознания, национальной гордости у широких читательских масс. Органы печати помещали публикации о различных патриотических акциях, жертвованиях, приносимых на благо национального возрождения. Заметим, что Юнгман придавал большое значение роли публицистики в деле консолидации чешского народа, воздействия на развитие языка, литературы и науки.

Восстановление национальной драматургии, появление произведений так называемых высоких жанров (поэм, од, трагедий и пр.), проникновение литературного чешского языка на театральные подмостки, возникновение публицистики, а несколько позже и научной прозы на чешском языке — важные приметы этого этапа возрождения, отчетливо свидетельствующие о восстановлении прерванных традиций культурного творчества на чешском языке.

Подытоживая, можно сказать, что языковая ситуация второго этапа чешского национального возрождения характеризуется следующими специфическими особенностями: а) возрастание численности носителей чешского литературного языка; б) изменение качественного состава активных носителей языка (приток сельского населения в города, обусловивший увеличение прослойки горожан, говорящих по-чешски; формирование новой, демократической интеллигенции); в) расширение функций чешского литературного языка (восстановление традиции написания произведений художественной литературы, возникновение научной прозы, журналистики и пр.).

Расширение функций чешского литературного языка в связи со все возрастающими коммуникативными потребностями общества обусловило необходимость не только стабилизации, но и обогащения словарного состава языка. Чешскому литературному языку становятся тесными рамки языка XVI в., которые уже не отвечают запросам нового времени, поэтому второе поколение «будителей» выдвигает задачу значительного пополнения лексики языка.

Честь создания языковой программы, отражающей насущные нужды нового периода формирования чешской нации, по праву принадлежит Йозефу Юнгману, разработавшему четкую и вполне современную концепцию национального литературного языка, являющуюся резуль-

татом анализа существующей социально-политической и языковой ситуации. Именно Юнгман был идейным вождем и вдохновителем нового поколения «будителей», поэтому неслучайно, что и весь второй этап возрождения зачастую определяется как этап юнгмановский.

Появление программных сочинений Й. Юнгмана оказало огромное влияние на формирование общественного мировоззрения деятелей чешского национального возрождения. Мы имеем в виду «Словесность» (1820), «Историю чешской литературы» (1826), статьи «О классичности в литературе вообще и в чешской литературе в особенности» (1827) и некоторые другие. Впрочем, свое общественное кредо Юнгман изложил значительно раньше — в знаменитых беседах «О чешском языке», вышедших в 1806 г. в журнале «Hlasatel český». Данное сочинение, по сути дела, явилось памфлетом, обличающим политику национального и социального гнета. Упомянутая работа принесла автору известность, высказанные в ней смелые мысли, общий патриотический пафос нашли отклик в сердцах соотечественников. Отдельные пассажи бесед поражают современного читателя силой социального обличения. Ср.: «Народ является чешским, господа — те пусть себе говорят по-французски или по-халдейски (более умные любят язык своего народа). Что от этого? Народ считает их теми, за кого они себя выдают — иностранцами, и поэтому тем меньше их любит, чем хуже они к нему относятся. Однако плохо их характеризует то, что они с подданными своими говорят через переводчиков. Это все равно, что слушать чужими ушами, есть чужими руками, пользоваться чужими глазами и ногами, как будто бы они слепые или хромые. Что же тогда говорить о тех ловких обезьянках среди низших слоев, которые думают, что, если они не умеют по-чешски, то сразу же станут господами, которые чешский язык считают крестьянским? Несчастные! Они не знают, что каждый язык в своей отчизне является сельским, и что крестьянин является самым главным жителем страны и что именно он мог бы им сказать: «Что же это визжит около моей головы? Я вас кормлю и, если вы люди, как я, то говорите так, чтобы я вас понимал»⁶³. Как мы видим, в сложившейся

⁶³ Jungmann J. O jazyku českém, II. Vojoobrození národa. Praha, 1948 s. 44—45 (далее — Воj).

социальной ситуации оппозиция чешского и немецкого языков приобретала характер острой классовой борьбы.

Проблемы, стоявшие перед вторым поколением будителей, были чрезвычайно сложны и многообразны. Их решение было не под силу энтузиасту-одиночке, даже если бы он обладал недюжинной одаренностью. Именно поэтому в своей первооснове языковая программа, предложенная Юнгманом, не была плодом единоличного творчества кабинетного ученого. Она создавалась в тесном сотрудничестве с его единомышленниками и соратниками — А. Марекком, П. Й. Шафариком, Л. Челаковским, Фр. Палацким, братьями Пресл, В. Седлачком, А. Юнгманом и др.

По своему замыслу эта программа предполагала объединение коллективных усилий огромной армии рядовых «будителей» во имя выполнения великой миссии — равноправия чешского языка, превращения его в средство общения всех членов нации во всех коммуникативных сферах. Практически во всех своих сочинениях Й. Юнгман в той или иной форме настойчиво проводил мысль о необходимости единства действий патриотических сил страны. Наглядным доказательством сказанного является следующий призыв Юнгмана: «Новая литература чешская является плодом нескольких любителей, которые бросая вызов врагам, не получая благодарности от своих, себе часто во вред, принося дорогие жертвы отчизне и своему родному языку, до сих пор сохранили эту литературу, хотя она и находится между жизнью и смертью. Спасти ее от гибели могут только объединенные усилия многих. . . Нужно все сделать для того, чтобы этот добрый. . . дух и истинное народное самосознание. . . вновь воскресли и усилились. Для этого необходима бескорыстная, чуждая зависти, деятельность многих опытных, мудрых писателей, необходимо более высокое нравственное воспитание, что позволит снискать доверие и поддержку общественности. . . Если народ приложит свои силы, то со временем и у нас появятся классики, подобные классикам, имеющимся у других народов»⁶⁴.

Достоинством языковой программы Юнгмана является ее конкретность и своевременность, соответствие актуаль-

⁶⁴ Jungmann J. O klasičnosti literatury. — Воj, s. 185.

ным потребностям общества. Благодаря этим своим качествам она стала платформой, объединившей усилия всех патриотов чешской нации.

Языковая концепция Й. Юнгмана явилась творческим продолжением концепции Й. Добровского: «Для развития чешского языка и нашей нации было большим счастьем то, что оба основных представителя возрождения, несмотря на различие своих взглядов, не только не противодействовали друг другу, а, напротив, составляли определенное, взаимодополняющее целое, способствовавшее созданию современного чешского языка»⁶⁵.

В основе языковой программы Й. Юнгмана, на анализе основных положений которой мы остановимся ниже, лежала теоретическая концепция, включающая как собственно лингвистические, так и философские, эстетические и др. вопросы. Теоретические постулаты, которыми руководствовался Юнгман, не получили цельного и систематического изложения в его научных публикациях, тем не менее изучение его трудов и практической деятельности позволяет составить себе представление о сущности его исходных позиций.

Заранее оговорим, что в ходе последующего изложения предметом нашего рассмотрения в основном будет служить собственно лингвистический аспект концепции Й. Юнгмана, проблемы иного плана нами будут затрагиваться лишь в той мере, в какой это окажется необходимым для прояснения и уточнения специфики языковой программы Юнгмана.

Изучая сочинения Й. Юнгмана, мы не можем не заметить, сколь большое значение он придает роли, которую играет язык в процессе эволюции человека и общества. Ср.: «Язык есть самая характерная примета естества нашего. Благодаря ему человек из состояния животного поднялся на ступень человека»⁶⁶.

Рассматривая соотношение языка и мышления, Юнгман констатирует наличие между ними тесной взаимосвязи: «Мы мыслим посредством языка. Так, мы или высказываем мысль, или же ее ищем, . . . составляя слова,

⁶⁵ *Havránek B.* Jungmannův význam pro nový rozvoj slovní zásoby spisovné češtiny. «Slovanské spisovné jazyky v době obrození, Universita Karlova», 1974, s. 203 (далее — Sl. sp. j.).

⁶⁶ *Jungmann J.* Slovesnost, s. 2.

мы находим мысль. Говорение есть мышление. Народ, мысля, говорит, говоря, мыслит»⁶⁷.

Оценивая роль языка в жизни общества, Юнгман акцентировал коммуникативную функцию языка, т. е. функцию служить средством «понимания или общения людей друг с другом»⁶⁸.

Нетрудно заметить, что во всех приводимых выше высказываниях, равно, как и во многих других, которые мы здесь опускаем, Юнгман квалифицирует язык как общественное явление. Именно эта мысль проходит красной нитью через все сочинения, написанные Й. Юнгманом. Именно этот тезис играет основополагающую роль в концепции национального литературного языка, разработанной Й. Юнгманом и оказавшей огромное влияние на современников.

Анализируя произведения Юнгмана, нетрудно составить себе представление о том, какие характерные признаки присущи, по его мнению, литературному языку народа (в данном случае — нации). Так, литературный язык отличает строгая внутренняя упорядоченность, базирующаяся на совокупности определенных правил его организации: «Для того, чтобы национальная литература отличалась единством и внутренней завершенностью, необходимо, чтобы язык как инструмент ее основывался бы на общих и определенных правилах»⁶⁹. Критикуя сторонников германизации чешского языка, Юнгман пишет: «... скорбя по поводу бедности и негибкости, по поводу грубости своего родного языка, они переделывают его на чужую колодку... К этому ведет их незнание его правил. В результате этого в употреблении, изменении, словообразовании и склонении слов они ошибочно и вопреки правилам поступают, а поэтому всемерно способствуют оскорблению языка и читателей»⁷⁰.

Важным признаком живого языка нации, т. е. «языка, на котором народ говорит и пишет»⁷¹, является его изменяемость: «Живой язык в соответствии с естественным развитием подвержен постоянным изменениям;

⁶⁷ Jungmann J. Slovesnost, с. 3.

⁶⁸ Там же, с. 7.

⁶⁹ Jungmann J. O různěni českého písemního jazyka. — Boj, s. 167.

⁷⁰ Там же, с. 167.

⁷¹ Jungmann J. O klassičnosti literatury. — Boj, s. 181.

в зависимости от места и от обстоятельств эти изменения приобретают иное обличье»⁷².

Исследуя направленность языковых изменений, Й. Юнгман и многие его современники подчеркивали факт преемственности в развитии языка и, в частности, соотношенность современного состояния литературного языка с предшествующими историческими эпохами: «. . . Знание старых форм полезно для понимания новых, — пишет Юнгман, — мы видим перед собой тысячелетнее постепенное изменение языка. . . , можем понять, почему он воспринял именно эту, а не другую форму, на чем основывается каждое его изменение. Нам становятся понятными образование, склонение и употребление слов, которые нам не может объяснить грамматика, представляющая лишь новый язык, т. е. его последнюю, нынешнюю форму»⁷³.

Особенно акцентировалась преемственность нового чешского литературного языка, т. е. литературного языка формирующейся чешской нации, по отношению к литературному языку XVI в., являющемуся «главной школой языка письменного»⁷⁴, эталоном языкового совершенства.

Теоретики языка эпохи возрождения отчетливо сознавали, что динамика изменения различных компонентов языковой структуры не является одинаковой. Так, согласно существовавшей лингвистической концепции, «материя» языка, т. е. лексика, является более динамичной, чем «форма» (под этим термином обычно понимались грамматические формы, т. е. склонение, спряжение и т. д.). Так, Фр. Палацкий пишет следующее: «Что касается своей материи, то чешский язык изменялся в каждом столетии, он будет продолжать изменяться и далее, пока народ наш не исчезнет из числа народов. Что же касается форм грамматических, то здесь изменениям была поставлена преграда в конце XIV столетия, преграда, которую язык с той поры не смел и не смеет переступать»⁷⁵.

Как следует из данного высказывания (подобные утверждения встречаются и в работах других теоретиков-языковедов эпохи возрождения), эволюция лексического

⁷² Jungmann J. O různění. — *Voj*, s. 166.

⁷³ Jungmann J. Zápisky. — *Voj*, s. 224.

⁷⁴ Jungmann J. O různění. — *Voj*, s. 167.

⁷⁵ Цит. по: *Grepl M. K jazyku obrozených překlādů z ruštiny a polštiny*, Sl. sp. j., s. 174.

состава языка является беспредельной, так как она регулируется уровнем познаний человека об окружающем его мире. Эволюция грамматических форм, напротив, осуществляется «лишь до тех пор, пока еще язык и литература народа не достигли определенной замечательной ступени совершенства или так называемой классичности»⁷⁶. Аналогичной точки зрения придерживался и Юнгман, который писал, что он считал своей целью лишь материальное обогащение чешского литературного языка при сохранении в неприкосновенности языковой формы. Ср.: «Я также несколько повредил авторитету наших Велеславинов и др., утверждая, что их языка недостаточно для нынешних потребностей; однако я языковую форму, совершенствованную ими, свято оберегал и только материально пытался ее увеличить. Необходимость этого я наблюдаю и сейчас, жаль, что и форма начала нарушаться» (из письма к Я. Коллару)⁷⁷.

Практически во всех своих сочинениях Юнгман проводил мысль о необходимости обязательного соблюдения, как закона, единого письменного языка: «Единство литературы, единство языка, единство нации того требует, чтобы письменный язык соблюдался бы, как закон, иначе каждая провинция, каждый край, каждый город, каждая деревня, каждая семья имели бы свой кое в чем отличающийся язык. . . для того, чтобы письменный язык мог укрепляться, существовать, расцветать, приносить плоды, каждая частица нации, каждый человек в отдельности кое в чем должны отказаться от своего местного языка и пользоваться общим языком. Человек должен относиться к общему языку, т. е. к письменному, как к закону, даже, если он не вполне совпадает с его собственным языком»⁷⁸.

Источником консолидации национального языка, по мнению Юнгмана, является язык столицы или другого главного города, «из которого, как из сердца, приличный способ нравственности и речи в тело остальной родины входит»⁷⁹.

Следует подчеркнуть, что выработка теоретической концепции Й. Юнгмана осуществлялась в тесной связи с язы-

⁷⁶ *Palacký Fr.* O českém jazyce spisovném, Spisy drobné, III, s. 629.

⁷⁷ *Jungmann J.* — *Boj*, s. 195.

⁷⁸ *Jungmann J.* Zápisky. Praha, 1973, s. 78.

⁷⁹ *Jungmann J.* O různění. — *Boj*, s. 66.

ковой практикой, с конкретной языковой ситуацией, характерной для Чехии первой половины XIX в. Так, в частности, требование единства литературного языка, обязательности его употребления для всех членов нации, помимо прочего, было обусловлено тем обстоятельством, что массовый приток в города сельского населения, пользующегося в своей речевой практике территориальными диалектами, усилил опасность расшатывания стабилизирующейся литературной нормы. В то время как Юнгман, отчетливо ощущавший эту опасность, неустанно акцентировал *н а д д а л е к т н у ю* сущность литературного языка, некоторые деятели эпохи возрождения, например Фр. Д. Трнка и В. П. Жак, намеренно стремились приблизить литературный язык к наречию. Выступая против проявлений языкового сепаратизма, представляющих, по его словам, самоубийственную акцию, Юнгман писал: «Мы радовались надежде, что у шести миллионов братских славян, пользующихся нашим письменным языком, литература со временем большие и ценные плоды принесет. . . Другие народы, которые имеют куда более отличаете по сравнению с нами диалекты, гордятся единым письменным языком, принося ему с радостью любую жертву. . . Если так пойдет дело и дальше, то вскоре у нас будут книжки на пражском, домажлицком, крконошском, оломоуцком, турчанском и, кто знает, на каком еще поднаречии; в каждом понемногу, в целом же ничего. . . Писать так, как где-то говорят, означало бы разбивать национальный язык на бесчисленные диалекты»⁸⁰.

Говоря об *о б я з а т е л ь н о с т и* употребления литературного языка всеми представителями нации, обязательности соблюдения его как закона, Юнгман настойчиво проводит мысль о неприемлемости необоснованных индивидуальных нововведений: «Дома разговаривай, как умеешь, однако письменного языка, являющегося правом и собственностью всего народа, бойся дотрагиваться»⁸¹.

Тревоги, которые Й. Юнгман испытывал по поводу языкового реформизма и, в частности, реформизма лексического, не были безосновательными. Отсутствие стабильной литературной нормы облегчало возможность произвольного вмешательства в речевую практику. Ср. в связи

⁸⁰ *Jungmann J.* O různěni. — *Boj*, s. 166—167.

⁸¹ *Jungmann J.* Slovesnost, s. 26.

с этим высказывание П. Й. Шафарика, содержащееся в письме к Я. Коллару в 1826 г.: «Теперь или никогда! Сейчас время реформы. . . , все находится в движении, еще нет ничего устоявшегося. Когда же наступит время, и язык, и стиль стабилизируются. . . тогда будет конец всем нашим требованиям»⁸².

На начальном этапе своей деятельности сторонником языковых реформ был и Фр. Палацкий (особенно в области лексики). Впоследствии, однако, его позиция претерпела существенные изменения, поэтому неслучайно, что в историю языка Фр. Палацкий вошел как блестящий знаток и поборник добелогорского чешского языка, придирчивый редактор, соблюдающий самым педантичным образом норму книжного языка.

Излагая выше существо теоретических воззрений Й. Юнгмана, мы не ставили перед собой задачи выявить степень оригинальности его концепции, установить, имел ли он своих предшественников за пределами страны или нет. Для нас это не имеет принципиального значения. С нашей точки зрения, важным является то, что Й. Юнгман сумел не только выявить проблемы, имеющие актуальное значение для формирующейся чешской нации, но и предложить оригинальное для своего времени их решение. Заметим, что трактовка целого ряда философских и собственно лингвистических вопросов поражает современного читателя своей прогрессивностью и глубиной.

Характерной особенностью воззрений Юнгмана является твердая вера в светлое будущее чешского народа и его языка: «. . . Дайте чехам все, что им нужно, и я уверен, что через 20 лет в литературе своей они будут делать чудеса»⁸³. Юнгман был полностью убежден в том, что тяжелая участь, постигшая чешский язык, отнюдь не объясняется его «дефектностью», неспособностью выразить достижения человеческого мышления. Виной всему — чисто внешние обстоятельства: «С того момента, как чех вступил в Богемию, он не прекращает бороться с иностранцами. Сколько недругов воевало против языка его как дома, так и за границей! Так что, если Бальбин удивлялся тому, что после стольких войн в Чехии сохранился хотя бы один житель, то мы вправе удивляться ныне

⁸² Цит. по: *Bělič J. Sedm kapitol o češtině*, Praha, 1955, s. 28.

⁸³ *Jungmann J. Slovo k . . . Bohemariusovi*. — *Boj*, s. 53.

тому, что после стольких натисков можно слышать хотя бы самое слабое звучание славянской речи, дошедшей до нас от предков»⁸⁴.

Й. Юнгман не сомневался в том, что чешский язык может и должен занять равноправное положение среди европейских языков. По этому поводу он пишет: «Я утверждаю, что чешский язык характеризует отшлифованность, звучность, с помощью своих братских наречий он может быть использован во всех видах искусства и знаний. Вот вам вызов мой!»⁸⁵.

Особый акцент Юнгман делал на необходимости получения образования на родном языке: «каждый народ лишь на своем языке надежнее всего и быстрее может быть образован. . . Только в одном языке можно быть великим. В своем языке чтится каждый народ»⁸⁶. Большое значение Й. Юнгман придавал общественной функции литературного языка, считая его инструментом гражданской жизни: «Если родной язык. . . перестал быть инструментом гражданской жизни и другому языку свое право отдал, тогда он уже не имеет меры и правила. . .»⁸⁷

В языковой эстетике Й. Юнгмана и его сторонников важное место занимает тезис о классичности языка. Под классичностью понималась высшая степень совершенства как формы, так и материи языка, делающая возможным его использование во всех коммуникативных сферах общественной жизни и прежде всего в «высшей поэзии, философии, систематических науках»⁸⁸.

Излагая свое представление о языке, являющемся эталоном классичности, Юнгман писал: «Что касается материи, то такой язык имеет достаточно средств для обозначения любого предмета, любого состояния. . . как в физическом, так и в интеллектуальном, эстетическом и нравственном отношении. Каждое состояние семейной или общественной жизни, каждое понятие, каждое чувство и каждое усилие воли получает достаточное и полностью соответствующее слово, которое или первоначально этому языку принадлежало, или из другого языка было заимствовано, но в результате долгого употребления было

⁸⁴ Jungmann J. O jazyku českém, II. — *Boj*, s. 44.

⁸⁵ Там же, с. 56.

⁸⁶ Jungmann J. Slovo k . . . Bohemariusovi. — *Boj*, s. 61.

⁸⁷ Jungmann J. O růžnění. — *Boj*, s. 167.

⁸⁸ Jungmann J. O klassičnosti. — *Boj*, s. 183.

освоено. Что касается формы, то совершенным называется язык, являющийся полностью развитым и достаточным для всех форм прозаических, поэтических и ораторских»⁸⁹. Таким образом, внимание Юнгмана прежде всего привлекало совершенство языка в области лексики, поскольку вопрос о кодификации грамматики был уже решен Добровским.

Основными критериями совершенства словарного состава Юнгман считал лексическую достаточность и функциональную дифференцированность стилистических средств языка. Рассматривая через эту призму словарный состав чешского литературного языка того времени, Юнгман пришел к выводу о наличии диспропорции между духовными потребностями общества и состоянием словарного состава. Особенно остро ощущалась нехватка научной терминологии, необходимой как для номенклатурных обозначений, так и для научно-популярного повествования. Развитие поэтического творчества на чешском языке также тормозило отсутствие развитой синонимии. Все это свидетельствовало о необходимости дальнейшего совершенствования лексики литературного чешского языка. Так, Юнгман пишет: «То, что наш чешский язык как инструмент может быть использован в науках и искусстве, того даже его недоброжелатели не отрицают. Однако, является ли он уже таковым, чтобы посредством него в науках и искусстве все можно было бы выразить так, как должно и как хочется, так выразить, чтобы, помимо и сверх того, что уже сказано, ничего не оставалось бы добавить, является ли он в высшей степени совершенным, того даже его страстный поборник утверждать не может. И нужно будет, стало быть, его совершенствовать, пока будут совершенствоваться сами науки и искусство и, думаю, что совершенствованию этому, пока народ существует, никогда не будет и конца»⁹⁰.

Таким образом, для того, чтобы словарный состав нового, полифункционального, литературного чешского языка соответствовал потребностям современного развития общества, необходимо было существенно пополнить

⁸⁹ Jungmann J. O klassičnosti. — Boj, s. 180.

⁹⁰ Jungmann J. Slovesnost, s. 7.

его лексику, создав эквиваленты, соответствующие понятиям, рожденным интеллектуальным прогрессом человечества (как известно, даже грамматические трактаты о чешском языке в ту пору создавались на немецком языке — ср. грамматики Й. Добровского, Я. Неэдлого и др.). В вопросе пополнения словарного состава Юнгман и его ученики последовательно руководствовались постулатом о том, что лексика языка должна развиваться и изменяться в зависимости от конкретных задач, стоящих перед обществом.

В поисках решения указанной проблемы Юнгман придавал большое значение изучению предшествующих периодов развития языка: «Явным доказательством того, что язык этот (чешский) достаточно отшлифованный и способный для совершенствования всех искусств есть, являются древние сочинения. Слов, которые нужны мудрецу и художнику, разумеется, найдется слишком мало. Впрочем, давно ли их в немецком больше? И кому же больше всего недостает этих слов? Тому, кто хуже всего изучает язык! Поэтому я спрашиваю всех любителей чешской речи и исследователей: все ли слова и способы речи, собранные среди народа и в сочинениях, введены в оборот? . . . А, если уж, действительно, нехватает слов, то почему бы чеху не взять их из других славянских диалектов, от одной матери произошедших? Слова же немецкие чешскому духу противны»⁹¹.

Обращение к книжному языку старшей поры, т. е. XV—XVI вв., как это в свое время сделал Добровский при кодификации грамматического строя языка, могло быть лишь частичным решением проблемы стабилизации словарного состава. Й. Юнгман и его соратники понимали, что буквальное воспроизведение словарного состава чешского литературного языка эпохи Велеславина не могло восполнить существующий лексический дефицит и, следовательно, удовлетворить потребности современного общества. «Название. . . «золотой век», присваиваемое литературе времен Рудольфа и поныне, не означает ничего другого, чем то, что этот период по сравнению со всеми другими дал больше всего плодов отечественной литературы. Что же касается языка, то он до сих пор имеет силу закона, поскольку позже язык не только не совер-

⁹¹ *Jungmann J. O jazyku českém, II. — Voje, s. 48.*

шенствовался, а, напротив, приходил в упадок. . . Однако с теми, кто полагает, что этот золотой век был также веком высшей классичности всей литературы, кто думает, что не следует писать по-чешски о вещах, о которых не писали при короле Рудольфе, с теми, которые достоинства этого века, равно, как и его ошибки и недостатки, возводят до уровня закона, с теми, которые выступают против каких-либо поправок в устной речи или на письме, противоречащих тому, как это было заведено у наших предков, с теми, которые не хотят ни на волос отклониться от этих предков (хотя за эти двести лет мы от них довольно далеко отошли), с теми мы согласиться не можем»⁹².

Следует подчеркнуть, что Юнгман отчетливо осознавал такие недостатки эпохи Велеславина, как узость круга носителей литературного языка (это был книжный язык образованной части общества), его функциональную ограниченность (так, например, научные сочинения в ту пору, как правило, создавались на латинском, немецком или же французском языках). По поводу последнего он писал: «Оттуда пошло мнение о том, что чешский язык, хотя и отличается богатством и гибкостью, все-таки не может быть усовершенствован в такой мере, чтобы стать языком высшей поэзии, философии и систематических наук, а без этого нельзя говорить об истинном классическом периоде языка и литературы»⁹³.

Важно отметить, что Юнгман, решая сложную проблему восполнения лексического дефицита, призывал к активизации внутренних резервов языка, в частности, его словотворческих возможностей. Избранный Юнгманом путь был новаторским, а поэтому и наиболее сложным, зачастую ему приходилось создавать традицию употребления литературного чешского языка в тех коммуникативных сферах, в которых он ранее никогда не использовался.

Одно из центральных мест в языковой концепции Юнгмана занимает классификация функциональных коммуникативных сфер литературного чешского языка. К числу основных коммуникативных сфер чешского литературного языка эпохи возрождения им отнесены научная и поэтическая сферы. Более дробная дифференциация позволяет

⁹² Jungmann J. O klassičnosti. — *Voj*, s. 184.

⁹³ Там же, s. 184—183.

выделить тексты гуманитарные и естественнонаучные, научно-популярные. Внутри художественной сферы разграничиваются проза и поэзия. Отмечаются также стили публицистический и разговорный⁹⁴. Вопрос разграничения функциональных стилей подробно рассматривается в «Словесности» Юнгмана.

Следуя традициям времени, Юнгман настойчиво проводит мысль о лексической специфичности коммуникативных сфер, полагая, что «нельзя употреблять слова и выражения поэтического стиля в повседневном общении или же в газетах, точно так же, как, с другой стороны, нельзя удовлетвориться языком повседневного общения при формулировке специальных наблюдений»⁹⁵. Юнгман особенно акцентирует необходимость сохранения необычности поэтической речи по сравнению с речью обыденной: «Поэт наш идет. . . собственным путем, он создает новую, характерную для него поэтическую речь, он всегда стремится придать своему произведению нужную художественную окраску, без которой поэма никогда бы не превзошла просторечье. . .»⁹⁶.

Разграничивая функциональные стили друг от друга, Юнгман определяет прозаический стиль как стиль, оперирующий представлениями или понятиями, поэтический стиль — как стиль, оперирующий образами; риторический стиль занимает промежуточное положение между обоими названными выше: он имеет конкретного адресата и ставит своей целью «пробуждение воли». Примечательна дифференциация между прозаическим стилем и просторечием: «Прозаическая речь (*prostomluva*) отличается от просторечья (*obesná mluva*) тем, что просторечье служит лишь для понимания людей, прозаическая речь, так же, как и поэтическая и риторическая, используется для свободного обозначения свободных представлений, и своей приметой имеет необычность»⁹⁷.

Одной из конкретных задач ставившихся при формировании поэтической речи, являлось создание поэтической синонимии. Остро стоял вопрос об образовании научной

⁹⁴ Ср. *Jedlička A. Jungmannovy zásluhy o nový český jazyk spisovný. — Acta Universitatis Carolinae, Philologica 3—4, 1974 (далее — Acta).*

⁹⁵ Ср.: *Jedlička A. Op. cit., s. 35.*

⁹⁶ *Jungmann J. Vznešenost přírody, I. Krok, 1821, s. 153.*

⁹⁷ *Jungmann J. Slovesnost, s. 7.*

терминологии. Й. Юнгман отчетливо понимал, что без науки, доступной в языковом отношении самым широким слоям народа, является невозможным автономное существование чешской нации, поэтому проблема создания научного стиля (в том числе создания собственно научных номенклатурных обозначений, а также терминов, необходимых для научно-популярных сочинений) относилась к числу актуальных задач эпохи национального возрождения.

Выработка конкретной программы обогащения словарного состава явилась делом всей жизни Юнгмана. Изучая его произведения, мы можем наблюдать, как постепенно выкристаллизовывалась его концепция, принимая все более рельефные очертания. Так, например, уже в первом издании «Словесности» (1820) Юнгман излагает правила отбора лексического инвентаря. Он разграничивает слова на следующие группы: 1. чешские слова, «взятые из ненарушенного языкового употребления или же из хороших сочинений»; в случае необходимости лексика может заимствоваться из других славянских языков (с незначительной адаптацией), например, из русск.; ср. *наречие*; 2. известные слова — здесь Юнгман рекомендует избегать «чуждых» слов, таких, как: а) устарелые слова, несущие (в современном языковом употреблении) печать неблагозвучия, двусмысленности и пр. (*duša* вм. *duše*, *za* вм. *zda*, *tdy* вм. *tedy*). Для некоторых из устарелых слов Юнгман делает исключение, предлагая их восстановление, например, *vojín*, *příroda*, *zelva* и пр.; б) местные слова, т. е. употребляемые лишь в какой-то одной местности, например, *kalý* (ср. *dobrý*); *kolmaħa* (ср. *kolečko*, *radvanec*); *casný* (ср. *všetečný*). И здесь Юнгман допускает возможность использования «хороших и благозвучных слов»; в) заимствования из неславянских языков, особенно немецких, например, *pusovati* (вм. *cíditi*, *čistiti*), *fedrovati* (*pomáhati*); г) новые слова, «если они без надобности и против аналогии», например, *dro* (вм. *druh*), *zástoĵ* (вм. *předmět*); 3. регулярные слова, т. е. слова, соответствующие грамматическим правилам (по этому поводу см. *Slovesnost*, 1820, s. IX—XI).

Как мы видим, для Юнгмана характерен строго дифференцированный подход к лексике, учитывающий сферу и степень ее употребления, а также источник ее происхождения (диалектные слова, заимствования). Следует

заметить, что языковой пуризм, столь отчетливо проявляющийся в данной позиции, впоследствии несколько смягчился. Во втором издании «Словесности», вышедшем в 1845 г., Юнгман предлагает более совершенную концепцию, указывая следующие источники обогащения словарного состава чешского литературного языка: 1. памятники старой чешской литературы; 2. народный язык, т. е. диалекты; 3. сочинения современных писателей; 4. родственные славянские языки; 5. образование новых слов путем словосложения или же, что предпочтительнее, деривацией посредством суффиксов и префиксов.

Изучая сущность языковой программы, разработанной Й. Юнгманом и его соратниками, можно заметить, что она представляет собой единый гармоничный комплекс, отдельные звенья которого взаимодополняют друг друга.

Краеугольным камнем этой программы является мысль о системной организации лексики, ее строгой упорядоченности. По убеждению Юнгмана, лексика представляет собой органичный компонент языка, тесно взаимосвязанный с грамматикой. Так, он пишет о необходимости того, чтобы «словарь был насквозь проникнут грамматикой и, в свою очередь, мог служить для нее основой»⁹⁸. Здесь же он добавляет, что словарный состав «есть дело веков и всего народа». Последнее предостережение является очень существенным. Невзирая на то, что Юнгман был непрекаемым авторитетом для своих современников, он был чужд мнения о возможности произвола отдельной личности по отношению к языку. Так, он пишет: «Некоторые требуют, чтобы мы приняли единое решение о терминах. . . однако я ненавижу единовластие в литературе и с удовольствием вижу и слышу чуждые мне и противные мнения. Время решит, как должно быть, хотя, разумеется, я не отрицаю, что согласие в терминах, достигнутое уже в самом начале, было бы полезнее» (из письма к А. Мареку)⁹⁹.

Во всех своих рекомендациях Юнгман тщательно учитывал закономерности внутриязыкового развития, стремясь сохранить специфику и традиции чешского языка. Так, он строго соблюдал аналогическое воспроизведение

⁹⁸ Jungmann J. Slovesnost, s. 6.

⁹⁹ Ср.: Jedlička A. Jungmannovy zásluhy o nový český jazyk spisovný. — Acta, s. 35—36.

существующих деривационных моделей; рекомендуя к употреблению заимствования, Юнгман говорил о необходимости адаптации последних в соответствии с фонетическими и грамматическими законами чешского языка. Решающее значение Юнгман придавал активизации возможностей самого чешского языка, его внутренних резервов.

Изучение языкового узуса предшествующих эпох, хотя и занимает в программе центральное место, не исключает его дополнения исследованием узуса современной эпохи (ср. более раннее высказывание Юнгмана о том, что норма литературного языка может быть познана «из старой литературы чешской и из некоторых новых сочинений, написанных по ее примеру») ¹⁰⁰.

Рассматривая последовательность пунктов языковой программы Юнгмана, нетрудно заметить, что на первое место он ставит изучение памятников старой чешской литературы. Сказанное логически вытекает из его языковой концепции (напомним тезис о преемственности в развитии языка). Язык старшей поры, в особенности Кралицкой библии, для Юнгмана, равно, как и для других деятелей эпохи возрождения, представлял собой первооснову нового литературного чешского языка. Юнгман неоднократно подчеркивал, что лишь тщательное изучение старой языковой традиции дает возможность овладеть нормой литературного языка: «Тот, кто ему (письменному чешскому языку. — *Авт.*) не научился из рукописей и книг, никогда не научится на нем писать» ¹⁰¹.

Немалое значение Юнгман придавал «оживлению» забытых старых слов, включая некоторые из них в состав поэтических синонимов; ср.: *haluz*, *tkvěti*, *touha*, *tužba*, *tvar*, *tvárnost* и пр. ¹⁰²

Рекомендуя использовать лексику народного речи, т. е. диалектов, Юнгман призывает к разумному ее включению, опасаясь нарушить единство нормы литературного языка: «Писать так, как где-то говорится, означало бы разбивать язык на бесчисленные диалекты» ¹⁰³. Заметим,

¹⁰⁰ Jungmann J. O různění. — *Boj*, s. 169.

¹⁰¹ Там же, s. 169.

¹⁰² Ср.: *Havránek B.* Jungmannův význam . . . — *Sl. sp. j.*; *Kamiš A.* Slovní zásoba v Jungmannově slovníku, *Acta*.

¹⁰³ Jungmann J. O různění. — *Boj*, s. 166—167.

что в основном Юнгман налагает запрет на лексемы, имеющие локально ограниченную сферу употребления. Осторожную позицию занимал Юнгман и по отношению к вкраплению элементов разговорной речи.

Третье место в программе Юнгмана занимает изучение языкового узуса, представленного в сочинениях с о в р е м е н н ы х писателей. Принимая во внимание неоднородность уровня языковой культуры отдельных авторов, Юнгман призывает к критической оценке языка писателей, говоря о том, что иначе «читатель все ошибки и прегрешения новых писателей за благоуханные цветы и драгоценные камни примет»¹⁰⁴.

В число источников обогащения лексики чешского литературного языка Юнгман также включает родственные славянские языки. Важно при этом отметить, что, рекомендуя к употреблению заимствования, Юнгман призывает сохранить дух чешского языка. Действительно, наблюдения над языковой практикой этого периода убеждают нас в том, что в большинстве случаев лексика, заимствованная из славянских языков, органически вливается в словарный состав чешского языка, углубляя и развивая те тенденции, которые реально существовали в лексике и словообразовании литературного чешского языка.

Всей своей деятельностью Юнгман зарекомендовал себя как страстный поборник идеи славянской взаимности. В своих произведениях он настойчиво проводил мысль о сближении всех славянских народов (вплоть до объединения их на базе единого, общего для всех языка). «Я искренний, любящий нашу народность чех, однако общеславянскому письменному языку я готов принести в жертву и чешский язык, так как знаю, что на каком бы наречии мы ни писали, мы всегда останемся славянами»¹⁰⁵.

Особые симпатии Юнгман питал к русскому народу, видя в нем не только носителя высокой и древней культуры, но и могущественного защитника от узурпаторских устремлений Габсбургов.

Идея языкового объединения всех славян глубоко волновала Юнгмана. В период наполеоновских войн он писал А. Мареку: «Я твердо верю, что русская держава

¹⁰⁴ *Jungmann J. Slovesnost*, s. 24.

¹⁰⁵ Цит. по: *Jungmann J. Zápisky*, s. 108.

победит французскую; мы, славяне, должны радоваться, если все наречия в один язык объединятся. Мы от русских, русские от нас примут совершенствование языка»¹⁰⁶.

По мнению Юнгмана, именно русский язык мог явиться объединяющей платформой для всех славянских народов: «Недалеко время, когда Европа будет учить русский язык так, как теперь учит английский»¹⁰⁷. В этот период из русского языка в чешский было заимствовано множество слов, например, *bodrý, dějství, pářev, nářečí, obraz, obzor, příroda, sloh, slovesnost* и пр. Говоря о русском языке, Юнгман характеризует его как язык самого большого народа, как язык половины Европы и большей части Азии. Он пишет: «Туда, туда, обратите свой взор, милые славяне, оттуда берите обильно и без недостатка то, что у вас отняла неблагоклонность времени. Просмотрите, продумайте, изучите все богатства вашей речи, все то, что сохранилось в милом, чистом цветении в книгах и в народе. Берегите все это, как золото, сделайте это единой сокровищницей народной. Если же вам чего-нибудь будет недоставать, без сомнения возьмите у своих братьев-славян. Не будет чуждым звучание вашего языка, если вы будете с русским говорить о *vzduchu* (Luft), а с поляком о *zbrodni* (böse, Tat, Laster). Ведь корни этих слов в нашу землю уходят»¹⁰⁸. Как мы видим, Юнгман подчеркивает факт лексической близости славянских языков. Как правило, он предлагает заимствовать те слова, которые совпадали бы с диалектными либо с древнечешскими лексемами.

Следует заметить, что идея единого славянского языка (в виде одного из существующих славянских языков, либо некоторого искусственного амальгамированного языка) не получила конкретного воплощения в сочинениях Юнгмана, тем не менее, несмотря на всю свою утопичность, она придала специфическую окраску решению ряда проблем и, в частности, проблемы лексического обогащения чешского литературного языка.

Хотелось бы подчеркнуть, что русофильские тенденции, столь характерные для Й. Юнгмана (мы оставляем

¹⁰⁶ Цит.: *Bělič J. Jungmannovy představy o možnosti jazykového sjednocení Slovanů, Acta, s. 128.*

¹⁰⁷ Ср.: *ČČM, 58, 1884, s. 286.*

¹⁰⁸ *Jungmann J. Slovo k. . . Bohemariusovi. — Voj, s. 55.*

сейчас вне поля зрения политические заблуждения Юнгмана), имели своей прочной основой уважение к родному языку, его традициям, во многом они были обусловлены болью за судьбу чешского народа и опасением за его будущее перед постоянной угрозой насильственной германизации. Следует иметь в виду, что русофильская позиция, занимаемая Юнгманом, в то время была весьма небезопасной. В своем письме к А. Мареку в 1823 г. он пишет: «Мои недруги (и особенно не только давний враг Неедлы), но теперь и Добровский выдают меня за начальника партии, которая будто бы задумывает какое-то политическое объединение славян. Если правительство поверит такой безумной клевете, мне конец!»¹⁰⁹

Огромную роль в укреплении русско-чешских культурных связей сыграли личные контакты русских ученых и деятелей чешского возрождения (напомним в этой связи о поездках таких представителей русской науки, как П. Кеппена, П. Прейса, М. Погодина, О. Бодянского, И. Срезневского и др.). Так, в частности, с глубоким восхищением о деятельности Юнгмана и других «будителей» писал М. Погодин: «С каким почтением смотрел я на сих отшельников, посвятивших себя святому делу народного образования, жертвующих ему всеми благами мира сего, в нужде, даже бедности, в пренебрежении, унижении, неизвестности. Честь Вам и слава, знаменитые подвижники, украшение человечества! Труды Ваши не пропадут. Доброе семя даст плод сторицею, и имена Ваши будут блистать в истории, наряду со всеми благороднейшими благодетелями человечества»¹¹⁰.

Заимствование лексики из родственных славянских языков облегчило решение ряда сложных проблем, стоявших перед деятелями эпохи возрождения. Так, например, включение некоторых русизмов в качестве поэтических синонимов способствовало конституированию поэтического стиля в чешском литературном языке; ср. синонимичные пары: *jařo—vesna*, *podzim—jeseň*, *krk—šíje*, *děvče—děva*¹¹¹. Поэтизмами являются и *bledý*, *dolina*, *chlum*.

¹⁰⁹ *Jungmann J.* — *voj*, s. 174.

¹¹⁰ Цит. по: *Смирнов С. В.* К истории русско-чешских научных связей в I половине XIX века. — *Acta*, s. 176.

¹¹¹ *Liličová G.* *Ruské lexikální prvky v českém básnickém jazyce poátku XIX st.* — *Sl. sp. j.*, s. 182.

Займствованиа из польского, русского, южнославянских языков являются важным компонентом чешской научной терминологии, формирующейс в эпоху Возрождения. Интересные данные приводит по этому поводу польская исследовательница Т. Орлош¹¹². Так, например, в ботанической терминологии первой половины XIX в. было около 380 займствований, в словаре Юнгмана приведено 249 займствований (111 полонизмов, 100 русизмов, 38 югославизмов); в зоологической — 169 займствований, у Юнгмана — 137 (82 полонизма, 39 русизмов, 16 югославизмов); в философской — у Юнгмана 28 славизмов (25 русизмов, 3 полонизма); в литературоведческой — у Юнгмана 28 славизмов (15 полонизмов, 12 русизмов, 1 югославизм); в лингвистической — у Юнгмана 27 славизмов (20 полонизмов, 7 русизмов); в математической — у Юнгмана 25 славизмов (14 полонизмов, 11 русизмов); в медицинской — у Юнгмана 24 славизма (12 полонизмов, 9 русизмов, 3 югославизма) и пр.

В период чешского национального возрождения было займствовано из других славянских языков около 800 научных терминов (Юнгман воспроизводит около 600: 52% полонизмов, 36% русизмов, 12% югославизмов), примерно половина из них сохранилась и по сей день.

Важно подчеркнуть, что зачастую славянские языки выступали в роли языка-посредника при займствовании в чешский язык из неславянских языков.

Примечательно, что, если к займствованию лексики из славянских языков Юнгман и другие деятели возрождения относились положительно, то иную позицию занимали они в отношении займствований из неславянских языков: «. . .славянский язык, — писал Юнгман, — в самом себе достаточно имеет рудных залежей и ни из какой Америки, если сам того не захочет, золота привозить не должен . . . Мы чехи куда более лучший и подходящий источник имеем . . . это братские наши диалекты славянские»¹¹³. Ср. также: «Займствование слов из других славянских языков, разумеется, лишь умеренное, наречие наше письменное обогащает, совершенствует: займствование же форм иноземных разрушает его и уничто-

¹¹² *Orlošová T. Z. Josef Jungmann a slovanské výpůjčky z oblasti vědecké terminologie. — Šl. sp. j., s. 189—190.*

¹¹³ *Jungmann J. Slovo k . . . Bohemariusovi. — Voj, s. 54—55.*

жает»¹¹⁴. Впрочем, с течением времени Юнгман несколько изменил свое отношение к возможности заимствования из неславянских языков, что наглядно проявляется в языке переизданий его сочинений, в частности, в «Словесности», где Юнгман, отчетливо осознавая необходимость культурных связей чешского народа с другими народами мира, последовательно сопровождает новые термины международными эквивалентами.

Наконец, последний пункт языковой программы Й. Юнгмана предусматривает использование для обогащения словарного состава чешского литературного языка средств словообразования: «... Допустимо обратиться к естеству и внутренней образовательности языка чешского и образовывать слова, необходимые для данного понятия, или сложением двух других слов, или же, что ему больше присуще, производством с помощью префикса и аффикса»¹¹⁵.

Подобная последовательность пунктов программы неслучайна. Она отнюдь не свидетельствует о недооценке возможностей деривации, напротив, Й. Юнгман прекрасно сознавал, сколь мощным средством является словообразование и сколь большой вред может принести его неумелое использование, противоречащее внутренним законам развития чешского языка. Памятуя о деятельности пуристов, занимавшихся произвольным словотворчеством, Юнгман призывал к исключительной осмотрительности, рекомендуя прибегать к словообразованию только в тех случаях, когда это диктуется общественной потребностью и когда использование других источников (см. пункты программы 1—4) оказывается невозможным.

В своей словотворческой деятельности Юнгман во многом опирался на концепцию словообразования, разработанную Й. Добровским в таких его трудах, как «Bildsamkeit der slavischen Sprache», а также «Ausführliches Lehrgebäude». В частности, так же, как и Добровский, Юнгман предписывал строгое соблюдение правила аналогии в словообразовании, т. е. следования традиционным словообразовательным моделям; ср.: sloha—poloha, vloha, slivoň — jabloň и пр.

¹¹⁴ Jungmann J. O různění. — Boj, s. 168.

¹¹⁵ Jungmann J. Slovesnost, s. 24.

Использование концепции Добровского, хорошее знание старой чешской литературы (Кралицкой библии, словарей Д. А. Велеславина, В. Росы, трудов Я. А. Коменского и т. д.), владение современным живым узусом — все эти три фактора оказали благотворное влияние, по мнению Б. Гавранека¹⁶, на словотворческую деятельность Юнгмана.

Создание новообразований в первую очередь стимулировалось потребностями общества в научной терминологии. Двадцатые годы XIX в. являются началом периода становления чешской национальной терминологии. Важную роль в этом процессе сыграл Й. Юнгман, явившийся организатором национальной чешской науки и образования. Так, в 1816 г. Юнгман и его друзья предприняли попытку (впрочем, незавершенную) издания Малой чешской энциклопедии, в 1820 г. начал выходить первый научный журнал «Крок», затем Журнал чешского музея. В 1820 г. Юнгман опубликовал «Словесность», включающую литературоведческую терминологию и терминологию по эстетике (в создании последней принимал также участие и Фр. Палацкий), в том же году вышла «Логика» А. Марек, в 1819 г. — «Чешская флора» братьев Пресл и т. д. Активное участие в создании ботанической и зоологической терминологии принимал Я. С. Пресл, философской — А. Марек, лингвистической — Й. Юнгман, А. Марек, П. Й. Шафарик, литературоведческой — Й. Юнгман, математической — Я. В. Седлачек, медицинской — А. Юнгман, Й. Юнгман, Я. С. Пресл, минералогической и химической — Я. С. Пресл. Примечательно, что Й. Добровский скептически относился к идее создания чешской национальной терминологии — последнее в немалой степени послужило причиной обострения взаимоотношений между Добровским и Юнгманом с его сторонниками. Сдержанным было отношение к созданию неологизмов и у Фр. Палацкого. Так, в частности, он выступал против создания поэтической синонимии; появление новообразований им допускалось лишь для научной терминологии, где оно было обусловлено потребностями научного прогресса.

Следует подчеркнуть, что первоначально деятели возрождения стремились создать, главным образом, соб-

¹⁶ *Havránek B. Jungmannův význam . . . — Sl. sp. j., s. 195—203.*

ственно чешскую, национальную, терминологию. Впоследствии, как уже упоминалось выше, проявился более толерантный подход к международной терминологии. В письме к А. Мареку в 1842 г. Юнгман пишет: «. . . Мы пришли к решению просить Вас не стремиться к излишнему пуризму, в особенности там, где все европейские языки совпадают, разве лишь, если найдется слово очень хорошее и понятное. . . Мы думаем, что общие названия *философия*, *онтология*, *метафизика* да и *физика* и т. п. следует оставить, точно так же, как и те, которые уже приняты обычаем, например, *podmět*, *předmět*, которые и русским известны»¹¹⁷. Анализируя данное высказывание, нетрудно заметить, что здесь Юнгман придает большое значение тому факту, чтобы используемая терминология была, по возможности, идентична у различных народов. Здесь же формулируются некоторые критерии оценки вводимых терминов: критерий совпадения с узусом, критерий регулярной словообразовательной формы («очень хорошее слово»), критерий понятности¹¹⁸.

Предлагаемые Юнгманом и его друзьями неологизмы сразу же вводились в оборот, т. е. апробировались на практике: они использовались в научных, научно-популярных сочинениях, в произведениях художественной литературы. Примечательно, что даже в своей переписке Юнгман целенаправленно употреблял новые слова, к числу которых относились и собственные неологизмы, и обновленные лексемы, взятые из чешского языка старшей поры, и заимствования из других славянских языков.

В своей словотворческой практике Юнгман был чужд стремления навязывать какую-то одну им рекомендуемую лексему. В большинстве случаев он предлагал на выбор несколько дублетных образований, полагая, что наличие обширных синонимических гнезд будет свидетельствовать о богатстве возможностей языка и позволит более тщательно выбирать необходимый эквивалент.

Характеризуя деятельность «будителей» позднего возрождения, необходимо отметить, что все они не только прокламировали свои убеждения, но и всемерно содействовали их конкретной реализации. Сказанное в полной

¹¹⁷ *Jungmann J.* — *Voj*, s. 203.

¹¹⁸ *Jedlička A.* *Jungmannovy zásluhy o nový český jazyk spisovný.* — *Acta*, s. 37.

мере относится и к Юнгману, который являлся не только теоретиком, но и практиком: выработав логически четкую программу действия, Й. Юнгман посвятил всю свою жизнь ее осуществлению. Практическая деятельность Юнгмана была исключительно многогранной, она была одухотворена стремлением доказать, что чешский язык может и должен быть использован во всех коммуникативных сферах жизни общества.

Следует оговорить, что проводимая Юнгманом языковая политика не всегда получала полную поддержку у современников, зачастую ее реализация наталкивалась на значительные затруднения. Разногласия касались, главным образом, ключевых, жизненно важных вопросов. Так, например, дискуссионной была проблема, каким должен быть новый литературный язык: должен ли он пассивно воспроизводить состояние, в котором находился чешский литературный язык добелогорского периода, либо он должен включать новые элементы, появившиеся в более поздние периоды (полемику вызывал, в частности, вопрос о возможности включения германизмов и диалектизмов). Заметим, что споры велись в основном вокруг кодификации лексики. Кодификация грамматической структуры, осуществленная Й. Добровским, была воспринята практически безоговорочно, что объяснялось не только его авторитетом, но также и тем обстоятельством, что грамматическая структура языка, отличавшаяся значительной стабильностью и меньшей подверженностью временным изменениям, могла быть кодифицирована на основе языка предшествующих эпох. Подобная кодификация лексического состава языка вряд ли была возможной. Отзвук существовавших противоречий мы ощущаем, в частности, в статье Юнгмана «О různění. . .», в которой автор говорит о наличии различных противоборствующих течений. Напомним, что речь шла о представителях направления, идеализирующего добелогорский период развития чешского литературного языка, о поборниках германизации чешского языка, о сторонниках подмены единого литературного языка территориальными диалектами.

Вызывала споры и проблема сферы применения чешского литературного языка. Так, в частности, не всегда получало поддержку стремление Й. Юнгмана создать художественную литературу «высоких» жанров, а также

научную прозу на чешском языке. Определенные слои интеллигенции пессимистически относились к возможности и целесообразности восстановления традиции культурного творчества на чешском языке. Они полагали, что ущерб, нанесенный двухвековым перерывом в использовании чешского языка для фиксации достижений культуры и науки, практически непоправим (тем более на фоне успехов, достигнутых в эпоху просвещения культурой и наукой других европейских народов), поэтому, по их мнению, использование чешского языка в функции языка высшей литературы и науки привело бы лишь к культурной изоляции чешского народа, к нарушению его культурных связей с другими народами Европы. Напомним, что сам Й. Добровский сомневался в возможности восстановления функций литературного чешского языка, а тем более в приобретении им функций новых. Указанное обстоятельство во многом являлось источником противоречия, существовавшего между Юнгманом и Добровским. По мнению Юнгмана, истинный патриот должен не только возвеличивать прошлое чешского языка, но и всемерно содействовать его использованию во всех коммуникативных сферах современной жизни. Верный своим принципам, Юнгман в своей литературной, публицистической и научной деятельности, а также в личной переписке пользовался исключительно чешским литературным языком. В высшей степени недоброжелательно он относился к тем ученым, которые отводили чешскому языку роль средства обиходного общения либо допускавших возможность использования чешского языка для написания произведений лишь так называемой «народной литературы» (в противовес литературе высших жанров).

Следует оговорить, что применение чешского литературного языка в области науки и высшей литературы в ту пору было сопряжено с большими трудностями, вызванными отсутствием не только соответствующей отечественной терминологии, но и традиции употребления чешского литературного языка в указанных функциональных сферах. Чешские будители и прежде всего Юнгман сознательно шли на преодоление этих трудностей во имя будущего чешской нации, во имя создания национальной культуры, доступной всем слоям общества, в том числе простому народу, владеющему лишь чешским языком. Вместе с тем, принимая во внимание сложившуюся

ситуацию, Юнгман не считал возможным сразу выдвинуть требование создания оригинальных сочинений, написанных на чешском языке. Совершенно справедливо он предлагал компромиссное решение: вначале создавать переводы лучших сочинений мировой литературы, художественной и научной и, тем самым приобщить широкие народные слои к вершинам художественного и научного творчества, а затем приступить к созданию оригинальных произведений на чешском языке. Таким образом, переводческую деятельность он рассматривал именно как этап на пути к оригинальному творчеству: «Вы, возвышенные патриоты, не дайте себя уговорить не создавать самим оригинальные произведения, а лишь переводить их с немецкого языка»¹¹⁹.

Переводы лучших образцов европейской литературы (французской, русской, английской, немецкой) оказали огромное влияние на эстетическое воспитание чешского читателя. Так, например, Юнгманом были осуществлены переводы английского духовного эпоса «Утраченный рай» Мильтона, французской повести «Аттала» Шатобриана. Он переводил также «Слово о полку Игореве», сочинения Н. И. Новикова, Н. М. Карамзина и др. Стремясь развить художественный вкус читателей, Юнгман призывал переводить только лучшие произведения, причем, делать это таким образом, чтобы перевод производил впечатление оригинала, написанного по-чешски¹²⁰.

Следует подчеркнуть, что целью переводов художественной литературы было не только приобщить чешского читателя к европейской классике, но и на деле доказать способность чешского языка создавать адекватные художественные образы. Конфронтация чешского языка с языком-источником стимулировала подбор языковых эквивалентов, поскольку речь шла о языках с богатой культурной традицией, способствовала стилистической дифференциации языковых средств, в частности, образованию поэтической синонимии.

Необходимо иметь в виду, что на этом, раннем, этапе литературное творчество носило по преимуществу экспериментальный характер, оно было подвижно намерением доказать, что чешский язык пригоден для создания произведений, принадлежащих к установившимся канони-

¹¹⁹ Jungmann J. O jazyku českém, II. — *Boj*, s. 53.

¹²⁰ Jungmann J. Slovesnost, s. 27.

ческим жанрам (например, идиллия, ода, баллада и пр.). Лишь со временем, по мере восстановления традиции художественного творчества на чешском языке, по мере формирования литературной нормы начали появляться оригинальные сочинения на чешском языке, отвечавшие высшим эстетическим требованиям.

Особенно велики заслуги Юнгмана как основоположника современной научной лексикографии. Созданный им Чешско-немецкий словарь (1834—1839), явившийся блестящей иллюстрацией верности и применимости теоретической концепции ученого, увековечил память Й. Юнгмана в истории славянских народов.

Прекрасно понимая, что «словарь национального языка принадлежит к первейшим потребностям образованного человека»¹²¹, Юнгман отдал работе над его составлением лучшие годы своей жизни (сбор материала был начат в 1799 г.). В письме к А. Мареку (1813 г.) он пишет: «В этой лексикографической работе я кажусь самому себе узником на галерах, который был бы рад разорвать оковы и свободно шагать, и цветы собирать, как это делают другие вольные сыновья»¹²².

Создание словаря оказалось возможным благодаря самоотверженной помощи верных соратников Й. Юнгмана и, в частности, А. Марека. Неслучайно, получив известие о том, что Российская Академия наук наградила его в связи с работой над словарем золотой медалью, Юнгман в 1836 г. пишет А. Мареку: «В какой-то степени мне даже неприятно, что эта честь распространяется только на меня одного, и у меня даже возникает ощущение, что я как бы обогащаюсь за счет чужих заслуг»¹²³.

Словарь явился ценным практическим руководством: он фиксировал лексический состав языка, определяя закономерности словообразования и регулируя выбор слов, положил конец произвольному словотворчеству.

Монументальный труд Й. Юнгмана не следует рассматривать как синхронную каталогизацию лексики конкретной эпохи в истории чешского литературного языка и, в частности, как адекватное отражение языкового узуса эпохи возрождения. Это тезаурус, отражающий

¹²¹ См. авторское предисловие к словарю.

¹²² Jungmann J. — *Voj*, s. 152.

¹²³ Там же, с. 194.

лексику чешского литературного языка во всем ее историческом развитии и прежде всего лексику старшей поры. В основе словаря находятся старые тексты, Кралицкая библия, словари Д. А. Велеславина и его сочинения, сочинения Я. А. Коменского, словари В. Росы и других составителей, представлены также материалы современных словарей Й. Добровского, Фр. Томсы, Й. Палковича и включены данные, извлеченные из словаря польского языка С. Линде, словацкого языка А. Бернолака. Словарь отражает язык произведений современных Юнгману писателей, включены также неологизмы, заимствования из других славянских языков, диалектизмы.

Не следует упускать из виду, что словарь Юнгмана являлся средством проведения языковой политики, он отражал результаты сознательного отбора лексики, осуществленного в соответствии с принципами теоретической концепции лексического обогащения языка, разработанной его составителем. Так, в словаре лишь в незначительной степени представлены германизмы, изобиловавшие в языковом узусе того времени; нередкими являются авторские рекомендации, определяющие степень и сферу употребления тех или иных лексем.

Включение богатой синонимии, столь характерное для данного словаря, преследовало цель доказать диапазон выразительных возможностей чешского литературного языка, а также облегчить отбор лексики для различных дифференцированных сфер языковой коммуникации.

Чешско-немецкий словарь Й. Юнгмана продемонстрировал лексические богатства чешского литературного языка, подтвердил возможность его использования во всех коммуникативных сферах. Выход словаря принес Юнгману признание во всем славянском мире.

Большое значение Й. Юнгман и его друзья придавали воспитанию языкового чутья у современников.

Проведение языковой политики осуществлялось разными путями. Огромное воздействие на языковую культуру своего времени оказал словарь Юнгмана, явившийся важнейшим этапом лексической кодификации чешского литературного языка. Активно служили указанной цели художественная литература и печать. Важную роль сыграло использование журнала «Крок» и Журнала чешского музея, где помещались детальные лингвистические разборы и критики. Напомним хотя бы публикации

А. Марека «Loves» (Krok, I, 1821), Фр. Палацкого «Český kazimluv» (ČSM, 1837). Немалую лепту в распространение знания чешского литературного языка внесло Общество научного совершенствования языка и литературы («Sbor pro vědecké vzdělávání jazyka a literatury»), основанное в 30-х годах при Национальном музее.

Большое внимание вопросам культуры речи уделял Й. Юнгман в своей переписке: «Друг, я Вас сердечно люблю и очень уважаю, и все-таки у меня к Вам жалоба. Новшествами своими Вы, как злой гений, на всех писателей действуете. Вы оставили путь письменной речи, дошедшей до нас через бури и поэтому пошатнули слабых. Отсюда пошел беспорядок. . . Пишите, как писал Коменский. . .» (из письма к Коллару)¹²⁴.

Йозеф Юнгман пользовался огромным авторитетом у своих современников. Дань высокого уважения воздает ему Фр. Палацкий: «В вековой борьбе за наше существование Юнгман был первым, кто проложил путь, ведущий народ к спасению. . . Он научил нас думать по-старо-чешски и по-новоевропейски одновременно. Он был первый избранник из тех, кто не отчаивался по поводу будущего народа, а делал все, что было в его силах для возвеличивания народа»¹²⁵.

О своей преемственности по отношению к наследию Юнгмана неоднократно заявлял Й. К. Тыл. С большой теплотой пишет он о Юнгмане в своем очерке «Воспоминание о покойном», опубликованном в 1848 г. в журнале *Pražský posel*, где Тыл характеризует Юнгмана как одного из тех, «кто вместе с нами вел борьбу»¹²⁶.

Йозефа Юнгмана высоко ценила Б. Немцова, называвшая его «нашим избавителем из яра рабства, нашим воскресителем»¹²⁷.

Память Йозефа Юнгмана свято чтит молодое поколение писателей, объединенных вокруг альманаха «Май». Именно они приняли активное участие в торжественном реквиеме 16 ноября 1859 г., посвященном памяти великого «будителя» Юнгмана.

¹²⁴ ČSM, 54, 1880, s. 64.

¹²⁵ *Palacký Fr. Drobné spisy*, I. Sp.: *Jungmann J.* — *Boj*, s. 383.

¹²⁶ *Spisy Josefa Kajetána Tyla*, sv. XIII. *Pražský posel*, 1848. Praha, 1966, s. 38.

¹²⁷ *Vodička F. Cesty a cíle obrozenské literatury*. Praha, 1958, s. 141.

На первое место среди деятелей возрождения ставил Юнгмана Я. Неруда. Высоко оценивая заслуги Й. Юнгмана и особенно его влияние на дальнейшее развитие чешской национальной культуры, Неруда писал: «Деятельность Юнгмана. . . не бросалась в глаза. Она не ослепляла, а светила и согревала. Его дух был так спокоен. Он не сокрушал, подобно грохочущему прибою, но утолял жажду и приносил плодородие. И тем не менее его деятельность была подобна грому небесному, она пробудила от спячки всю страну»¹²⁸.

Акцентируя преемственность молодого поколения писателей по отношению к литературным традициям прошлого, Я. Неруда писал: «Юнгман был главным борцом за права нашего языка, он был самым счастливым и самым прилежным будителем»¹²⁹.

Высокую оценку личности и деятельности Юнгмана дает русский ученый И. Срезневский: «Юнгман был первым сеятелем и сеятелем счастливым: ему обязаны чехи тем, что имеют теперь и литературу, и любовь к литературе своей»¹³⁰.

Заслуги Йозефа Юнгмана и его соратников в деле стабилизации и обогащения лексики чешского литературного языка, его превращения в полифункциональный единый язык чешской нации были по достоинству оценены последующими поколениями. Об этом красноречиво свидетельствуют юбилейные торжества в честь 200-летия со дня рождения Й. Юнгмана, состоявшиеся в 1973 и 1974 гг. в Чехословакии.

Процесс стабилизации чешского литературного языка в основном был завершен к 40-м годам XIX в. К этому времени благодаря усилиям таких корифеев чешской культуры, как Й. Добровский и Й. Юнгман, была осуществлена кодификация грамматической структуры и лексического состава, т. е. образована прочная основа нового литературного чешского языка, были созданы предпосылки для значительного расширения сферы функционирования чешского литературного языка, постепенно превращавшегося в средство общения, взаимопонимания, культурного творчества всех членов нации.

¹²⁸ *Neruda J. Podobizny, I. Praha, 1951, s. 73.*

¹²⁹ *Neruda J. Literatura, I. Praha, 1957, s. 149.*

¹³⁰ *Смирнов С. В. Указ. соч., — Acta s. 182.*

Следует, однако, учитывать, что принятием кодификации Й. Добровского, нормализацией словарного состава, осуществленной Й. Юнгманом, проведением реформы правописания образование нового литературного чешского языка не заканчивается.

Новому поколению «будителей», принявшему эстафету из рук деятелей юнгмановской генерации, предстояло завершить стабилизацию чешского литературного языка, в частности, кодифицировать научную терминологию (первый терминологический словарь был составлен П. Й. Шафариком и вышел в 1853 г. — «Německo-český slovník vědeckého názvosloví»), синтаксис. Постепенно были устранены сложные периоды, громоздкие конструкции с обязательной постановкой глагола в конце предложения, конструкции, включающие винительный, именительный с инфинитивом и пр., т. е. элементы, появившиеся в чешском языке периода гуманизма под влиянием латыни.

Однако основное внимание деятелей чешской культуры позднего возрождения сосредоточивалось на решении таких жизненно важных вопросов, как всестороннее использование чешского литературного языка во всех коммуникативных сферах, окончательное формирование нормы литературного языка.

Проблема приобщения к литературному чешскому языку широчайших слоев населения могла быть успешно решена лишь на базе демократизации литературного чешского языка, устранения из него архаических, сугубо книжных элементов, а также германизмов, затруднявших общение, препятствующих естественности, простоте и непринужденности речевого проявления.

Процесс демократизации нормы литературного чешского языка во многом стимулировался изменениями количественного и качественного состава носителей языка и, в частности, притоком сельского населения в города, обусловившим интенсивное проникновение элементов разговорной речи. Немалую роль играло также увеличение численности интеллигенции (также, как правило, крестьянского происхождения), использующей в своей письменной речи вкрапления из речи разговорной, диалектов. Именно в этот период начинает зарождаться разговорная форма литературного чешского языка как результат

взаимодействия и интерференции литературного языка с народно-разговорной речью.

Окончательному становлению нормы литературного чешского языка во многом способствовал бурный расцвет литературного творчества, а также публицистики, связанный с такими именами, как К. Г. Маха, Й. К. Тыл, К. Гавличек-Боровский, К. Сабина, Б. Немцова, Я. Неруда и др.

К этому времени литературное творчество утратило характер экспериментальной аппликации лингвистической концепции, ставящей своей целью проиллюстрировать диапазон возможностей литературного чешского языка. Литературное творчество позднего возрождения постепенно освобождается от жанровых и стилистических канонов классицизма и сентиментализма, отходит в прошлое требование педантичного соблюдения учения о «трех штилях», непрременной исключительности поэтической речи, противопоставленной речи обиходной. Литературное произведение все в большей степени насыщается богатым внутренним содержанием, оно становится важным средством воспитания художественного вкуса, влияния на формирование общественного самосознания чешской нации.

Большая заслуга в демократизации чешского литературного языка принадлежит писателю и драматургу Й. К. Тылу, который писал: «Говорите, пойте, декламируйте, танцуйте по-чешски»¹³¹. В своих прозаических и драматургических произведениях Й. К. Тыл стремился к использованию общепонятных языковых средств, присущих разговорной речи. Ему было чуждо намерение некоторых писателей возвыситься над простой, естественной речью. Особо следует отметить умение Тыла использовать диалектизмы и архаизмы как средство стилистической дифференциации, речевой характеристики персонажей.

Необходимо оговорить, что требование педантичного соблюдения языковой правильности, столь характерное для юнгмановского поколения, нередко вызывало протест у молодых писателей, противившихся пуританскому, строго филологическому подходу к оценке языка литературного произведения. Это приводило зачастую к по-

¹³¹ Ср.: *Jedlička A. K otázce jazykové kultury v 30—40 letech 19 stol. — Studio a práce lingvistické, I, 1954, s. 461.*

явлению разногласий, возникновению конфликтных ситуаций. «В младшем поколении, — писал Юнгман в письме к Я. Коллару (1836 г.), — образуется новая группировка, по их мнению, гениальная, а, как я думаю, просто недоучки. Все, что написано Велеславиным, Коменским и др., они считают педантичным и обременительным. Они освобождают себя от этих оков и пишут, как умеют, с германизмами и т. д. Каждый из них сам себе философ, каждый, по своему усмотрению, создает для себя письменный язык»¹³².

Й. К. Тыл настойчиво стремился к демократизации литературного языка. «Действительно, — писал он, — уже пора на широком поле беллетристики вырваться из грамматических оков и научиться говорить легко, непринужденно, естественно»¹³³. Тыл выступал против «слепой, безудержной погони за кажущейся чистотой языка — этого педантичного искоренения всего, в том числе и хорошего, если это, как им кажется, попахивает чужестранщиной, этого чрезмерного пуризма»¹³⁴.

Комментируя конфликт между старшим и младшим поколением, А. Едличка пишет: «... На склоне своей жизни Юнгман (равно, как и остальные представители старшего поколения тридцатых и сороковых годов) полностью не осознавал изменений, произошедших в чешском обществе. Он не видел некоторых изменений в современном литературном узусе, соотносимых с изменениями в социальном составе активных носителей литературной нормы, а также изменений социального назначения языка. Отклонения от традиционной литературной нормы, имеющиеся в современных текстах, Юнгман односторонне соотносил с негативными условиями, в которых находилась коммуникация на чешском литературном языке в раннем периоде вплоть до тридцатых лет. Кроме того, он связывал их с отсутствием образования на чешском языке в школах высшей ступени»¹³⁵.

Разногласия, возникшие между юнгмановской генерацией и молодым поколением писателей, ни в коей мере

¹³² Jungmann J. — Boj, s. 194.

¹³³ Tyl J. K. Úvahy, literární obrazy a charaktery. — ČČM, 1847, s. 670.

¹³⁴ Tyl J. K. Sebrané spisy, II. Praha, 1908, s. 763.

¹³⁵ Jedlička A. Spisovný jazyk, jeho teorie a praxe. — Sl. sp. j., s. 154—155.

не ставили под сомнение роль авторитета Й. Юнгмана, они закономерно обуславливались спецификой исторического развития языка и общества и являлись красноречивым свидетельством того, что к этому времени чешский литературный язык превратился в полнокровный, живой организм, свободно функционирующий во всех коммуникативных сферах и имеющий стабильную норму, гибкую и динамичную.

Демократизация литературного чешского языка нашла свое отражение в произведениях лучших чешских писателей, в первых рядах которых стоит талантливая чешская писательница Божена Немцова, основоположница современного литературного чешского языка, которую Ю. Фучик справедливо называл революционеркой слова, так как язык ее произведений, свободный от всего искусственного и надуманного, полностью опирался на народную речь.

Прогрессивные писатели середины XIX в. черпали демократические элементы своего языка из различных источников, однако всех их объединяет то, что они освободили язык от тяжеловесности, архаичности, искусственности, приблизили его к живой народной речи, а тем самым к потребностям реальной жизни общества. В произведениях Й. К. Тыла, К. Гавличка-Боровского, Б. Немцовой, Я. Неруды и других уже определяются основы современного литературного чешского языка.

Характеризуя литературный чешский язык этого периода, Я. Белич пишет: «В своей практической реализации чешский язык этого времени, хотя и не является еще достаточно стабильным в области фонетики, словоизменения, синтаксиса и лексики, тем не менее уже очевидно, что он, действительно, представляет собой язык живой, полный движения и полнокровно пульсирующий в отличие от застывшей бумажной архаичности и тепличной исключительности литературного языка первого периода нашего Возрождения. На фундаменте, заложенном первым этапом, этот язык продолжает развиваться далее, достигая новой стабильности и бурного расцвета, в сложной эволюции вплоть до настоящего времени»¹³⁶.

¹³⁶ *Bělič J. Sedm kapitol . . .*, s. 41—42.

Литературный чешский язык перестает быть привилегией писателей и просветителей, языком только художественной и научной литературы, он становится языком общения, начинает обслуживать все общество. Этому в высшей степени способствовало введение всеобщего обучения и бурное развитие литературы, особенно публицистической, трактующей различные вопросы хозяйственной, политической и культурной жизни и обращенной к широким слоям городского и сельского населения.

Так создавался единый, общенародный, полифункциональный литературный язык чешской нации.

Л. Н. СМЕРНОВ

ФОРМИРОВАНИЕ
СЛОВАЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА
В ЭПОХУ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ
(1780—1848)



**Вопрос о литературном языке словаков
на начальном этапе национального возрождения**

Начало эпохи словацкого национального возрождения относится к 80-м годам XVIII в.¹ Это были переломные годы в истории словацкого народа: начинался процесс постепенного превращения словацкой народности в нацию. Отражением этого объективно-исторического процесса явилось пробуждение национально-этнического самосознания словаков, зарождение основ национальной словацкой идеологии. В условиях двойного национального гнета (со стороны правящих слоев немецкой и венгерской национальности) особое значение приобретает борьба словаков за равноправие, за родной язык и национальную культуру. На протяжении всей эпохи национального возрождения, которая длилась до середины XIX в., языковой вопрос был очень важным и актуальным. Он занимал значительное, а порой и доминирующее место в идеологических и культурных программах словацкого национального движения того времени. Правда, на разных этапах словацкого национального возрождения языковой вопрос и прежде всего вопрос о литературном языке словаков решался по-разному. Неодинаковыми были идейные и социально-политические мотивы его постановки, обнаруживались определенные расхождения в теоретическом и историко-философском обосновании путей и способов его решения.

Начальный этап словацкого национального возрождения в плане языковом ознаменовался реформой А. Бернолака (1762—1813), с именем которого связана разра-

¹ Dejiny Slovenska. Bratislava, 1961, s. 384; Slovensko. Dejiny. Bratislava, 1971, s. 405.

ботка и осуществление первой научно обоснованной программы кодификации словацкого литературного языка. Как известно, в силу специфических условий формирования словацкой народности словаки до конца XVIII в. не имели литературного языка на основе родной речи. Начиная с XV в. в Словакии наряду с латынью в литературно-письменной функции использовался чешский язык. Предпринятая Бернолаком и его последователями попытка ввести в литературу словацкий язык была связана с общими задачами национально-возрожденческого движения словаков, с процессом становления словацкой национальной идеологии. Реформа Бернолака явилась объективным следствием коренных социально-политических, экономических и идеологических сдвигов в общественной жизни Словакии конца XVIII в.² В это время многонациональная Австрийская империя, в состав которой входила и территория Словакии, вступила в полосу серьезных перемен, вызванных к жизни кризисом старого феодального строя, развитием социальных и национальных движений народов империи, процессом зарождения экономических, политических и национальных отношений капиталистической эпохи. Все эти перемены затронули и Словакию. И здесь постепенно развиваются элементы новых капиталистических производственных отношений, появляются мануфактуры, расширяется производство сукна, кожи и других товаров, развивается горнодобывающая промышленность, оживляется торговля и т. п. Словацкие историки отмечают: «Феодальный общественный порядок и в Словакии вступает в эпоху открытого, продолжительного и уже неизлечимого кризиса, который в сущности затрагивает все сферы общественной жизни»³. Существенной чертой, отражающей новые веяния, было то, что наряду с феодально-дворянским сословием к общественной жизни подключается городская и сельская мелкая буржуазия. Однако в этот период словацкая буржуазия была еще слаба и малочисленна. Это наложило определенный отпечаток на зарождающееся национальное движение словаков: вырази-

² О социально-исторической обусловленности бернолаковского движения см.: *Tibenský J. Historická podmienenosť a spoločenská báza vzniku bernolákovského hnutia. — K počiatkom slovenského národného obrodenia. Bratislava. 1964, s. 55—96.*

³ *Slovensko. Dejiny, s. 405.*

телями национальных требований и устремлений являются главным образом представители патриотической интеллигенции — народные «будители». Они много делают для просвещения своего народа, для пробуждения национального самосознания словаков. Существенную роль играет то обстоятельство, что среди этой интеллигенции (священников, учителей, врачей, адвокатов и т. п.) подавляющее большинство составляют люди недворянского происхождения⁴. Наличие в словацком национально-возрожденческом движении значительной демократической прослойки создало благоприятную почву для восприятия словацким обществом прогрессивных просветительских идей и концепций рационалистической философии, получивших распространение в Западной Европе. Все это способствовало оживлению общественной и культурной жизни Словакии, пробуждающейся от феодальной спячки. Важную роль в рассматриваемый период сыграли и некоторые реформы «просвещенного абсолютизма» (в частности, манифест об отмене личной крепостной зависимости крестьян, патент о веротерпимости, меры, направленные на расширение деятельности светских школ, декрет о правах местных народных языков).

В плане развития языка и письменности в Словакии реформу Бернолака нельзя считать неожиданным или искусственным актом. Чтобы это показать, необходимо хотя бы кратко охарактеризовать языковую ситуацию в Словакии XVIII в. и прежде всего положение в литературно-письменной сфере.

В это время в качестве письменных языков в Словакии использовались латынь, чешский, немецкий и венгерский языки (в Восточной Словакии в некоторых видах письменности sporadически применялся и польский язык). Правда, роль этих языков в культурной жизни словаков была далеко не одинаковой.

Особое положение занимал чешский язык. Это было обусловлено спецификой развития словацкой народности. В средневековой Словакии, как и в других частях Венгерского королевства, официальным письменным языком была латынь. Она использовалась в сущности во всех

⁴ Интересные статистические данные о социальном составе словацкой патриотической интеллигенции того времени см.: *Huško J. Sociálne zloženie a pôvod slovenskej obrodeneckej jinteligencie. Bratislava, 1974, s. 23.*

сферах общественно-культурной жизни (конечно, представляемыми высших, образованных слоев общества). В качестве средства «высокого стиля» латынь сохранила свои позиции и в XVIII в. На латинском языке издавались религиозные трактаты, научные труды, «высокая» поэзия и т. п. Писать на латинском языке считалось признаком образованности. Однако в XVIII в. латынь в Словакии имела уже сильного конкурента, который вытеснил ее из «низших» сфер общественной коммуникации и применялся наряду с ней в некоторых жанрах «высокого стиля». Это был чешский литературный язык. Он проник в Словакию еще в XIV в.⁵ С XV в. чешский язык выступал в функции литературно-письменного языка словацкой народности и сыграл важную роль в развитии словацкой национальной культуры и, в частности, в процессе формирования словацкого литературного языка⁶. В силу структурной близости словацким диалектам он был более понятен и доступен местному словацкому населению, чем остальные письменные языки. С XVI в. в связи с реформацией заметно расширяются общественные функции чешского языка в Словакии. Большое значение имело то, что он становится признанным литургическим языком словацких протестантов и распространяется по всей Словакии. Он успешно конкурирует с латынью в деловой, административно-правовой письменности. На чешском языке публикуются также произведения научного и литературно-художественного характера. Основными носителями чешского языка в Словакии были средние слои общества (горожане, мелкое дворянство, чиновники и т. п.).

В функциональном отношении чешский язык в Словакии имел определенные ограничения. Это был прежде

⁵ О причинах проникновения чешского языка в Словакию см.: *Varsik B. Udomácnenie češtiny na Slovensku a jej funkcia v XV. a XVI. stor. na Slovensku. — Slovenské listy a listiny z XV. a XVI. storočia. Bratislava, 1956, s. 11—18; Pauliny E. Dejiny spisovnej slovenčiny, I. Bratislava, 1966, s. 29—32.*

⁶ *Pauliny E. Čeština a jej význam pri rozvoji slovenského spisovného jazyka a našej národnej kultúry. — O vzájomných vzt'ahoch Čechov a Slovákov. Bratislava, 1956, s. 99—124. Idem. Dejiny spisovnej slovenčiny, s. 31; Habovštiaková K. Podiel češtiny na formovaní Bernolákovej spisovnej slovenčiny. — Acta Universitatis Carolinae. Slavica Pragensia. IV, 1962.*

всего книжный язык, язык разного рода письменности. В известной мере он употреблялся и в устной форме (например, у словацких протестантов при совершении некоторых религиозных обрядов ⁷), но все же не стал повседневным разговорным языком словаков. Эту функцию выполняли главным образом местные словацкие диалекты или же словацкие интердиалектные образования.

Роль чешского языка в развитии словацкой культуры обуславливалась помимо прочего тем, что в течение длительного времени он воспринимался словаками как культивированная, обработанная форма языка, соотнесенная с их родной речью. Достаточно четко это проявлялось в городах, где словаки наряду с латынью использовали чешский литературный язык, а немцы предпочитали язык немецкий ⁸. И все же между чешским и словацким языком в тот период было не только иерархическое отношение литературно-письменного языка и диалекта, но и отношение билингвистическое ⁹. Это проявлялось, в частности, и в сложном взаимодействии чешского и словацкого языка в словацкой письменности того времени.

Чешский литературный язык в Словакии испытывал на себе воздействие местной диалектной среды. В него проникали специфические словацкие языковые элементы (словакизмы), что, естественно, способствовало расшатыванию литературных норм чешского языка. Процесс «словакизации» захватывает сначала письменность чисто практического, делового характера, а затем и другие литературно-письменные сферы ¹⁰. Чешский язык в свою очередь

⁷ *Pauliny E.* Dejiny spisovnej slovenčiny, s. 52; *Dorul'a J.* O češtine na Slovensku v 16. a 17. storočí a o vývine slovenskej slovnej zásoby. — *Slavica Slovaca*, roč. 2, 1967, čís. 1, s. 24.

⁸ *Pauliny E.* Kultúrnohistorické podmienky a spoločenské funkcie bilingvizmu v dejinách spisovnej slovenčiny. — *Československé přednášky pro IV. Mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě*. Praha, 1958, s. 41.

⁹ Ср.: *Pauliny E.* Kultúrnohistorické podmienky a spoločenské funkcie bilingvizmu v dejinách spisovnej slovenčiny, s. 43.

¹⁰ О соотношении чешских и словацких языковых черт в письменности добернолаковского периода интересные наблюдения см.: *Dorul'a J.* O češtine na Slovensku v 16. a 17. stor. a o vývine slovenskej slovnej zásoby. — *Slavica Slovaca*, roč. 2, 1967, čís. 1, s. 23—35; čís. 4, s. 364—378. *Idem.* O jazyku administratívno—právných písomností obdobia predbernoľákovského. — *Slavica Slovaca*, roč. 3, 1968, s. 333—352. *Habovštiaková K.* O vzťahu slo-

оказывал заметное влияние на словацкий язык, особенно на те его коммуникативные формации, которые использовались в среде образованных людей.

Следует отметить еще одну особенность языковой ситуации, сложившейся в Словакии к XVIII в. В это время уже получили заметное развитие интеграционные процессы, захватившие местные словацкие говоры. В результате оживленных контактов представителей разных говоров происходило взаимопроникновение диалектных элементов, складывание междиалектных разговорных идиом. В устном общении образованных словаков находили применение своеобразные интердиалектные формации, сложившиеся в сложном взаимодействии родной народно-разговорной речи с чешским языком. Эти формации занимали переходную ступень между местными словацкими говорами и чешским литературным языком. И по своим структурным признакам, и по функциональному назначению они уже не были тождественны простой диалектной речи. В словацкой лингвистической литературе для обозначения подобных формаций используется термин «культурный язык». При этом, как правило, отмечаются две областные разновидности: «западнословацкий культурный язык» и «среднесловацкий культурный язык». Иногда говорят и о «восточнословацком культурном языке»¹¹. Мы предпочитаем называть указанные формации не «культурными языками», а «культурными интердиалектами». Отражение в словацкой письменности того времени характерных черт и элементов этих формаций (так, например, многие признаки «западнословацкого культурного интердиалекта» зафиксированы в грамотах, документах, в рукописных и печатных литературных произведениях) свидетельствовало о том, что наряду с чешским литературным языком стихийно формируется своеобразный местный «культурный язык»¹². Этот «язык» (культурный интердиалект) обнаруживает тенденцию к известной унификации.

Можно сказать, что ситуация в письменно-литературной сфере в Словакии XVIII в. была довольно сложной.

venčiny a češtiny v slovenských písomnostiach zo XVI. — XVIII. storočia. — *Slavia*, roč. 37, 1968, seš. 2, s. 235—252.

¹¹ Pauliny E. *Dejiny spisovnej slovenčiny*. I. Bratislava, 1966.

¹² Pauliny E. *Op. cit.*, s. 82.

Если отвлечься от применения латыни, немецкого и венгерского языков и иметь в виду только те коммуникативные формации, которые были тесно, непосредственно связаны со словацким этническим коллективом (то есть чешский литературный язык и разные формации словацкого языка), то и в этом случае приходится констатировать наличие довольно широкого диапазона разновидностей письменного языка: от печатных и рукописных книг и других письменных материалов, удерживающих в чистоте нормы литературного чешского языка, до разного рода записей и документов почти на чистом словацком диалекте. Между этими двумя полюсами находились административно-правовые, деловые, религиозные, литературно-художественные письменные памятники, в которых не было единой устоявшейся нормы. В одних из них преобладала чешская основа, на которую в большей или меньшей мере накладывались элементы словацкого языка (эта форма обычно называется «словакизированным чешским языком» — *slovakizovaná čeština*)¹³, в других, хотя и преобладали признаки диалекта или «культурного интердиалекта», было заметно и влияние чешского языка. В рассматриваемый период, когда уже отчетливо проявлялось осознание словаками (по крайней мере у части интеллигенции) своей национально-этнической индивидуальности, подобные «смешения» могли являться не только результатом длительных контактов, взаимодействия двух близкородственных языков (и в силу этого быть в значительной мере объективно-стихийными), но и следствием сознательной деятельности, направленной на словакизацию письменности. Так, например, еще до реформы Бернолака в Западной Словакии была предпринята попытка введения в литературу словацкого языка. Здесь был издан первый словацкий роман¹⁴. Книги на местном сло-

¹³ Я. Доруля говорит об «определенном стандарте чешского языка в Словакии», который возник «в результате контакта книжного чешского языка и местных словацких говоров». Он замечает: «Это образование в словацких рамках является относительно единым, и его можно хорошо охарактеризовать целым рядом признаков» (*Doruľ a J. O češtine na Slovensku v 16. a 17. storočí a o vývine slovenskej slovnej zásoby. — Slavica Slovaca, roč. 2, 1967, čís. I, S. 25*).

¹⁴ *Bajza J. I. René Mlád'enca Príhodi, a Skusenost'i. Stránka prvňá. W Presspurku, 1783.*

вацком диалекте с применением венгерской орфографии издавались в добернолаковский период и в Восточной Словакии¹⁵.

Итак, в развитии языковой ситуации в Словакии в XVIII в. явно обнаруживаются две противоположные тенденции. Одна была связана со стремлением сохранить в чистоте нормы чешского литературного языка в словацкой письменности, укрепить его позиции в литературно-письменной сфере, в культурной жизни словаков. Подобные стремления были наиболее типичны для словацкой интеллигенции протестантского вероисповедания. В их среде получило распространение представление о национально-этническом, языковом и культурном единстве словаков с чехами. В силу этого они воспринимали чешский литературный язык как свой «национальный» и, естественно, выступали за его культивирование. Правда, и в их лагере были деятели (Д. С. Горчичка, Я. Симоидес), которые высказывались за применение в письменности словацкого языка. Однако среди протестантов определяющим в этот период было стремление сохранить чешский язык в качестве литературно-письменного языка словаков. Вторая тенденция достаточно ясно отражает стремление словаков к литературно-письменной самостоятельности, к введению в литературу словацкого языка. Эти стремления наиболее сильно проявлялись в среде образованных словаков католического вероисповедания. Помимо прочего их переход на позиции литературно-письменной самостоятельности облегчало то обстоятельство, что у них не было таких прочных и длительных традиций в использовании чешского языка в литургической функции, как у словацких протестантов.

На католическую письменность в Словакии того времени значительное влияние оказывал «западнословацкий культурный интердиалект». Процесс словакизации здесь зашел настолько далеко, что в середине XVIII в. в католической письменности был представлен, как отмечает Э. Паулини, достаточно твердо нормализованный словацкий язык, «который из-за существенных отклонений от чешского языка уже нельзя назвать лишь словакизированным чешским языком»¹⁶.

¹⁵ *Pauliny E. Dejiny spisovnej slovenčiny. I, s. 83.*

¹⁶ Там же, s. 78.

Языковая реформа Бернолака явилась продолжением сознательных стремлений словаков создавать и развивать литературу на своем родном языке. Заслуга Бернолака состоит прежде всего в том, что он предложил целостную программу узаконения самостоятельного словацкого литературного языка, как языка единого и нормализованного.

Прежде всего несколько слов о жизненном пути¹⁷ Антона Бернолака — словацкого просветителя, первого кодификатора литературных норм словацкого языка, человека, сыгравшего такую значительную роль в истории словацкой национальной культуры.

Антон Бернолак родился в семье словацкого дворянина в д. Сланица (Средняя Словакия) накануне 3 октября 1762 года (эта дата документально зафиксирована как день крещения, день рождения Бернолака точно не установлен). После окончания гимназии в г. Ружомберке он получает духовное образование (Братислава, Трнава). Затем в течение двух лет он изучает теологию в Венском университете. При этом он проявляет живой интерес также к истории, языкознанию, медицине, экономике и другим наукам. В Вене, центре реформистской деятельности «просвещенного» монарха Иосифа II, молодой богослов мог познакомиться с новыми просветительскими и философскими веяниями эпохи. В 1784—1787 гг. Бернолак завершает духовное образование в генеральной семинарии в Братиславе. Решив посвятить себя делу развития национальной культуры, словацкого языка и литературы, он активно включается в работу кружка любителей родного языка. Опираясь на поддержку своих молодых коллег, Бернолак подготавливает и в 1787 г., когда ему было только 25 лет, анонимно издает свой первый знаменитый труд «Филологическо-критическое рассуждение о славянских письменах» с приложением краткого наставления по словацкой орфографии¹⁸. Годом выхода в свет этого

¹⁷ Более подробную биографию А. Бернолака см.: *Mat'ovčík A. Anton Bernolák. Život a dielo.* — K počiatkom slovenského národného hnutia. Bratislava, 1964, s. 113—142. Ср. так же: *Habovštiaková K. Bernolákovo jazykovedné dielo.* Bratislava, 1968, s. 9—14.

¹⁸ *Dissertatio philologico-critica de litteris Slavorum. Posonii, 1787.* — Орфография вышла в свет также отдельным изданием: *Linguae Slavonicae per regnum Hungariae usitatae compendiosa simul, et facilis Orthographia. Posonii, 1787.*

труда датируется начало истории словацкого литературного языка.

После окончания братиславской семинарии Бернолак в течение четырех лет исполнял обязанности католического священника в Чеклисе (ныне — Бернолаково), неподалеку от Братиславы. Однако он не оставляет и свои литературные и научные занятия: подготавливает «Словацкую грамматику»¹⁹, изданную в 1790 г. Этот труд свидетельствует не только о кодификаторских усилиях, но и о «будительских» устремлениях автора. Желая воодушевить своих соотечественников, пробудить у них любовь и уважение к родному языку и национальной культуре, Бернолак ссылается на пример других славянских народов, которые издавна заботились о своем языке. Указывая, в частности, на труды по русскому языку, Бернолак отмечает и «Российскую грамматику» М. В. Ломоносова. Живя в Чеклисе, Бернолак много сил отдает сбору и обработке лексического материала для подготавливаемого им словацкого словаря, а в 1791 г. издает новый лингвистический труд, посвященный словацкому словообразованию²⁰. В этом же году Бернолак переезжает в г. Трнаву. Здесь, работая секретарем архиепископского викариата и выполняя ряд других служебных функций, он все же по-прежнему много энергии, сил и времени отдает борьбе за развитие словацкой культуры, за внедрение в литературу кодифицированного им языка. С 1797 г. и до самой смерти Бернолак живет и работает в г. Нове Замки. Будучи деканом и управляющим городской школой, он не оставляет и свои занятия словацким языком. Бернолак самоотверженно трудится над завершением словаря, внося в него поправки и дополнения. Он несколько раз переписывал его заново. Когда, наконец, плод двадцатилетней, поистине титанической, работы — многотомный «Словацкий чешско-латинско-немецко-венгерский словарь» был закончен, Бернолак в силу ряда финансовых и других трудностей не смог его опубликовать. Этот словарь вышел в свет²¹ лишь через двенадцать лет после смерти Бернолака.

¹⁹ *Bernolák A. Grammatica slavica. Posonii, 1790.* — Позднее уже, после смерти Бернолака, она была переведена на немецкий язык: *Schlowakische Grammatik. Ofen. 1817.*

²⁰ *Bernolák A. Etymologia vocum slavicarum. Tyrnaviae, 1791.*

²¹ *Bernolák A. Slowár Slowenský, Česko-Lat'insko-Nemecko-Uherský. I—VI. Budaë, 1825—1827.*

Умер Бернолак от сердечного приступа 15 января 1813 г.

В лингвистических трудах Бернолака воплощена широкая программа по узаконению норм литературного словацкого языка, охватывающая все ярусы языковой структуры.

В данной статье мы можем лишь в общих чертах охарактеризовать кодификаторские усилия Бернолака, нашедшие отражение в его пяти лингвистических работах («Филологическо-критическое рассуждение. . .», «Орфография», «Словацкая грамматика», «Этимология» и «Словарь»).

Правописание. Уже в первом своем труде Бернолак стремится не только обосновать принципиальную необходимость самостоятельного словацкого литературного языка, но и кодифицировать его нормы в области орфографии и орфоэпии. К вопросам правописания он обращается и в следующих своих работах («Орфография», «Грамматика»). Он хорошо понимал, как важно для литературного языка «неопределенный и неясный способ написания. . . свести к верно установленным правилам»²². Во введении к «филологическо-критическому рассуждению. . .» Бернолак отмечал, что этот труд был создан в соответствии с желанием «очень многих почитателей словацкого языка в Венгрии», которые хотели, чтобы кто-нибудь «обратил внимание и свой научный интерес на разработку паннонско-словацкого правописания и произношения. . .»²³. Бернолак стремился устранить колебания и непоследовательность словацкого письменного узуса предшествующего периода (прежде всего узуса католической письменности Трнавского культурного центра, на который он в значительной мере опирался) и показать в области графики различие словацкого и чешского языка.

Реформа словацкой орфографии, предпринятая Бернолаком, в определенной мере упорядочивала, унифицировала ряд черт и особенностей правописания, которые встречались ранее в словацкой письменности. Однако и в этой сфере Бернолак проявил себя как вдумчивый аналитик, систематизатор, а в ряде вопросов и как новатор.

Новаторство Бернолака проявилось прежде всего в главных исходных принципах кодификации правописа-

²² Цит. по: Gramatické dielo Antona Bernoláka. Bratislava, 1964, s. 23.

²³ Там же, с. 19.

ния или, как он сам указывал, в «общем и основном принципе всей орфографии»²⁴. Он считал, что правила написания нужно выводить из произношения. При разработке и систематизации этих правил Бернолак учитывал не столько произношение люда, сколько произношение «образованных и ученых», т. е. он опирался на принятый в то время разговорный язык (разговорный узус) словацкой интеллигенции. Это помогло Бернолаку лучше выявить специфику словацкого языка. Вторая важная особенность бернолаковской кодификации правописания состояла в стремлении каждый звук обозначать одной буквой. Наконец, следует отметить черты рационализма, характерные для обоснования Бернолаком предлагаемых им изменений и улучшений орфографии.

Остановимся на некоторых конкретных рекомендациях Бернолака в области словацкого правописания. Для кодификации Бернолака характерны следующие признаки.

Последовательное устранение буквы *y*, поскольку *y* и *i* в произношении словаков не различаются. По мнению Бернолака, нет необходимости использовать буквы *y* и *i* для обозначения соответственно твердости или мягкости предшествующего согласного. Поэтому он рекомендует вместо *y* (*y*) везде писать *i* (*i*), например: *řiba* (вм. *řuba*), *rekní* (вм. *rekný*) и т. п. Примечательно, что подобное написание sporadически уже встречалось в предшествующей словацкой письменности (в частности, в произведениях Й. И. Байзы), однако только Бернолак дает его обоснование и вводит как характерную особенность словацкого правописания.

Устранение иноязычных графем *q*, *x* и замена их сочетаниями *kw*, *ks* (например: *Kwartír*, *Kwintus*, *Ksenofont*).

Обозначение мягкости согласных *t*, *d*, *n*, *l* перед гласными *e* и *i* при помощи диакритических значков, т. е. написание *t'e*, *d'e*, *ňe*, *l'e*, *t'i*, *d'i*, *ňi*, *l'i*. Тенденция к обозначению мягкости знаком над самим согласным тоже проявлялась в предшествующей западнословацкой письменности, но такое обозначение последовательно не проводилось и не было кодифицировано.

Написание предлогов *s*, *z* в соответствии с произношением: *s* *Pawłom*, *s* *Pánom*, но *z* *Adamom*, *z* *octom*.

Обозначение *j* через *g*, например, *Gán*, *Gózeľ*.

²⁴ Gramatické dielo Antona Bernoláka, с. 95.

Устранение ряда традиционных богемизмов, которые встречались в западнословацкой письменности XVII—XVIII вв. (Бернолак отвергает употребление *v* в начале слова (или слога) на месте произносимого *u* и рекомендует писать в этом случае *u*, например: *učení*, а не *včený*, *umgel*, а не *vmgel* и т. п.; для обозначения долгого *i* предлагает писать не *j*, как было принято, а *í*, например: *číní*, а не *činj*, *krásní*, а не *krásnj*; отвергает написание *au* на месте долгого *ú*, например: *múdrí*, а не *maudgrý*, *lúka*, а не *lauka*, отказывается от букв *č*, *š*, *ř* и др.).

Разрабатывая свои рекомендации в области правописания, Бернолак стремился упростить и унифицировать графическую систему словацкого языка, приспособить орфографические правила к существовавшему в то время произношению образованных словаков. Давая в своих трудах образцы правильного написания и произношения, Бернолак выражал надежду, что это послужит «самым действенным лекарством» от языковых ошибок. Делая в своей кодификации упор на живое произношение, Бернолак отказывается от традиционного этимологического принципа в правописании и вводит принцип фонетический.

Фонетика. При кодификации в области фонетики Бернолак также исходил из узуса образованных людей. Наиболее подробно фонетическая система разработана им в «Словацкой грамматике». В первой части этого труда он дает классификацию звуков словацкого языка (следует заметить, что у Бернолака, как и в предшествующей грамматической традиции, еще нет четкого разграничения букв и звуков).

Он выделяет пять гласных, которые могут быть краткими и долгими: а (*á*), о (*ó*), е (*é*), и (*ú*), í (*í*). Для системы вокализма, предложенной Бернолаком, характерно отсутствие дифтонгов (правда, в его лингвистических трудах они все же встречаются в отдельных словах, но такие слова Бернолак обычно расценивает как диалектные, а не литературные). Эта черта так же, как отсутствие специфического среднесловацкого гласного *ä* и некоторые другие признаки, указывает на западнословацкий характер источника кодификации.

В системе консонантизма, наоборот, можно обнаружить явные черты среднесловацкого диалектного типа. Бернолаковщина отличается от западнословацких говоров прежде всего наличием мягких согласных *tʹ*, *dʹ*, *ň*, *lʹ* и

рефлексом *dz* на месте праславянского *dj*²⁵. К средне-словацким признакам следует отнести и выделенные Бернолаком «полугласные» *r* и *l*, которые могут выступать как слогообразующие (например, *mlčanl'iwí, wlk, plt, hrst', prst, smrt'* и др.)²⁶. Правда, в отношении слогового *l* Бернолак не всегда последователен, в ряде работ у него встречаются слова, в которых *l* выступает в сочетании с гласным, ср.: *blcha*, но *blecha, blucha, slnce*, но *slunce*.

Вместе с тем в инвентаре согласных бернолаковщины представлены и западнословацкие диалектные черты. К их числу можно отнести, например, группу согласных *šč* ср.: *ešče, meščan*. Однако и здесь Бернолак не совсем последователен: наряду с *šč* он допускает и сочетание *št'*, характерное для среднесловацких говоров (ср. варианты, встречающиеся в его работах: *bogiščo* и *bogšit'o, hnoğ-iščo* и *hnoğiš't'o* и т. п. Характерной чертой системы консонантизма бернолаковщины является наличие согласного *ğ*, например: *ğazda, ģroš* и т. д.

Грамматика. Кодификаторские усилия Бернолака в области грамматического строя литературного словацкого языка отражены главным образом в его «Словацкой грамматике». Правда, она была задумана как учебное пособие, как книга, «закрывающая в себе искусство хорошо читать, говорить и писать по-словацки»²⁷, но по существу это была первая попытка создания описательной грамматики словацкого языка²⁸.

«Словацкая грамматика» включает пять частей. Первая часть посвящена характеристике фонетической системы словацкого языка и вопросам орфоэпии. Во второй части дается детальное описание морфологического строя. Проблемы синтаксиса рассматриваются в третьей части книги. Здесь же имеется небольшой раздел о порядке слов в предложении. В четвертой части описываются правила долготы и краткости слога. Последняя часть посвящена орфографии.

При написании своего труда Бернолак опирался на предшествующую грамматическую традицию и прежде всего на работы чешских грамматистов. Все же его книга —

²⁵ *Habovštiaková K. Bernolákovo jazykovedné dielo, s. 94.*

²⁶ Ср.: *Gramatické dielo Antona Bernoláka, s. 77.*

²⁷ *Gramatické dielo. . ., s. 132—133.*

²⁸ *Habovštiaková K. Bernolákovo jazykovedné dielo, s. 130.*

это не простая компиляция, не механическое подражание известным образцам. Как в освещении ряда теоретических проблем, так и в самом построении грамматики и классификации словацкого языкового материала Бернолак проявляет самостоятельность, критическое отношение к предшествующей грамматической традиции. Это позволило ему выявить и рельефнее описать ряд специфических черт грамматического строя словацкого языка.

Основное внимание Бернолак уделяет описанию морфологических явлений (склонению и спряжению). При этом в его кодификации учитываются не только западно-словацкие диалектные черты и характерные элементы чешского литературного языка, традиционно бытовавшие в добернолаковской западнословацкой письменности, но и черты общесловацкие и среднесловацкие.

Так, западнословацкую основу легко можно обнаружить в таких формах, как окончание мест. п. ед. ч. муж. р. и ср. р. *-i* (а не: *-e*, характерное для среднесловацкой диалектной области), например, *w klášteri*, *na posi*, *na pási*; *na massi*, *na žel'ezi*; окончание твор. п. ед. ч. жен. р. *-ú*: *owcú*, *osobú* и др.; в формах ср. рода *stawańi* (правда, при них Бернолак допускает и варианты среднесловацкого типа, естественно, в несколько ином фонетическом облике — *stawańa*). Среди традиционных чешских элементов можно отметить форму зват. п. ед. ч. типа: *odplat'it'el'i*, *spasit'el'i* и окончание дат. и мест. пп. ед. ч. жен. р. *-e*, например: *poze*, *muše*.

Но наряду с этим в морфологической кодификации Бернолака имеются и среднесловацкие черты. К их числу относятся: окончание дат. — мест. п. ед. ч. муж. р. имен одушевленных *-owi*: *ránowi*, *sluhowi*, *sudcowi* и т. п.; окончание мест. п. мн. ч. муж. р. *-och*: *o ránoch*, *o sudcoch*, *na duboch* и т. п.; окончание твор. п. ед. ч. муж. р. *-om*: *sluhom*, *ránom*, *dubom*, *srdcom* и т. п. Окончание род. и вин. пп. мн. ч. муж. р. имен одушевленных *-ow*: *ránow*, *sluhow*, *sudcow* и т. п.; окончание мест. п. ед. ч. прилагательных муж. и ср. р. *-om*: *na reknom*, *na ránowom*.

В области морфологии глагола среднесловацкими элементами являются окончания 1 л. ед. ч. *-m*: *plačem*, *pigem*, *segem*; 3 л. мн. ч. *-ú*: *plačú*, *pigú*, *segú*; формы причастий на *-l*: *pékol*, *trásol* и др.

Подобный характер кодификации обусловлен тем, что Бернолак, устанавливая правила в области морфологии, также опирался на живой разговорный узус, в котором перекрещивались элементы чешского литературного языка и словацких диалектов при значительном удельном весе среднесловацких черт.

Словообразование. В «Словацкой грамматике» Бернолака нет особого раздела о словообразовании, однако этой проблематике посвящен его специальный труд «Этимология словацких слов». Термином «этимология» Бернолак определял, в сущности, науку об образовании слов. В данной книге основное внимание уделено характеристике трех типов аффиксального словопроизводства: образованию имен существительных жен. рода от имен существительных муж. рода; образованию уменьшительных слов и, наконец, прочим способам словообразования существительных, прилагательных и глаголов. Этим вопросам посвящена первая часть труда. Во второй части содержится описание типов сложных слов. В приложении, занимающем по объему значительную часть книги, приводится разнообразный иллюстративный материал — списки различных терминов и наименований, словосочетания и фразеологизмы.

Несмотря на свой более специальный характер, эта работа занимает немаловажное место в цепи тех усилий, которые предпринимал Бернолак в целях узаконения норм литературного словацкого языка. Понимая, что развитие литературного языка требует значительного обогащения словарного состава и, в частности, научной терминологии²⁹, Бернолак стремился выявить и узаконить основные принципы и нормы словацкого словообразования, определить правила создания новых слов.

Однако данная работа в научно-лингвистическом аспекте имеет немало слабостей и недостатков. В ней Бернолак, пожалуй, был наименее самостоятелен. Он в значи-

²⁹ О роли Бернолака в развитии словацкой терминологии см.: *Slivková V.* K počiatkom slovenskej terminológie hláskoslovnia. — Slovenské odborné názvoslovie, 7, Bratislava, 1959, s. 129—133; *Idem.* Pramene Bernolákovej gramatickej terminológie. Slovenské odborné názvoslovie, 5, 1957, s. 65—68; *Habovštiaková K.* K charakteristike slovnej zásoby a terminológie u Bernoláka. — Československý terminologický časopis, 1, 1962, s. 377—379.

тельной мере опирается на труды чешских грамматистов (Долежала, Росы и др.) и некритически применяет устанавливаемые ими правила к материалу словацкого языка. Чтобы доказать продуктивность того или иного способа словообразования, Бернолак приводит иногда много слов, реально несуществующих в словацком языке. Примечательно, что позднее в «Словаре» Бернолак некоторые из этих искусственно образованных слов уже не дает.

Следует отметить, что в этом труде Бернолак пытался показать различие между словацким и чешским языком и в ряде случаев делал это достаточно убедительно (например, он отмечает различие суффиксов *-ec* и *-ce* в словацких и чешских словах типа: *obrânes*, *sprâwec* и *obrânce*, *sprâwce*; суффиксов *-enstvo* (словац.) и *-enství* (чеш.) в именах существительных и др.)³⁰. Все же можно констатировать, что книга «Этимология словацких слов» — это наиболее слабое звено в кодификаторской деятельности Бернолака. Не следует, однако, забывать, что это была «первая попытка разработки вопросов словообразования в литературном словацком языке»³¹.

Лексика. Много сделал Бернолак в плане изучения и обработки словацкой лексики. Шеститомный пятиязычный «Словацкий чешско-латинско-немецко-венгерский словарь», содержащий более 80 000 заглавных слов, завершает кодификаторские усилия Бернолака. Он пытался придать «Словарю» нормативный характер как путем отбора слов, так и различными оценочными пометами.

Поскольку «Словарь» был издан уже после смерти Бернолака, не всегда можно с уверенностью сказать, ему ли принадлежат те или иные рекомендации и утверждения относительно отдельных слов или некоторых принципов образования слов, или же их автором является кто-то иной (обычно в литературе об этом «Словаре» говорится о существенных поправках и изменениях, внесенных редактором). Э. Паулини даже отмечает, что из-за этого «нельзя точно установить концепцию «Словаря», принадлежащую самому Бернолаку»³². По поводу «Словаря» Бернолака было много споров. По-разному оценивались его научные достоинства (порой весьма негативно) и целе-

³⁰ Gramatické dielo Antona Bernoláka, s. 459, 461.

³¹ *Habovštiaková K.* Bernolákovu jazykovedné dielo, s. 214.

³² *Paulíny E.* Dejiny spisovnej slovenčiny, I, s. 96.

вая направленность³³. И хотя он действительно не лишен существенных недостатков (большое количество искусственных новообразований и малоупотребительных слов, некоторые несовершенства методики лексикографической обработки слов и др.), все же для своего времени это было значительное достижение. «Словарь» содержит ценный материал, очень богатую синонимику, примерно 1200—1500 пословиц и поговорок, богатую фразеологию³⁴. Он является важным источником для словацкой исторической лексикологии.

Изучение лингвистических трудов Бернолака, а также практических результатов его литературной деятельности (т. е. разного рода произведений, написанных им на литературном словацком языке — «бернолаковщине») позволяет сделать общий вывод о том, что кодифицированная им система норм в своей основе является системой западнословацкого типа. Более точно определить и конкретизировать языковую (диалектную) базу бернолаковщины значительно труднее.

В старой литературе обычно подчеркивалась непосредственная связь бернолаковщины с тем или иным западнословацким говором, иногда основной источник бернолаковской кодификации усматривался в языке западнословацкой католической письменности Трнавского центра или же в чешском литературном языке. В новейших исследованиях словацких лингвистов этот вопрос получил иное освещение. Тщательный сопоставительный анализ словацкого диалектного материала и характерных черт (строевых признаков) бернолаковщины позволил, например, К. Габовштяковой прийти к выводу о том, что словацкие диалекты (в частности, западнословацкие) нельзя считать непосредственной основой бернолаковского лите-

³³ См. новейшую литературу об этом слове: *Hayeková M.* Slovníkárske poznámky k Slováru A. Bernoláka. — Slovenská reč, XXIII, 1958, s. 102—116; *Považan J.* Slovár Antona Bernoláka. — Sborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského, Philologica, 10, 1958, s. 120—134; *Idem.* Príprava a vydanie Bernolákovo Slovára. — Jazykovedný časopis, IX, 1958, s. 88—103; *Vyvíjalová M.* Novšie poznatky k Bernolákovmu Slováru a jeho predhovoru z roku 1796 a 1825. — Historický časopis, XVI, 1968, s. 475—522. Детальный анализ словаря Бернолака дается в кн.: *Habovštiaková K.* Bernolákovo jazykovedné dielo, s. 218—266.

³⁴ *Pauliny E.* Dejiny spisovnej slovenčiny, s. 97.

ратурного языка³⁵. Вместе с тем, как показывает Габовштякова, несомненна связь бернолаковщины со словацкими диалектами. Наиболее отчетливо выявляется зависимость бернолаковщины от западнословацких диалектов (причем не только от трнавского или какого-то другого конкретного западнословацкого говора). Заметны в бернолаковщине и некоторые среднесловацкие или общесловацкие черты. Нет лишь достоверных свидетельств наличия в бернолаковском литературном языке специфических восточнословацких диалектных элементов³⁶.

Взаимоотношения между словацкими диалектами и литературным языком, узаконенным Бернолаком, было более сложным, чем предполагавшаяся ранее прямая, непосредственная связь. Известно, что сам Бернолак неоднократно указывал, что он опирался на разговорный «узус образованных людей», а не на речь простого люда. Хотя точная расшифровка этого понятия затруднительна, все же ясно, что это был не конкретный местный словацкий диалект, а некоторое койне, характерное для общения словацкой интеллигенции. В новейшей словацкой лингвистической литературе в этом случае говорится о «культурном западнословацком языке» (*kultúrna západoslovenčina*). В работах словацких лингвистов (Э. Паулини, К. Габовштякова, Э. Йона, Р. Крайчович) доказывается, что основным и самым главным источником бернолаковской кодификации является именно «культурный западнословацкий язык». Под данным термином имеется в виду своеобразная языковая формация интердиалектного характера, которая складывалась в Западной Словакии в XVI—XVIII вв. на базе чешского литературного языка и местных словацких говоров. Этот «культурный язык» («западнословацкий культурный интердиалект») выступал в наддиалектной функции, употреблялся в среде словацкой интеллигенции (сначала в разговорной, а затем и в письменной форме). Через посредство «западнословацкого культурного интердиалекта» бернолаковщина связана и со словацкими диалектами, и с католической литературой Трнавского центра, и с чешским литературным языком (библичиной). Наряду с этим в нормах бернола-

³⁵ *Habovštiaková K. Pramene Bernolákovej kodifikácie spisovnej slovenčiny. — Studia Slavica, 8. Budapest, 1962, s. 336.*

³⁶ Там же, с. 336—337.

ковщины, по нашему мнению, можно усмотреть и прямое отражение отдельных словацких диалектных черт и богемизмов.

Таким образом, характеризуя исходную базу бернолаковской кодификации, следует иметь в виду совокупность взаимосвязанных источников, среди которых доминирует «культурный западнословацкий интердиалект».

Кодифицированный А. Бернолаком словацкий литературный язык не стал единым общенациональным литературным языком словаков. Он получил признание лишь в среде словацких католиков (естественно, в кругах образованной интеллигенции). Словаки-протестанты не приняли бернолаковщину и продолжали пользоваться чешским литературным языком (библичиной). Однако бернолаковщина — первый вариант словацких литературных норм — получила тем не менее довольно широкое распространение. В качестве литературного языка она применялась не только в Западной Словакии, но также в Средней и Восточной Словакии. В практическом пользовании в среде словацких католиков она просуществовала около шестидесяти лет.

Говоря об общественных функциях бернолаковщины, следует подчеркнуть, что она выступала прежде всего как книжно-письменный язык. Она, естественно, не характеризовалась и не могла характеризоваться поливалентностью, свойственной современному словацкому языку, сфера ее функционирования была довольно ограничена. Прежде всего на бернолаковщине издавалось значительное количество разного рода религиозной литературы (проповеди, богословские сочинения, Библия, которую перевел на бернолаковский язык Ю. Палкович, и др.)³⁷. Вместе с тем на бернолаковщине публиковались и произведения светского характера. Можно назвать целый ряд книг, брошюр и статей по сельскому хозяйству, пчеловодству, медицине, педагогике и т. п. Эти работы предназначались для просвещения народа. Активную деятельность в этом плане проводил Ю. Фандли (1750—1811). В сфере литературно-художественного творчества берно-

³⁷ Первой печатной книгой на бернолаковщине явилось сочинение Ю. Фандли (*Dúwerná Zmlúwa mezi Mňichom a Diáblom o prvních Počátkoch, o starodávních, ag wěulágšich Preménách Reholníckých*, W Presporoku, 1789).

лаковщину наиболее ярко представляли поэтические произведения Я. Голлого (1785—1849). В 1824 г. он опубликовал сборник переводов античной поэзии (Виргилия, Гомера, Овидия, Горация и др.), а в 1828 г. на бернолаковщине в переводе Я. Голлого была издана «Энеида» Виргилия. Я. Голлый высоко оценивал достоинства бернолаковщины, он считал, что этот язык более других европейских языков подходит для метрического стихосложения³⁸, что он дает возможность адекватной передачи греческой и латинской системы стихосложения. Он стремился это доказать не только своими переводами, но и оригинальным поэтическим творчеством. Здесь прежде всего следует отметить его эпические поэмы, в которых он воспевает славное прошлое славян и словаков («Сватоплук», «Кирилло-Мефодиада», «Славянин»). Значительный вклад в развитие национальной словацкой поэзии внес Я. Голлый также своими одами и лирическими стихотворениями. Распространению кодифицированного словацкого языка в литературно-художественной сфере способствовали также и другие бернолаковцы (например, поэтические произведения публиковал Э. Беллаи, автором ряда новелл был А. Оттмайер, на бернолаковщине было издано несколько художественных переводов)³⁹.

Все это свидетельствует о том, что усилиями бернолаковцев постепенно складывалась литературно-письменная традиция на словацком языке. Более того, несмотря на сравнительно небольшой срок фактического применения бернолаковщины, наметились и некоторые элементы ее стилистической дифференциации. Влияние бернолаковщины на развитие стилей словацкого литературного языка отмечает Э. Паулини⁴⁰.

Следует отметить, что бернолаковщина в процессе своего функционирования в качестве литературного языка претерпевала известные изменения, происходила постепенная унификация и стабилизация ее норм. В ряде произведений (как духовной, так и светской литературы)

³⁸ *Turčány V.* Na krásnú zahradu Hollého Jána. Bratislava, 1972, s. 23, 45.

³⁹ Сведения о литературной деятельности представителей бернолаковского движения см. в кн.: *Kotvan J.* Bibliografia bernolákovcov. Martin, 1957.

⁴⁰ *Pauliny E.* Dejiny spisovnej slovenčiny I. Bratislava, 1966, s. 97—98.

обнаруживаются некоторые отклонения от кодифицированных Бернолаком норм. Эти отклонения свойственны, в частности, языку Ю. Фандли⁴¹. Я. Голый в целом довольно последовательно придерживался бернолаковских регламентаций. Правда, и у него встречались некоторые отклонения (в сфере фонетики и морфологии), но они не имели большого значения⁴². Известные колебания норм в языке отдельных авторов вполне естественны для молодого литературного языка, еще не имеющего длительной традиции. Они не опровергают того, что бернолаковщина была достаточно строго нормализованным литературно-письменным языком. Писатели, использующие этот язык, признавали его нормы и сознательно стремились к их реализации. Кстати сказать, Бернолаку и Фандли пришлось защищать эти нормы от острой критики со стороны Й. И. Байзы⁴³.

Говоря о социальной значимости бернолаковщины и сфере ее функционирования, следует отметить, что даже в среде католической словацкой интеллигенции она не стала единственным литературным языком. Многие представители бернолаковского движения продолжали пользоваться в своей литературной деятельности латинским, немецким и венгерским языками.

Наряду с этим важно отметить, что бернолаковщина применялась не только как литературно-книжный язык. В течение десятилетий, вплоть до 50-х годов XIX в. в ряде католических школ она была языком обучения. Разрабатывались планы издания газеты на бернолаковщине, но реализовать их не удалось⁴⁴.

Бернолак и его ближайшее окружение приложило немало усилий для популяризации литературного словацкого языка в культурных слоях словацкого общества.

⁴¹ *Svrčková L.* Juraj Fándly a bernolákovská jazyková norma. — Jazykovedný zborník, IV. Bratislava, 1950, s. 193—208.

⁴² *Habovštiaková K.* Ján Hollý a bernolákovská kodifikácia spisovnej slovenčiny. — Letopis pamätníka slovenskej literatúry, 1970. Martin, 1970, s. 59.

⁴³ Интересный материал по этому вопросу собран в книге: *Bernolákovské polemiky*. Edične pripravil, poznámky a vysvetlivky napísal dr. Kotvan I. Bratislava, 1966. См. также: *Habovštiaková K.* Bernolákovský jazykovedný dielo, s. 289—312.

⁴⁴ См.: *Vyvíjajlová M.* Bernolákovci a stúpeni bibličtiny v rokoch 1790—1830. — K počiatkom slovenského národného obrodenia. Bratislava, 1964, s. 253—254.

Большую роль в этом играло «Словацкое ученое товарищество»⁴⁵, объединявшее сторонников бернолаковской языковой реформы.

Свою активную деятельность «Словацкое ученое товарищество» начало в 1792 г. Организационный центр его был в Трнаве, там же находилась типография. Свои опорные пункты это общество имело по всей Словакии (в Нитре, Банской Быстрице, Рожняве, Кошицах и др. городах). Оно объединяло около 500 человек (среди членов общества подавляющее большинство составляли, естественно, католические священники и богословы; светскую интеллигенцию в этом обществе представляли чиновники, учителя, врачи и т. п.). Общество было создано с целью пропагандировать кодифицированный Бернолаком словацкий литературный язык, организовать издательскую деятельность, способствовать распространению книг на бернолаковщине, объединить усилия сторонников бернолаковского движения по реализации широкой культурно-просветительской, национально-будительской программы. Одной из важнейших задач общества стало внедрение в литературу бернолаковского языка. Одним из условий членства «Словацкого ученого товарищества» было обязательное следование правилам и нормам этого языка. По этим правилам, как подчеркивал Ю. Фандли, каждый член «Товарищества» должен стремиться писать свои письма и новые книги так, чтобы они были «чисто словацкими»⁴⁶. Наибольших успехов «Словацкое ученое товарищество» достигло в первые годы своей деятельности. Оно выпустило в свет ряд книг (как религиозного, так и светского характера) на бернолаковщине и латыни, способствовало организационному сплочению бернолаковского движения. Однако, к концу века его деятельность постепенно ослабевает. Это было вызвано существенным изменением общественно-политической ситуации (наступление реакции как отклик на французскую революцию, подавление либерально-просветительских тенденций в общественной жизни страны после смерти Иосифа II, подавление заговора венгерских радикалов в 1795 г.),

⁴⁵ *Miškovič A. Organizácia, činnosť a význam Slovenského učeného tovaríštvá. — K počiatkom slovenského národného obrodzenia, s. 181—188. Balent R. K organizácii a vydavateľskej činnosti Slovenského učeného tovaríštvá. — Там же: s. 189—200.*

⁴⁶ *Fándly J. Výchber z diela, s. 254.*

а также противоречиями в самом бернолаковском движении. Внутри этого движения усилилась социально-классовая дифференциация, все большую роль в нем начинают играть представители консервативного крыла католической церкви, которые отходят от борьбы за национально-просветительские идеалы. Все это ведет к ослаблению движения. Это находит свое отражение и в судьбе бернолаковщины, которая на переломе двух веков приходит в заметный упадок. Позднее, в 20—30-х годах XIX в. бернолаковское движение обретает новые силы, переживает подъем, что способствует и усилению позиций бернолаковщины в культурно-литературной сфере (см. об этом ниже).

В процессе формирования и развития литературного словацкого языка реформа Бернолака занимает ключевое место. С его именем связано возникновение и функционирование первого варианта литературных норм словацкого языка — бернолаковщины. Создав серию нормативных трудов, охватывающих различные ярусы языковой структуры, Бернолак заложил научные основы литературного словацкого языка⁴⁷. Языковая реформа Бернолака не прервала многовековой традиции использования чешского языка как литературно-письменного языка словаков. Однако с возникновением бернолаковщины заявило о себе принципиально новое направление в развитии литературно-языковых норм в Словакии, основной смысл которого состоял в поисках путей создания собственного литературного языка словаков на основе родной речи. Это направление оказало значительное влияние на последующую борьбу за словацкий язык, которая велась на всем протяжении периода национального возрождения.

Кодификаторская деятельность Бернолака была неразрывно связана с начальным этапом словацкого национального движения, в ней можно видеть одно из проявлений начинающегося процесса формирования словацкой нации. Языковую реформу Бернолака нельзя рассматривать только как лингвистический акт, она имела большое социальное значение, сыграв важную роль в национально-культурном плане.

⁴⁷ Более подробно о значении деятельности Бернолака в плане становления норм словацкого литературного языка см.: *Habovštiaková K. Bernolákovno jazykovedné dielo. . .*, s. 333—358.

В конкретно-исторической ситуации в Словакии конца XVIII в. языковая реформа Бернолака затронула сложный клубок острых национальных и идеологических противоречий того времени (узаконение самостоятельного словацкого литературного языка было далеко не безразличным актом в плане решения словацко-венгерских и словацко-чешских отношений, а также в аспекте дальнейших судеб национального движения словаков, еще разобщенного по конфессиональному признаку и по национально-культурной ориентации). Не случайно при оценке деятельности Бернолака и его сторонников, особенно при характеристике целей и идеологической направленности бернолаковского движения, идейных предпосылок и целей языковой реформы нередко высказывались прямо противоположные или односторонние взгляды. Представители буржуазной концепции единой чехословацкой нации обвиняли Бернолака в сепаратизме, в подрыве чешско-словацкого единства. Идеологи словацкого буржуазного национализма некритически превозносили деятельность Бернолака. В ряде работ ему приписывались провенгерские (мадьяронские) устремления. Иногда чрезмерно преувеличивалась роль церковно-религиозных мотивов языковой реформы Бернолака.

В новейшей словацкой литературе, посвященной определению роли и места бернолаковского течения в сложной идейно-политической и национальной борьбе на начальном этапе возрожденческого движения словаков, дается, как правило, в целом положительная оценка деятельности Бернолака и его сторонников как деятельности «будительской», просветительской, национально-патриотической⁴⁸. При этом не замалчиваются и некоторые противоречия и слабости, присущие бернолаковскому движению. Правда, словацкий историк Д. Рапант выдвигает ряд возражений против нового освещения начального этапа

⁴⁸ См., в частности: *Tibenský J.* K problému hodnotenia bernoláktiny a bernolákovského hnutia. — *Historický časopis*, VII, 1959, 4, s. 557—578; K počiatkom slovenského národného obrodzenia. Bratislava, 1964; *Butvin J.* Slovenské národnosťjedinocovanie hnutie (1780—1848). Bratislava, 1965; *Chovan J.* K diskusii o národnom profile Antona Bernoláka. — *Slovenská literatúra*. XV, 1968, 4, s. 406—410; *Tibenský J.* Formovanie sa ideológie slovenskej feudálnej národnosti a buržoázneho národa. — *Historický časopis*, XIX, 1971, 4, s. 575—591.

словацкого национального возрождения и, в частности, не соглашается с оценкой деятельности Бернолака как национально-патриотической⁴⁹, однако и он признает значимость языковой реформы Бернолака, отмечая, что «никто не будет отрицать объективную роль лингвистических трудов Бернолака в рамках словацкого национального возрожденческого процесса»⁵⁰.

Нам представляется, что говоря об общественной значимости кодификаторских трудов Бернолака, следует иметь в виду и их идеологическую основу. Эти труды явились результатом сознательной целенаправленной деятельности по реализации определенной национально-культурной программы.

Для мировоззренческой платформы бернолаковцев характерно сочетание просветительского рационализма с элементами идеологии словацкой народности⁵¹. Они исходили из представления о принадлежности словаков («паннонских славян») к единому славянскому народу. У них еще не было достаточно четкого разграничения понятий «словак» и «славянин». Словакам и словацкому языку они нередко приписывали признаки и качества абстрактно понимаемого славянского народа и славянского языка (древность, широкую распространенность славянского племени и языка, «выразительность, изящество, красоту и своеобразие» славянского языка, его использование в богослужебной функции и т. п.). Бернолаковцы проявляли большой интерес к истории славянского народа, к его славному прошлому. Чтобы показать важную историческую роль своего племени, они ищут опору в великоморавской и кирилло-мефодиевской традиции⁵². Наряду с этим в их идеологических концепциях

⁴⁹ *Rapant D.* K pokusom o novú historicko-filozofickú koncepciu slovenského národného obrodzenia. — Slovenská literatúra, XII, 1965, 5, s. 493—506; *Idem.* Ešte niečo o tom slovenskom národnom obrození. — Slovenská literatúra, XIV, 1967, 4, s. 405—427; *Epilóg.* — Slovenská literatúra, XV, 1968, 4, s. 401—406.

⁵⁰ *Rapant D.* Ešte niečo o tom slovenskom národnom obrození. . . , s. 413.

⁵¹ *Tibenský J.* Počiatky slavistickej vedy na Slovensku. — Československé přednášky pro VII. mezinárodní sjezd slavistů (Vratislava 1973). V Prahe, 1973, s. 423.

⁵² *Mráz A.* Zástoj cyrilometodejskej idey u bernolákovcov. — Zborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského. Roč. XIV. Philologica. Bratislava, 1962, s. 7—53.

все более определенно проявляются идеи и представления, свидетельствующие об осознании ими этнической и языковой индивидуальности словаков. Так, в предисловии к «Словацкой грамматике» (1790) Бернолак говорит о самостоятельности словацкого языка, подчеркивая, что «паннонские славяне» еще мало сделали для культивирования «свойственного им славянского языка»⁵³. Выдвигая задачу его обработки и совершенствования, Бернолак ссылается на заслуги «просвещенных мужей» других славянских народов (прежде всего чехов, поляков и русских) в развитии славянского языка и призывает словаков следовать их примеру. При этом Бернолак, как и некоторые его предшественники (в частности, Й. И. Байза, О. Масарош и др.), исходил из того, что в древности словацкий язык пережил период расцвета (в эпоху Великоморавского государства), что нужно вернуть его былую славу и совершенство. Полагая, что словацкий язык испытал значительное влияние чешского, Бернолак считал необходимым «очистить» его от богемизмов, показать его отличие от чешского языка, выявить его своеобразие и самостоятельность.

Однако языковую реформу Бернолака нельзя рассматривать как античешское выступление (так трактовали ее некоторые современники Бернолака, в частности, Б. Таблиц, а впоследствии многие буржуазные ученые), направленное на разрыв связей с чешской культурой. Бернолак в своих трудах широко использовал грамматические и лексикографические работы чешских авторов, высоко оценивал достоинства чешского языка⁵⁴. Его стремление показать этническое своеобразие словаков в рамках славянского народа, создать самостоятельный литературный словацкий язык не означало отрицания давних связей чехов и словаков и не было направлено против дальнейшего развития чешско-словацкого культурного сотрудничества⁵⁵. Выступление Бернолака объективно способствовало усилению национально-этнического самосознания словаков. Узаконение литературного

⁵³ Цит. по: Gramatické dielo Antona Bernoláka, s. 129.

⁵⁴ *Habovštiaková K.* Op. cit., s. 21. *Vvrtjalová M.* Bernolákov autentický slovníček spred roku 1790. Bratislava, 1969, s. 44—45.

⁵⁵ Ср.: *Novotný J.* Ke vzájemnému vztahu českých buditelů a bernolákovců v období národního obrození. — K počiatkom slovenského národného obrodzenia. Bratislava, 1964, s. 390.

языка на основе родной речи и его практическое применение стало важным стимулом в борьбе словаков за равные права с другими народностями Венгрии, за развитие словацкой национальной культуры, оно содействовало развитию и усилению национально-патриотических тенденций в возрожденческом движении словаков.

Языковой вопрос в Словакии в 20—30-е годы XIX в. Литературно-письменное двуязычие и попытки его преодоления

Как мы уже отмечали, бернолаковщина не стала единым литературным языком словаков. Однако с ее появлением существенно изменилась языковая ситуация в Словакии, где с конца XVIII в. сложилось своеобразное литературно-письменное двуязычие. Наступил период сосуществования и конкуренции двух литературно-письменных формаций, непосредственно связанных с развитием словацкой национальной культуры: чешского литературного языка (библичтины) и литературного языка, сформировавшегося на основе родной речи словаков (бернолаковщины). Этот период продолжался, в сущности, до середины XIX в. Указанное литературно-письменное двуязычие явилось следствием и отражением сложной идейной борьбы и противоречивых тенденций, характерных для начального этапа словацкого национально-возрожденческого движения. Силы патриотически настроенной словацкой интеллигенции, возглавлявшей это движение, были в то время разобщены. По своим национально-идеологическим концепциям и по принадлежности к разному вероисповеданию (конфессиональные противоречия выступали в тот период еще довольно остро) они распались на два течения. Словацкие протестанты, более тесно и непосредственно связанные с чешской культурой, с чешским национальным движением, отстаивали концепцию единого чехословацкого племени, выступали за верность трехсотлетней традиции чешского литературного языка, как общего языка для чехов и словаков. Католическая словацкая интеллигенция акцентировала идею самобытности, самостоятельности словаков и их языка⁵⁶. Естест-

⁵⁶ Более подробно об этих двух течениях словацкого национального движения см. в работах: *Vyvijalová M. Bernolákovci a stúpeni*

венно, что после реформы Бернолака усилилось противоборство этих национально-идеологических концепций, между представителями обоих течений развернулась острая полемика о путях дальнейшего развития национальной жизни словаков и, в частности, по вопросу о литературном языке.

Опираясь на концепцию чехословацкого племени, словацкие протестанты выступили против бернолаковщины, в защиту чешского языка как средства развития словацкой литературы. Большую активность в этом плане проявлял еще в 90-х гг. Ю. Рибай, который поддерживал тесную связь с Й. Добровским. Отвергая бернолаковщину, Ю. Рибай призывал и дальше культивировать в Словакии чешский литературный язык. Протестанты не только доказывали достоинства чешского литературного языка и его большую роль в развитии словацкой культуры, но и искали организационные формы для упрочения его позиций в среде словаков. В конце XVIII в. и в начале XIX в. Ю. Рибай, И. Палкович и Б. Таблиц предпринимали неоднократные попытки создать общество или кафедру для популяризации в Словакии чешского языка и литературы. В 1803 г. при евангелическом лицее в Братиславе им удается организовать «Институт чехословацкой литературы и языка». Как отмечают некоторые исследователи, создание этого института в известной мере явилось ответной реакцией словацких протестантов на активную деятельность бернолаковского «Словацкого ученого товарищества»⁵⁷. Принимаются меры и для издания словацкой газеты на чешском языке. В литературно-языковом единстве словаков и чехов протестанты видят необходимое условие дальнейшего развития словацкого национально-патриотического движения, важнейший фактор в борьбе с мадьяризаторскими тенденциями. Во взглядах протестантской интеллигенции, как и у католиков, значительную роль играли традиционные представления о славном прошлом славян, о едином славянском народе и языке. Однако протестанты при этом больше акцентировали давние связи чехов и словаков, их культурную

bibličky v rokoch 1790—1830. — K počiatkom slovenského národného obrodzenia, s. 243—277; *Butvin J.* Slovenské národnosťednocovacie hnutie (1780—1848). Bratislava, 1965.

⁵⁷ *Vyštalová M.* Op.cit., s. 255.

общность. Б. Таблиц писал, что даже после падения Великоморавского государства, когда словаки по признаку гражданства (*w občanském ohledu*) стали «членами Венгерского королевства», они остались связаны с чехами и мораванами «единством обычаев и языка»⁵⁸.

Важно отметить, что Таблиц имел в виду прежде всего единство именно письменного, литературного языка. Он сознавал различие между чешским и словацким наречием на диалектном уровне. Об этом свидетельствует его утверждение, что чехи легко могут понимать словацкое наречие, а словаки — чешскую речь. Таблиц, как и другие представители словацкой протестантской интеллигенции, подчеркивал важность и необходимость единого литературно-письменного языка для развития просвещения и словацкой литературы. Он считал, что Бернолак внес «вредное раздвоение в нашу литературу», и выражал надежду, что бернолаковцы «раньше или позже вернуться к общему способу написания»⁵⁹. Объективная слабость позиции протестантов по вопросу о литературном языке словаков состояла в том, что они отстаивали такую форму чешского литературного языка (библичитину), которая в то время не удовлетворяла даже молодое поколение представителей чешского национального движения⁶⁰. Создание отдельного словацкого литературного языка ими отвергалось по соображениям как идеологического, так и лингвистического характера. Так, в частности, формирование литературного языка на основе словацких диалектов представлялось им невозможным ввиду значительной раздробленности этих диалектов.

Католики-бернолаковцы продолжали, однако, отстаивать свои позиции. В 20-е гг. XIX в. в их лагере после некоторого спада движения наблюдается заметное оживление. Молодое поколение бернолаковцев активно включается в борьбу за словацкий литературный язык. После смерти А. Бернолака главным организатором и идеологом

⁵⁸ *Tablic B.* O literárních svazích Slováků s Čechy a Moravany v nynější i někdejší době. — *ČSM*, XVII, 1842, s. 579. — Эта статья, как указывает М. Вивиялова, была написана Таблицом в 1822—1829 годах (см.: *K počiatkom slovenského národného obrodenia*, s. 259).

⁵⁹ *Tablic B.* Op. cit., s. 579.

⁶⁰ *Vyvijalová M.* Op. cit., 273.

в лагере словацких католиков становится Ю. Палкович. Широкой издательской деятельностью (он опубликовал, в частности, «Словарь» Бернолака), переводами на бернолаковщину Ю. Палкович немало сделал для восстановления и некоторого упрочения позиций словацкого литературно-письменного языка, кодифицированного Бернолаком. Важную роль в этот период играл Я. Голлый, который своими литературными произведениями успешно доказывал, что бернолаковщина способна выполнять высокую поэтическую и эстетическую функцию. Его поэзия оказывала огромное влияние на словацкую молодежь своей ярко выраженной национально-патриотической направленностью. Из представителей нового поколения бернолаковцев следует особо отметить издательскую и организаторскую деятельность М. Гамульяка⁶¹. В 20—30-х годах XIX в. вокруг него сложилась в Буде группа патриотически настроенной словацкой интеллигенции католического вероисповедания. Эта группа внесла заметный вклад в борьбу за словацкую национальную культуру и, в частности, в решение вопроса о литературном языке словаков. В отстаиваемой Гамульяком концепции национального и культурного развития словаков большое место отводилось родному языку. Взгляды Гамульяка по этому вопросу отражены в его письме П. Й. Шафарыку от 6 сентября 1827 г.⁶² Он считал, что словаки, как и каждый народ, имеют право развивать просвещение и культуру на своем родном языке. Гамульяк ставил в прямую связь судьбу словацкого народа с судьбой словацкого языка, видя в нем важное средство сохранения и защиты национальной индивидуальности словаков.

Углубляя бернолаковскую традицию, Гамульяк рассматривал самостоятельный словацкий литературный язык как важнейшее орудие просвещения и духовного подъема простого народа. Он призывал писать для него не на чешском, а на словацком языке, ибо этим языком можно воздействовать «как на сердце, так и на разум»⁶³ словацкого люда. Поэтому Гамульяк выступал

⁶¹ *Mat'ovčik A. Martin Hamuljak (1789—1859)*. Bratislava, 1971; ср. также: *Biografické štúdie I. (Materiály z vedeckej konferencie o Martinovi Hamuljakovi a Spolku milovníkov reči a literatúry slovenskej)*. Martin, 1970.

⁶² *Literárny archív* 1966. Martin, 1966, s. 260—267.

⁶³ Там же, с. 264.

за дальнейшее использование бернолаковщины, за ее распространение в культурной сфере и особенно при издании книг для народа.

По мере развития национального движения разобщенность словацких патриотических сил все отчетливее осознавалась представителями обоих течений как серьезное препятствие на пути решения важных общенациональных задач. В связи с этим особенно актуальными становятся усилия по налаживанию контактов и сотрудничества обоих течений во имя защиты национальных интересов словаков. В частности, это проявляется и в попытках по-иному подойти к вопросу о словацком литературном языке. Не случайно именно в 20—30-х годах XIX в. наряду с двумя противоборствующими концепциями литературного языка словаков на повестку дня выдвигаются различные проекты и теории, представляющие собой в сущности компромиссный путь решения этого вопроса. В этот период поиски такого решения ведутся как в протестантском, так и в католическом лагере.

В среде словацких протестантов наряду с ревнителями чистоты чешского литературного языка в это время активную роль играют такие деятели, как Я. Коллар и П. Й. Шафарик, позиция которых по вопросу о литературном языке словаков была несколько иной.

Будучи горячими приверженцами традиционного чешского литературного языка, они, однако, сознавали, что в условиях нарастающего словацкого национального движения этот язык уже не может в полной мере удовлетворять потребностей развития духовной жизни словаков. Они понимали, что архаический «библейский» чешский язык труден для понимания простых словаков, что он значительно расходится с живой народно-разговорной словацкой речью, и поэтому не может служить достаточно эффективным средством развития словацкой национальной культуры, орудием просвещения и укрепления национального сознания родного народа. В связи с этим Я. Коллар и П. Й. Шафарик, не отказываясь от использования чешского литературного языка, считали возможным и необходимым несколько модифицировать его в плане приближения к словацкой речи. С другой стороны, они были противниками создания отдельного словацкого литературного языка и выступали против реформы Бернолака. Они выбирают, говоря словами Шафарика, «сред-

ний путь»⁶⁴ между «чистым» чешским литературным языком и отвергаемой ими бернолаковщиной. Подобная позиция двух видных деятелей чешского и словацкого национальных движений того времени содержала в себе неосознаваемое ими внутреннее противоречие. С одной стороны, будучи словаками, они искренне желали помочь родному народу в развитии национальной литературы и культуры, а с другой стороны, это развитие виделось им лишь в рамках традиционного чехословацкого национально-культурного и литературного единства, за сохранение которого они столь же горячо и искренне выступали. Это противоречие нашло отражение в своеобразной концепции «чешско-словацкого» литературного языка, которую они активно разрабатывали в 20-х годах XIX в. Чтобы способствовать национальному пробуждению родного народа, необходимо было, по мнению Шафарика, обратить свой взор «вниз, на народ и речь, какова она есть»⁶⁵. Изучение словацких диалектов, устного народного творчества раскрыло перед ними красоту и богатство родной речи. Вместе с тем их романтическо-эстетические воззрения на язык⁶⁶ породили превратное представление о соотношении чешского и словацкого языков. Особенно ярко это проявилось в работах Коллара, в которых он «доказывал» большую степень «благозвучности» словацкого языка по сравнению с чешским⁶⁷. «Благозвучие» он усматривал в том, что в словацком языке полнее представлены гласные *a*, *o*, *u*: словац. *hračka* — чеш. *hříčka*, словац. *t'ažiaci* — чеш. *tižící*, словац. *sl'ub* — чеш. *slib* и т. п. Кроме того, чешский язык, по его мнению,

⁶⁴ ČSM, roč. XLVII, v Praze, 1873, s. 121.

⁶⁵ ČSM, roč. XLVIII, 1874, s. 68.

⁶⁶ Наиболее подробно взгляды Шафарика и Коллара на язык изложены в книге: *Tóbiš S. Šafárikov a Kollárov jazyk. Príspevok k vývinu českého a slovenského jazyka v období národného obrodzenia*. Bratislava, 1966. См. также: *Jóna E. Otázky slovenského jazyka v diele P. J. Šafárika*. — *Jazykovedný časopis*, roč. XII, 1961, čís. 2, s. 105—122; *Hauptová Z. Slovenština v díle P. J. Šafaříka*. — *Slavia*, XXX, 1961, s.

⁶⁷ *Kollár J. Myšlénky o libozvučnosti řečj vůbec, obzvláště českoslowanské*. — *Krok, Djl prwnj*, W Praze, 1822, s. 32—47. Идею о большей «благозвучности» словацкого языка по сравнению с чешским разрабатывал и Шафарик (в частности, в кн: *Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten*. Ofen, 1826).

был перенасыщен германизмами. Он полагал, что за счет словакизмов можно было бы усилить его славянский характер. В свою очередь, словацкий язык следовало бы в большей мере «чехизировать»⁶⁸. В соответствии с концепцией Коллара это не представляло больших трудностей, поскольку, по его мнению, словацкие говоры являлись диалектом чешского языка. В отличие от Коллара Шафарик признавал самостоятельность словацкого племени и словацкого наречия⁶⁹. Однако, как мы уже отмечали, и он был против создания на основе этого наречия отдельного литературного языка. Это свое мнение он обосновывал главным образом доводами историко-культурного характера⁷⁰. Усилия Коллара и Шафарика были направлены по существу на создание особого, соответствующего словацкому наречию «литературного стиля»⁷¹ путем обогащения чешского литературного языка элементами «благозвучной» народной речи словаков.

Этот особый «литературный стиль», по их мнению, мог быть создан на основе чешской грамматики посредством привнесения типичной словацкой лексики, фразеологии, некоторых синтаксических конструкций и фонетических явлений. Я. Коллар и П. Й. Шафарик надеялись, что подобный «чешско-словацкий» литературный язык (стиль), отражающий специфический колорит словацкой речи, будет понятен и близок словацкому народу, сможет стать базой для сближения и сотрудничества словацких патриотов протестантского и католического лагеря, для объединения их сил в борьбе за национальные права словаков. С другой стороны, они полагали, что такой язык позволит уберечь чехословацкое литературное единство. Коллар и Шафарик не только разрабатывали теорию своеобразного «чешско-словацкого» литературного языка, но и стремились к ее практической реализации. Пропагандируемая ими форма литературного языка нашла свое воплощение в ряде их сочинений, в переписке и т. п. Именно в 20—30-х годах они допускают в своей практике особенно большие отклонения от норм

⁶⁸ *Tóvik S.* Op. cit., s. 29.

⁶⁹ *Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten.*

⁷⁰ Там же, с. 379.

⁷¹ *ČSM*, roč. XLVIII, 1874, s. 286.

традиционного чешского литературного языка (библичности), причем не только в лексике и фразеологии, но также грамматике, фонетике и правописании ⁷². Среди типичных особенностей их языка этого периода можно отметить написание *r* вм. чеш. *ř*, *í* вм. чеш. *ou* (*au*), упрощение некоторых групп согласных (например: *snost* вм. *stnost*, *radosný* вм. *radostný* и др.), использование вставного гласного в словах типа *hardlo*, *mertvú*, *perst*, *osem*, *vluna*, *obog* и т. п. Аргументируя последнее правило, Коллар опирался на широкий славянский фон, приводя примеры из русского, польского и сербского языков. Из других отклонений от чешского языка можно назвать окончание 3 л. мн. ч. глаголов настоящего времени типа *činja*, *nevidja* (вм. *činí*, *nevidí*), окончание род. п. мн. ч. имен существительных муж. р. *kmenov*, *zákonov* (вм. окончания *-ů*), формы *boly*, *maly*, (вм. *byly*, *měly*) и т. д. По мнению Ш. Тобика, способ написания Коллара и Шафарика в рассматриваемый период приближался к бернолаковскому правописанию ⁷³. В 1825 г. Коллар издал «Хрестоматию» ⁷⁴, в приложении к которой были сформулированы правила чешско-словацкого правописания.

Концепция особого «чешско-словацкого» литературного языка была тесно связана с общими идеологическими и философскими взглядами Коллара и Шафарика, на которых заметное влияние оказали гуманистические идеи И. Г. Гердера. Мы имеем в виду прежде всего разрабатываемую ими идею славянской взаимности, получившую в то время широкое распространение в рядах словацкой патриотической молодежи. «Исторически прогрессивная роль этой идеи с особой силой проявилась именно в словацком национальном движении, где нашла в лице Я. Коллара, П. Й. Шафарика и Л. Штура своих виднейших теоретиков» ⁷⁵. В концепции «чешско-словацкого» языка

⁷² *Tóvik Š. Šafárikov a Kollárov jazyk. Bratislava, 1966, s. 30, 31, 74.* О словакизмах в сочинениях Коллара см. также: *Dvončová J. Kollár a čeština. — Sborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského, roč. XVI, Philologica. Bratislava, 1964, s. 185.*

⁷³ Там же, с. 74.

⁷⁴ *Kollár J. Čítanka anebo Kniha k čítánj pro mládež ve školách slowenských w městech a w dědinách. W Budjně, 1825.*

⁷⁵ *Матула В. Людовит Штур и формирование словацкой национальной идеологии. — Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1970, с. 97.*

нашли свое отражение, в частности, представления Коллара о едином славянском народе, оформившиеся несколько позже в известную теорию литературной взаимности славянских племен и наречий⁷⁶. Коллар считал, что славянство, как целое, как единый великий народ, складывается из четырех основных племен (русского, польского, чехословацкого и иллирийского), а единый славянский язык образуют соответственно четыре наиболее развитых в культурном отношении наречия (на которых пишут и печатают книги⁷⁷, т. е. литературные языки). Коллар выступал за сохранение и укрепление единства славянского народа и языка, против их расщепления на множество племен и диалектов. Согласно его учению, словаки были составной частью единого «чехословацкого племени» славянского народа. Такому пониманию соответствовал и пропагандируемый Колларом и Шафариком «чешско-словацкий» литературный язык.

Однако в условиях динамически развивающегося словацкого и чешского национального движения, когда особое значение приобретали признаки национального своеобразия народа, теория «чешско-словацкого» литературного языка и практические шаги по ее реализации не встретили понимания и поддержки ни в Словакии, ни в Чехии⁷⁸. «Чешско-словацкий» язык не стал (да и не мог стать, поскольку это было все же искусственное языковое образование) реальным фактором объединения национально-патриотических сил словаков. Примечательно,

⁷⁶ *Kollár Jan.* O literárnég Wzágemnosti mezi kmeny a nářečjm slawskýmí. — Hronka I, sv. II, 1836, s. 39—53. Пер. на нем.: Ueber die literarische Wechselfeitigheit zwischen den verschiedenen Stämmen und Mundarten der slawischen Nation. Von Johann Kollár. Pesth, 1837 (Новейший перевод на словацкий язык Розенбаума К.: O literárnej vzájomnosti medzi rozličnými kmeňmi a nářečiami slovanského národa. — *Kollár Ján.* Pamäti z mladších rokov života. Bratislava, 1972, s. 241—323); Ср. также: O литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими. — Отечественные записки, 1840, т. VIII, од. II, с. 1—24, 65—94. O роли идеи славянской взаимности в тот период см.: *Rozenbaum K.* Konceptia slovanskej vzájomnosti v období P. J. Šafárika a J. Kollára. — *Historický časopis*, roč. VIII, 1960, čís. 2—3. *Haraksim L.* Slovanská idea v obrozenské ideológii Slováku. — *Slovanství v národním životě Čechů a Slováku.* Melantrich, 1968, s. 134—142.

⁷⁷ *Kollár Ján.* Pamäti z mladších rokov života, s. 248.

⁷⁸ *Tóbiš S.* Op. cit., s. 34, 139.

что и сами его создатели позднее снова перешли на традиционный чешский литературный язык, допуская в своих сочинениях лишь незначительную дозу словакизмов.

В истории словацкого литературного языка попытка введения особой «чешско-словацкой» письменной формы, предпринятая Колларом и Шафариком, осталась эпизодом, не имевшим большого значения. И тем не менее Коллар и Шафарик сыграли очень важную роль в эволюции национального движения словаков, в борьбе за единый словацкий литературный язык. Их постоянный и глубокий интерес к словацкому народному творчеству, к народным песням, к языку и культуре родного народа, пропагандируемые ими идеи этнической и культурной общности славян, их искренний патриотизм, мнение Шафарика о самостоятельности словацкого наречия и данная им характеристика основных черт народно-разговорной (диалектной) речи словаков⁷⁹, наконец, их высокий авторитет и заслуженная слава — все это содействовало укреплению национального самосознания словаков, способствовало развитию словацкого национального возрожденческого движения. Существенным импульсом в формировании национальной идеологии словаков стало новое толкование термина «нация», предложенное Колларом в проповеди «О добрых свойствах славянской нации»⁸⁰. В его понимании нация — это «общность» таких людей, которые объединены узами единого языка, одинаковых нравов и обычаев»⁸¹. В отличие от бытовавшего прежде государственно-административного толкования термина «нация» новое языково-этническое понимание выдвинуло на первый план язык, как яркий национальный признак, что в гораздо большей степени соответствовало специфическим условиям формирования словацкой нации. Естественно, что при подобном понимании решение вопроса о словацком литературном языке оказалось в более тесной связи с насущными задачами национального движения словаков.

Необходимость формирования единой и широкой социальной базы движения побуждала искать пути сбли-

⁷⁹ Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten, s. 370—398.

⁸⁰ Kollár J. Dobré Wlastnosti Národu Slowanského. Pesst, 1822.

⁸¹ Цит. по: Kollár J. Pamäti z mladších rokov života. Bratislava, 1972, s. 219.

жения и объединения католического и протестантского течений. В этой связи большое значение имели и попытки преодоления существующего литературно-письменного двуязычия. Некоторые из бернолаковцев (М. Гамульяк, Я. Геркель) допускали возможность частичного изменения норм бернолаковщины как в сторону их приближения к нормам «библичности», так и в сторону сближения с признаками среднесловацкой диалектной речи, т. е. также готовы были идти на компромисс, хотя основу единого литературного языка словаков они видели не в «библичине», как Коллар или Шафарик, а в бернолаковщине. Активные усилия по налаживанию сотрудничества между приверженцами разных форм и вариантов литературного языка словаков прилагал М. Гамульяк.

В 1834 г. представители обоих течений словацкого национально-возрожденческого движения создают в Пеште «Общество любителей словацкого языка и литературы»⁸² (председатель Я. Коллар, секретарь — М. Гамульяк). Это была первая словацкая организация надконфессионального характера, которая должна была стать базой культурного сотрудничества бернолаковцев и сторонников чешского и «чешско-словацкого» языка. Общество издавало альманах «Zora» (1835—1840), в котором публиковались материалы и на чешском (в разных вариантах), и на словацком языках⁸³. Таким образом, на страницах этого альманаха обе литературно-письменные формы получили равные права. Каждый автор мог свободно выбирать тот или иной способ написания. В известной мере это помогало если не снять, то по крайней мере хотя бы смягчить остроту противоречий по вопросу о языке между словацкими католиками и протестантами, обеспечивало возможность практического осуществления их стремлений к сближению и сотрудничеству во имя развития словацкой литературы. Однако, подобная форма сотрудничества в литературно-языковой сфере носила временный характер, она была «проявлением взаимного уважения»⁸⁴.

⁸² Об истории создания общества и его деятельности см. статью: *Vyvíjalová M.* Spolok milovníkov reči a literatúry slovenskej. — *Biografické štúdie I.* Martin, 1970, s. 53—68.

⁸³ *Habovštiakova K.* Almanach Zora z jazykovedného hľadiska. — *Biografické štúdie I.*, s. 96—106.

⁸⁴ *Butvin J.* Slovenské národnosťajednocovacie hnutie (1780—1848). Bratislava, 1965, s. 185.

Таким путем вопрос о литературном языке словаков не мог быть решен, поскольку в принципе та и другая сторона все же оставалась верной своей национально-идеологической концепции и в качестве основы для сближения выдвигала свою форму литературного языка. Так, например, Я. Голлый, разделяя идею славянской взаимности, все же особенно подчеркивал своеобразие отдельных народов и, прежде всего, словацкого народа⁸⁵ и не хотел отказываться от бернолаковщины. С другой стороны, в 1836 г. К. Кузmani выпустил в свет новый альманах «Hronka», во вступительной статье к которому он в острополюемической форме выступил против попыток создания словацкого литературного языка и отделения от традиционного чешского языка. Он считал недопустимой даже частичную модификацию этого языка.

Все это свидетельствует о том, что частичные взаимные уступки в вопросе о литературном языке, неподкрепленные объединением патриотических сил словаков на базе общей национально-идеологической платформы, не могли привести к окончательному решению проблемы единого словацкого литературного языка. «Прошло немного времени, и само историческое развитие поставило перед идеологами словацкого национального движения со всей настойчивостью вопрос о единой концепции национальной идеологии и общем литературном языке»⁸⁶.

Борьба за словацкий литературный язык в 40—50-х годах XIX в.

В 40-х годах XIX в. словацкое национально-возрожденческое движение претерпевало глубокие изменения, связанные с расширением его социальной базы, усилением антифеодальной направленности, с нарастанием классовой дифференциации самого движения, с активизацией и расширением фронта борьбы словаков за свои социальные и национальные права⁸⁷. Оно уже не может ограничиваться борьбой по преимуществу за ре-

⁸⁵ Ср. Turčány V. Na krásnú zahradu Hollého Jána. Bratislava, 1972, s. 30.

⁸⁶ Матула В. Людовит Штур и формирование словацкой национальной идеологии. — «Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах», с. 100.

⁸⁷ Slovensko. Dejiny. Bratislava, 1971, s. 477.

шение культурно-языковых проблем, как это было на начальном этапе процесса национального возрождения. Однако и в этот период вопрос о литературном языке словаков по-прежнему оставался чрезвычайно острым и актуальным. Его решение стало «основным условием достижения национального единства и сформирования общей идейно-политической платформы и программы»⁸⁸ патриотических сил словаков.

Активизация борьбы словаков за свои национальные права была связана с усилением мадьяризаторских акций со стороны венгерских правящих кругов. В начале 40-х годов XIX в. широкое распространение получает концепция единого венгерского государства, единой венгерской нации. Это находило свое отражение и в культурно-языковой сфере. После 1836 г. был принят ряд законов, обеспечивающих особые преимущества венгерского языка. Он был объявлен официальным государственным языком и использовался как важное средство подавления национальных устремлений невенгерских народностей, входящих в состав Венгерского королевства. В 1843—1844 гг. был утвержден закон, по которому во всех школах королевства (за исключением Хорватии) языком обучения стал венгерский язык. Принимались и другие меры, направленные на ассимиляцию невенгерских народностей. Венгерские власти подозрительно и враждебно относились к попыткам других народностей защищать свои национальные права, создавать свои национальные культурные центры и т. п. Среднее венгерское дворянство, занимавшее в тот период господствующие позиции, «даже самые скромные стремления национальных движений рассматривало как покушение на целостность венгерского государства»⁸⁹. Перед лицом нарастающей мадьяризации особенно большое значение приобретали усилия словацкой патриотической интеллигенции, направленные на выработку общей платформы для решения вопроса о литературном языке.

Однако серьезным тормозом на пути решения этого вопроса, как и вообще дальнейшего развития словацкого

⁸⁸ Там же, с. 477.

⁸⁹ *Арато Э.* Венгерское общественное мнение и национальный вопрос в 40-х гг. прошлого века. — *Studia Historica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 39. Budapest, 1960, с. 6.

национального движения, по-прежнему оставался раскол на два течения по конфессиональному признаку и, что особенно существенно, по своим национально-идеологическим концепциям.

Этот раскол сказывался в литературно-письменной сфере. Языковая ситуация в Словакии в 40-х годах оставалась противоречивой и неустойчивой. В среде протестантов по-прежнему господствовал традиционный чешский литературный язык — библичина. Правда, его нормы уже не были такими «чистыми», как прежде. Он выступал в разных вариантах, с различными орфографическими и грамматическими модификациями. Как уже отмечалось выше, Я. Коллар и П. Й. Шафарик пытались ввести в литературное употребление особый «чешско-словацкий» язык. Однако эта попытка не увенчалась успехом. Католики, в свою очередь, продолжали пользоваться словацким литературным языком — бернолаковщиной. Его нормы тоже не были достаточно стабильными. В ряде изданий бернолаковщина также выступала в модифицированном виде. Помимо кодифицированных литературно-письменных языков литературные произведения писались и печатались также на местных словацких говорах или культурных интердиалектах. Кроме того, научная и религиозная литература издавалась на латинском и немецком языках. Наконец, в литературных целях некоторые словацкие писатели и поэты использовали венгерский язык. Не случайно Л. Штур в письме Ф. Палацкому образно замечал, имея в виду сложность языковой ситуации: «Мы находимся в настоящем чистилище»⁹⁰.

Естественно, что такая языковая пестрота (правда, доминирующую роль в этот период играли чешский литературный язык и бернолаковщина) мешала объединению патриотических сил словаков в их борьбе за свои национальные права. Представители обоих основных течений словацкого национально-возрожденческого движения стремились найти пути и средства преодоления разобщенности. Мы уже отмечали, что такие усилия прилагались и в 20—30-х годах. Все же это были, в сущности, подготовительные, но, несомненно, очень важные и полезные шаги на пути ликвидации идеологической, конфессиональной и языковой разобщенности. В то время ни та, ни другая

⁹⁰ *Stúr Ľ. Listy I. Bratislava, 1956, s. 56.*

сторона еще не готова была отказаться от своей национально-идеологической концепции, хотя в языковом вопросе делались взаимные уступки.

Важным актом в борьбе за объединение словаков явилось узаконение нового словацкого литературного языка, осуществленное в середине XIX в. прогрессивной словацкой интеллигенцией протестантского лагеря, возглавляемой Людовитом Штуром.

Людовит Штур (1815—1856) — выдающийся деятель словацкого национального движения середины XIX в., политик, журналист, литератор, языковед. Он сыграл огромную роль в формировании словацкой национальной идеологии, в развитии словацкой культуры. В истории словацкого литературного языка с его именем связан важнейший этап становления и узаконения общенациональных литературных норм, базирующихся на основе родной речи.

Л. Штур родился 28 октября 1815 г. в с. Угровце в семье протестантского сельского учителя. Окончил гимназию в Рабе, где он изучал латынь и венгерский язык, славянские языки, литературу и историю. Занимаясь в Братиславском лицее, который в 30-х гг. был важным центром словацкой национальной и культурной жизни, Штур включился в работу студенческого «Чехословацкого общества», председателем которого был И. Палкович. Очень скоро Штур стал признанным лидером патриотически настроенной словацкой молодежи. Лицейсты с увлечением изучали чешский и словацкий языки, историю и культуру славянских народов. Став заместителем председателя «Общества», Штур читал лицеистам лекции по славянской истории, этнографии и литературе. При этом он опирался на труды и идеи Коллара и Шафарика. Большую роль в национально-патриотическом воспитании молодежи играли организуемые «Обществом» поездки по родной стране. Они помогали лицеистам лучше узнать свой народ, его беды и нужды, пробуждали интерес к народной словацкой культуре. Важным этапом в жизни Штура явилась двухлетняя учеба в университете в Галле. Здесь он осваивает философское учение Гегеля, знакомится с его диалектическим методом. Здесь же он проходит хорошую лингвистическую выучку (на лекциях А. Потта он ознакомился, в частности, с основами сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков). Вер-

нувшись в 1840 г. в Словакию, Штур приступает к активной педагогической (в «Институте чехословацкого языка и литературы» при Братиславском лицее, который после закрытия в 1836 г. студенческих обществ становится основной базой патриотического воспитания молодежи) и общественно-политической деятельности. В духе концепции славянской взаимности Штур много делает для расширения и укрепления межславянских научных и культурных связей. Он налаживает тесные дружеские контакты с чешскими национально-культурными центрами, с деятелями чешского национально-возрожденческого движения, с русскими славистами, с общественными и культурными деятелями южнославянских народов, с представителями польского национального движения. Все это находит отражение в развитии общественно-политических взглядов Штура, в его многосторонней организаторской, политической и культурной деятельности. Штур принимает участие в развернувшихся в 40-х годах полемиках по вопросу о праве словаков на самостоятельное национальное развитие, гневно осуждая мадьяризаторскую политику правящих венгерских кругов (в частности, в брошюре «Жалобы и сетования словаков», опубликованной на немецком языке в Лейпциге в 1843 г.)⁹¹, в составлении петиций в адрес императора и сейма от имени словацкой патриотической интеллигенции, протестующей против произвола и ассимиляторских мер со стороны венгерской шляхты. В связи с этим расследуется деятельность «Института чехословацкого языка и литературы», Штур и его сторонники обвиняются в панславизме, подвергаются преследованиям и гонениям.

В условиях острой политической и национальной борьбы Штур становится одним из вождей словацкого национального движения, его идеологом и организатором. Он много делает для сплочения патриотических сил словаков. К этому же времени относятся и важнейшие лингвистические труды Штура, послужившие теоретической основой и идеологическим обоснованием введения в жизнь нового словацкого литературного языка⁹². Последова-

⁹¹ Štúr Ľ. Žaloby a ponosy Slovákov (Die Beschwerden und Klagen der Slaven in Ungarn). Z nemeckého vydania preložil K. Goláň. Turč. sv. Martin, 1946.

⁹² Štúr Ľ. Nárečja slovenskuo alebo potreba písania v tomto nárečí. V Prešporoku, 1846; *Idem.* Nauka reči slovenskej. V Prešporoku, 1846.

тельно и настойчиво боролся Штур за право издавать словацкую газету. После длительных перипетий (почти четыре года добивался Штур разрешения на издание газеты у австрийских и венгерских властей)⁹³ в январе 1845 г. разрешение, наконец, было получено. 1 августа 1845 г. увидел свет первый номер «Словацкой национальной газеты», которая выходила до мая 1848 г. Ее бессменным редактором был Штур. На страницах этой газеты штуровцы разрабатывали и пропагандировали основные положения социально-экономической, политической и культурной программы словацкого национально-возрожденческого движения. Их выступления против пережитков феодализма, рабства и деспотизма, за идеи свободы, гуманности и демократии ярко раскрывали ее прогрессивный характер. Правда, Штур и его ближайшие соратники (Годжа, Гурбан) не были сторонниками радикальных, революционных общественных перемен, они стояли за эволюционный, реформистский путь преобразований. Пламенным трибуном, приверженцем буржуазных реформ в экономической и общественной жизни страны проявил себя Штур, выступая в 1847—1848 гг. в качестве депутата венгерского сейма. Призывая отменить феодальные повинности, он подчеркивал: «Эти феодальные отношения не имеют больше места в западных странах и вообще не соответствуют духу нашего столетия»⁹⁴. Поднимая вопрос о необходимости облегчения участи угнетенного народа, он говорил: «Этого требуют самые неотложные интересы и будущее нашей родины, этого требует служение справедливости и святое дело человечности»⁹⁵.

Активное участие принял Штур в революционных событиях 1848 г. В марте 1848 г. венгерский сейм срочно принял ряд законов, направленных на осуществление в стране буржуазных преобразований. В новой обстановке лидеры словацкого национального движения провозглашают 10 мая 1848 г. в г. Липтовский Микулаш «Требования словацкого народа» (возвращение земли крестьянам, всеобщее избирательное право, создание словацких школ и т. п.). Венгерское правительство, отклонив эти требо-

⁹³ См. об этом в кн.: *Vyvjalová M. Slovenskje národně novini. Boje o ich povolenie (Štúdia a dokumenty)*. Martin, 1972.

⁹⁴ *Štúr Ľ. Politické state a prejavy*. Bratislava, 1954, s. 351.

⁹⁵ Там же, с. 346.

вания, издало приказ об аресте Штура, Гурбана и Годжи. Они вынуждены были скрываться и затем покинуть Словакию. Штур уехал в Прагу, где принял участие в Славянском съезде, а затем в Пражском восстании.

Сложные и противоречивые обстоятельства общественно-политической борьбы того времени, столкновение национальных интересов венгров, стремящихся к единовластию в своем государстве, с интересами невенгерских национальностей страны, неспособность буржуазных лидеров найти правильный подход к решению национального вопроса — все это привело к тому, что словаки оказались по одну сторону баррикад с контрреволюционными австрийскими войсками.

Союз вождей словацкого национального движения с контрреволюционной Веной был трагической ошибкой. Он не принес словакам желанных свобод. Вдохновляемые идеями Французской революции, лозунгами равенства, братства и свободы народов, стремясь все свои силы отдать борьбе за национальные права родного народа, они оказались втянутыми в вооруженный конфликт с одним из передовых отрядов буржуазно-демократических революций в Европе — венгерским национально-освободительным движением. Плоды были горькими. После подавления революции австрийское правительство не только не выполнило своих обещаний по обеспечению прав словацкой национальности, но, наоборот, ввело еще более жестокий режим. За Штуром был установлен полицейский надзор. Перебравшись в Модру, Штур устранился от активной политической деятельности. Он тяжело переживал крах надежд и планов словацкого национального движения. Много сил и времени в этот период он отдавал литературной работе. В 1853 г. были опубликованы его труд «О народных песнях и сказаниях славянских племен» и сборник стихов⁹⁶. Пытаясь наметить возможные пути развития словацкого национального движения, показать дальнейшие судьбы славянства, Штур подготовил в 1850—1853 гг. политический трактат «Славянство и мир будущего», который вышел в свет уже после его смерти⁹⁷.

⁹⁶ *Štúr Ľ.* O národních písních a pověstech plemen slovanských. Praha, 1853; *Idem.* Spevy a piesne. V Prešporke, 1853.

⁹⁷ *Штур Л.* Славянство и мир будущего. Пер. неизданной немецкой рукописи с примечаниями В. Ламанского. М., 1867; *Das*

В этом труде сказалось идеалистическое мировоззрение Штура, в значительной мере обязанное философской доктрине Гегеля. Ошибочные представления о развитии общества и сущности социально-политических явлений не позволили Штуру занять последовательно демократические позиции. Противопоставляя Запад и Восток, Штур, с одной стороны, выступает с критикой западного капиталистического общества, а, с другой, — наоборот, идеализирует положение в царской России. Это было обусловлено тем, что Штур связывал судьбу славянских народов с возвращением к общинно-патриархальным порядкам (признавая при этом и некоторые положительные стороны буржуазного пути развития общества). Черты такого порядка он усматривал именно в России. Штур был убежден, что только такое мощное славянское государство, как Россия, поможет другим славянским народам, в том числе и словакам, обрести национальную свободу. В политическом объединении с Россией он видел путь спасения угнетенных славянских народов, необходимую предпосылку для выполнения исторической миссии славянства. Подобные взгляды привели Штура в сущности к панславистской концепции.

В яркой многогранной деятельности Штура, направленной на развитие национальной культуры родного народа, важное место занимают усилия по созданию общенационального словацкого литературного языка.

Идея применения словацкого языка в литературной сфере возникла в ближайшем окружении Штура в конце 1842—начале 1843 г. в связи с замыслом издавать словацкую политическую газету. (Заметим, что раньше Штур и его соратники, как и другие словацкие протестанты, пользовались чешским литературным языком. Известное время Штур был приверженцем «чешско-словацкого» языка, поскольку он надеялся, что такой литературный язык сможет стать мостом для сближения с бернолаковцами.) Первоначально предполагалось, что газета будет выходить на чешском языке. При этом Штур допускал возможность публикации материалов и на бернолаков-

Slawenthum und die Welt der Zukunft. Slovanstvo a svět budoucnosti. Na základě německého rukopisu vydal v původním znění, s kritickými poznámkami a úvodem J. Jirásek. Bratislava, 1931.

щине, как бы продолжая тем самым традицию альманаха «Zoga»⁹⁸. Пока велась сложная и длительная борьба за разрешение на издание газеты, в окружении Штура усиленно дискутировался и постепенно прояснялся вопрос о ее языковой форме.

14 февраля 1843 г. в узком кругу штуровской группы было решено издавать газету на словацком языке (в совещании при обсуждении этого вопроса кроме самого Л. Штура приняли участие Ян Францисци-Римавский, Ян Калинчак, Само Возар, Ян Ловинский, Самуэль Штур)⁹⁹. Издание газеты рассматривалось как удобный повод для практического осуществления намечаемой языковой реформы, для важного шага на пути к литературно-языковой самостоятельности словаков. Однако, добываясь разрешения на издание газеты и ведя подготовку к изданию, Штур из тактических соображений не акцентировал внимание общественности на вопросе о языковой форме газеты. Он собирался поехать в Прагу, чтобы обсудить этот вопрос с деятелями чешского возрождения. Осуществить поездку в Прагу ему, однако, не удалось.

В июне 1843 г. Л. Штур, М. М. Годжа, Й. М. Гурбан на совещании в Глбоком еще раз обсудили вопрос о введении нового словацкого литературного языка; посетили видного представителя бернолаковского течения, поэта Яна Голлого и проинформировали его о своем намерении.

Окончательное решение было принято лишь в августе 1844 г. в г. Липтовский Микулаш на заседании общества «Татрин», созданного для развертывания широкой культурно-просветительной работы среди народа. На этом заседании Штуру было поручено написать грамматику нового литературного языка. В этом же году вышли в свет и первые литературные произведения на этом языке: стихотворение Яна Францисци «Svojím vrstovníkom na ramiatku», второй том научно-литературного альманаха «Nitra», издаваемого Й. М. Гурбаном (первый том был напечатан еще на чешском языке).

В июне 1845 г. было опубликовано «Объявление» об издании словацкой газеты. В нем уже открыто ставился и вопрос о языке, на котором будет выходить газета. При рас-

⁹⁸ См. письмо Л. Штура М. Гамульяку от 29 мая 1842 г. *Stúr Ľ. Listy*, I, s. 305.

⁹⁹ *Stúr Ľ. Listy*, II, s. 353.

смотрении этого вопроса Штур различает два аспекта. По отношению к венгерскому национальному движению он подчеркивает необходимость и право словаков развивать культуру и образование на родном языке. При этом он ссылается на опыт самих венгров, которые уже добились определенных прав для своего языка и национальности и за которыми он признает право и дальше приумножать свои национальные достижения. В связи с этим Штур выражает надежду, что венгры предоставят возможность и словакам использовать родную речь в целях просвещения народа.

По отношению к национальному движению самих словаков трудность решения языкового вопроса видится Штуру в другом — в преодолении существующего литературно-письменного двуязычия и в выборе конкретной формы единого словацкого литературного языка. Штур подчеркивает, что это одна из самых больших трудностей, связанных с изданием газеты, что в связи с этим вопросом пришлось многое обдумать, взвешивая все обстоятельства и советуясь со «славными нашими мужами» и друзьями. В конце концов, учитывая, что это будет словацкая газета, решили, что она должна выходить на «нашем собственном языке, на нашем дедовском языке»¹⁰⁰. Штур высказывал надежду, что протестанты, как добрые словаки, согласятся на это, что, объединившись на базе единого литературного языка, словаки преодолеют свою «большую беду» — разобщенность «на две партии по отношению к языку»¹⁰¹. Вторая сторона вопроса во внутреннем аспекте — выбор конкретной диалектной основы литературного языка. Замечая, что все словаки считают свою диалектную речь истинно словацким языком и хотели бы, чтобы писалось так, как они говорят, Штур подчеркивал, что такое решение невозможно и неверно. По его мнению, писать нужно на «чистом словацком языке», который объединит всех. На этом языке и будет издаваться газета и ее литературное приложение. Вместе с тем Штур оговаривается, что до тех пор, пока «наш истинный язык» не распространится повсюду, для публикации в приложении будут «с благо-

¹⁰⁰ Ohlas o Slovenských národných novinách a Orlovi Tatránskom.
Цит. по кн.: *Štúr Ľ. Politické state a prejavy*. Bratislava, 1954, s. 36.

¹⁰¹ Там же, с. 36.

дарностью приниматься» и материалы на словацких диалектах, и на языке, на котором до сих пор писали протестанты (т. е. на чешском языке).

В 1845 г. начинает выходить первая газета на словацком языке «Slovenskje národňje novini» с литературным приложением «Orol Tatránski». В статье «Hlas k rodákom», опубликованной в этом приложении, Л. Штур стремится доказать национальную самобытность словаков, самостоятельность и специфичность их языка, необходимость его использования для пробуждения и просвещения народа. Однако более развернутую аргументацию в пользу самостоятельности словацкого литературного языка Штур дает в своих книгах «Словацкое наречие. . .» и «Наука словацкого языка», вышедших из печати уже в 1846 г.

Введение в жизнь нового словацкого литературного языка следует рассматривать как составное и необходимое звено широкой программы демократизации, социальных перемен, развития национальной культуры, духовной жизни словацкого народа. Борьба за новый литературный язык для штуровцев — не самоцель, а средство решения насущных проблем социально-политического и национально-культурного характера, актуальных задач возрожденческого движения.

В кругах молодой словацкой буржуазии протестантского лагеря, возглавляемой Л. Штуром, в 30—40-е годы постепенно преодолевается идея «чехословацкого племени», связанная с колларовской концепцией славянской взаимности. На передний план выступает идея национально-этнической самобытности словаков и самостоятельности словацкого языка. Она обретает «второе дыхание», становясь одним из важнейших компонентов системы взглядов и представлений, характеризующих новую концепцию словацкой национальной идеологии. Ведь к идее о самобытности словацкого племени и самостоятельности словацкого языка штуровцы подошли уже с иных историко-философских и идеологических позиций, чем бернолаковцы. На самого Штура и его окружение большое влияние оказали, как мы уже отметили, идеи Гердера и Гегеля. Это проявилось в понимании штуровцами закономерностей исторического развития, во взглядах на историю славянства, в представлении о высокой миссии славян в прогрессе человечества. Штур исходил из гегелевского положения о том, что история народов — это прежде всего

история их духовной жизни, это развитие таких явлений, в которых живет «дух народа» (язык, религия, искусство и т. п.). В этой связи показателен главный довод штуровцев в защиту самостоятельности словацкого языка — идея национальной самобытности словаков. Эта идея основывалась на представлении о расчлененности «славянского народа» (нации) на «племена». По мнению Штура, указанная черта — признак огромной духовной силы «народа» (нации), она особенно характерна для славянской нации, ее надо всячески «сохранять, защищать и... развивать»¹⁰². Выдвигая идею национальной самостоятельности словаков, Штур критически переработал учение Коллара о славянской взаимности, подняв его в «новых исторических условиях на качественно новую ступень»¹⁰³, приведя его в соответствие с новыми требованиями жизни. Штур в рамках единого славянского «народа» выделяет не четыре, а одиннадцать «племен» (великорусы, малорусы, болгары, сербы, хорваты, словинцы; поляки, чехи, верхние лужичане, нижние лужичане, словаки). Таким образом, в концепции Штура словаки уже выступают как равноправный отдельный член семьи славянских народов, а не через промежуточное чехословацкое звено.

Следует однако подчеркнуть, что штуровцы в принципе концепцию славянской взаимности не отвергали. Они стремились, говоря словами Штура, ее «расширить, дополнить и вдохнуть в нее жизнь»¹⁰⁴. Славянская идея и для них была дорога и необычайно важна. Ведь именно через славянство (славянский «народ» как целое) они видели свою духовную связь с «европейским человечеством»¹⁰⁵. Таким образом, модифицируя учение о славянской взаимности, штуровцы перенесли акцент с абстрактного целого на реально существующие компоненты, составляющие это целое. Иначе говоря, они подчеркивали роль и значение отдельных славянских «племен», обладающих своей спецификой. «Славянскую жизнь» Штур сравнивает с липой, у которой много ветвей, и замечает:

¹⁰² Štúr Ľ. Nárečie slovenské alebo potreba písania v tomto náreči. Turč. sv. Martin, 1943, s. 18.

¹⁰³ Matula V. Štúr a slovanstvo. — Ľudovít Štúr. Život a dielo. Bratislava, 1956, s. 359.

¹⁰⁴ Štúr Ľ. Nárečie slovenské. . . , s. 24.

¹⁰⁵ M. M. Hodža. Dobruo slovo slovákóm, súcim na slovo. Levoča, 1847, s. 43.

«Народ один, но он один в многообразии»¹⁰⁶. Подобное понимание соотношения целого и части, в котором сказывается знание гегелевской диалектики, было типично для шутовцев. Исходя из такого понимания, они провозглашали, что расцвет, развитие отдельных «племен» как национальных индивидуальностей будет способствовать дальнейшему усилению и процветанию славянского «народа» в целом.

С тезисом о самобытности, национальной индивидуальности словаков в концепции Штура тесно связано и положение о самостоятельности, специфичности словацкого языка. Расчлененность «народа» на «племена», по мнению Штура, сопровождается дифференциацией «единого общего языка», на различные «способы говорения» (наречия, диалекты)¹⁰⁷. Подобное понимание характерно и для Годжи, который писал о славянском языке, что он «везде один, но не одинаков»¹⁰⁸. В своих лингвистических трудах Штур стремится доказать, что словацкий язык по структуре и качествам имеет ряд отличий от других славянских языков, в том числе и от чешского. Он приходит к выводу, что словацкий язык — «наречие особенное и самостоятельное»¹⁰⁹. Говоря о соотношении чешского и словацкого наречий, Годжа также подчеркивал, что «одно и другое имеет свою необходимую самостоятельность»¹¹⁰.

Доказывая самостоятельность словацкого языка, Штур ссылается и на авторитет таких видных ученых-славистов, как Й. Добровский и П. Й. Шафарик.

Обосновывая специфичность словацкого языка, выделяя его признаки и особенности, Штур не всегда научно объективен, не во всем точен. Некоторые его утверждения вызвали возражения даже среди самих шутовцев (Годжа и др.). С позиций современной лингвистики многие доводы Штура также представляются неубедительными или ошибочными (например, положение о том, что словацкое наречие является центром славянских языков, в котором «как в клубке свиты нитки единства всех славянских

¹⁰⁶ *Narečie slovenské...*, s. 20.

¹⁰⁷ Там же, с. 15.

¹⁰⁸ *Hodža M. M. Dobruo slovo slovakom, súcim na slovo*, s. 76.

¹⁰⁹ *Štúr Ľ. Op. cit.*, s. 89.

¹¹⁰ *Hodža M. M. Větin o slovenčině. Levoča, 1848*, s. 53.

наречий)»¹¹¹. Однако Штур в своих лингвистических работах сумел выявить и ряд существенных признаков, типичных для строя словацкого языка. В частности, он характеризует некоторые явления из области фонетики и морфологии имени и глагола, которые действительно отличают словацкий язык от других славянских языков (в том числе и от чешского). Что касается субъективизма в оценке некоторых черт и свойств словацкого языка, то в известной мере он был обусловлен идеалистическо-романтическими представлениями, характерными для языковых теорий того времени. В частности, это проявлялось в усиленном подчеркивании преимуществ и положительных качеств (нередко мнимых) своего родного языка, в такого рода его характеристиках, как «более совершенный», «более пригодный для поэзии», сохранивший «словацкий и славянский дух в своей чистоте и свежести» (Л. Штур), «самый совершенный, самый красивый» (Й. М. Гурбан) и т. п. Штуровцы с глубокой любовью относились к родному языку, активно пропагандировали его достоинства. При этом наряду с филологическими соображениями они использовали и такой аргумент, как свое эмоционально-эстетическое восприятие его качеств. Так, Й. М. Гурбан писал: «Наше словацкое наречие обладает такими достоинствами, такими богатствами и сокровищами, каких, пожалуй, не имеет ни одно славянское культурное наречие»¹¹². Подобного рода высказывания в известной мере обусловлены ожесточенными полемиками, которые велись в то время по вопросу о правах словацкого языка, о возможностях его самостоятельного развития и литературного применения.

Штуровцы глубоко понимали роль и значение родного языка в системе культурных ценностей. Для них язык — главный, определяющий признак нации. В ряде их высказываний значение языка явно преувеличивается (это естественно, поскольку у них в силу идеалистического мировоззрения еще не было полного представления о всех факторах, на базе которых формируется нация). В одной из своих работ, опубликованной в 1843 г., Л. Штур утверждал: «Только язык делает нацию нацией, без него она

¹¹¹ *Stúr Ľ. Narečie slovenské. . .*, s. 48.

¹¹² Цит. по кн.: *Hurban J. M. Slovensko a jeho život literárny*. Bratislava, 1972, s. 118.

была бы ничем; нация признается нацией лишь при условии, если она имеет собственный язык»¹¹³. По мнению шуторовцев, язык — это основное «проявление» духовности нации и, следовательно, выражение ее своеобразия. Не случайно они постоянно подчеркивали неразрывную связь языка и народного духа (ср.: «Речь народа есть голос души, воплощенная сущность духа»¹¹⁴). Иногда они отмечали и соответствия языка «типу национального характера»¹¹⁵.

Язык, считали шуторовцы, — показатель национальной индивидуальности, самобытности народа. Они подчеркивали, что далеко не безразлично, при помощи какого языка развивать духовную жизнь нации, и призывали культивировать и совершенствовать родной язык.

В создании литературного языка на базе живой словацкой речи шуторовцы видели мощный объединяющий фактор, способный положить конец литературно-языковой и конфессиональной разобщенности словацких патриотических сил и ускорить процесс консолидации нации. Именно это имел в виду Штур, когда писал своему другу, русскому слависту И. И. Срезневскому о том, что они ввели в литературу словацкий язык, «желая объединить все сословия, дворянское, буржуазное и люд, желая объединить религиозные партии, протестантскую чешскую и католическую бернолаковскую»¹¹⁶. Штур исходил из того, что новый словацкий литературный язык будет единым для всех словаков. «Символ нашего объединения, — писал он, — это наш национальный язык»¹¹⁷.

Наконец, введение в литературу языка, основанного на родной речи, шуторовцы рассматривали как важный шаг на пути сближения патриотической интеллигенции с народными массами. В их понимании родной язык — «ключ к сердцу и мысли» народа¹¹⁸. Для обращения к народу, писал Штур, нужен такой язык, «который на люд

¹¹³ *Stúr Ľ. Žaloby a ponosy Slovákov (Die Beschwerden und Klagen der Slaven in Ungarn). Z nemeckého vydania preložil K. Goláň, Turč. sv. Martin, 1946, s. 14.*

¹¹⁴ *Hurban J. M. Op. cit., s. 35.*

¹¹⁵ *Stúr Ľ. Hlas oproti Hlasom. — Stúr Ľ. Slovenčina naša. Bratislava, 1957, s. 129.*

¹¹⁶ *Stúr Ľ. Listy II. Bratislava, 1956, s. 237.*

¹¹⁷ *Stúr Ľ. Politické state a prejavy. Bratislava, 1954, s. 181.*

¹¹⁸ *Stúr Ľ. Nárečie slovenské. . . , s. 74.*

наш оказывает наибольшее воздействие»¹¹⁹. Таким языком, естественно, был родной язык словаков, который шуруповцы стремились поднять до уровня литературного общенационального языка. У шуруповцев проявляется более глубокое, чем у бернолаковцев, понимание общественной роли литературного языка, его социальных функций. Литературный язык рассматривался ими не только как средство культурно-просветительной и религиозной пропаганды (хотя и этим аспектам шуруповцы придавали большое значение), как средство развития национальной культуры, но и как необходимое орудие в борьбе за улучшение социальных условий жизни народа, за устранение пережитков феодализма, за пробуждение и общественную активизацию широких слоев словацкого населения.

Штур понимал, что для успешного функционирования нового словацкого литературного языка необходимо установление единых норм и правил, необходима его кодификация. Еще замышляя языковую реформу, Штур готовил и описание грамматического строя словацкого языка. При этом он стремился написать не практическое учебное пособие, а научную грамматику, которая раскрыла бы перед читателем «внутренний строй и порядок»¹²⁰ словацкого языка. Эти свои замыслы он осуществил в книге «Наука словацкого языка» (*Nauka reči slovenskej*, 1846), которая является наиболее значительным лингвистическим трудом Штура, написанным на уровне достижений теоретического языкознания того времени¹²¹.

В этой книге наиболее полно представлена кодификация различных уровней словацкого литературного языка. В ней дается детальное описание фонетики и грамматического строя языка, излагаются правила орфографии и орфоэпии. Видя в языке «верную картину свежего, богато одаренного духа словацкого племени»¹²², Штур

¹¹⁹ *Štúr Ľ. Hlas oproti Hlasom. . .*, s. 127.

¹²⁰ Цит. по кн.: *Štúr Ľ. Nárečie slovenské. . .*, s. 134.

¹²¹ Современники Штура и некоторые исследователи его творчества иногда недооценивали его как лингвиста. Однако в настоящее время высоко оценивается и его лингвистическая подготовка, и его вклад в развитие словацкого языкознания. См.: *Novák Ľ. Štúr ako jazykovedec. — Slovenské pohľady*. LII, 1936. *Blanár V. Ľudovít Štúr ako jazykovedec. — Slovenská reč*, roč. XXI, 1956, čís. 3—4.

¹²² *Štúr Ľ. Nárečie slovenské. . .*, s. 134—135.

постоянно подчеркивает характерные особенности словацкого языка, его отличия от других славянских языков, в том числе и от чешского.

Правописание. В исходных принципах кодификации правил написания Штур продолжил традицию Бернолака. Правописание, по его мнению, должно основываться на произношении. При этом он стремился к тому, чтобы каждый звук передавался одной буквой. Примененный Штуром принцип правописания сейчас принято называть фонологическим или фонологическо-морфологическим¹²³.

Отметим некоторые конкретные рекомендации Штура в сфере правописания:

Как и Бернолак, Штур отвергал написание этимологического *y*, *ý* и рекомендовал на их месте везде писать *i*, *í*, например: *bit'* (а не *byt'*), *chiba* (а не *chyba*) и т. п.

Штур настаивал на последовательном обозначении мягкости согласных *n*, *t*, *d*, т. е. не только перед гласными *a*, *o*, *u*, но и перед *i*, *e*, а также перед дифтонгами *ja*, *je*. Ср., например: *mňa*, *t'a*, *z d'aleka*, *l'ud'om*, а также *nápadník*, *raňe*, *peňjazmi*, *ňje len*; *t'i*, *ot'es*, *host'ja*, *rast'je*; *vyhod'it'*, *úd'el*, *d'jabol*, *hukot d'jel* и т. п. Это давало возможность графически зафиксировать противопоставление согласных *n* — *ň*, *t* — *t'*, *d* — *d'* по твердости-мягкости.

Штур ввел обозначение долготы не только гласных *á*, *í*, *ú*, но и плавных согласных *ĺ*, *ř* (чего не было у Бернолака), например: *vĺča*, *kĺzat'*, *břkat'* и т. п. По мнению Штура, в словацком языке нет долгого *o* и *e* (исключения: *trón*, *chór*, *dcéra*). На месте *é* в штуровщине писалось *je*, например: *dobrjeho*, *dobrjemu* и т. д.

Характерной чертой кодифицируемого Штуром языка были среднесловацкие дифтонги *ja*, *je*, *jo*. Для их обозначения Штур рекомендовал написание *ja*, *je*, *jo*, например: *vid'ja*, *prjat'el*, *mljeko*, *pjest'*, *puojd'em*, *kuoň* и др.

Вместо графем *w*, *g*, *ǵ*, используемых в бернолаковщине, у Штура представлены: *v*, *j*, *g*.

В некоторых предписаниях Штур был не вполне последовательным. Отдельные правила правописания были недостаточно строгими. Так, в формах род. п. существитель-

¹²³ Pauliny E. Dejiny spisovnej slovenčiny. I, Bratislava, 1966, s. 104—105.

ных муж. р. рекомендовалось писать *u* вместо *v*: *krárou* (а не *králov*), *panou* (а не *panov*), *rodákou* (а не *rodákov*), *slonou* (а не *slonov*) и т. п., поскольку на конце слова произносится *u*. Подобное написание характеризует и окончание твор. п. ед. ч. существительных и прилагательных жен. р. и личных местоимений: *víchricou*, *svojou formou* и др. Наряду с этим в других случаях произношение *u* не фиксируется, например: *hňev*, *cirkev*, *d'jevča*, *krivda*, *králov palác*, *vid'eu som královho sina*.

В целом штуровская система правописания ярко свидетельствует о его стремлении закрепить в графике особенности произношения живой словацкой речи, послужившей основой формирования литературных норм. Как отмечает Н. А. Кондрашов, орфографическая система Штура «полностью соответствует фонетической системе среднесловацких говоров и верно отражает их наиболее существенные признаки»¹²⁴.

Фонетика. Характеризуя фонетическую систему словацкого языка, Штур выделял пять гласных: *a*, *i*, *u*, *e*, *o*. При этом с краткими гласными *a*, *i*, *u* соотносятся соответствующие долгие *á*, *í*, *ú*. Кратким *o*, *e* соответствуют, как правило, дифтонги *uo*, *ie*. С кратким *a* может также соотноситься дифтонг *ia*. С гласными Штур сближает «полугласные» *l* и *r*, которые в словацком языке могут выполнять слогообразующую функцию.

В систему вокализма Штур не включил типичный для некоторых среднесловацких говоров звук *ã* (примечательно, что этот звук не был кодифицирован и Бернолаком). Он рассматривал звук *ã* как дифтонг, правда, неистинный, ненастоящий¹²⁵, который встречается редко, лишь в некоторых уголках Словакии¹²⁶ и утрачивается. Поэтому, по мнению Штура, ему нет места в системе литературного словацкого языка¹²⁷. Вместо *ã* в штуровщине находим или *a*, например: *svatí*, *zavazuje*, или *e*, например: *pajme*, *vezeň*.

¹²⁴ *Kondrašov N. A. Vznik a začiatky spisovnej slovenčiny. Bratislava, 1974, s. 114.*

¹²⁵ *Stúr Ľ. Nárečie slovenské. . . , s. 159.*

¹²⁶ Там же, с. 159.

¹²⁷ Возможно, что такое решение было связано с тем, что звук *ã* не был представлен ни в родном говоре Штура, ни в говорах тех мест, где он жил накануне реформы литературного языка. См.: *Kondrašov N. A. Op. cit., s. 87.*

Штур не признавал литературным также дифтонг *iu*, на его месте он употреблял *ú* (долгое *u*), например: *božú*, *znamejú*.

Характерной чертой шурупщины было произношение *u* в формах глагола прошедшего времени *mau*, *volau*, *gobiu* (ср. формы современного словацкого языка — *mal*, *volal*, *gobil*).

Штур раскрыл «существенный для словацкого языка закон» сокращения долгот, по которому в слове не могут следовать друг за другом два долгих слога. Характеризуя эту типичную для среднесловацких говоров черту, Штур писал: «В чистом словацком языке нигде не встречаются два долгих слога, и даже если один из слогов по своему характеру должен быть долгим, он сокращается, когда ему предшествует долгий слог»¹²⁸. Это правило в шурупщине реализуется последовательно, например: *vjažu* (а не *vjažú*), *hádžu* (а не *hádžú*), *krásneho* (а не *krásného*), *pjati* (а не *pjátí*) и т. п.

Система консонантизма шурупщины в основном совпадает с нормами современного словацкого литературного языка¹²⁹. Отличительной чертой шурупской кодификации является лишь отсутствие *l'* (мягкого *l*). Штур считал, что этот звук недостаточно распространен в словацких говорах и неэстетичен («неприятный»)¹³⁰.

Примечательно, что в системе согласных Штур отметил типично словацкие аффрикаты *dz* и *dž*, подчеркнув при этом отличие словацкого языка от чешского, например: *hádzat'* (чеш. *házet*), *chuodza* (чеш. *chůze*), *džavotat'* (чеш. *žvaniti*, *štěbotati*) и др.

Несмотря на то, что Штур не принял такие типично среднесловацкие языковые элементы, как звук *ä* и *l'*, кодифицированная им фонетическая система в целом отражает характерные особенности звукового строя среднесловацких говоров.

Грамматика. В книге «Наука словацкого языка» наиболее подробно описан грамматический строй шурупщины (особенно морфология). Анализируя языковые факты, Штур пытался вскрыть законы языка, постичь его системную организацию. Устанавливая нормы литера-

¹²⁸ *Stúr Ľ. Nárečie slovenské. . .*, s. 226.

¹²⁹ Ср.: *Kondrašov N. A. Op. cit.*, s. 95.

¹³⁰ *Stúr Ľ. Nárečie slovenské. . .*, s. 222.

турного словацкого языка, Штур исходил из современного состояния народно-разговорной речи. Иначе говоря, в его «Науке» обнаруживается стремление дать синхронное описание грамматических признаков словацкого языка. Конечно, в своей работе Штур опирался на предшествующую чешскую и словацкую грамматическую традицию (на труды Добровского, Ганки, Шафарика, Бернолака и др.). Наряду с этим во многих отношениях он проявил себя как самостоятельный исследователь и умелый кодификатор. В частности, существенную роль играло акцентирование им живых, продуктивных явлений описываемого языка¹³¹.

В рамках данной статьи нет возможности достаточно полно осветить кодификаторские усилия Штура в области морфологии и синтаксиса. Нам важно, однако, подчеркнуть, что кодифицированная им морфологическая система (с незначительными изменениями) характерна и для современного словацкого литературного языка¹³².

От современной литературной нормы штуровщину отличают следующие морфологические признаки.

Окончание форм им. и вин. п. ед. ч. существительных среднего рода типа *staveňja*, *svedomja*, *lámaňja*, *zdravja* и т. п. (ср. современные формы *svedomie*, *zdravie* и т. п. и соответствующие формы бернолаковщины *stawaňi* с вариантом *stawaňa*). Заметим, что Штур допускал и формы на *-je*, очень близкие современной норме.

Формы твор. п. мн. ч. существительных *-mi*, *-ami* с долгим конечным гласным: *susedmi*, *medved'mi* и *medved'amí*, *volmi* и *volamí*, *prjat'elamí*, *slovmi* и *slovamí*, *povínamí*, *rukamí* (современная норма — окончание *-mi*, *-ami*). В случае действия ритмического закона *í* сокращался: *ránmi*.

Окончание форм дат. п. ед. ч. существительных среднего рода: *staveňú* (ср. современные нормы *svedomiu*, *vysvedčeniú* и т. п.).

Окончание форм им. и вин. п. ед. ч. прилагательных среднего рода: *dobruo* (ср. современную форму *dobré*),

¹³¹ *Blanár V. Ľudovít Štúr ako jazykovedec. — Slovenská reč, roč XXI, čís. 3—4, 1856, s. 153.*

¹³² *Blanár V. Op. cit., s. 160; ср. также: Кондрашов Н. А. Возникновение и начальный этап развития словацкого литературного языка. (Автореферат докт. диссерт.). М., 1968, с. 32.*

Slovenskuo (современная форма slovenské) potrebuo (современная форма potrebné) и т. п.

Наличие дифтонга *je* в окончаниях прилагательных: *dobrjeho, dobrjemu, každjeho, každjemu* (ср. современные формы *dobrého, dobrému, každého, každému*).

Формы инфинитива на *-uvat'*: *obetuvat', považuvat', ukazuvat'* (ср. современные формы *obetovat', považovat', ukazovat'*).

Значительное место в своей книге «Наука словацкого языка» Штур уделяет классификации глаголов, системе спряжения, грамматическим значениям глагольных форм. Опираясь при этом на труды Добровского и исследование о глаголе польского лингвиста И. Цегельского (*O słowie polskim*. 1842), он значительно углубляет трактовку глагольных грамматических категорий¹³³. Пытаясь показать специфику славянских глаголов, Штур писал: «Конечно, знаменитый наш Добровский много сделал в этом отношении, но все же сущность (*die Beschaffenheit*) нашего глагола и его образование должным образом не объяснил»¹³⁴. Существенной чертой славянских глаголов, по мнению Штура, является их деление на совершенные и несовершенные. Это проявляется и в системе глагольных времен, и в системе форм наклонений. Метко характеризует Штур и некоторые особенности употребления видо-временных глагольных форм в словацком языке.

Штуровские предписания в сфере морфологии не всегда строги и категоричны. Иногда он сознательно допускал возможность вариантных форм, считая, что нормы молодого литературного языка еще не вполне стабилизировались, что «выбор наиболее подходящего варианта будет произведен в последующем развитии литературного языка»¹³⁵. Конечно, в кодификации Штура были и моменты спорные или недостаточно уточненные. Некоторые его рекомендации, обусловленные романтическими представлениями о языке и стремлением видеть прямую связь между «духом народа» и «духом языка», были впоследствии отвергнуты. Однако в целом система словоизменения, кодифицированная Штуром, выдержала проверку временем. В значительной мере это обусловлено тем, что

¹³³ Ср. *Blanár V. Ľudovít Štúr ako jazykovedec*, s. 159.

¹³⁴ Цит. по кн.: *Štúr Ľ. Nárečie slovenské*. . . , s. 205.

¹³⁵ *Кондрашов Н. А. Возникновение и начальный этап*. . . с. 33.

по сравнению с фонетической системой она «носит еще более монолитный среднесловацкий характер»¹³⁶.

Словообразование. У Штура нет специальных работ, посвященных словообразованию. Однако эта проблематика широко представлена в его основном лингвистическом труде «Наука словацкого языка». Правда, словообразование здесь не всегда отграничивается от образования форм слов, тем не менее и в этом отношении Штур делает ряд интересных и верных наблюдений. Так, в частности, он подробно описывает слова уменьшительные и увеличительные, которыми «словацкий язык очень богат»¹³⁷. Штур отмечает, что эти слова не только передают значение большей или меньшей меры признака, но могут иметь и ярко выраженный эмоционально-экспрессивный характер. В плане словообразования существенно также то, что Штур подметил разные ступени уменьшительных и увеличительных суффиксов. Так, он различает суффиксы (prívesky) первой ступени (например: síkor-ča, d'jev-ča, zvoň-ec, slov-ce) и второй ступени (например: síkorčjat-ko, d'jevčat-ko, zvon-ček, slov-íčko).

Значительное внимание уделял Штур характеристике словосложения в словацком языке и некоторым другим словообразовательным проблемам.

Лексика. Серьезное внимание уделял Штур вопросам нормализации и развития словарного состава словацкого литературного языка. Правда, он не создал специального лексикологического труда или словаря, но в своих лингвистических работах, в своей редакторской и журналистской деятельности часто обращался к этим вопросам, доказывая их важность и актуальность. В книге «Словацкое наречие. . .» Штур сопоставляет словацкую лексику с чешской, стремясь и на этом материале показать самостоятельность и своеобразие словацкого языка. В частности, он отмечает немало словацких слов, отсутствующих в чешском языке. Наряду с этим ему удалось выявить и семантические расхождения ряда слов, сходных по внешнему облику в чешском и словацком языке, например: чеш. chudý 'бедный' и словц. chudí 'худой', чеш. zboží 'товар' и словц. zbožie 'зерно', 'хлеб', чеш. zvýšiti 'повысить' и словц. zvišit' 'остаться'. Штур понимал необхо-

¹³⁶ Там же, с. 31.

¹³⁷ *Stúr Ľ. Nárečie slovenské. . .*, s. 188.

димось лексикографической обработки словарного состава нового литературного языка. В своих лингвистических работах он сообщал читателям, что словарь составляется одним из соотечественников. По мнению Штура, этот словарь должен был сыграть важную роль в «будительском» плане, в пробуждении у словаков чувства гордости за свой язык, в осознании ими такого его качества, как словарное богатство. Он писал: «Когда наш словацкий словарь, значительная часть которого уже готова, выйдет, в этом каждый убедится»¹³⁸. Пока еще точно не установлено, кого Штур имел в виду, говоря о подготовке словацкого словаря (в этой связи в литературе упоминаются Ц. Зох, Я. Калинчак и др., Э. Йона предполагает, что речь шла о Шт. Янчовиче¹³⁹ — составителе словацко-венгерского и венгерско-словацкого словаря).

Глубоко осознавая общественное назначение литературного языка как орудия объединения всей нации, как важнейшего средства развития просвещения, науки и литературы, Штур придавал большое значение обогащению его словарного состава. Кодифицированный им словацкий литературный язык должен был удовлетворять культурным потребностям нового времени. Поэтому он не мог ограничиваться только той лексикой, которая бытовала в среднесловацких диалектах или была свойственна разговорной словацкой речи интердиалектного характера. В «Объявлении о словацкой национальной газете» Штур кратко изложил свое понимание путей сознательного обогащения лексики литературного языка. Он писал: «Народ, который в науках (scientia) на своем языке до сих пор мало что сделал, у которого не было общественной высшей жизни, не обладает и словами, относящимися к этим высшим предметам (objectum), поэтому, желая взяться за это, он вынужден прибегать к образованию или заимствованию слов. И нам придется так же поступить»¹⁴⁰.

Говоря о формировании словарного состава нового литературного языка — штуровщины, следует подчеркнуть, что его основу составляла лексика народно-раз-

¹³⁸ *Štúr Ľ. Nárečie slovenské. . .*, s. 95—96.

¹³⁹ *Jančovič S. Noví slovensko—maďarskí a maďarsko-slovenskí slovník*. Sarvaš, 1848.

¹⁴⁰ *Štúr Ľ. Politické state a prejavy*. Bratislava, 1954, s. 37—38.

говорного словацкого языка. Штур и его последователи сделали решительный шаг на пути сближения литературно-письменных норм с живой народной речью. В этом, в частности, проявлялся глубокий демократизм языковой реформы Штура. Понимая «высокий» характер литературного языка, штуровцы тем не менее смело вводили в него местную диалектную лексику. «Элементы народной речи сознательно вносятся в литературный язык, в художественную прозу и поэзию»¹⁴¹. Штуровцы переосмысливают значимость речевых средств простого народа. В отличие от деятелей старшего поколения (Коллар, Шафарик и др.), которые считали элементы простой народной речи негодными для литературного языка, штуровцы рассматривают их как полноценные компоненты лексики литературного языка¹⁴². Конечно, литературный язык не мог обходиться только этим пластом лексики. Как уже было сказано, Штур понимал необходимость расширения его словарного состава и намечал два основных способа обогащения литературной лексики.

Что касается лексических новообразований, то к ним Штур относился весьма осторожно. Он не был сторонником слишком активного словотворчества (как, например, М. М. Годжа, С. Б. Гробонь).

Гораздо большее значение Штур придавал второму способу обогащения лексики словацкого литературного языка — посредством заимствованных слов. В этом вопросе он занимал довольно трезвую, отнюдь не пуристическую позицию. Прежде всего это проявлялось в его отношении к заимствованиям из чешского языка.

Высоко оценивая лексическое богатство чешского языка, Штур считал возможным и полезным заимствовать из него необходимые слова, отсутствующие в словацких диалектах. Подобную позицию занимали и ближайшие соратники Штура. Заимствованные из чешского языка слова обретали в штуровщине словацкую фонетическую огласовку и морфологическую форму. Особенно большую роль чешские слова сыграли в развитии абстрактной лексики и формировании научной терминологии литературного словацкого языка. Как отмечает Э. Паулини,

¹⁴¹ *Ivanová-Salingová M. Príspevok k štýlu štúrovskej prózy. Bratislava, 1964, s. 36.*

¹⁴² *Ivanová-Salingová M. Op. cit., s. 36.*

важнейшая часть специальных терминов словацкого литературного языка была в шутовский период заимствована из чешского языка¹⁴³. Кроме того шутовщина обогащалась за счет заимствований из других славянских языков (в том числе русского)¹⁴⁴, а также латинского, немецкого и венгерского. Однако Штур предостерегал против неумеренного употребления иностранных слов.

Уделяя большое внимание развитию и обогащению словарного состава литературного языка, шутовцы заботились также о том, чтобы используемые в нем слова были понятны читателю. Поэтому при мало известных или впервые вводимых в литературный обиход словах Штур (а также и другие авторы) в своих статьях и научных работах имел обыкновение давать пояснения. Он практиковал в таких случаях постановку в скобках при данном слове или словацких синонимов, например: *krám* (sklep), *puška* (flinta), *znak* (címer) или иностранных эквивалентов (латинских, немецких и иногда венгерских), например: *hláska* (Laut), *ňedostatok* (defectus), *ňehoda* (fortuna adversa, die Unfälle), *obecenstvo* (publicum), *pomer* (relatio, der Verhältniss), *pomník* (Denkmal, monumentum), *sebeckvo* (egoismus), *smer* (die Richtung), *zmenka* (Wechsel) и т. п. Подобные уточнения, пояснения важны были также для стабилизации значений новых слов, для регламентации их правильного литературного употребления¹⁴⁵.

Кодифицируя нормы словацкого литературного языка, Штур опирался, как он сам неоднократно отмечал, на наиболее «чистую», самую правильную, хорошо сохранившуюся и широко употребительную народно-разговорную

¹⁴³ *Pauliny E. Dejiny spisovnej slovenčiny I.* Bratislava, 1966, s. 110.

¹⁴⁴ *Кондрашов Н. А.* Русизмы в журнале «Словацкое обозрение». Ученые записки Моск. обл. пед. ин-та им. Крупской, т. 148. Русский язык, вып. 10, 1964, с. 419—433.

¹⁴⁵ Об особенностях лексики словацкого литературного языка шутовского периода см.: *Horecký J.* K charakteristike štúrovskej lexiky. *Linguistica Slovaca*, roč. IV—VI, 1946—1948, s. 279—298; *Jóna E.* Štúrovske základy slovenského slovníka. — *Slovenská reč*, roč. XXXI, 1966, čís. 2, s. 69—75. В новейшей литературе эта проблематика наиболее подробно с привлечением обширного фактического материала освещена в кн.: *Kondrašov N. A.* *Vznik a začiatky spisovnej slovenčiny*, s. 188—262. Ср. так же: *Кондрашов Н. А.* Лексический состав словацкого литературного языка на начальном этапе развития. Ученые записки Моск. обл. пед. ин-та им. Крупской, т. 194. Иностранные языки, вып. 19. М., 1968, с. 88—133.

словацкую речь, то есть на среднесловацкие говоры, укрытые от чужого влияния в глубине Татр¹⁴⁶. Действительно, среднесловацкая основа штуровщины не вызывает сомнения. Однако вопрос о диалектной базе кодифицированного Штуром литературного языка все же не так прост, как может показаться. Не случайно он привлекал и привлекает пристальное внимание исследователей истории словацкого литературного языка. В старой литературе споры велись главным образом о том, какой из среднесловацких говоров явился источником норм штуровского литературного языка (или ближе к тогдашнему пониманию — какой говор был поднят штуровцами на уровень литературного языка). Большинство склонялось к тому, что это был липтовский говор. Высказывались также предположения о том, что базой штуровщины является зволенский или тренчанский говор. Подобные взгляды отражали стремление выявить прямую непосредственную связь штуровщины с конкретными среднесловацким говором или диалектом. Между тем углубленное изучение фонетических и грамматических норм штуровщины показало, что такой прямой связи с определенным говором нет. Я. Станислав, исследуя липтовские говоры, пришел к выводу, что их нельзя признать основным и единственным источником штуровского литературного языка¹⁴⁷. Многие ученые стали говорить о более широкой диалектной базе штуровского литературного языка. Л. Новак высказал мнение, что основой штуровщины являются фонетические и морфологические системы среднесловацкого типа¹⁴⁸. В. Важный, анализируя фонетические признаки штуровщины, пришел к заключению, что Штур «отобрал наиболее характерные черты, общие большей части Средней Словакии, обращая отчасти внимание также на словацкий запад и восток»¹⁴⁹. По его мнению, «тезис о том, что основатели и реформаторы литературного словацкого языка имели в виду какой-то конкретный

¹⁴⁶ *Stúr Ľ.* *Nauka reči slovenskej*. . . , s. 131, 1491.

¹⁴⁷ *Stanislav J.* *Poznámky o pomere jazyka Štúrovej «Nauky reči slovenskej» a liptovského nárečia*. — *Slovenská miscellanea*. Bratislava, 1931, s. 164—179; *Idem.* *Liptovské nárečia*, 1932.

¹⁴⁸ *Novák Ľ.* *Jazykovedné glosy k československej otázke*. Turč. sv. Martin, 1935, s. 104—105.

¹⁴⁹ *Vážny V.* *Spisovný jazyk slovenský. «Československá vlastivěda», Řada II.* Praha, 1936, s. 165.

среднесловацкий диалект и действительно подняли его на уровень литературного языка, доказать невозможно»¹⁵⁰. Э. Паулини в своей первой книге по истории словацкого литературного языка отмечал, что Штур «стремился внести в свой литературный язык то, что является типичным для среднесловацких диалектов, некое койне среднесловацких диалектов»¹⁵¹.

В новейшей лингвистической литературе кодифицированный Штуром литературный язык уже, как правило, не ставится в непосредственную связь с определенными словацкими диалектами. Между этими двумя полюсами усматривается своего рода переходное звено, которое называется среднесловацким культурным языком (среднесловацким культурным диалектом, среднесловацким интердиалектом). Идею о том, что Штур в своей кодификации опирался на «культурный среднесловацкий язык», впервые высказал К. Горалек¹⁵². Она получила довольно широкое признание и дальнейшее развитие. Значительное внимание этому вопросу уделяет, в частности, Э. Паулини¹⁵³.

Словацкие лингвисты считают, что в начале сороковых годов XIX в. (еще до реформы Штура) существовали определенные, достаточно устойчивые нормы (узус) «культурного среднесловацкого языка». Предполагается, что это был разговорный язык, принятый в среде образованных людей городского и в меньшей степени сельского населения. Э. Йона, например, указывает, что штуровцы наряду с чешским языком в разговоре о повседневных делах использовали «среднесловацкий интердиалект», т. е. некий общий среднесловацкий язык без существенных местных различий¹⁵⁴. Высказывается мнение, что средне-

¹⁵⁰ *Vážny V.* Op. cit., S. 207.

¹⁵¹ *Pauliny E.* Dejiny spisovnej slovenčiny. Bratislava, 1948, s. 72.

¹⁵² *Horálek K.* K problematice dějin spisovného jazyka. — *Studie a práce lingvistické.* I. Praha, 1954, s. 371.

¹⁵³ *Pauliny E.* Spoločenské funkcie strednej slovenčiny pred Štúrom. — *Slovenská reč*, roč. XXI, 1956, s. 174—186; *Idem.* Čestina a jej význam pri rozvoji slovenského spisovného jazyka a našej národnej kultúry. — O vzájomných vzt'ahoch Čechov a Slovákov. Bratislava, 1956, s. 99—124; *Idem.* Dejiny spisovnej slovenčiny I. Bratislava, 1966; *Idem.* K prameňom štúrovskej kodifikácie. *Bulletin Ústavu ruského jazyka a literatury*, XII, Praha, 1968, s. 25—27.

¹⁵⁴ *Jóna E.* Účast' Ľudovíta Štúra pri utváraní spisovnej slovenčiny. *Slovenská reč*, roč. XXI, 1956, s. 144.

словацкий культурный язык (мы предпочитаем употреблять термин «среднесловацкий культурный интердиалект») мог иметь и письменную фиксацию. В частности, он отражался в записях произведений словацкого народного творчества (как поэтических, так и прозаических¹⁵⁵), в различных документах и т. п. Пока еще полностью не раскрыто содержание понятия «среднесловацкий культурный язык» (диалект, интердиалект). В его толковании имеются некоторые расхождения. Однако большинство современных словацких лингвистов признает «среднесловацкий культурный язык» (используя аналогичные или сходные термины) диалектной основой шутовщины (Э. Паулини, Э. Йона, Ш. Тобик, В. Бланар и др.). Подобный взгляд по вопросу о диалектной базе шутовского литературного языка разделяют также английский славист Р. Оти¹⁵⁶ и советский исследователь истории словацкого литературного языка Н. А. Кондрашов¹⁵⁷.

Назревшую необходимость и своевременность шутовской языковой реформы подтвердила сама жизнь, дальнейшее развитие национального движения в Словакии середины XIX в.

В создании нового литературного языка на основе родной речи шутовцы видели мощный объединяющий фактор, способный положить конец идеологической, профессиональной и литературно-языковой разобщенности словаков. Шутовцы считали, что этот язык сыграет важную роль в процессе консолидации нации. С самого начала они исходили из того, что это будет единый общенациональный литературный язык.

Однако добиться признания нового литературного языка всеми словаками было нелегко. Шутовцам пришлось вести длительную и напряженную борьбу за введение его в жизнь, отстаивать правильность и необходимость предпринятого ими шага. Они много делали для того, чтобы разъяснить истинный смысл языковой ре-

¹⁵⁵ *Pauliny E.* K prameňom štúrovskej kodifikácie, s. 27.

¹⁵⁶ *Auty R.* Pojem kultúrneho jazyka a formovanie spisovnej slovenčiny. — Sborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského, roč. XVI. Philologica. Bratislava, 1964, s. 155—157.

¹⁵⁷ *Кондрашов Н. А.* О диалектной базе словацкого литературного языка. — Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та им. Крупской, т. 204. Русский язык, вып. 14, 1967, с. 215—227.

формы. Сложность ситуации помимо прочего была в том, что на первых порах введение нового литературного языка в сущности еще больше дробило национально-патриотические силы словаков (поскольку это привело к временному размежеванию и в лагере словацких протестантов, часть которых продолжала пользоваться чешским языком).

В острых полемиках, развернувшихся в сороковых годах XIX в. по вопросу о литературном языке словаков отразилось не только расхождение в понимании языковых норм и признаков, разное представление об определяющих тенденциях языкового развития. В них проявились также политические, идеологические, национально-культурные позиции разных социальных групп словацкого общества. В них нашли свое отражение и сложные, порой противоречивые отношения словацкого национального движения с национальными движениями венгров и чехов. Штуровцам пришлось отбивать нападки с разных сторон.

Значительная часть словацких протестантов (особенно молодежь) с самого начала горячо поддерживала новый литературный язык. В связи с этим в Словакии еще более сократилась социальная база чешского литературного языка. Штуровская реформа, естественно, вызвала отрицательную реакцию со стороны ряда деятелей чешского национального движения (К. Гавличек, Ф. Палацкий и др.) и словаков — приверженцев чешского литературного языка. По инициативе Коллара в 1846 г. была издана книга «Голоса о необходимости единства литературного языка для чехов, моравян и словаков»¹⁵⁸, представляющая собой собрание высказываний и статей чешских и словацких авторов (Ф. Палацкий, Й. Юнгман, А. Шембера, Б. Таблиц, Я. Коллар, П. Й. Шафарик, Й. Заборский, Я. Халупка и др.), прямо и косвенно направленных против языковой реформы Штура.

Примечательно, что Ф. Палацкий не сомневался в добрых намерениях штуровцев, в их стремлении пробудить родной народ, объединить словацких католиков и протестантов, чтобы общими силами противостоять мадьяризаторским тенденциям. Однако он не соглашался с литературно-языковым обособлением словаков и считал

¹⁵⁸ Hlasové o potřebě jednoty spisovného jazyka pro Čechy, Moravany a Slováky. W Praze, 1846.

реформу Штура «роковым и гóрестным заблуждением»¹⁵⁹. П. Й. Шафарик приводил историко-культурные и филологические аргументы в пользу литературного и языкового единства чехов, моравян и словаков и выражал опасение, что штуровское нововведение поставит под удар их вековые культурные связи. В резко критическом тоне выступил Я. Коллар, который допустил грубые выпады в адрес Штура и его соратников и оскорбительно отзывался о новом словацком литературном языке.

Штуровцы отвечали на критику и нападки, как правило, довольно сдержанно и успешно отстаивали свою линию. В необходимых случаях они проявляли выдержку и тактическую гибкость. В этом смысле показательна позиция Штура по отношению к старым деятелям словацкого национального движения, которые не хотели отказаться от привычного для них чешского литературного языка: «Мы не требуем того, чтобы они полностью склонились на сторону нашей молодой жизни. . . ; мы будем их прославлять. . . , если они это сделают, но от них, чьи заслуги о нас мы в полной мере признаем и уважаем, мы этого не требуем, однако, мы требуем, чтобы они нам в нашем начинании. . . не мешали»¹⁶⁰.

Штур и его ближайшие соратники прилагали большие усилия для того, чтобы привлечь на свою сторону широкие круги словацких католиков (бернолаковцев). Некоторые из них (Э. Герометта, Ю. Голчек) быстро поняли основной смысл штуровской реформы и поддержали ее. Значительная часть католиков сохраняла, однако, верность бернолаковщине. Следует отметить, что отрицательное отношение к штуровщине, как в лагере сторонников чешского языка, так и у некоторых бернолаковцев, в определенной мере объяснялось тем, что многие деятели словацкого национально-возрожденческого движения, сжившиеся с книжной библичностью и бернолаковщиной, смотрели на новый словацкий литературный язык как на язык плебейский, как на «деревенскую речь» или «язык черни».

Многие бернолаковцы в принципе одобряли переход протестантов на словацкий язык, но считали нужным изменить орфографию нового литературного языка в сторону сближения с бернолаковщиной. Учитывая это, штур-

¹⁵⁹ Hlasové o potřebě jednoty spisowného jazyka. . . , s. 32.

¹⁶⁰ *Štúr Ľ.* Dielo I. Bratislava, 1954, s. 180.

ровцы в дискуссиях с бернолаковцами прежде всего подчеркивали общность принципиального подхода к решению языкового вопроса у них и у бернолаковцев. Они указывали на необходимость и важность единого словацкого литературного языка. Наконец, они стремились убедить католиков в том, что бернолаковщина не имеет перспективы развития, что литературный язык должен базироваться на «чисто словацкой речи», распространенной в Средней Словакии. В вопросах менее принципиальных (например, по тем или иным конкретным моментам кодификации) Штур шел на уступки.

Сложность ситуации состояла также в том, что даже в ближайшем окружении Штура не было полного единства во взглядах на новый литературный язык. Мнения расходились главным образом по вопросу о диалектной основе литературного языка (Штура упрекали за то, что он ограничил исходную базу литературного языка, сведя ее к липтовскому диалекту) и по вопросам правописания. Эти разногласия не затрагивали сути языковой реформы.

В борьбе за единый словацкий литературный язык существенное значение имела выработка общей надконфессиональной идеологической позиции. Приходилось преодолевать отголоски религиозной нетерпимости, которые проявлялись порой и в полемиках о литературном языке.

Отстаивая право словаков на свой самостоятельный литературный язык, Штур и его соратники подчеркивали вместе с тем необходимость сохранения культурных, духовных связей словаков с чехами: «Некоторые, пожалуй, будут и то думать, что мы хотим оторваться от чехов, но храни нас бог от разрыва. Кто теперь от братьев своих отрывается, того постигнет тяжелейшая ответственность перед нашим народом»¹⁶¹.

Введение в жизнь нового словацкого литературного языка обеспечивалось большой и разносторонней практической деятельностью штуровцев. В процессе консолидации словаков на платформе единого литературного языка важную роль играли различные организационные формы сплочения национально-патриотических сил. Наряду с надконфессиональным культурно-просветительным обществом «Татрин» это были студенческие организации, читательские кружки, комиссии, в которых штуровцы

¹⁶¹ *Stúr Ľ. Nárečie slovenské. . .*, s. 122—123.

и бернолаковцы совместно решали вопросы развития и совершенствования литературных норм словацкого языка. Большую роль в этот период играли «Словацкая национальная газета» (1845—1848) и другие печатные органы, выступавшие в поддержку линии на сплочение словацких патриотических сил («Словацкое обозрение», «Нитра» и др.). Стремясь привлечь к участию в газете бернолаковцев и вообще широкий актив читателей, Штур был толерантен к некоторым отклонениям от кодифицированных им литературных норм в языке присылаемых для публикации материалов. Следует отметить, что сам Штур допускал возможность изменения и уточнения отдельных конкретных регламентаций (особенно в области правописания). Так, в редактируемой им газете в 1847—1848 гг. встречаются определенные отступления от первоначальной кодификации, появляются написания с *ä*: *d'evät'*, *vätší*, наряду с глаголами на *-uvat'* — глаголы на *-ovat'*: *obeto- vat'*, *pracovat'*, *rovažovat'*, глагольные формы типа *bol*, *písal* и т. п.).

Штуровщина постепенно проникала в различные сферы общественной и культурной жизни (как средство массовой информации; в научных сочинениях, в частности, в ряде лингвистических трудов; в личной переписке; в общественно-политической деятельности). Особенно важно подчеркнуть использование штуровщины в художественной литературе. Введение штуровщины, тесно связанной с народно-разговорной речью, создало чрезвычайно благоприятные условия для развития словацкой художественной литературы. Этот язык стал мощным стимулятором художественного творчества словацких писателей и поэтов. Очень скоро на нем появились прекрасные поэтические и прозаические произведения (А. Сладковича, Я. Краля, С. Халупки, Я. Калинчака, Й. М. Гурбана и др.). Заметим, что и сам Штур способствовал развитию литературного языка не только как языковед-кодификатор, но и как писатель, журналист, оратор. Бесспорный вклад в становление публицистического стиля словацкого языка внес Й. М. Гурбан. В свою очередь успехи словацкой литературы усиливали общенациональную значимость штуровщины, содействовали дальнейшему развитию и укреплению национального самосознания словаков. Ведь именно через посредство литературы и наиболее авторитетно в сфере литературы проявляется, как отмечает

словацкий литературовед Ст. Шматлак, «акт выбора данным культурным коллективом языкового орудия своей духовной самореализации»¹⁶².

В конце сороковых годов XIX в. на завершающем этапе процесса формирования словацкой нации вопрос о литературном языке словаков в принципиальном отношении был решен, хотя и продолжались дискуссии по некоторым проблемам орфографии и грамматической регламентации. Активное участие в полемике принимали М. М. Годжа¹⁶³, М. Гаттала, А. Радлинский и др.

Серьезным успехом объединительных усилий явилось заседание общества «Татрин» в августе 1847 г. в Чахтицах. Здесь была достигнута договоренность между протестантами и католиками о единых нормах литературного словацкого языка (на основе предложений Годжи и Гатталы). Это был важный шаг на пути превращения штуровщины в общенациональный литературный язык. Правда, воплотить эту договоренность в кодификаторские труды удалось лишь после революции 1848—1849 гг.

В трудных условиях господства баховского диктаторского режима, когда австрийские власти стремились внести раскол в словацкое национальное движение и подавить его, вопрос о едином литературном языке словаков приобрел особую актуальность. В послереволюционный период государственным языком во всей монархии был объявлен немецкий язык. В словацких областях по рекомендации Я. Коллара австрийское министерство просвещения ввело наряду с этим так называемый «старословацкий» язык (*starsoslovenčina*). Это был, в сущности, традиционный чешский язык с некоторыми фонетическими и морфологическими словацкими чертами. С 1850 г. на нем издавалась газета, публиковались официальные распоряжения и документы, велось обучение в школах. В эти годы в Словакии получил некоторое распространение и новый чешский литературный язык. Наконец, часть протестантской интеллигенции продолжала пользоваться библичтиной. Помимо всех этих вариантов чешского языка функцио-

¹⁶² Šmatlák S. Staršia slovenská literatúra ako jazykovoliterárny problém. — Romboid, 1969, 6, s. 19.

¹⁶³ Hodža M. M. Epigenes Slovenicus. Leutschoviae, 1847; *Idem*. Dobruo slovo Slovákcom, súcim na slovo. Levoča, 1847; *Idem*. Větín o slovenčině. Levoča, 1848.

нировали и различные варианты словацкого литературного языка (бернолаковщина и шутовщина), которые, однако, не пользовались поддержкой властей. В этой ситуации дальнейшее распространение шутовщины, естественно, затормозилось. Более того, ее положение стало настолько трудным, что какое-то время казалось, что она обречена, и ее место снова займет чешский литературный язык¹⁶⁴. Необходимо было преодолеть эту литературно-письменную «разноголосицу» и обеспечить восстановление позиции словацкого литературного языка. В октябре 1851 г. в Братиславе собрались ведущие представители протестантского и католического течений (Л. Штур, Й. М. Гурбан, М. М. Годжа, Я. Паларик, А. Радлинский) и утвердили единые литературные нормы словацкого языка, приемлемые для обеих сторон. Опубликованная в 1852 г. «*Krátka mluvnica slovenská*» узаконила эти нормы. М. Гаттала, автор этой грамматики, учел пожелания М. М. Годжи и внес ряд поправок к шутовским регламентациям (главным образом в орфографии, в меньшей степени в фонетике и грамматике)¹⁶⁵. Кодификация М. Гатталы, в отличие от шутовской, сблизила словацкий литературный язык с чешским. В ней нашли свое отражение и некоторые особенности бернолаковщины. В целом все же годжовско-гатталовские «исправления» не затронули словацкую основу шутовского литературного языка. В «обновленной» форме он стал единым общенациональным литературным языком словаков.

Языковая реформа Штура неразрывно связана с культурно-национальным этапом процесса формирования словацкой нации, с периодом развития капиталистических отношений в Словакии, складывания словацкой национальной идеологии, мощного подъема борьбы словацкого народа за свои социальные и национальные права. Это был объективно необходимый акт, полностью отвечающий потребностям жизни. Узаконение единого литературного языка создало предпосылку консолидации нации, явилось стимулом развития словацкой национальной культуры.

¹⁶⁴ Ср.: *Pauliny E. Dejiny spisovnej slovenčiny*, s. 119.

¹⁶⁵ О роли М. Гатталы в истории словацкого литературного языка см.: *Martin Hattala. 1821—1903 (Materiál z konferencie konanej v Trstenej dňa 21. a 22. októbra 1970)*. 1971.

РАЗВИТИЕ ВЕРХНЕЛУЖИЦКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА
В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА



Хронологические рамки настоящей монографии не позволяют уделить внимание нижнелужицкому литературному языку наряду с верхнелужицким. В рассматриваемый нами период никаких заметных проявлений национального самосознания у славянского населения Нижней Лужицы не было. Слабые попытки возрождения национальной жизни в Нижней Лужице предпринимались около 1880 г. (преимущественно по инициативе верхних лужичан), но они заметных результатов не принесли¹. Развитию нижнелужицкого литературного языка почти не уделялось внимания.

Национальное возрождение у верхних лужицких сербов можно и нужно рассматривать в одном комплексе с аналогичными явлениями у других народов, хотя у лужичан, история которых связана с очень специфическими условиями, оно имеет много особенностей.

Начало национального возрождения в Верхней Лужице, входившей в состав двух немецких государств (Саксонии и Пруссии), относится к 30—40 годам XIX в. О конце периода национального возрождения у лужичан определено никто не высказывался, за исключением, может быть, только Дж. Стона, который утверждает, что этот период продолжался до начала XX столетия². Полагаем, что более правильно относить верхнюю границу нацио-

¹ *Mětsk F.* Česke wliwy a styki w młodoserbskim hibanju Delnjeje Łužicy (1888—1908). — *Slavia occidentalis*, 1963, r. 23, s. 109.

² *Stone G.* Lexical Changes in the Upper Sorbian Literary Language during and following the National Awakening. — *Lětopis Instituta za serbski ludospyt*. Rjad A — rěč a literatura (далее — Lp. A). *Budyšin*, 1971, 18/1, s. 1—127.

нального возрождения лужицких сербов к 70-м годам XIX в.³

В период национального возрождения лужичане боролись за сохранение и развитие родного языка, за расширение сферы его употребления, за создание единого верхне-лужицкого литературного языка. В связи с этим необходимо представить общую языковую ситуацию в Верхней Лужице и кратко охарактеризовать историко-культурный фон рассматриваемого периода.

Языковая ситуация и исторические условия

Становление и развитие единого литературного языка у верхних лужичан целесообразно рассматривать на фоне языковой ситуации, сложившейся в Лужице в последней четверти XVIII в., когда появились новые факторы и тенденции в развитии лужицкой народности и германских государств, интегральной частью которых была славянская Лужица.

На наш взгляд, освещая конкретную языковую ситуацию, необходимо ответить на два вопроса: 1) какие средства коммуникации используются данной общностью людей; 2) какова функциональная дистрибуция средств языковой коммуникации.

В первом пункте имеются в виду все разновидности языка лужицкой народности: диалектная речь во всем ее разнообразии, отдельные наддиалектные образования, существовавшие письменные фиксации речи. Учитывается и немецкий язык (диалектный — *Mitteldeutsch* и литературный).

Во втором пункте принимается во внимание функционирование названных разновидностей средств коммуникации в разных сферах материального производства и создания духовных ценностей, а также на определенных территориях, среди различных групп населения и т. д.

Языковая ситуация в Верхней Лужице на протяжении ста лет претерпела значительные изменения. Средством коммуникации в последней четверти XVIII в. были многочисленные говоры. О наддиалектных образованиях можно

³ *Brankač A.* Korla Awgust Kocor a jeho doba. — *Kosciów Z.* Korla Awgust Kocor. Wobraz žiwjenja a skutkowanja. Budyšin, 1972, s. 5—21; *Páta J.* Lužické statí. Praha, 1937, s. 75.

говорить только в районах больших экономических и торговых центров, в первую очередь в районе города Будышина, а также в западной части верхнелужицкого языкового ареала, где было сконцентрировано население католического вероисповедания.

В Верхней Лужице язык письменности существовал в двух вариантах — центральном и периферийном (по старой терминологии: «протестантском» или «евангелическом» и «католическом»). Сложились они в последней четверти XVII в. соответственно на основе будышинского и западного диалектов. Немецкий язык был представлен как литературной, так и диалектной речью.

Функциональная дистрибуция в последней четверти XVIII в. была довольно четкой. Местные говоры были основным средством общения в процессе производства материальных благ (в основном сельскохозяйственных продуктов и самых необходимых предметов домашней утвари), в семье. Бедная общественная жизнь, чаще всего ограниченная рамками одного села (встречи при различных культовых отправлениях, на посиделках, у церкви в праздничные дни, в кабаке) также вполне довольствовалась местными говорами. Только на ярмарках, во время свадебных обрядов при заключении брака между молодыми из разных деревень наблюдалось стремление носителей отдаленных местностей пользоваться неким койне на базе говоров, расположенных ближе к г. Будышину.

Существовавший язык обоих вариантов письменности фактически удовлетворял только потребности церкви. Средством общения этот язык не был даже в узком кругу духовных лиц. В художественной литературе он почти не употреблялся, так как светской литературы вплоть до конца XVIII в. почти не было.

В немногочисленных школах обучение велось на немецком языке, а при наличии учителя (священника) лужицкой народности могли проводиться занятия по чтению лужицких (католических и протестантских) церковных книг. Но ни немецкий, ни верхнелужицкий письменный язык (в двух вариантах) не были средством коммуникации лужицких крестьян, составлявших абсолютное большинство народности.

Немецкий язык был средством общения лужицкого населения городов, языком общения в некоторых семьях лужицких пасторов в деревнях, средством приобщения интел-

лигенции и отдельных ремесленников-горожан к культуре (прессе, художественной литературе и пр.).

К последней четверти XIX в. языковая ситуация коренным образом изменилась. Возник новый вариант верхне-лужицкого литературного языка (так называемый «матичный»), так как он образовался в среде научно-просветительской организации «Матица сербская»). Значительные изменения произошли в отношениях между отдельными средствами коммуникации. Говоры продолжают оставаться основным средством общения населения деревни. Знание немецкого языка, ставшее почти повсеместным, значительно поколебало статус этого основного средства общения. Слабые наддиалектные образования начинают в какой-то степени утрачивать свое значение, ибо языком общения между населением различных диалектных ареалов все чаще становился немецкий язык. Немецкий язык проникает и в производственную сферу в связи с развитием капитализма в Лужице. В городах роль немецкого языка неуклонно и быстро возрастает. Изучение немцами-лавочниками и ремесленниками местного лужицкого диалекта с целью привлечь клиентов-лужичан не могло изменить положения.

В сфере культуры возросла также роль немецкого языка, в основном — литературного. В последней четверти XIX в. уже почти не было неграмотных в Лужице, поэтому не только интеллигенция, но и другие слои лужицкого населения читали немецкие газеты, художественную литературу, различные руководства по ведению хозяйства и пр. Двуязычное лужицкое население городов и сел использовало родной язык в быту (в отдельных семьях интеллигентов и в этой сфере использовался немецкий язык), во всех остальных сферах общественной жизни господствовал немецкий язык.

Оба варианта литературного языка умеренно использовались в церкви и в школе, но получили более широкое распространение также и в сфере литературы: появились оригинальные и переводные художественные произведения, пресса. Правда, круг читателей литературы, выходящей на центральном и периферийном вариантах, был невелик. Это касается также третьего, «матичного» варианта, который только в третьей четверти XIX в. начал завоевывать позиции, расширять свои функции (не только в области беллетристики, но и публицистики, науки, музы-

кальной культуры). Все это было обусловлено рядом экстралингвистических факторов.

В конце XVIII в. население Верхней Лужицы составляло около 130 000 человек ⁴. Основным занятием лужичан было сельское хозяйство, хотя в семи городах, расположенных на территории Лужицы, было немало ремесленников и мелких торговцев лужицкой народности. Тяжелое положение крепостных крестьян (немцев и лужичан) вызвало в 1789—1790 гг. в деревнях Саксонии волнения и бунты, центр тяжести которых переместился в последующие три—четыре года в серболужицкие районы Саксонии. Восстания вспыхнули также и в лужицких районах Пруссии.

Прогрессивное значение революционной борьбы крестьян заключалось в том, что широкие массы сельского населения начали осознавать свое место в обществе. На этом фоне постепенно создавались предпосылки для борьбы лужицких сербов также и за национальные права. Вскоре в прессе был выдвинут постулат о необходимости обучения детей всем предметам на родном языке, а также о воспитании их в школе в лужицком национальном духе ⁵.

Благоприятные условия для консолидации всей народности (верхних и нижних лужичан) создал Тильзитский мир (1807 г.), по которому 95% всех лужичан вошло в одно королевство — Саксонию.

Однако надежды передовых представителей духовной культуры Лужицы на сплочение всего народа рухнули, когда после Венского конгресса (1815 г.) территория Лужицы была снова перекроена, на сей раз катастрофически для маленькой славянской народности: 80% всех лужицких сербов очутилось в прусском государстве, внутренняя политика которого отличалась резким преследованием национальных меньшинств.

В расчлененной Лужице начинают постепенно проявляться первые признаки буржуазных отношений в обществе, так как период после Венского конгресса до

⁴ При установлении указанной оценочной цифры было принято во внимание общее количество всех лужичан Верхней и Нижней Лужиц (250 000) в конце XVIII в., а также цифровое соотношение между верхними и нижними лужичанами в первых официальных статистиках первой половины XIX в. См.: *Sotta J., Zwahr H. Stawizny Serbow, zwj. 2. Budyšin, 1975, s. 27; Tschernik E. Die Entwicklung der sorbischen Bevölkerung. Berlin, 1954, S. 22.*

⁵ *Sotta J., Zwahr H. Op. cit., s. 47—48.*

революционных 1848—1849 годов был ознаменован бурным развитием капитализма в Германии. С отменой крепостничества (в Пруссии в 1819 и 1821 гг., в Саксонии — в 1832 г.) положение лужицких крестьян заметно улучшилось в тех районах, где феодальные узы были не очень сильны.

В ряде районов Верхней Лужицы разбогатевшие лужицкие крестьяне стали отправлять сыновей на учебу в гимназии и университеты. В Лейпциге, Праге и Вроцлаве лужицкие студенты встречались с представителями других славянских народов, в среде которых живо обсуждались вопросы национального возрождения славян. Знакомство с достижениями инославянской культуры, с идеями, будоражившими молодые умы представителей других славянских народов, происходило повсеместно. Приехавшим на учебу в Лейпцигский университет в 1825 г. Г. Зейлеру и Г. Кригару попали в руки три книги народных песен Вука Караджича, вышедших здесь в Лейпциге в 1823 и 1824 гг., частично переведенных уже на немецкий язык в 1825—1826 гг. Эти книги были восприняты как образец для издания народных песен лужичан. В Лейпциге Зейлер подружился с сербским поэтом Симой Милутиновичем, который познакомил лужицкого студента с проблемами национального движения южных славян, с принципами орфографии Вука Караджича. Уже в 1828 г. Зейлер сделал первый перевод на верхнелужицкий язык песни из сборника Вука⁶. Во время учебы в Лейпцигском университете Зейлер лично познакомился с Ф. Палацким, побывавшим в этом университетском городе в 1827 г. Чешский историк подарил Зейлеру «Историю славянского языка и литературы по всем наречиям» П. Й. Шафарика, ознакомил его с политической и культурной обстановкой в Чехии, охарактеризовал деятельность отдельных ученых, в том числе «патриарха славянской филологии» Й. Добровского.

Ян-Арношт Смолер во время учебы во Вроцлавском университете находился под влиянием знаменитого профессора—физиолога Я. Е. Пуркине, убежденного демократа и приверженца идеи славянской взаимности.

⁶ *Nowotny P. Vuk Stefanović Karadžić a Łužišcy Serbja.* — Београдски университет. Анали филолошкога факултета, свеска 4, 1964, с. 311.

В университете Смолер учился у Ф. Л. Челаковского, профессора славянской филологии, пригласившего однажды Смолера к себе на каникулы⁷. Во Вроцлаве были у Смолера контакты с польской студенческой молодежью. Тесные связи с поляками имели также Я. П. Йордан, К. А. Мосак-Клосопольский и др.⁸ Все эти встречи сыграли огромную роль в пробуждении национального самосознания среди лужицкой молодежи и в активизации национального движения в Лужице.

Контакты лужицких патриотов осуществлялись также и в самой Лужице. Ощутимый отпечаток на деятельности лужицких патриотов оставило, например, посещение Будышина в 1839 г. видным словацким деятелем Л. Штуром. Своей концепцией славянской взаимности он оказал большую поддержку молодому серболужицкому национальному движению.

Заметную роль в воодушевлении деятелей лужицкого национального движения сыграли русские ученые, посетившие Лужицу. Раньше других побывали в Лужице А. С. Кайсаров и А. И. Тургенев, но более тесные связи с лужицкими деятелями имели О. М. Бодянский и И. И. Срезневский. Связи Бодянского со Смолером имели не только дружеский, но и деловой (научный) характер. Особое место в русско-лужицких связях в начальный период национального возрождения в Лужице занимал Срезневский, которому удалось за пять месяцев пребывания в Лужице не только отлично изучить проблемы национального движения, но и активно участвовать в культурной и научной жизни Лужицы. И. И. Срезневский в Лужице встречался с видными деятелями национального возрождения Клином, Либушем, Зейлером, Смолером, Йорданом.

Самые близкие связи лужицких патриотов в начальный период национального возрождения были, однако, с чехами. Прага всегда охотно принимала гостей из Лужицы. Здесь происходили встречи с Шафариком, Ганкой, Юнгманом, Доухой и другими видными деятелями чешской культуры. Руководители чешского национального возрождения способствовали опубликованию

⁷ Nowotny P. Op. cit., s. 312.

⁸ Matyniak A. S. Polsko-łużyckie stosunki kulturalne do Wiosny Ludów. Warszawa—Wrocław—Kraków, 1970, s. 126.

в Праге в 1846 г. «Эха русских песен» Челаковского в переводе на лужицкий язык, статьи Клосопольского — «Серболужицкая литература в Лужице», лужицкую грамматику Йордана и др. Основным очагом влияния чешского национального возрождения на лужицкое национальное движение была «Лужицкая семинария» в Праге, сыгравшая выдающуюся роль в воспитании большой плеяды преданных народу лужицких патриотов. Лужицко-чешская взаимность в области культуры подтверждается множеством документов⁹.

В период, предшествующий национальному возрождению, начинают создаваться и восстанавливаться студенческие и гимназические общества и кружки. Например, уже в 1814 г. по инициативе Г. Любенского и А. Клина была возобновлена деятельность «Лужицкого общества проповедников» (основанного в 1716 г., но прекратившего работу к концу XVIII в.), в котором с каждым годом все активнее действовала отдельная серболужицкая секция «Сорабия». В 1831—1835 гг. Я. А. Смолер вел кружок по усовершенствованию родной речи, а в 1838 г. по его же инициативе было создано «Академическое общество для изучения истории Лужицы и серболужицкого языка» во Вроцлаве. В 1839 г. был организован К. А. Мосаком-Клосопольским (немцем по национальности с настоящим именем Мозиг фон Эренфельд) в Будышинской гимназии кружок «Будышинское славянское общество». В 1846 г. серболужицкие студенты Лужицкой семинарии в Праге организовали под шефством знаменитого чеха Вацлава Ганки общество «Сербовка». Существовали и более мелкие объединения и кружки учащейся молодежи.

Молодые люди пытались сеять идеи национального возрождения среди крестьянского населения. Почва для восприятия этих идей была уже более благоприятной. После отмены крепостного права даже дети деревенской бедноты могли посещать школу. Лужицкие учителя и священники имели некоторую возможность оказывать влияние на формирование взглядов своих учеников. Появляется все больше грамотных лужичан, способных знакомиться с печатным словом не только на немецком, но и на родном языке.

⁹ См., в частности: *Páta J. Lužickosrbské národní obrození a československá účast v něm.* — *Slavia*, II, 1923/24, s. 344—370.

Возникла потребность грамматического описания языка, наблюдается тяга к собиранию и изданию фольклора, настоятельной необходимостью становится издание художественной литературы, делаются попытки активизировать общественную жизнь.

В 1830 г. вышла грамматика верхнелужицкого языка Г. Зейлера, а через одиннадцать лет издает новую грамматику Я. П. Йордан, который предложил свой вариант орфографии. На ее основании предполагалось объединение обоих вариантов литературного языка. Аналогичную задачу ставил перед собой и Я. А. Смолер. Он издал в 1841 г. верхнелужицко-немецкий разговорник «Малый лужицкий серб», а в 1843 г. «Немецко-лужицкий словарь». Настоящий подвиг совершил Смолер, издав в 1841—1843 гг. в двух томах «Песни верхних и нижних лужичан». Этот сборник произведений устного народного творчества превосходил по объему и качеству все подобные сборники в славянских странах. В приложении к книге даны сведения о лужицких диалектах, обычаях, правописании.

Распространявшиеся в списках и на отдельных листовках стихотворения Зейлера — основоположника лужицкой современной литературы — приобрели широкий круг читателей. В 1842 г. Я. П. Йордан в течение шести месяцев издавал еженедельник «Денница» (*Jutnička*), а после прекращения ее издания Г. Зейлер предпринял издание «Еженедельной газеты» (*Tydzenska nowina*), которая в революционном 1849 г. печаталась большим тиражом — 1200 экземпляров.

Самым важным событием в национальной жизни лужичан в предреволюционные годы было создание в 1847 г. научно-просветительского общества «Матица сербская». Хотя это общество не являлось массовой организацией, оно все же сыграло большую роль в развитии национальной культуры и языка лужицких сербов.

Революция в Германии (март 1848 г.) впервые в истории вовлекла в борьбу широкие массы лужицких сербов. «Крестьяне быстро превратились в главную силу мелкобуржуазного серболужицкого национального движения. Они поняли, что разрозненными антифеодальными акциями против помещиков можно добиться только незначительных успехов»¹⁰. По всей Верхней Лужице

¹⁰ *Sotta J.* Serbja w byrgarsko-demokratiskej rewoluciji 1848/49. Budyšin, 1973, s. 13.

создаются Крестьянские союзы, почти повсеместно возглавляемые демократически настроенными учителями. Однако борьба за социальные и национальные права велась преимущественно легальными средствами — составлением и подачей петиций¹¹. Представители интеллигенции чаще всего стремились использовать революционный пыл крестьян в интересах исключительно национальных, отвлечь их внимание от политических и социальных требований, от общих классовых интересов лужицких и немецких трудящихся. Большинство интеллигентов верило в возможность добиться социальных реформ и национального равноправия мирным путем, в рамках конституционной монархии. Только некоторые лужицкие учителя стояли на более радикальных позициях, например Я. Радьсерб-Веля и Я. Бартко. Свои идеи они провозглашали в издаваемой ими в марте—августе 1848 г. газете «Серболужицкий глашатай» (*Serbski powinkar*). Закопные требования лужичан вынудили правительство Саксонии разрешить в 1851 г. обучение лужицких детей в школах чтению и закону божьему на родном языке. Было разрешено также преподавать лужицкий язык в Будышинской гимназии и в двух учительских семинариях, хотя одновременно запрещалось воспитывать молодежь в национальном духе. В 1856 г. Лигницкое правительство (Пруссия) дало разрешение на проведение уроков чтения и закона божьего в районах Воерецы и Розборк на лужицком языке¹².

Следует отметить, что и в новых условиях борьбы за национальные права руководители национального движения опирались на помощь и поддержку деятелей культуры и науки за рубежом. Однако если до революции самая тесная связь осуществлялась с западными и южными славянами, то в послереволюционные годы, а особенно в 60-е годы XIX в., ориентация лужичан получает другое направление — на Россию¹³.

¹¹ *Sotta J., Zwahr H.* Op. cit., s. 103; *Hartstock E.* Zur Bauernbewegung in der sächsischen Oberlausitz 1848—1849. — *Lëtopis. Jahresschrift des Instituts für sorbische Volksforschung. Reihe B — Geschichte.* Bautzen, 1965, 12, S. 126.

¹² *Piotrowski B.* Rządy niemieckie Saksonii i Prus a ruch narodowo-kulturalny Serbów łuzyckich. Poznań, 1971, s. 61—79.

¹³ Ср.: *Лантева Л. П.* О национальном возрождении у лужицких сербов. — Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972.

В то время, когда в Германии «борьба за образование буржуазного национального государства вступила . . . в свою последнюю фазу»¹⁴, национальное движение у лужицких сербов разгорелось с новой силой. В этой вспышке можно усматривать влияние тесных связей между лужицкими деятелями и представителями русской науки и культуры.

В 1855 г. в Будышине побывал известный русский славист А. Ф. Гильфердинг, внимательно изучавший важнейшие проблемы славянской Лужицы в Германии. Он «сильно побуждал лужичан к умственной деятельности и подал Смолеру мысль открыть лавку для продажи книг, писанных на славянских наречиях» — писал почти двадцать лет спустя М. Горник¹⁵. Гильфердинг после возвращения на родину опубликовал в 1856 г. в Москве работу «Народное возрождение сербов-лужичан в Саксонии». Этим он привлек внимание части русской общественности к лужицкому вопросу, чем способствовал укреплению веры самих лужичан в успех борьбы за свои права.

Поднятию авторитета Я. А. Смолера и М. Горника в Лужице и в Германии способствовало их избрание в 1861 г. в члены-корреспонденты Харьковского университета. В России в университетских курсах все большее внимание уделялось лужицкому языку и литературе. В 1865 г. вышел труд А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича «Обзор истории славянских литератур», где Пыпин с большим вниманием и теплотой описывает возрождение лужицких сербов. И. И. Срезневский время от времени писал о лужичанах в статьях, заметках, рецензиях. Различным вопросам жизни лужицких сербов посвящены статьи К. С. Аксакова, П. Лаврова и многих других.

У Я. А. Смолера было очень много знакомых, оказывавших моральную и материальную помощь национальному движению лужицких сербов. Л. П. Лаптева с полным основанием указывает на огромную поддержку лужицкого национального движения со стороны русских, предоставлявших в его распоряжение большие материальные средства¹⁶.

¹⁴ Brankač A. Op. cit., s. 14.

¹⁵ Пушкаревич К. А. Защита ученых членов Сербо-лужицкой Матицы. — Труды Института славяноведения АН СССР, вып. 11. Л., 1934, с. 307.

¹⁶ Лаптева Л. П. Указ. соч., с. 100—101.

Вплоть до конца рассматриваемого нами периода патриоты старшего поколения Я. А. Смолер, Я. Радысерб-Веля, Я. Бартко, К. Б. Пфуль, К. А. Коцор, Г. Зейлер, к которым присоединились молодые деятели культуры К. А. Фидлер, К. А. Енч, М. Горник, М. Росток и др., планомерно и неустанно вели борьбу за сохранение и развитие национального самосознания лужицких сербов, за поднятие на более высокий уровень национальной культуры, за создание единого верхнелужицкого литературного языка. Деятельность «Матицы сербской» приобрела более очерченные организационные рамки. В шестидесятые годы, например, существовали уже такие комиссии: языковая, исследования древностей, естественных наук, художественной литературы, педагогики. В дальнейшем число комиссий возросло до десяти.

«Матица» с 1848 г. издавала «Журнал Матицы сербской» (*Časopis Matice serbskeje*). Ежегодно выходило по два выпуска общим объемом примерно в семь—восемь печатных листов, в которых печатались лингвистические и литературоведческие исследования, статьи по истории и этнографии, а также фольклорный материал и поэтические произведения лужицких писателей. «Матица» отдельно издавала различные книги, хотя средств для печатания не хватало.

С целью распространения лужицких книг был открыт специальный книжный магазин, на основе которого в октябре 1863 г. была создана издательская фирма «Смолер и Пех». Начинают издаваться сборники художественных произведений — явление ранее крайне редкое. Так, в 1863 г. М. Горник издал хрестоматию верхнелужицкой прозы, а в 1868 г. Я. Цесля опубликовал лирико-эпическое произведение «Король Прибыслав». «Матица сербская» издавала немало маленьких «книжечек для народа». Для распространения книг были созданы в 1862 г. книжные общества: лютеранское и католическое.

Интенсивное развитие разных жанров художественной литературы при весьма ограниченных возможностях издания книг требовало расширения периодики. «Журнал Матицы сербской», печатавший научные статьи, не был в состоянии публиковать все предлагавшиеся произведения поэтов и прозаиков. Частично публикацию отдельных произведений взяли на себя протестантский журнал «Миссионерский посол» и «Католический посол», но специаль-

ным беллетристическим журналом стало созданное в 1858 г. М. Горником «Месячное приложение» к «Сербской газете» (в 1854 г. переименованной с «Еженедельной газеты»). Приложение через два года превратилось в журнал «Лу-жичанин», который в рассматриваемый нами период был единственным светским беллетристическим журналом. Большой популярностью пользовались народные календари.

Серболужицкая литература в 50—60-е годы была представлена ранее названными Зейлером, Радьсербом-Велей, а также Мучинком — прозаиком, вошедшим в историю лужицкой литературы небольшой повестью политической направленности «Грибовчане», в которой отражены революционные события 1848 года; Ю. Э. Веляном — автором сатирических рассказов, баллад, стихотворений, обличающих германизацию, очерков и публицистических статей; Я. Цеслей — талантливым поэтом, переводчиком чешской литературы, автором рассказов; К. А. Фидлером — переводчиком немецкой поэзии, тонким лириком. Выступали на страницах журнала и другие, менее известные писатели.

Успешно развивалась музыкальная жизнь. В Будышине был организован хор «Люмир», а вслед за ним и хоры в ряде лужицких деревень, возрождается традиция проведения «праздников песен» (первый состоялся в 1845 г.). Перед большой аудиторией лужицких сербов исполнялись новые выдающиеся музыкальные произведения К. А. Кочора на слова Г. Зейлера (например, оратория «Весна»), осуществляется в 1862 г. первое театральное представление на лужицком языке.

Развивалась и лужицкая наука. Кроме филологических, исторических и этнографических исследований в «Журнале Матицы сербской» появлялись работы по естественным наукам. Особое место, конечно, занимало языкознание. Большими событиями было издание грамматик К. Б. Пфуля (1862 и 1867 гг.) и его же лужицко-немецкого словаря.

Заканчивая раздел, характеризующий условия и фон становления единого верхлужицкого литературного языка, мы должны указать на один очень существенный фактор, который на протяжении всего рассматриваемого периода тормозил борьбу лужичан за их национальные права, особенно за создание единого литературного языка. Имеется в виду разделение народа на две конфессиональ-

ные группы — протестантов и католиков. Хотя последние и составляли незначительное меньшинство, противоречия между этими группами пагубно отразились на формировании и развитии литературного языка. Дело в том, что в рассматриваемый нами период функционировали ранее сложившиеся два варианта письменности, которые вследствие противоречий (иногда и антагонизма) между протестантами и католиками трудно было объединить и направить по единому руслу развития. Эту задачу поставила перед собой «Матица сербская», но справиться с ней полностью не смогла вплоть до конца национального возрождения, хотя усилиями М. Горника и других была создана прочная база для окончательного устранения различий между литературными языками (вариантами) католиков и протестантов. История становления и развития верхнелужицкого литературного языка в период национального возрождения — это прежде всего борьба за создание «нового», единого для всех верхних лужичан, литературного языка.

Становление норм единого верхнелужицкого литературного языка

Правописание. В становлении верхнелужицкого литературного языка большую роль сыграла борьба ряда общественных деятелей за устранение различий между двумя исторически сложившимися орфографическими системами. Во многих языковедческих, литературоведческих, исторических исследованиях лужицких ученых подчеркивается, что главным препятствием в создании единого литературного языка было то, что католики и протестанты писали по-разному, пользовались разными правописаниями¹⁷. В действительности речь скорее шла не столько об орфографических правилах, сколько о графике.

Сравнение текстов аналогичного содержания католической и протестантской письменности убеждает нас в том, что различия в графических системах обеих письменности

¹⁷ *Hörnig M. Dr. J. Pětr Jordan a jeho slova z l. 1842.* — *Časopis Mačicy serbskeje* (далее — *ČMS*), 1893, s. 67—72; *Pfuhl. Hornjo-łužiski Serbski Prawopis z krótkim ryčeničnym přehladom.* — *ČMS*, 1848, s. 65; *Völkel P. Wuwiće a prawidła hornjoserbskeho prawopisa.* — *Serbšćina*, III. Mały Wjelkow, 1957, s. 1639.

стей были не так уж велики, но, как мы увидим далее, упорное отстаивание каждой из сторон своих принципов было вызвано противоречиями конфессионального характера.

Разногласия возникли не сразу. В течение XVI в. и примерно трех четвертей XVII в. письменность еще не делилась на протестантскую и католическую (с середины XVI в. она была только у протестантов). По примеру протестантов Нижней Лужицы (например, М. Якубицы, А. Моллера) лютеране лужицкой национальности в Верхней Лужице (например, В. Варихий, Д. Грегорий) стали к концу XVI в. писать свои книги готическими буквами (так называемой фразтурой или швабахом), что в условиях Германии было совершенно естественным.

Можно думать, что в XVI и XVII вв. почти в каждом приходе на обширной в то время серболужицкой языковой территории осуществлялись переводы книг религиозного характера¹⁸, но в языковом отношении эти книги были необычайно пестры. Переводчики пользовались родными диалектами. Поэтому различия между языком памятников были значительны. То же самое следует сказать и о графике.

Первым, кто сознательно уделил большое внимание языку своих переводов и графике (орфографии), был верхнелужицкий протестант Михал Френцель (1628—1706), издавший типографским способом в 1670 г. перевод евангелий от Марка и Матвея¹⁹. Здесь он применил усовершенствованное правописание, взяв образцом для него чешскую графику того времени (тоже на базе фразтуры), более приспособленную к славянскому языку, чем немецкая. Он сперва составил правила довольно последовательной орфографии, а затем приступил к переводу произведений (хотя в процессе работы сам допускал отступления от своих правил)²⁰.

Почти одновременно с выходом перевода М. Френцеля была опубликована первая грамматика верхнелужицкого

¹⁸ Schuster-Sewc H. Sorbische Sprachdenkmäler. 16—18. Jahrhundert. Bautzen, 1967, S. 12.

¹⁹ Frenzel M. S. Matthaeus und S. Marcus Wie auch drey allgemeinen Haupt-Symbola in die Oberlausitzische Wendische Sprache mit Fleiss übersetzt. . . , Budissin, 1670.

²⁰ Hórnik M. Ryč a prawopis Michała Frencela před runje 200 lě-tami. — ČMS, 1870, s. 55—61.

языка ²¹, ставшая основополагающим трудом периферийного («католического») варианта литературного языка. Ее автором был Якуб Тицин. Правда, у него передача речи на письме мало чем отличалась от графики Френцеля, так как Тицин тоже воспользовался чешским правописанием того времени. Однако различия в самих языках были более существенными, так как они основывались на разных диалектах (Френцель писал на южном говоре будышинского диалекта, Тицин использовал западный диалект окрестностей г. Кулов).

В 80-х годах XVIII в. наметилось резкое разделение письменности католиков и протестантов, длившееся до конца XIX в.

Надо, однако, заметить, что ни в XVIII в., ни к началу возрождения не было полного единства в правописании даже в рамках каждой из двух письменностей, поскольку не было авторитетного органа, который мог бы предписывать и контролировать правописание издаваемых книг.

До конца XVIII в. и в первые десятилетия XIX в. католики и протестанты издавали книги (в том числе и светские), пользуясь двумя различными системами правописания. Деятели лужицкого возрождения потратили много сил и энергии, чтобы устранить эту двойственность в орфографии (а также различия в некоторых грамматических формах и словаре), однако полностью своей цели не достигли.

Г. Зейлер решил заняться усовершенствованием орфографических норм верхнелужицкого языка протестантов. В 1827 г. он стал применять новое «чешско-славянское» правописание ²², а в рукописной газете «Сербские новости» (*Serbske nowiny*) опубликовал свои соображения об орфографии. В изданной им в 1830 г. грамматике ему, однако, не удалось существенно улучшить правописание, сложившееся в письменности протестантов. Зейлер ограничился такими усовершенствованиями: стал различать на письме *č* и *ć*, например, *sčas* — *sčanycz* (совр. *čas*, *śahnyć*); более последовательно пользовался буквой *ó*; обозначал мягкость *ń* посредством точки над буквой (*dań*). Однако сам автор грамматики оказался непоследо-

²¹ *Ticinus J. Principia linguae wendicae, Quam aliqui wandalicam vocant. Cum licentia Superiorum. Pragae. Anno 1679.*

²² *Hórnik M. Handrij Sejleř. Nekrolog. — ČMS, 1874, s. 63.*

вательным: в середине слова он по-прежнему пишет *n*: *menschí, czenki* (ср. совр. *mjeńši, ćeńki*). Зейлер не обратил внимания на многие существенные недостатки протестантской системы графики. Его труд в дальнейшем использовался при подготовке грамматик его последователями и в качестве учебника в молодежных кружках по изучению родного языка. Все же реформатором языка он не стал.

Значительно больший вклад в развитие верхнелужицкого правописания внесли два молодых патриота: католик Я. П. Йордан и протестант Я. А. Смолер. Еще будучи студентами и не зная друг друга, они серьезно взялись за создание совершенно нового правописания на основе латиницы (антиквы), поставив перед собой задачу с помощью языковых и орфографических реформ объединить католиков и протестантов в борьбе за национальные права, за единый верхнелужицкий литературный язык. Под руководством Ганки Йордан в 1834 г. завершил работу над правописанием²³, а в 1837 г. отдал ее на суд общественности.

Смолер представил в 1838 г. членам созданного им самим студенческого («академического») лужицкого общества во Вроцлаве проект новой орфографии. Он назвал ее «аналогичной», так как она была создана по аналогии с правописаниями других славянских языков. Значительное влияние на орфографическую систему Смолера оказало чешское правописание. Графические системы Йордана и Смолера были очень близки.

Сравнение азбук Йордана и Смолера с алфавитами, принятыми в то время католиками и протестантами (см. табл.), показывает, что они оба отказались от неудобных буквосочетаний для обозначения шипящих, заменив их знаками, принятыми в алфавитах других славянских народов [č, ć, š]. Было усовершенствовано и обозначение свистящих. Единый принцип был принят также в обозначении парных мягких согласных с помощью черточки (более удобной в письме, чем точка). Правда, в таблице у Йордана не находим *f'*, *g'*, и некоторых других букв, в то время как Смолер к каждой букве, обозначающей твердый звук, приписал и букву с черточкой, в том числе

²³ *Šleca H.* Dr. Jan Pětr Jordan, jeho žiwjenje a skutkowanje. — ČMS, 1924, s. 33.

протест.	катол.	Смо-лер	Йор-дан	совр.	протест.	катол.	Смолер	Йор-дан	совр.
1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
a	a	a	a	a	l, lj	ł	l', lj	l, l'	—
b	b	b	b	b	n	m	m	m	m
b, bj	ḃ	b', bj	b'	—	m, mj	m̄	m̄, mj	m̄	—
z	cz	c	c	c	n	n	n	n	n
čž, čž	tž	č	č	č	n, nj, ň	ñ	ñ, nj	ñ	ñ
d	d	d	d	d	o, ó	ó	ó	ó	ó
—	—	—	dz	—	o, ó	ó	ó	ó	ó
dž	dž	dž	dž	dž	p	p	p	p	p
e	e	e	e	e	p, pj	p̄	p̄, pj	p̄	—
je	é	je	é	ě	r	r	r	r	r
f	f	f	f	f	r, rj	ř	ř, rj	ř	—
f, fj	f, f'	f', fj	—	—	—	—	—	—	ř
g	g	g	g	g	s, β	s	s	s	s
g, gj	g	g', gj	—	—	s, β	s	š	—	—
h	h	h	h	h	sch	sch	š	š	š
h	h	h', hj	—	—	t	t	t	t	t
ch	ch	ch	ch	ch	—	—	—	ts, ds	—
—	—	ch'	—	—	cz	cz	č	č	č
i	i	i	i	i	u	u	u	u	u
j	j, i, y	j	j	j	w	w	w	w	w
k	k	k	k	k	w, wj	w̄	w̄, wj	w̄	—
k, kj	k̄	k̄, kj	—	—	y	é	y	y	y
kh	kh	kh	ch	ch	z, s	z	z	z	z
ł	w	ł	ł	ł	ž	ž	ž	ž	ž
l	l	l	l	l	sj	z	ž	—	—

Примечание: в графах 1 и 2 значится швабах (фрактур), в графах 3, 4, 5 — латиница (антиква).

и *š*, *ž*, так как учитывал также фонетическую систему нижнелужицкого языка. Йордан ввел дополнительно в свой алфавит диграфы *dz* и *ts* (*ds*). Первый не получил признания в последующих обработках верхнелужицкого правописания, хотя соответствующий звук (и фонема) существует в верхнелужицких диалектах и факультативно в современном литературном языке. Вторая, по мнению Йордана, должна была обозначать звук, этимологически соответствующий чешскому *tř* (ср. у Йордана *kotsiž*). В этом не было необходимости. Дальнейшее развитие верхнелужицкого правописания показало, что вместо этого знака стали писать по чешскому образцу (в соответствии с этимологией) *tř*, а буква *ř* заняла место в алфавите, так как стала появляться в сочетании с *k* и *p* (*křiwy* вместо *kšiwy*).

Оба реформатора сумели отказаться от привычных для них способов передачи звуков на письме. Например, Смолер устранил протестантские *z* (=c), *ss* (=s), а Йордан — католические *w* (твердое l) и *é* (=y). Правда, Смолер упорно держался за диграф *je*, обозначающий звук *ě* («ять»), хотя это было явно неудобно.

Как Смолер, так и Йордан соответствующие разделы своих работ называют правописанием, однако основное место в них занимали вопросы графики, так как именно внешний вид передачи звуков на письме был для рядового читателя (католика и протестанта) самым главным. Многие чисто орфографические вопросы не так бросались в глаза. Например, перенос слов, слитное или раздельное написание некоторых сочетаний слов с предлогами, передача на письме исчезающего из произношения согласного в определенных случаях.

В приложении к верхнелужицкому словарю 1843 г. и в отдельно изданной брошюре, полностью повторяющей упомянутое приложение к словарю, Смолер более подробно разработал орфографические правила²⁴. Из прежнего алфавита он устранил много букв со знаком смягчения (*bj, fj, ġ, gj, ħ, hj, śħ, k, kj, í, lj, m̃, mj, nj, rj, gj, wj, ź*), рекомендовал заменять диграф *je* знаком *ě*.

В предложенном «правописании» много чисто фонетических описаний, но и орфографическая система здесь более стройна. Особенно большое внимание обращено на правописание согласных: рекомендуется этимологическое написание сочетаний *ht, hl, hr, th, bt* и т. д. (*ħladźić, ħnac, bħuki*), звонких согласных перед глухими (*blizko, ćežko*). У Йордана тоже все внимание было сконцентрировано на графике, вопросы собственно орфографические его мало занимали. К тому же он (как, впрочем, и многие другие в те времена) смешивает понятия «буква» и «звук», а правописание смешивается с фонетикой, во всяком случае они излагаются нерасчлененно, вперемежку.

Интересен вопрос, как оба реформатора сами реализовали свои постулаты на практике. Они не сразу перешли на новое правописание. Так, в той же книге, где изложены правила орфографии (1843 г.), Смолер в тексте изложения обозначает мягкость *ř* в слове *wotřec* (по своему правилу),

²⁴ *Smolef J. E. Njemsko—Serski Słownik. Z wułożenjom powšit-komneho serskeho prawjepisanja. Bautzen, 1843.*

но оставляет обычное *r* в слове *wosredž*; пишет *ładki*, *ladać*, *róńčko*, но *wuhładkowanych*, *dohlada*, *hromadže*; пишет *tejš*, но *kotrež* и т. д.

Йордан писал более внимательно, и найти противоречия в его текстах трудно.

Очень скоро они оба убедились в необходимости некоторых нововведений. Уже в предисловии ко второму тому «Песен»²⁵ Смолер пишет о том, что считает нужным ввести некоторые изменения в орфографию: следовало бы, замечает он, писать *dž* вместо *dž*, перейти с *je* на *ě*, 'е передавать через *je*, а также ввести *tř*, *př*, *kř*.

Много времени прошло, пока не осуществилось слияние двух правописаний в одно. Для достижения этого надо было преодолеть много препятствий, провести ряд организационных мероприятий. Необходимо было, например, создать орган, решения которого были бы обязательны для всех. Но добиться этого в условиях общества, в котором национальное меньшинство было лишено многих законных прав, было невозможно.

Тем не менее, основанное в 1847 г. общество «Матица сербская», не имевшее прав такого органа, сыграло выдающуюся роль в создании верхнелужицкого литературного языка. Уже во втором выпуске (в 1848 г.) «Журнала Матицы сербской» были опубликованы новые правила верхнелужицкой орфографии, названной «аналогичной». К. Пфуль, составивший эти правила по поручению руководства общества, пишет в предисловии: «Мужи обоих вероисповеданий пришли к единому мнению, что следует установить новое правописание, которое должно употребляться представителями обоих вероисповеданий. . .»²⁶.

Графическую систему Пфулю создавать не пришлось, так как он почти полностью принял то, что было сделано Йорданом и Смолером, учтя ряд новых предложений, сделанных ими же или другими заинтересованными лицами. От алфавитов, предложенных Йорданом в его грамматике и Смолером в «Песнях» и в «Кратком изложении правописания», азбука Пфуля отличалась следую-

²⁵ *Haupt L., Smoler J. E. Volkslieder der Sorben in der Ober-und-Nieder-Lausitz. Anastatischer Neudruck. Berlin, 1953 (Pjesnički hornych a delnych Łužiskich Serbow. I, 1841; II, 1843).*

²⁶ *Pful. Hornjołužiski Serbski Prawopis z krótkim ryčničnym přehladom. — ČMS, 1848, s. 65.*

щим: вместо *dž* принято *dž* (о целесообразности такой замены писал уже Смолер), вместо часто употреблявшегося *é* установлено *ě* (так, кстати, писал уже Йордан в своей «Сербской деннице»), добавлено *ř* (оно также уже встречалось в некоторых изданиях), узаконен знак Смолера *kh* (впрочем, очень старый). Были устранены знаки: *l'*, а также *dz* и *ts* Йордана и лишние мягкие согласные Смолера: *f', g', h', ch', k', s, z* (от которых и сам Смолер было уже отказался).

Хотя Пфуль был довольно образованным лингвистом, он не смог нарушить традицию и отделить орфографию от фонетики и орфоэпии. Правда, орфографические правила (в современном понимании) излагаются в работе Пфуля гораздо подробнее, чем у предшественников. Четче также проведено различие между графикой и орфографией. Одним из основных правил является рекомендация писать после мягких согласных только «мягкие гласные», а после твердых — твердые: *žiwy, poħa, pohi, smoħa, smolić* и т. д. При этом мягкие согласные, *b, p, m, n, r, ŷ* перед гласными переднего ряда утрачивают свой диакритический знак: *nić, zhubić* (не *ńić, zhubić*; ср. *hoħb*). Хотя у него не формулируется правило о правописании мягких перед *e, a, u, o, ó*, но из примеров видно, что принимается обозначение мягкости посредством *j* (это, конечно, потому, что у Пфуля существовали и «мягкие гласные» *ja, ju* и др.): *pjatu, gjenje, ċipju*. Констатируется, что буквы *č, ć, dž, j, l, ř, š, ž* всегда мягкие, поэтому дополнительного обозначения их мягкости не требуется, однако в грамматических окончаниях и в наречиях после этих букв (по старой традиции) пишется *j*: *daće, lubosće, nahlje*.

В орфографических правилах «Матицы сербской» 1848 г. оговариваются некоторые особо трудные случаи правописания, а именно букв *č* и *ć* (в связи с большой близостью или, по говорам, полной идентичностью звуков, ими обозначаемых), сочетания букв *šč*, а также *j* в сочетании с последующим мягким согласным (например, не *kaž, kójn*, как произносилось, а *kaž, kóu* и т. д.). Уделяется внимание правописанию оглушенного *ž* (*knižki*), слов с *př, tř, kř*. Довольно много места отводится правописанию звукосочетаний давно уже упрощенных в произношении подавляющего большинства лужичан. Пфуль рекомендует последовательно писать *ħłowa, wuhło, žehrawu, wšega*,

włosy, wróna, hdy и т. д. вместо łowa, wulo, żerawy, čega, łosy, róna, dy и т. д.

«Аналогичное правописание» стало официальным правописанием в кругу членов общества «Матица сербская» и применялось в «Журнале Матицы сербской».

Названная орфография подвергалась справедливой критике (хотя она по сравнению с предыдущими была, конечно, более совершенной). В результате под давлением Я. А. Смолера и М. Горника и при поддержке Я. Бука в 1851—1852 гг. Пфуль опубликовал некоторые изменения в правописании. Так, было устранено исключение о сохранении *j* после мягких согласных перед морфологическими окончаниями и в наречиях (следовательно, надо было писать *daće, lubosće, susodža, zemje, nahle*). Исключение делалось лишь для формы именительного падежа множественного числа существительных мужского рода на мягкий согласный *-l* с целью отличать ее от формы звательного падежа: *řećeljo—řećelo*. Перестали также писать *j* после *k, g*: *germanski, wulke* вместо *gjermski, wulkje*. Были внесены изменения в правописание имен собственных иностранного происхождения.

Среди членов общества «Матица» не было единства. Например, Ф. Шнайдер издал в 1853 г. книгу, в которой он, хотя и не выступал против рекомендаций «Матицы», но по существу вновь утверждал правила правописания, характерные для изданий католиков²⁷.

В пособии по верхнелужицкому языку Я. А. Смолера²⁸, выдержавшем три издания, новое правописание настойчиво пропагандировалось и последовательно применялось на практике. Особенно ценным является последнее издание, в котором сделаны некоторые уточнения (например, в правописании *k* и *kh*, в формах превосходной степени и др.).

Наряду со Смолером в 50-е годы XIX в. активно занимался усовершенствованием единого правописания М. Горник. В 1860 г. он опубликовал статью, в которой

²⁷ *Schneider F. Grammatik der wendischen Sprache katholischen Dialekts. Budissin, 1853.*

²⁸ *Schmaler J. E. Kleine serbisch—wendische Sprachlehre. Mała serbska ryčnica. Bautzen, 1850; (2. wud. 1852). Idem. Kleine Grammatik der serbisch-wendischen Sprache in der Oberlausitz. Mała serbska ryčnica. Třeći wudawk. Bautzen, 1861.*

предложил устранить ряд непоследовательностей в правописании «Матицы сербской».

Новое правописание (а также нормы литературного языка в области грамматики) и латинская графика неизменно применялись в «Журнале Матицы сербской» независимо от того, кто редактировал журнал: протестант Смолер (с 1848 по 1852 гг.) или католики Бук (с 1853 по 1867 гг.) и Горник (с 1868 по 1872 гг.).

С удовлетворением восприняли начинания «Матицы сербской» молодые лужицане, обучавшиеся в Праге в гимназии и университете, проживавшие совместно в известной «Лужицкой семинарии». Они сразу же приняли новое правописание.

Хуже обстояли дела с реализацией нового правописания в различных конфессиональных изданиях и даже в некоторых изданиях самой «Матицы» (среди ее членов конфессиональные различия не были полностью преодолены). Новое правописание последовательно применялось, кроме журнала «Матицы», также в единственном беллетристическом журнале «Луижчанин».

В сложившейся ситуации Горник пошел на компромисс. Еще в 1859 г. он высказал идею, которую подробно изложил в журнале «Луижчанин» в 1861 г. Суть ее заключалась в том, что для католиков и протестантов следует создать одно правописание на основе фразатуры с приближением к орфографическим правилам «аналогичного» правописания «Матицы». Рекомендации редактора «Луижчанина» были следующие: католикам отказаться от букв и буквосочетаний *cz* (совр. *c*), *tž* (совр. *č* и иногда *č*), *kž* (совр. *kř*), *pž* (совр. *př*), *tz* (совр. *tř*), *w* (совр. *t*), *é* (совр. *y*), а протестантам от *z* (совр. *c*), *s* (совр. *z*), *ss* (совр. *s*), *je* (совр. *ě*). Одним словом, вместо букв и буквосочетаний латинского правописания *č, ć, kř, př, tř, ě* рекомендовалось писать швабахом *cž, cz, ksch, psch, ts, ě*²⁹.

Как видим, Горник сделал в какой-то мере шаг назад, отступив частично от «аналогичного» правописания. Он надеялся, что таким образом ему удастся примирить католиков и протестантов. Потом уже, рассуждал Горник, легко будет полностью перейти на новое «матичное» правописание.

²⁹ *Hórník M.* Nowy prawopis we frakturje. — Łužičan, 1861, s. 46—48.

В этом же году реформатор правописания издает для католиков «Краткую историю религии» (в его переводе), где впервые применил новый принцип правописания. В «Лужичанине» он сетует, однако, на то, что протестанты не хотят сделать небольшого шага к объединению, что «Матица сербская» (видным членом которой он был) издала календарь-альманах для протестантов, используя старое правописание.

Католики были в своих действиях более гибки. Это заслуга в первую очередь М. Горника, превратившего вновь созданный (в 1863 г.) журнал для верующих «Католический посол» (Katholski Posoł) в средство популяризации своего временного правописания на основе фразатуры. Издательство им. Кирилла и Мефодия, выпускавшее «книги для народа», тоже приняло это правописание.

Протестантам отказаться от старой графики казалось вначале совершенно невозможным. Г. Йордан, следуя примеру Горника, издал в 1870 г. книгу для чтения (Wjetscha sčitanka sa młodych a starych), где отдельные части были набраны антиквой, но во фразатуре оставалось много старины (это видно даже из написания заглавия, где по-старому написано *sa* вместо *za*). Новшество Г. Йордана было одним из немногих исключений. Журнал для верующих протестантов «Миссионерский посол» (Missionski Posoł), выходящий с 1854 г., придерживался старого правописания.

Сохранению различий между двумя старыми правописаниями и «аналогичным» правописанием способствовало издание богослужебных книг. Библия, катехизис и другие церковные книги сохраняли язык и в значительной степени правописание тех изданий, которые выходили ранее, в предыдущие десятилетия, когда вопрос объединения письменности и орфографии католиков и протестантов не стоял еще на повестке дня.

Фонетика и грамматика. Современный верхнелужицкий литературный язык, созданный на базе диалектов, расположенных вблизи г. Будышина, и южных говоров западных католических районов Лужицы³⁰, к началу национального возрождения не был единым. История знает деятелей, которые внесли большой вклад в стабили-

³⁰ Faska H. Dialektny zakład hornjoserbskeje spisowneje řeče a wutworjenje wobchadneje serbsčiny. — Говорните форми и словенските литературни јазици. Скопје, 1973, с. 128.

зацию центрального варианта литературного языка еще в предыдущий период. Уже М. Френцель заслужил себе славу сознательного кодификатора языка, но его язык не был наддиалектным образованием. В конце XVII в. церковные власти добились решения Сословий о подготовке нового перевода библии на такой язык, который мог бы удовлетворить верующих разных районов. Работа была поручена четырем священникам, носителям различных говоров центрального верхнелужицкого будышинского диалекта, которые планомерно и сознательно создали некую наддиалектную норму письменного языка.

В 1728 г. была издана переведенная ими библия.

Конечно, нельзя утверждать, что с выходом библии сложились единые литературные нормы языка верхнелужицких протестантов (кстати, в самой библии можно найти колебания в формах, непоследовательность в применении некоторых принципов). Католики в XVIII в. тоже добились относительной стабилизации норм периферийного варианта литературного языка, возникшего во второй половине XVIII в.³¹

Согласно Шустеру-Шевцу, главными особенностями периферийного («католического») варианта являются: 1. отсутствие изменения *ě*, *'e* в *i* вне ударения (на *dwoje*, *derje*, *widžeć*); 2. употребление суффикса *-uwać* вместо *-ować* (*kuruwać*, *lazuwać*); 3. отсутствие категории мужского лица в прошедшем времени (в сложных формах) и в условном наклонении: *mužowje su (bychu) chodžili*, *žony su (bychu) chodžili*; 4. склонение прилагательных, числительных и местоимений с окончаниями *-oho*, *-omu* (*dobroho*, *dobromu*, *toho*, *tomu*); 5. систематическое изменение *y* в *ó*, *u* после губных согласных (*bóć*, *buć*); 6. употребление суффикса **-nŕti* только в виде *-ny* (*wuknyć*); 7. систематический переход *ł* в *u* (*hłowa*, *ławka* т. е. *цоца*, *цацка*); 8. употребление окончания *-owje* в им. пад. мн. числа существительных, обозначающих лиц мужского пола (*hospodarjowje*); 9. сильная тенденция к изменению *e* > *'o*: *wón jo*, *džo*; *johwa*; *dobyćo*, *zbožo*, *zaso*, *přesco*³².

³¹ Faska H. Op. cit., s. 128.

³² Schuster-Sewc H. Die Geschichte der sorbischen Schriftsprachen (ein Grundriss). — Славянска филологија, т. III. София, 1963, с. 139. — Эта статья является наиболее полной работой по истории лужицкого языка. См. также: Sewc H. Gramatika hornjoserbskeje rěče, I zwj. Fonematika a morfologija. Budyšin, 1968, s. 255.

Проверка текстов конца XVIII—начала XIX в. показала, что только явления, названные в пунктах 1—4 можно безоговорочно считать чертами периферийного варианта. Остальные явления встречались с разной степенью частотности также в центральном варианте литературного языка. Представлены они и в говорах верхних лужичан протестантского вероисповедания. На основании этого можно сделать вывод, что объем различий между периферийным и центральным вариантами верхнелужицкого литературного языка был меньше, чем это представляется в специальной литературе. Отсюда следует, что для преодоления расхождений между двумя вариантами нужно было меньше усилий, чем обычно считалось.

Выше шла речь о различиях фонетических, словообразовательных и узко морфологических. Специальных работ о синтаксических особенностях двух вариантов литературного языка нет.

Единство литературного языка понималось лужичанами и сорабистами прошлого столетия в первую очередь как единство правописания. Многие считали, что с созданием проекта нового правописания образовалось и единство литературного языка. В «Истории лужицкого народа», например, утверждается, что Пфуль создал правописание, «объединяющее ранее разрозненных лужичан в едином литературном языке»³³. Действительно, основная борьба сторонников объединения двух вариантов письменного языка в единый для всех верхнелужицкий литературный язык разгорелась вокруг правописания. Даже самые активные деятели лужицкой культуры XIX в., последовательно проводя в жизнь свои орфографические нововведения, будто бы и не замечали различия между вариантами в самой структуре языка. Неумение отличать фонетику от орфоэпии, смешение букв и звуков, неразличение ряда орфографических проблем от вопросов структуры языка, — все это не позволило молодым лужицким деятелям четко ставить перед собой задачи по кодификации языка, намечать пути создания единой языковой нормы (не орфографической!) верхнелужицкого литературного языка. Тем не менее некоторые из них чувствовали, что нужно что-то делать не только в области

³³ Bogustawski W., Hórník M. Historija Serbskeho naroda. Budyšin, 1884, s. 130.

правописания. Лучше других понял такую необходимость Я. П. Йордан. В его грамматике полностью отражены названные выше отличительные черты периферийного варианта, но он нарочито не подчеркивает их. Наоборот, представляя, например, склонение местоимений, числительных и прилагательных, он постоянно (даже не в примечаниях, а в основных образцах склонения) наряду с привычными для него периферийными формами литературного языка приводит и центральные, считая их равноправными, хотя, может быть, и не основными. Итак, читатель находит у него: *prawo*ho (-*eho*), *prawo*mu (-*emu*), *jeno*ho (-*eho*), *jenomu* (-*emu*), *to*ho (*te*ho), *tomu* (*temu*). В другом случае он даже ставит на первом месте форму центрального варианта (3-е лицо единственного числа глагола *buć*: *je*, *jo*). Обращает на себя внимание то, что в сложных формах прошедшего времени и условного наклонения с причастием на -*ł* находит отражение показатель категории мужского лица: при подлежащих со значением мужского лица употребляются формы *wedli*, *pili*, *wuknyli*, в остальных случаях — *wedło*, *piło*, *wuknyło*. Последние соотносятся с формами центрального варианта на -*e* (*wjedłe*, *pięe*). Не придерживается Йордан и периферийной формы инфинитива *buć* || *bóć*, а рекомендует без всяких комментариев форму *buć*.

Не рассматривая подробно труд Йордана, мы хотели лишь на немногих примерах показать, что автор грамматики стремился внести вклад в дело сближения двух вариантов литературного языка. Правда, неопределенность, с какой высказывались некоторые суждения и рекомендации, непоследовательность, неполнота в описании грамматических явлений не позволили книге Я. П. Йордана стать прочной базой для создания авторитетного кодекса правил о литературном языке того времени.

Протестанты были более деятельны в издании различных грамматических трудов, а деятели общества «Матица сербская» серьезно взяли в свои руки дело кодификации норм единого верхнелужицкого литературного языка.

Первой грамматикой, написанной протестантом в рассматриваемый нами период, был труд Г. Зейлера. Однако в 1830 г. молодые интеллигенты еще не включились в активную «будительскую» деятельность среди широких масс населения. Поэтому грамматика Зейлера преследо-

вала фактически одну цель: дать описание языка протестантской письменности, которая в то время была еще преимущественно религиозной. Автор описывает хорошо известные ему грамматические формы слов в привычной для него фонетической оболочке, охотно приводит возможные варианты, слова и формы из других диалектных ареалов. Описывая произношения звуков и их изменений, Зейлер иногда делает замечания такого типа: «у произносится глухо, как *i* в словах (немецких. — *K. T.*) *irgend*, *Witz*, например, *suma* «холод», *zuļu* «весь». Крестьяне, правда, этот звук после *p*, *b*, *l*, *w*, *m* произносят как *ó*. Лужичане католического вероисповедания также произносят этот звук *ó* вместо *у*»³⁴. Таких замечаний немало, однако в основу изложения он берет формы слов (и их звучание), свойственные изданиям религиозных книг.

Краткое описание языка письменности протестантов дал в своем словаре К. Бозе³⁵. Интересно, что Бозе даже не упоминает о своем предшественнике Зейлере, но зато рекомендует читателю известную, но давно устаревшую книгу Г. Кернера, которого вопросы грамматики интересовали меньше, нежели рассуждения о пользе языка³⁶.

Серьезнее отнесся к описанию звукового состава и грамматических форм родного языка Я. А. Смолер, прославившийся уже своим стремлением к упорядочению правописания. В приложении к «Песням» находим обзор различий между отдельными верхнелужицкими диалектами, которые рассмотрены на фоне «литературного языка», как сообщает сам автор. Этим литературным языком был язык письменности протестантов. Фрагментарность наблюдений не дает, однако, целостного представления о нормах этого «литературного» языка.

Важнейшим этапом в объединении двух вариантов письменности и создания единого верхнелужицкого литературного языка было основание общества «Матица сербская». Как известно, уже первый грамматический труд, опубликованный в 1848 г. в «Журнале Матицы сербской», рассматривался как руководство, регламентирующее упо-

³⁴ *Seiler A. Kurzgefasste Grammatik der Sorben—Wendischen Sprache nach dem Budissiner Dialekte. Budissin, 1830, S. 4.*

³⁵ *Bose C. Wendisch-deutsches Handwörterbuch nach dem oberlausitzer Dialekte. Grimma, 1840.*

³⁶ *Körner G. Philologisch—kritische Abhandlung von der Wendischen Sprache und ihrem Nutzen in den Wissenschaften. Leipzig, 1766.*

требление фонетических, морфологических и других норм в письменности³⁷.

В основу предложенной Пфулем (и одобренной руководством общества) грамматики был положен центральный вариант верхнелужицкого литературного языка.

Несмотря на значительную активность некоторых деятелей родом из западных, католических, районов Лужицы, они все же не проявляли большого стремления к тому, чтобы основой нового, общего для всех верхних лужичан, литературного языка стал их вариант литературного языка. Причина была в том, что на периферийном варианте литературного языка в большей степени сказалось немецкое влияние. «В этой ситуации католическим деятелям культуры казалось, что протестантский вариант верхнелужицкого литературного языка более приемлем, чем католический. Кроме того протестантских деятелей культуры вплоть до середины XIX в. было больше, да и сфера их деятельности была шире. Поэтому случилось так, что стремление к единому верхнелужицкому литературному языку привело в общем к тому, что эту функцию взял на себя прежний протестантский вариант верхнелужицкого литературного языка в несколько модифицированной форме»³⁸.

В упомянутой работе Пфуля с совершенной очевидностью фиксируется преобладание центрального варианта верхнелужицкого литературного языка. Однако автор в ряде случаев недостаточно решительно высказался относительно обязательности употребления новых норм литературного языка и тем самым как бы молчаливо давал право употреблять некоторые формы периферийного варианта литературного языка. Иногда Пфуль приводит и диалектные варианты. Все это давало возможность субъективной трактовки правильности форм. И тем не менее норма, хотя и несовершенная, была создана.

В дальнейшем в нормализации морфологии литературного языка принял активное участие Я. А. Смолер, который выпустил двумя изданиями небольшую грамматику, «написанную в соответствии с грамматическим обзором

³⁷ *Pful.* Hornjołuziski Prawopis z krótšim ryčničnym přehladom. — ČMS. 1848.

³⁸ *Michałk F.* Serbske słowniki a Serbski řečny atlas, II. — Lp. A, 1972, 19/2, s. 185.

Пфуля»³⁹. По старой традиции, кроме форм, рекомендуемых автором, находим здесь упоминания об отступлениях от норм, допускаемых жителями различных районов Лужицы. Однако теперь эти примечания выполняют уже другую функцию, чем, например, в грамматике Зейлера (где эти сведения давались больше «для полноты» изложения): это предупреждения, как не надо писать и говорить.

Основным теоретиком и законодателем в области норм литературного языка оставался, однако, Пфуль. В 1861 г. он публикует в «Журнале Матицы сербской» грамматический труд о серболужицком языке в сравнительно-историческом плане, который затем издает без изменений отдельной книгой⁴⁰. Вышедшая несколько лет спустя грамматика Пфуля на немецком языке⁴¹ завершает усилия по нормализации и кодификации нового литературного языка. Здесь регламентируется правописание, произношение, грамматические формы, некоторые речевые обороты.

Краткий обзор трудов лужицких ученых, способствовавших установлению норм литературного языка, показывает, что стремления лингвистов были направлены, с одной стороны, на устранение различий между вариантами литературного языка, с другой — на борьбу с многочисленными диалектизмами, которые встречались в письменности. Особо следует упомянуть о двух тенденциях в деятельности языковедов, создавших новый «матичный» вариант литературного языка. Речь идет о «славянизации» верхнелужицкого языка и об устранении германизмов. Авторы некоторых лингвистических работ заявляли об этом открыто⁴².

Надо заметить, что в самом начале периода национального возрождения патриотически настроенная молодежь в своей повседневной речи свободно пользовалась различными германизмами, даже не замечая этого. Только глубокое изучение других славянских языков позволило

³⁹ *Schmalzer J. E.* Kleine serbisch-wendische Sprachlehre. Mała serbska ryčnica. Po Dr. Pfulowym ryčničnym přehladom spisana wot J. E. Smolerja. Bautzen, 1850; 2. wud.—1852.

⁴⁰ *Pful.* Hornjołužiska serbska ryčnica na přirunowacym stejješcu. W Budyšinje, 1962 (Вышла только первая часть).

⁴¹ *Pfuhl C. T.* Laut- und Formenlehre der oberlausitzisch-wendischen Sprache. Bautzen, 1867.

⁴² Ср.: *Smoler J. E.* Mały Serb aby Serske a Njemske Rosmłowjenja. Bautzen, 1841.

им постепенно избавиться от излишнего влияния немецкого языка и теоретически обосновывать правильность нововведений, соответствующих «славянскому духу». За примерами далеко ходить не надо. У самого горячего патриота и борца за единый образцовый язык — Я. А. Смолера в ранних работах встречаются германизмы, которые много лет спустя всеми были отвергнуты. В книжечке «Малый серб» он еще не замечает печати немецкого языка в построении безличных предложений с «wone» (по аналогии с немецким «es»), например: wone je jara tužno — es ist sehr schwül; wone so błyska — es blitzt. Смолер часто пользовался сложными формами будущего времени глаголов совершенного вида: ja budu džensa mało pola was pŕekupić; da budu wam nydom zanjeseć.

В более поздних изданиях (например, в «Малой сербской грамматике» 1850 г.) Смолер уже определенно выступает против образования форм будущего времени со вспомогательным глаголом być от глаголов совершенного вида. Еще раз пишет об этом в 1864 г.⁴³ Он резко критикует тех, кто говорит budžeš dobyć вместо dobudžeš, хотя двадцать лет тому назад он сам употреблял подобные формы. Здесь же Смолер критикует тех, кто, копируя немецкую речь, употребляет в лужицком языке местоимения на месте немецкого артикля. Это явление было очень распространено (кстати, в разговорной речи и в наше время не исчезло), да и сам Смолер в молодости изредка употреблял артикль.

Славянизация⁴⁴, то есть стремление к сближению с другими славянскими языками, осуществлялось иным путем. Например, распространенное по всей Верхней Лужице неразличение форм твор. и мест. падежей мн. ч. (за исключением одного небольшого говора на востоке от Будышина) z nami, z wami — wo nami, wo wami нашло свое отражение в старых грамматиках (Смолер еще в 1850 г., Зейлер в 1830 г., Йордан в 1841 г., Шнайдер в 1853 г.). Пфуль по образцу других славянских языков (в том числе и нижнелужицкого) уже кодифицирует wo nas, wo was. За ним следует Смолер в третьем издании

⁴³ *Smoler J. E.* Kajka je wučba athanasianskeho symbola wo třećej ; wosobje w Bójstwje a kak su ju serbscy bohóstowcy ručnje zapŕijeli? Budyšin, 1864. ¶1

⁴⁴ *Petr J.* Jazyková teorie a praxe v pražské Serbovce. — *Studia Slavica Pragensia.* Praha, 1973, s. 60—62.

грамматики. Это становится общепринятой нормой. По образцу других славянских языков рекомендуется употребление причастных и деепричастных оборотов, которые в народном языке не имели хождения; проводится в жизнь употребление формы род. п. слов, выступающих как прямое дополнение после отрицания.

Стремления ревнителей чистоты родной речи и кодификаторов литературного языка можно понять, если учесть насыщенность лужицкой разговорной речи германизмами.

Лексика. Сближение двух вариантов литературного языка в области произношения и грамматики должно было идти параллельно с унификацией в области лексики. Каждый из вариантов верхнелужицкого литературного языка имел определенные лексические особенности, хотя установить их пока трудно, так как до сих пор этот вопрос специально не исследовался, а словари в этом отношении почти никакой информации не дают. Исследователями установлено только, что в письменности в различной степени использовались лексические германизмы. В XVII и XVIII вв. в католической религиозной литературе было больше немецких заимствований, чем в произведениях протестантов, но энергичные действия пуритан-католиков изменили это соотношение: в шестидесятые годы XIX в. более консервативная протестантская литература превосходила уже католическую по использованию лексических германизмов⁴⁵.

По использованию исконной лужицкой лексики оба варианта литературного языка мало различались. Исследователи называют всего по нескольку слов, употреблявшихся только в одном из вариантов литературного языка и неизвестных в другом, причем речь идет не столько о лексических различиях, сколько о словообразовательных⁴⁶. Из истинно лексических различий следует назвать такие: *žito* — *rožka* (рожь), *nepl* — *běrna* (картофелина), *honač* — *karon* (петух), *zwěrina* — *dźiwina* (дичь), *ćernik* — *góžowc* (розовый куст) и др. (первые из

⁴⁵ *Michałk F.* Latinizmy a germanizmy w rěči J. H. Swětlika. — Lp. A, 1972, 19/2, s. 172—196.

⁴⁶ Г. Енч к западному варианту, например, относит: *wóslík*, *łastońčka*, *krahonc* и др. (*Jenč H.* K poměrej mjez słownikami a leksikalnej normu hornjoserbskeje spisowneje rěče. — Lp. A, 1975, 22/1, s. 60).

каждой пары слов были принадлежностью периферийного варианта литературного языка).

Из всего этого следует, что в области лексики процесс нормализации и сближения вариантов литературного языка встречал на своем пути меньше трудностей, чем, например, в сфере правописания. Но отсутствие лексикографических работ все же тормозило становление нового литературного языка. Требовалась кодификация и в области лексики.

Появившийся в 1840 г. верхнелужицко-немецкий словарь Бозе стоял вне стремлений молодых энтузиастов возрождения национальной культуры, а был плодом досуга музейного работника в Лейпциге. Это был не самостоятельный труд, а издание одного из списков весьма распространенного в Лужице рукописного словаря Яна-Бедриха Шмуца (завершен, вероятно, в 1743 г.). К тому же Бозе воспользовался далеко не самым лучшим списком. Составленный гнездовым способом, словарь написан в соответствии с орфографическими традициями изданий протестантских книг. Бозе совершенно не избегает германизмов — их в словаре множество. Краткость словаря, его архаичность, ряд неточностей и непоследовательностей в подаче материала — все это снижало качество указанного труда. Он не мог удовлетворить потребностей возрождающейся лужицкой культуры.

Задачу создания нового словаря взял на себя Я. А. Смолер. Однако он плохо справился с этим делом. Спешка, недостаточные еще в то время знания в области языкознания не позволили ему создать лексикографический труд такого масштаба, как, например, его же сборник «Песен верхних и нижних лужичан». Смолер сам понимал, что его словарь — труд провизорный. Но в то время ему казалось, что издание словаря в самые сжатые сроки — его главная задача. Это видно из его высказывания о словаре Бозе: «Да уберезет нас бог от подобных трудов, ибо такие книги могут только препятствовать возрождению лужицкой литературы (которая и так должна преодолевать огромные трудности) и создавать превратное о ней мнение в среде других славян и немцев»⁴⁷. Смолер имел в виду в первую очередь засоренность

⁴⁷ Smoler J. E. Mały Sserb aby Serske a Njemske Rosmłowjenja. Bautzen, 1841, s. IV.

словаря германизмами. Поэтому в своем лексикографическом труде начал уже проводить пуристическую политику, хотя здесь она еще относительно слабо выражена. Смолер избежал многих слов из словаря Бозе: *swyfel* (*Zweifel*), «сомнение», *swar* (*zwar*) «правда», «хотя», *grychta* (*Gericht*) «суд», *wetta* (*Wette*) «заклад», *tel* (*Teil*) «часть», *šwon* (*Schwan*) «лебедь» и др. Устранить все германизмы Смолер не мог, да и не стремился к этому. Он оживил несколько забытых в народе лужицких слов, употреблявшихся в то время в других славянских языках, и приводил их в словаре наряду с германизмами, например: *Vormund* — *forminda*, *poručnik*, *zastojnik*; *Korb* — *korb*, *koš*; *Luft* — *loft*, *powjetr*; *Lust* — *lóst*, *weselje*; *Riegel* — *ryhel*, *zasuwak*; *Rinne* — *ryna*, *žlob*; *Tafel* — *tafla*, *deska*, *blido*; *Ware* — *wora*, *wjes* и др. Таким образом он приучал своих земляков к многим непривычным славянским словам. В ряде случаев германизмы помечены крестиком, что означало рекомендацию избегать данное слово, например: *futyr* (*Futter*), *grobny* (*grob*), *hamt* (*Amt*) и др. Во всех этих случаях приводятся также славянские синонимы (в данных случаях *pica*, *hruby*, *ńelepny*, *zastojnstwo*, *dostojnstwo*, *służba*). Иногда слово с крестиком сопровождалось славянским словом со звездочкой («звездочка значит, что это слово известно не везде» — говорит автор в предисловии): *durchzählen* — *pšeličić*, *pšerachnować*; *Fingerhut* — *naporstnik*, *fingerot*; *lesen* — *čitać*, *lazować* и др. Звездочка появляется (редко) в словаре самостоятельно (т. е. без сопровождения крестиком): *Ursache* — *wina*, *pšičina*; *Gunst* — *pšijazń* и др.

В такой трактовке Смолером лексического состава трудно обнаружить настоящую последовательность. Германизмы он оценивает очень своеобразно (впрочем, все пуристы очень индивидуально подходили к чистке языка от иноязычного влияния). У Смолера, как уже было сказано, в словаре можно обнаружить германизмы, которые вовсе никак не комментируются, например: *gmejna* (*Gemeinde*), *sygel* (*Siegel*), *wacha* (*Wache*), *žalba* (*Salbe*) и др.

Словарь Смолера, насчитывающий приблизительно 6000 словарных статей (слов больше, так как в одной словарной статье иногда приводились производные слова), был слишком кратким, чтобы кодифицировать даже самые основные лексические единицы словарного состава

верхнелужицкого письменного языка. К тому же и в трактовке исконно славянских слов Смолер не всегда был последовательным. Приводя различные варианты одного и того же слова, он не определял, который из них предпочтительнее, что считать нормой литературного языка. Например, рядом, без всяких комментариев, даются: *studnja* и *sturnja* (Brunnen), *stejeć* и *stać* (stehen), *centnaí* и *centleí* (Zentner) и др.

Рассматриваемый нами словарь не оказал большого влияния на становление нормы верхнелужицкого литературного языка. Его могли успешно использовать лица, желавшие познакомиться с этим языком или углубить свои знания. Словарь вскоре после выхода, несомненно, попал в славянские страны, способствуя распространению знаний о лужицком языке среди ученых.

Отсутствие хорошего словаря ощущали и другие деятели культуры Лужицы, например, Г. Зейлер и Я. П. Йордан. Оба тщательно собирали материалы и даже приступили к работе по составлению словарей. Г. Зейлер начал было лексикографическую обработку собранного материала, но и верхнелужицко-немецкий, и немецко-верхнелужицкий словари так и не были им закончены.

Я. П. Йордан совместно с К. Пфулем добились большего: им удалось издать первый выпуск лужицко-немецкого словаря⁴⁸, но на этом их совместная работа прекратилась. Трудную миссию подготовки большого словаря родного языка взял на себя один Пфуль. Образцом для этого труда он избрал знаменитый в то время словарь чешского языка Йозефа Юнгмана (1835—1839). «Матица сербская» официально поручила Пфулю работать над словарем и подготовить его к печати. Пробный материал (М — Маја) был опубликован в «Журнале Матицы сербской» в 1855 г., а вскоре началось печатание всего словаря, длившееся почти десять лет.

При составлении словаря были учтены все предыдущие (рукописные и печатные) словари, материалы из газет и журналов, а также произведений художественной литературы. Этого материала, однако, было недостаточно, поэтому стремления автора «были направлены на то, чтобы лексическое богатство лужицкого языка, которое

⁴⁸ *Pful C. T., Jórđan J. P. Serbskoněmski słownik. Zwjazk I. A — Duran. Leipzig, 1844.*

впервые в собранном виде представляется общественности, по возможности полно по памяти записать» (предисловие, XVI). Здесь же Пфуль признает, что широко пользовался словарями других славянских языков, особенно словарем Юнгмана. Процесс образования новых, ранее неизвестных лужицкому языку, слов Пфуль объясняет на стр. XXI: «Если я находил в чешском или других языках для понятия, отсутствующего в лужицком языке, подходящее и легко воспринимаемое лужицким ухом выражение, я его приспособлял к законам лужицкого языка и вводил в словарь (конечно, указывая на источник)».

В основной части словаря содержится 45 000 слов (в том числе собственные имена и названия местностей), в дополнениях (почти полностью составленных Горником) — 5000. Правда, в дополнениях много нижнелужицких слов.

Г. Шустер-Шевц отмечает, что словарь Пфуля имел огромное значение, так как он создавал прочный фундамент для нового литературного языка. Словарь содержит не только основной словарный фонд верхнелужицкого языка, но и большое количество новообразований, «которые проложили путь верхнелужицкому литературному языку к различным сферам общественной жизни, к культуре и науке, и которые впоследствии большей частью прочно вошли в словарный состав верхнелужицкого литературного языка»⁴⁹. Шустер-Шевц называет такие слова, «созданные Пфулем или возникшие в его время»: *železnica* «железная дорога», *dwórnišćo* «вокзал», *śah* «поезд», *wótčinc* «патриот», *basnjec* «поэт», *wučomc* «ученик», *spěwohra* «опера», *sewjec* «север», *warpo* «известь», *činiđło* или *stroj* «машина» и др.⁵⁰

Сам составитель словаря довольно последовательно обозначает почти все новообразования (за исключением тех, которые были уже распространены в большей или меньшей степени в печати, например, *železnica*). Таким образом, легко определить, что Пфуль сам создал *běrpojna* «крахмал» (вместо *běrnowina*), *bjezporjad* «беспорядок», *cyrkejnik* «прихожанин», *djasnjeć* «неистовствовать», *knjezowc* «барчук», *ludžeński* «гуманный», *poruč* «беседа»,

⁴⁹ *Pfuhl Chr. Tr. Obersorbisches Wörterbuch. Fotomechanischer Nachdruck. Bautzen, 1968, s. 1.*

⁵⁰ Там же, с. 2.

rajan «обитатель рая», а следующие слова заимствовал из чешского языка: bitwina «маневры», hurakać «кричать ура», klubu činić «делать назло», měrník «масштаб», rakób «антилопа гну», potřělenina «добыча». К лужицкой фонетике приспособлены такие польские слова: bjezplacny «бесплатный», błyskawca, «молния», deščoposny «дождевой» (например, о туче), kralowc «принц», rogićnik «поручик», prawokut «прямой угол» и др. Изредка встречаются слова с пометой, указывающей на русский источник (например, dolina).

Вообще в словаре очень много помет, дающих представление об источнике, из которого взято слово (из рукописных и печатных словарей, из произведений письменности), о местностях, где оно в Лужице употребляется и т. п. Эта положительная черта словаря имела, однако, и теневую сторону. Дело в том, что претендующий в какой-то мере на роль нормализующего кодекса в области лексики, словарь не давал однозначного ответа, что считать нормативным.

Одной из своих важнейших задач Пфуль считал чистку лужицкого языка от немецких заимствований (многие неологизмы, введенные в словарь, как раз и появились вместо слов иноязычного происхождения). Только немногие германизмы остались в словаре без всяких комментариев и параллельных новообразований, без приведения славянских (лужицких) синонимов, например, fralich (freilich «конечно»), šórcuch (Schürze «передник»), warnoć (warnen «предупреждать»). Обычно германизмы либо полностью исключались из словаря, либо приводились с параллельным славянским новообразованием (с пояснениями или без них). Примеры: lazować *лучше* čitać, słowa zběgać («читать»); tawzynt *лучше* tysac («тысяча»); krydupć *вульгарно* — dóstać («получить»); swyfel — dwěl («сомнение»); fromny — robožny («набожный»); hamor — klepak («молот»); mantyl — płaść («плащ»); tórm — wěža («башня»); bar — mjedwjeź («медведь») и др. В нескольких случаях германизм сохранен в одном месте без всяких примечаний, но затем в другой словарной статье находим новообразование с тем же значением: knefl «пуговица», bublina «пуговица»; bryla «очки», nawoči «очки». Некоторые немецкие слова, получившие распространение в разговорном языке и в литературе, не были включены в словарь, например: tinta «чернила», bertyl

«четверть», *hantwerk* «ремесло». Они были заменены по-воображениями: *čornidło, štwórc, gjemjesło*.

Наряду с германизмами Пфүль не включил в словарь и большое число европеизмов, например: *administracija, familia, institut, komitet, kongres, prowınca, astronomija, etnografija, statistika, kritika, sympatija, monarchija, parlament, republika, sekretar, awtor*. Вместо них приводятся соответственно *swójba (rodzina), wustaw, wuběrk, zjězd, krajina, hwězdarstwo, narodopis, statopis, rozris (rozsud), jenočuwność, samoknjejstwo (mócnarstwo), sejm, swobodzina, pismawjedžer, spisačel*. Ряд подобных слов, не включенных в словарь, вообще не нашел какой-либо замены, например: *kolega, akademija, protokol, redaktor, tragedija* и др. (Не исключена возможность, что некоторые слова случайно не попали в словарь). Чрезмерный пуризм, характеризующий деятельность Пфүля-лексикографа, нанес определенный ущерб развитию литературного языка, так как способствовал образованию значительного разрыва между разговорным языком и рекомендованным «Матицей сербской» языком письменности. Спустя четверть века Якуб Барт-Цишинский осудит слишком радикальные пуристические действия Пфүля и других, но надо признать и то, что немало слов, «втиснутых» им в словарь, все же удержалось в литературном языке, сохранилось до сегодняшнего дня и даже попало в разговорный язык.

В словаре есть и другие недостатки. Например, Пфүль во многих случаях отступал от живого употребления глагольных пар совершенного и несовершенного вида. Так, он сконструировал слова *zaspěwować, rochwaleć, rochibować* и многие другие, никогда не употреблявшиеся в лужицком языке. Он искусственно создавал формы слов для придания различных семантических оттенков, но живой язык их не знал. Это, например, слова *wotkupjomny — abzukaufen (einmal)* «откупаемый один раз»; *wotkupjomny — abzukaufen* «откупаемый».

Несмотря на ряд недостатков, словарь Пфүля сыграл важную роль в культурной жизни лужичан, в развитии их литературного языка. Появление этого лексикографического труда стимулировало работу многих ревнителей языка в области лексикологии. Это выразилось в том, что стали собирать и изучать лексику, создавать рукописные дополнения к словарю. Часть этих дополнений

публиковалась. В них указывалось на пропущенные у Пфуля слова, на новые значения некоторых слов, приводились фразеологические сочетания и пр. Выход в свет словаря Пфуля завершил первый этап кодификации нового верхнелужицкого литературного языка.

Функционирование литературного языка

Как уже было сказано, на протяжении всего периода национального возрождения количество двуязычных лужичан постепенно возрастало. Во многих местностях немецкий язык становился средством общения наряду с лужицким. Это не значит, что лужицкий был вытеснен из обихода. Он существовал, однако, главным образом в форме диалектной речи. Верхнелужицкий литературный язык в то время не мог иметь широкого распространения. Лужицкий исследователь П. Недо подчеркивает, что литературный язык «не удалось привить каждому лужицкому сербу как само собой разумеющееся средство общения»⁵¹. Это не удалось и несколькими десятилетиями позже. З. Штибер констатировал, что в первой трети XX в. на чистом литературном языке не говорила даже интеллигенция⁵². Это не является особенностью языковой ситуации в Лужице. Известно, что даже литературные языки наций не сразу становятся всеобщим средством общения. В. В. Виноградов отмечал, что литературный язык в ранний период становления буржуазной нации имеет обычно весьма ограниченное распространение. Основная масса народа пользуется диалектами и городским просторечием, литературным же языком пользуются лишь ограниченные социальные группировки⁵³. Этой социальной группировкой в славянской Лужице была часть священников и учителей. В их представлении литературный язык отождествлялся с языком литературы, поэтому другие его функции поначалу не принимались во внимание даже активными деятелями национального возрождения.

⁵¹ *Nedo P.* Wo wuwicu dwurěčnosće we Łužicy. — *Rozhlad*, 1958, s. 262.

⁵² *Stieber Z.* Świat językowy Słowian. Warszawa, 1974, s. 224—225.

⁵³ *Виноградов В. В.* Различие между закономерностями развития славянских литературных языков в донациональную и национальную эпохи. М., 1963, с. 15.

В их сознании настолько укоренилось представление о немецком языке как языке учреждений и официальной переписки, что избавиться от него было очень трудно. Характерно, что члены студенческого лейпцигского кружка «Сорабия» только в 1849 г. перешли на ведение внутренней документации на родном языке⁵⁴, а первые собрания членов «Матицы сербской» проходили на немецком языке. Первый протокол по-лужицки был написан только третьего апреля 1850 г.⁵⁵

Революционно настроенная интеллигенция, правда, проявляла больше смелости. Например, в 1848 г. на большом митинге представителей трудового народа (преимущественно крестьян) перед 700—800 участниками (лужичанами и немцами) выступили с речами на лужицком языке два оратора, в том числе учитель Ян Бартко, пользовавшийся литературным языком (центральным его вариантом). Но это был один из немногих случаев, нехарактерный для ситуации в целом.

В развивающемся буржуазном обществе сферы применения литературного языка значительно расширяются, его общественная роль возрастает особенно в области производства и государственного управления. В Лужице литературному языку была отведена значительно меньшая роль. В сферу развивающегося промышленного производства, железнодорожного транспорта, административного управления он не допускался господствующими классами немецкой нации. Национальное возрождение у лужицких сербов проходило прежде всего под знаком обновления культуры, что, впрочем, характерно и для народов, переживающих процесс становления нации. Как, например, белорусский⁵⁶, так и верхнелужицкий литературный язык был в первую очередь средством пробуждения духовной жизни народа и борьбы за социальные и национальные права. Л. А. Булаховский справедливо отмечал, что при перестройке письменного языка в литера-

⁵⁴ *Jenč K. A. Serbske přédarske towarstwo w Lipsku wot lěta 1716—1866. — ČMS, 1867, s. 522.*

⁵⁵ *Petr J. Lužickosrbské národní obrození. — Přednášky ve XIV. běhu Letní školy slovanských studií v roce 1970. Praha, 1971 (rotaprint), s. 419.*

⁵⁶ Ср.: *Шакин Л. М. Образование белорусского национального литературного языка. — Вопросы образования восточнославянских национальных языков. М., 1962, с. 120.*

турный «у народов негосударственных самыми важными являются стремления национально-культурные в широком понимании этих слов»⁵⁷.

Верхнелужицкий литературный язык (в его двух вариантах) только в незначительной степени проник в школы и в церковь. Как известно, борьба всех поколений поборников за национальные права лужицких сербов была в основном направлена на более широкое распространение родного языка в сферах культа и просвещения. Нет исследований, в которых этот вопрос был бы полно и подробно освещен. Можно найти только разрозненные данные о введении или прекращении в той или иной школе уроков языка, о регулярном либо спорадическом богослужении на языке лужицких сербов в отдельных приходах, о назначении того или иного учителя лужицкого языка на работу, о законах и постановлениях разного ранга инстанций, разрешающих введение в школах и церковной службе лужицкого языка. Задачей исследователей является тщательный сбор и отбор материалов по этому вопросу и их синтезирование. Пока же мы располагаем только данными о том, что на протяжении всего периода возрождения родной язык преподавался далеко не во всех школах, что количество учебных часов было недостаточным, что качество преподавания в большинстве случаев было невысоким. Таким образом, не было какого-то заметного сдвига в преподавании лужицкого языка в школах по сравнению с концом XVIII—началом XIX вв., где «только понемногу учили читать по-лужицки, а о письме на лужицком языке не подумали ни в одной школе»⁵⁸. Надо заметить, что обучение родному языку проходили все воспитанники Лужицкой семинарии в Праге, где очень многие будущие крупные и рядовые деятели серболужицкой культуры получили теоретические знания о лужицком языке и совершенствовали свою разговорную речь.

Во многих школах и приходах, где применялся литературный лужицкий язык, его культура была на низком

⁵⁷ Булаховский Л. А. Виникнення і розвиток літературних мов. — Наукові записки Інституту мовознавства АН УРСР, т. I, 1941, с. 94.

⁵⁸ *Parczewski A. J.* Jan Ernst Smoler. Ustęp z historii narodowego odrodzenia Górnych Łużyc. Warszawa, 1883, s. 4.

уровне. И. И. Срезневский, присутствовавший на богослужении в двух церквях в Будышине, писал: «(мы). . . в первой слушали начало проповеди, и не дослушавши, и насмеявшись над искусством проповедника мешать немечину со славянщиной, пошли в другую»⁵⁹. В другом месте он вспоминает: «Даже теперь, многие, приготовляясь говорить проповедь, записывают ее содержание по-немецки, и уже только на кафедре переводят на лужицкий свои немецкие фразы: когда тут думать, сообразен ли тот или другой немецкий оборот с духом лужицкого наречия»⁶⁰. Кроме того в школу и церковь в период национального возрождения, в сущности, так и не проник новый «матичный» литературный язык. В католических приходах использовали богослужебные книги на периферийном варианте литературного языка, в протестантских — на центральном. Если же учесть, что узкие тематические рамки религиозной литературы практически не давали возможности для развития литературного языка, то придется признать, что язык и богослужения, и проповедей в 60—70-е гг. XIX в. был примерно на том же уровне, как и сто лет до того. В школах, как правило, специальных учебников не было, и очень длительное время обучение проводилось по старым протестантским и католическим текстам⁶¹. Предпринимались попытки создания школьных учебников, но сделать это было нелегко. Известно, что Г. Зейлер, много усилий приложивший к организации школы, встречал большие препятствия, чинимые юнкерами, а также непонимание многих родителей⁶². На протяжении всего периода возрождения не было опубликовано ни одного учебника по родному языку. Издававшиеся лужицкие или немецко-лужицкие буквари, а также книжки для чтения и сборники песен для школ не ставили целью систематическое изучение родного языка. Единственной их задачей было научить читать детей по-лужицки.

⁵⁹ Срезневский И. И. Путевые письма и заметки о сербо-лужичанах (1810). — «Живая старина», 1890, вып. 1, с. 90.

⁶⁰ Срезневский И. И. Исторический очерк сербо-лужицкой литературы. — ЖМНП, 1844, ч. XLIII, с. 48.

⁶¹ Petr J. O jazykové praxi u Lužických Srbů. — Naše řeč, 1961, 1, с. 52.

⁶² Nowotny P. Realizm Handrija Zejlerja. — Rozhled, 1954, Nr. 2, с. 41.

Преимущественно религиозный характер книг ограничивал возможности изучения языка. Кроме того, надо иметь в виду, что в католических школах дети знакомились только с периферийным вариантом письменного языка, а в протестантских — с центральным. Школа не способна была дать ученикам прочные знания норм каждого из вариантов литературного языка⁶³, а о применении в школах единого для всех верхних лужичан литературного языка, за становление и распространение которого ратовала «Матица сербская», в то время не могло быть и речи.

Сферой, где новый верхнелужицкий литературный язык имел широкое применение и где все более и более совершенствовался, была светская художественная литература (поэзия и проза), а также частично научно-популярные работы, публиковавшиеся в двух журналах («Журнал Матицы сербской» и «Лужичанин»). И хотя к концу периода национального возрождения он еще не охватывал всю литературную продукцию, его роль в развитии литературы была велика. Достаточно напомнить, что на нем публиковалось немало произведений видных поэтов и прозаиков: Г. Зейлера, Я. Цесли, К. А. Фидлера, Я. Братко и других. Они создавали язык художественной литературы — важную стилистическую разновидность верхнелужицкого литературного языка периода национального возрождения.

Лучшим представителем верхнелужицкой прозы второй половины XIX в. был Ян Радысерб-Веля, однако в рассматриваемый нами период он гораздо плодотворнее работал в области поэзии, чем прозы. Только в 80-е годы расцвел талант Вели-прозаика.

Изданная им в 1847 г. первая книжка оригинальных «Рассказов для пробуждения и облагораживания сердец лужицких сербов» подверглась острой критике со стороны «Матицы сербской». Автор погрешил против норм правописания обоих вариантов литературного языка. Он «решился применить совершенно другую орфографию, основанную на фонетическом принципе, и установил

⁶³ Mětsk F. Die volks- und territorialgeschichtlichen Grundlagen des sorbischen Sprachgebiets. — Sorbischer Sprachatlas, I, Bautzen, 1965, s. 48.

правила, которые с точки зрения филологии были неприемлемыми»⁶⁴.

Во второй книге он выступает уже как зрелый мастер новой лужицкой прозы. Речь идет о небольшой повести «Наступление возле Букец» (1852 г.). Книга была издана «Матицей» с сохранением правописания и грамматических норм центрального варианта. Отвлекаясь от этой стороны литературного языка, отметим высокую степень развитости выразительных средств языка. В произведении уже отчетливо выступают основные черты стиля художественной прозы. Радысерб-Веля охотно пользуется богатством разговорного языка и устного народного творчества, диалогами, образной и эмоционально окрашенной лексикой. Образность достигается достаточно частым использованием переносного значения слов (*wěža hlada k njebieskej módrinje; měr je so narodził* и т. д.), сравнений (*dyrkotać kaž zmoknjene hnězduški; zorniwi pacholjo kaž młode lawu* и др.), в которых иногда применяется гиперболизация (*lije so krej, kaž zliwkowe rěčki*). В речи рассказчика встречаются афоризмы (*tajke erty najwěšišo mjelča, hdyž je kyrk zadžernjenu*), фразеологизмы (*na smjerc mučny, na kórcy měrić, na hłowje stawać, na krošik dzeržić* и др.), просторечные слова (*mjerzaca žwamla, zymzora, zažwanc*), яркие эпитеты (*krejlačny mječ, žadława žalósc, złobjaty wjelk, pjane wjeselo*). Речь Вели богата синонимикой. Слово «идти» («ходить») выступает у него во многих вариантах: *dyrbju hišće k wučerce doskočić; stupaj, wbohi mrózačko, stupaj; wlečeše so tón mrózak ke wsy; dži, zasćel jemu čiste; mórčo tołstak ko konjenca nóžkowaše; korčmarjec kmót bě so won čampotał; hdže tola tak dołho wokoło brodžiš; ja ruče dóndu; ja chcu do Lubija; po piwo čampać; tuž so wón do Pruskeje pušći* и др.

Яркость повествования достигается повторением отдельных выражений и слов, следующих друг за другом: *Tola hišće dołho njeńdžeše tón postajeny čas jich ćerpjenjow na kónc, hišće dołho dyrbješe trać, prjedy hač. . . ; A z płomjenja zapalenyh Bukec ćiskaja trašate swětła a wuja do wujatych kulow, do wujateho skotu, do wujatych ludži.*

Ян Радысерб-Веля умело пользуется антитезой, удачно влетает в повествование диалоги с сочной разговорной

⁶⁴ *Wićaz O. Jan Radyserb—Wjela. — Lp. A, 1952, 1, s. 73.*

речью. Автор повести добивается эмоционального эффекта вопросительными предложениями, обращенными к читателю (Wěš tu cyrkwinski wjes, kotraž najdale do Serbow widži?) и восклицаниями (Božo, daj nam na wěčne měra wjesołym wostać! — Žalostne ranje na Pruskich!).

Речь Радысерба-Вели, черпающая богатство из народных повествований, имеет вместе с тем и черты, характерные для книжного языка, делающие литературный язык более гибким. К таким чертам следует отнести причастные и деепричастные обороты. Сравни один пример. Hnydom wučer do jstwy stupiwši zablidnych strowješe. Po starym wašnju jeho wšitcy porjadu stawawši z ruku witaču a kóždy wołaše: Připić! Ale wón chwatnje wot skićenkow małko srěbaše, zo jenož by, so ruče sydnywši, sebi Martu wobhladał.

Новый литературный язык, созданный в кругу членов «Матицы сербской», был в рассматриваемый нами период прежде всего языком художественной литературы. Выразительные средства, созданные и создаваемые в двух других вариантах литературного языка, естественным путем становились достоянием и нового «матичного» варианта, где, в свою очередь, могли подвергаться дальнейшей обработке и совершенствованию. Это было возможно потому, что в «Журнале Матицы сербской» и в «Лужичанине» литературная речь шлифовалась тщательнее, чем в других изданиях.

Конечно, редактору не всегда удавалось исправлять правописание, не во всех случаях он замечал отступления от кодифицированной нормы, а иногда редактор просто не решался делать исправления речи именитых авторов, признанных авторитетов. Это относится и к редакторской работе такого выдающегося знатока литературного языка, как Михал Горник. Поэтому в редактируемом им в 60-е годы журнале «Лужичанин» можно встретить отступления от нормы, хотя в целом журнал редактировался очень хорошо.

С другой стороны, Горник, подготовивший к изданию первую в истории лужицких сербов книгу для чтения (хрестоматию) на новом литературном языке⁶⁵, решительно вмешивался в авторскую речь во всех тех слу-

⁶⁵ *Hórnik M. Čitanka. Mały wuběrk z narodneho a nowišeho pismowstwa hornjołužiskich Serbow. Budyšin, 1863.*

чаях, где, по его мнению, допущены какие-то шероховатости в речи. Сравнение текстов рассказов в хрестоматии с первыми их публикациями в «Лужичанине», показывает, что они нуждались в исправлении.

Оказывается, что меньше всего корректировалось правописание, так как уже в «Лужичанине» оно было достаточно правильным. Случаи исправления фонетических вариантов слов (*wróta* на *wrota*) и грамматических форм (*wšim* на *wšëm*, аорист *zarřahnu* на *zarřahny*) единичны. Горник исправляет незамеченные им ранее при редактировании рукописей для журнального издания орфографические погрешности в написании некоторых наречий (*nutřkach* на *nutřka*), но разговорный вариант на *-ch* настолько был распространен (видимо, и в речи самого Горника), что он допускает его в хрестоматии (например, *horkach* вместо *horka*).

Больше изменений находим в построении фраз и в использовании лексики. Заметно стремление Горника к умеренному ограничению заимствованных слов и калек. Так, в хрестоматии заменены слова *sněhbeły*, *měркаžer*, *punkt*, *sylzomačany*, *plantaža*, *zapakowanje*, *system*, *horje wzać* лексическими единицами *běłoš*, *njeměrnik*, *runje*, *sylzowaty*, *zahroda*, *zawalenje*, *zestaw*, *k sebi wzać*.

Довольно часто исправляется неестественный инверсионный порядок слов в атрибутивных словосочетаниях (*por ěłowski* на *ěłowski por*, *řorjena wišnjowe* на *wišnjowe řorjena*), корректируется место сказуемого в предложении, а именно, ограничивается употребление свойственной немецкому языку рамочной конструкции в придаточных предложениях (*...dokolž wobydlerjo tamnych krajow často tu wodu pić dyrbja — dokolž dyrbja wobydlerjo . . . pić*). Борьба с синтаксическими германизмами отражена в устранении пассивных конструкций: *bu wot njeje* (т. е. *smjerće*) *w lěće 1632. . . na 700 ěłowjekow. . . hrabnjenych — zemrje* на *nju w lěće 1632. . . na 700 ěłowjekow*. Эта же тенденция объясняет перестройку неопределенно-личных предложений по славянским образцам: *hdyž jedyn sněh wozmje — hdyž sněh wozmješ*. В условных предложениях регулярно используется частица *li*: *napiješ so tajkeje wody — napiješ-li so tajkeje wody*; *móže ratar sněh rozmjetać — móže-li. . .* Однако не только стремление к славянизации языка побуждало Горника к исправлениям такого рода. Он вообще стремился к кор-

ректному строению предложений, к правильному употреблению форм и слов, исправлял шероховатости стиля.

Речь в хрестоматии была образцовой, и в этом заслуга ее составителя. Это уже хорошо обработанный язык художественной литературы, который стал надежной основой современного верхнелужицкого литературного языка.

Литературный язык в период национального возрождения еще не был заметно дифференцирован в стилевом отношении. Можно с определенностью сказать, что только стиль художественной литературы достиг к концу рассматриваемого нами периода достаточно высокого уровня развития. В нем широко используются средства общенародного языка, устного народного творчества, образная и эмоциональная лексика и фразеология разговорного языка.

Стиль общественно-политической литературы только прокладывал себе путь. Можно, например, уже в журнальных статьях обнаружить такие черты этого стиля, как относительное богатство форм устной речи (в том числе в синтаксисе), использование риторических вопросов и обращений, четкость и ясность выражения мыслей, но еще трудно установить четкую границу между этим стилем и стилем художественной литературы.

Совершенно не выработались официально-деловой и канцелярский стили. Довольно четко стал определяться научный стиль, а вернее его разновидность — стиль научно-популярной литературы. В «Журнале Матицы сербской» и в «Лужичанине» публиковались статьи по разным отраслям науки (языкознание, литературоведение, история, этнография, ботаника, зоология, медицина, физика, химия, геология, география, астрономия). Если работы по гуманитарным наукам возникали совершенно естественно из потребностей национального движения лужицких сербов, то научно-популярные статьи по физике, астрономии и др. появлялись по другой причине. Вот, что об этом писал Михал Росток: «Химия — одна из наук, для которой лужичанин не имеет нужных слов. Конечно, верно, что лужицкий серб может жить без химии и химических терминов, что наши работы в области естествознания у нынешнего поколения не найдут признания. Это совершенно ясно. . . Но мы, работая для людей нашего времени, больше думаем о будущем, мы делаем вклад в науку, которую наше поколение не может еще понять

и оценить»⁶⁶. Автор этого высказывания больше всего сделал для становления стиля научно-популярной литературы. Большое значение имело формирование специальной и научной терминологии. Неиссякаемым источником для образования терминов был чешский язык, из которого Росток и другие брали множество нужных слов. В научных и научно-популярных статьях, кроме обилия специальной терминологии, наблюдалось также частое использование интернациональной лексики, слов с отвлеченным значением.

* * *

Современный верхнелужицкий литературный язык формировался в период национального возрождения (примерно 1830—1870 гг.). Условия формирования были необычными и трудными. Верхнелужицкий литературный язык возник не в связи с формированием нации, как это бывает обычно (лужицкие сербы нацией не стали), а в связи с консолидацией народности в условиях развития капитализма в Германии. Духовное объединение народности, разобщенной двумя вероисповеданиями, расчлененной между двумя германскими государствами, осуществлялось в значительной степени через создание единого верхнелужицкого литературного языка, который был призван заменить ранее существовавшие два варианта языка письменности: центрального («протестантского») и периферийного («католического»). Созданный в кругу деятелей «Матицы сербской», в основном на базе центрального варианта, он к концу 60-х годов XIX в. окреп и в достаточной мере стабилизировался, хотя и не вытеснил еще из литературы старые варианты. Выполнять роль единого литературного языка он стал намного позже, уже в наше время. Однако фундамент современного литературного языка был заложен именно в период национального возрождения. К этому времени были установлены правила довольно стройной орфографии, была проведена кодификация на уровне морфологии и лексики, однако пуризм и искусственная славянизация, появившиеся в ряде грамматических регламентаций, стали причиной того, что и в настоящее время «существует слишком большое несоот-

⁶⁶ Časopis Towarstwa Maćicy Serbskeje. Budyšin, 1865, s. 319.

ветствие между реальной нормой. . . и ее кодификацией в грамматиках и словарях»⁶⁷.

Сфера применения нового литературного языка была ограниченной. Наибольшее распространение он имел в художественной литературе. Проза и поэзия к концу периода национального возрождения достигли довольно высокого уровня развития. Начали формироваться стилевые разновидности литературного языка.

Развитие верхнелужицкого литературного языка проходило в рассматриваемый нами период (да и позже) в борьбе со все возрастающим влиянием немецкого языка, поэтому в нем четко обнаруживается влияние пуристической деятельности ряда теоретиков языка и писателей.

Самые большие заслуги в создании единого для всех верхних лужичан литературного языка принадлежат языковеду и общественному деятелю Я. А. Смолеру, редактору и лингвисту М. Горнику, автору грамматик и составителю словаря К. Б. Пфулю, а также писателям Г. Зейлеру и Я. Радысербу-Веле.

⁶⁷ Фаска Г. Норма серболужицкого [литературного] языка и ее кодификация. — Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах. М., 1976, с. 105.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ
БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА
В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ



**Проблема языка в общем движении болгар
за национальное возрождение**

Проблеме родного языка в эпоху национального возрождения образованные и патриотически настроенные представители зарождавшейся болгарской интеллигенции и других слоев общества уделяли исключительно большое внимание. Она занимала умы многих деятелей, начиная от Паисия Хилендарского, с именем которого связывается начало Возрождения, и кончая теми писателями, учеными, представителями других областей складывавшейся национальной культуры (Петко Славейков, Иван Богоров, Марин Дринов и многие другие), чья разносторонняя деятельность продолжалась и после освобождения Болгарии от османского владычества, завершившего эпоху Возрождения у болгар. Среди крупных деятелей этой эпохи, выступавших за развитие национальной культуры и разрешение других жизненно важных вопросов национального освобождения, трудно назвать таких, которые не касались бы в той или иной мере проблемы языка. В ее обсуждении приняли участие и менее известные и совсем неизвестные авторы собственных сочинений и переводов, учителя, издатели газет и журналов и др. Показательно, например, что авторы и переводчики большинства книг, изданных в первой половине XIX в., как и многих книг, увидевших свет позднее, считали нужным изложить свое мнение о состоянии болгарского языка (в особенности письменного), об особенностях их собственного языка и, в частности, принятого ими правописания и т. д. О большом внимании деятелей той поры к проблеме языка свидетельствует и тот факт, что уже первые культурно-просветительные общества болгар в качестве одного

из главных пунктов своей программной деятельности ставили содействие созданию и совершенствованию литературного языка. Об этом же говорит и участие многих периодических изданий 40—70-х годов в обсуждении языковых вопросов.

Подчеркнутое внимание к проблеме родного языка, которое уделяли деятели Возрождения, объясняется не только и, может быть, не столько интересом к языку как таковому (хотя в изданиях того времени имеется немало статей и разного рода заметок, где рассматриваются узко специальные и частные вопросы грамматики, орфографии и т. д.), сколько той большой ролью, какая отводилась ему в общем движении за национальное и культурное возрождение.

Уже Паисий Хилендарский, с чьим именем и деятельностью связано начало Возрождения у болгар, придавал родному языку исключительно большое значение в начертанной им в «Истории славеноболгарской» (1762) программе национально-освободительного движения. Борьба за освобождение от греческого духовного гнета и за национальное просвещение, борьба за утверждение национального самосознания и сохранение национальной самобытности болгар теснейшим образом увязывается им с задачей сохранения и возвышения родного языка. Паисий хорошо понимал, что пренебрежительное отношение к родному языку, свойственное многим его соотечественникам, наносит национальным интересам болгарского народа огромный ущерб. Вот почему он с гневом говорил о тех болгароотцугателях, кто отступился от своего рода и языка, кто презирал их, стыдился называться болгариним. «О неразумни и юроде, поради что се срамишь да се наречешь болгаринь и не четишь по свои языкъ и не думашь», — восклицал Паисий¹. Чувство негодования вызывали у него те из соотечественников, кто «не любить за свой родъ болгарски знати, но се обращаютъ на чужда политика и чужди языкъ и не радать за свой языкъ болгарски, но се учать четати и думати по грчки и срамать се да се наречать болгаре»², кто идут «пу чужди языкъ и обичаи, а на

¹ Цит. по изд.: История славеноболгарская собрана и нареждена Паисием иеромонахом в лето 1762. Стъкми за печат Й. Иванов. София, 1914, с. 5—6.

² Там же, с. 5.

свои хулатъ»³. Пренебрежительное отношение к родному языку, учение на чужом (греческом) языке, безразличие к славной истории и современным нуждам народа — вот зло, которое надо искоренить. И Паисий призывал и тех болгар, кто уже забыл о своем роде и языке, и тех, кто сохранял им верность: «Ти, болгарине, не прелащай се, знай свой родъ и языкъ и учи се по своему языку»⁴. Эти слова можно смело поставить эпиграфом ко всей последующей борьбе болгар за права родного языка в рамках их общего движения за национальное возрождение.

После Паисия о необходимости обучения на родном языке выступил выдающийся деятель болгарского Возрождения Петр Берон — автор известного «Рыбного букваря» (1824) — первого учебного пособия, написанного на живом, народном языке. Берон в самом начале предисловия к букварю указывает «прямой путь к учению», каким является обучение детей на понятном им живом языке. Узнав, что в других странах дети начинают читать книги на их родном языке, он понял, «как плохо поступают у нас учителя и как напрасно страдают бедные дети», которые и после ряда лет учебы «не умеют даже свое имя написать»⁵. Причина этого «окаянного состояния» не только в негодной системе преподавания, но и в том, что книги (псалтырь и часослов), по которым учились в то время грамоте, были напечатаны не на болгарском, а на непонятном для детей церковнославянском языке. Берон указывает, что учителя давно уже отказались бы от псалтырей и часословов, в которых дети ничего не понимают, «если бы имели какую-нибудь книгу, напечатанную для них на нашем языке»⁶. В другом месте он подчеркивает, что «очень полезно первоначально изучать «наш язык с его грамматическими правилами», а затем уже следует изучать и другие языки»⁷. Он призывает к печатанию как можно больше книг «на нашем языке». Это необходимо для просвещения народа, который так долго пребывает «во мраке без науки»⁸. Берон призывает соотечественников

³ История славеноболгарская, с. 7.

⁴ Там же, с. 6.

⁵ Берон П. Букварь с различни поучения [Брашов], 1824, с. 2.

⁶ Там же, с. 3.

⁷ Там же, с. 143.

⁸ Там же, с. 143.

проявить усердие в распространении образования в своем отечестве.

Впоследствии, особенно с середины 30-х годов, тема родного языка — его защиты и обучения на нем — не сходит со страниц болгарских изданий. Главный, если почти не исключительный, упор болгарские деятели той эпохи делали на чисто практическую, но жизненно важную для них сторону проблемы языка: чтобы сохранить и укрепить свое единство как народа, болгары должны беречь и совершенствовать, т. е. литературно обработать, родной язык и укрепить его позиции в общественной жизни, прежде всего в школе, а затем в литературе и других областях духовной культуры. Если до Паисия незнание родного языка еще мало кого или вообще никого не волновало и никому не ставилось в вину, если Паисий обратил внимание на пагубные последствия отказа части болгар от родного языка и призывал своих соотечественников «знать и любить свой род и язык», а Берон первым только указал, по какому пути болгары должны развивать свое образование, то с течением времени, к середине 50-х годов знание родного языка стало вопросом национальной чести для образованного круга болгар, а незнание его квалифицировалось как сознательное отречение от своей национальной принадлежности, причиной которого в большинстве случаев были корыстолюбивые побуждения.

Можно привести немало ярких высказываний многих представителей формировавшейся болгарской интеллигенции (В. Априлов, Н. Геров, П. Славейков и др.), которые свидетельствуют о глубоком понимании ими важности родного языка в решении задач национального возрождения и необходимости активного отношения к нему как важному средству, или орудию этого движения. Приведем несколько примеров.

В середине 40-х годов, когда движение болгар за национальное возрождение приняло уже широкий размах, особенно в области просвещения (организация учебного дела) и книгопечатания, И. Богоров в передовой статье к первому номеру первой болгарской газеты «Български орел» (20. IV. 1846), излагавшей насущные задачи этого движения, подчеркнул большое значение и проблемы родного языка — его защиты и необходимости совершенствования. Отметив, что соседние народы (румыны, сербы, греки), обретя свободу, стремятся сравниться с «европейскими на-

родами в науке, просвещении, торговле и ремесле» и что даже турки стали прилагать усилия к преобразованию империи, И. Богоров писал: «А что должны делать мы, болгары, в условиях такой жизни и такого оживления кругом? Должны ли мы остаться живыми трупами, какими были до сих пор? Не должны ли мы — народ, насчитывающий пять миллионов человек, — промолвить хотя бы одно слово в царствах народов? Должны ли мы еще долгое время оставаться без имени, неизвестными для других народов земли? Должны ли мы, чьи предки защищали своей кровью и ценой жизни христианский закон и веру, еще долгое время испытывать срам от того, что в нас не признают христиан, т. е. просвещенных, культурных людей, братьев других христиан? *Должны ли мы еще долгое время оставлять мертвым наш язык, который мы унаследовали от наших предков, и особенно теперь, когда мы видим вокруг себя христианские и славянские народы, совершенствующие свой язык и возвышающие свою народность*, должны ли мы стать чужаком, что противоречит нашему разуму? — Нет! Так не может продолжаться дальше! И мы, болгары, должны начать сознавать себя как народ, который имеет равные с другими европейскими народами права! *Мы должны твердо стоять за свой язык и свою веру!* Впредь своим усердием и тонкостью ума мы должны показать, что мы — христиане, что мы — славяне, братья московцев, сербов и других славянских народов» (курсив наш. — Г. В.). Призыв И. Богорова «твердо стоять за свой язык», обращенный к соотечественникам, как видим, стоит в одном ряду с призывом осознать равенство прав болгарского народа с правами других народов Европы, а совершенствование родного языка, которым болгары, по примеру «христианских и славянских народов», должны заняться, — рядом с возвышением своей народности.

Другой пример. В брошюре «Несколько мыслей о болгарском языке и образовании у болгар» (1852 г.), написанной «по поводу укорительной статьи о болгарях» какого-то грека в газете «Восфорский телеграф», Н. Геров, давая отпор этому греку и его единомышленникам, рассматривает три вопроса: 1) что представляет собой болгарский язык, 2) почему болгары не могут отказаться от своего языка и обучаться на греческом языке и 3) почему болгары не могут отречься от своей национальности и не хотят

стать греками⁹. Уже из самого перечня этих вопросов видно, что вопрос о болгарском языке Н. Геров прямо связывает с необходимостью отказаться от обучения на греческом языке и с защитой национальной самобытности болгар.

На огромное значение родного языка, обработанного и общепринятого в качестве единого литературного языка, неоднократно указывал М. Дринов. Так, в самом начале своей знаменитой статьи «О новоболгарской азбуке» (1870) он писал: «Нет сомнения, что от выработки единого литературно-письменного языка для всех болгарских областей во многом зависит укрепление нашей народности и хороший успех нашего национального развития. Пока разные болгарские области лишены единого общего органа, с помощью которого они могли бы одинаково проявить свою высшую духовную деятельность, до тех пор болгарская литература будет оставаться разобщенной, ее успехи будут слабыми, до тех пор и болгарский мир будет слабо осознавать свое национальное единство, свою духовную силу и могущество»¹⁰.

С дальнейшей судьбой народа, с проблемой национального самосохранения непосредственно увязывались иногда даже графика и орфография. Это хорошо видно на примере отношения Н. Палаузова к опыту фонетического правописания, предложенному Й. Добровским в его «Мирозрении» (1850), и к болгарской грамматике Цанковых, написанной на немецком языке и изданной ими в Вене в 1852 г.¹¹ В письме от 14 марта 1852 г. В. И. Григоровичу этот видный деятель болгарского Возрождения, живший в Одессе, подвергает острой критике графическую систему и правописание Й. Добровского (Й. Добровский ввел фонетический принцип правописания, выбросил буквы *я, ѣ, ю, ы, ъ, ь*, вместо *й* писал *i*), которые, по мнению Н. Палаузова, суть «непростительное подражание западным народам» и свидетельствуют о том, что такого рода «вольнодумцы хотят лишить язык свойствен-

⁹ Геров Н. Няколко мисли за бългaрският язык и за образованието у българити. Цариград — Галата, 1852, с. 10.

¹⁰ Дринов М. За новобългарското азбуке. — Периодическо списание, кн. 2, 1870, с. 9.

¹¹ A. und D. Kyriak Cankof. Grammatik der bulgarischen Sprache. Wien, 1852.

ных ему преимуществ» и «отличительной физиономии»¹². «Разительным примером» того, что «подобные ребятишки делают много вреда, сбивая неопытных, простодушных болгар», служит, по его словам, упомянутая грамматика Д. и К. Цанковых, в которой весь иллюстративный материал болгарского языка передается не кириллицей, а латиницей с добавлением дополнительных знаков для передачи некоторых болгарских звуков (например, ъ). По поводу этой грамматики Н. Палаузов писал В. И. Григоровичу: «Теперь уже появилась в печати болгарская грамматика латинскими буквами. Не сумасбродство ли это? И что из этого выйдет, если неопытные болгаре последуют этому кривописанию? *Они или олатынятся, или онемечатся*, и странно, западные славяне стараются ввести у себя кирилловский алфавит, и посредством этого сблизиться с своими родичами, а сии последние (т. е. болгары. — Г. В.) дурачатся, *вводят латынщину и сами себя губят*. Надобно образумить этих Лютеров славянских, а то, пожалуй, *наделают много зла, которое трудно после исправить*. И придет же в голову такая дурь! Видно эти книжники хотят заслужить славу реформаторов, хороша слава! Точно так, как некогда какой-то сумасброд, чтобы оставить свое имя незабвенным в истории, сожег знаменитый храм Дианы, подобных реформаторов я бы сожигал на кострах, составленных из их книг и алфавитов» (курсив всюду наш. — Г. В.)¹³. Н. Палаузов, таким образом, использование латинского алфавита для передачи болгарских слов или замены некоторых старых букв кириллицы и само издание болгарской грамматики на немецком языке квалифицирует прямо как шаг к утрате болгарскими национальной самобытности, как шаг на пути латинизации или германизации. Именно это отступничество отдельных болгар от традиционного письма, грозящее трудно поправимыми последствиями, равносильно, по мнению Н. Палаузова, предательству по отношению к своему народу.

Существенной особенностью движения за формирование национальной культуры у болгар было, как известно,

¹² Никулина М. В., Великов С. Писма на Николай Христофоров Палаузов и Спиридон Николаев Палаузов до Михаил П. Погодин и Виктор И. Григорович. Известия на държавните архиви, кн. 27, 1974, с. 109.

¹³ Там же.

то, что своим острием оно было направлено на освобождение прежде всего от духовного (в широком смысле слова) гнета греков, а не турок — господствующего этнического элемента Османской империи. Поэтому и борьба против грекомании, против приверженности к греческой образованности и непосредственно связанной с этим приверженности к греческому языку как языку школы, литературы, богослужения, столь характерной для части болгарского общества того времени, представляла собой важную, а в отдельные периоды — и главную часть общей борьбы за права болгарского языка в разных сферах формировавшейся национальной культуры. Турецкий язык — язык господствующей нации — в силу существовавших в Османской империи в XIX в. социально-исторических условий не был серьезным препятствием для болгар на пути создания ими своей культуры, и борьба против него шла в основном с более или менее ярко выраженных пуристических позиций. Характерной чертой борьбы болгар за права родного языка было, таким образом, то, что она была направлена против использования генетически далекого для них греческого языка, а не языка близкородственного. С этим связано, в частности, весьма доброжелательное отношение болгар к отдельным славянским языкам, видевших в них не барьер на пути развития собственной школы, литературы и т. д., а в известной мере образец и источник совершенствования, обогащения родного языка и шире — одно из вспомогательных средств к ускоренному развитию указанных и других областей своей культуры на основе использования достижений родственных славянских народов. В этом отношении особенно большое значение придавалось, как известно, русскому языку. Тот факт, что другие славяне — русские, чехи, поляки, сербы — пользовались родным языком в школе, на своем языке издавали литературу, журналы, газеты и т. д. служил для болгар как бы дополнительным стимулом к энергичной борьбе за права родного языка, за создание своего богатого литературного языка, ибо униженное положение языка народа, давшего славянству письменность и первые переводы книг священного писания на славянский, т. е. древнеболгарский, язык, рассматривалось как историческая несправедливость, с которой необходимо покончить.

Наиболее остро проблема родного языка с самого начала была связана с задачами просвещения, создания на-

циональной школы — с «великим вопросом о наших школах», как называл его впоследствии Петро Славейков¹⁴. В движении за развитие народного образования у болгар было много общепросветительских идей, но вместе с тем они самым тесным образом переплетались с задачами формирования национальной культуры и национального самоутверждения, с задачами освобождения от инонационального духовного гнета. В области образования это сводилось прежде всего к освобождению от греческого засилия в школе, к отказу от греческой образованности и к созданию собственной, национальной школы с преподаванием на родном языке как необходимой предпосылки развития литературы и других областей национальной культуры. Трудная борьба за такую школу, за широкое развитие сети болгарских школ, способствовавшая росту и национального самосознания и национально-освободительному движению, представляет собой одну из замечательных страниц всей истории болгарского Возрождения.

В борьбе за создание национальной школы язык занимал ведущее место. Пожалуй никакой другой вопрос организации школьного дела деятели Возрождения не отстаивали в течение длительного времени с таким горячим участием и настойчивостью, как вопрос о том, что болгары должны получать образование в своих школах и на своем, родном языке и что источники знаний они должны черпать из книг, написанных на этом языке. Здесь нет необходимости подробно освещать аргументацию, которая приводилась в защиту этого важного положения. Отметим только, что учение на родном языке рассматривалось как весьма существенная предпосылка укрепления национального самосознания и сохранения здоровых сил нации и что отказ от учения на родном языке квалифицировался как предательство национальных интересов. Хорошо известно отношение Паисия Хилендарского к отцегругателям, к тем болгарам, кто отступился от своего рода и языка, презирал их и стыдился называться болгаринном. Такие болгары «са прости и глупави и не имеют речи политични»¹⁵.

¹⁴ См. его статью «Новата фаза на нашето обществено развитие». — Македония, год. III, № 30 от 26/VI 1869.

¹⁵ История славеноболгарская, с. 6.

Столь же отрицательным, осудительным было отношение к отступникам от родного языка и его хулителям со стороны многих деятелей Возрождения. Показательно, в частности, мнение Партения Зографского о необходимости начального образования на родном языке. В одном из учебных пособий, предназначенных для детей, он наставлял своих юных читателей: «Учись грамоте сначала на своем языке; после, если у тебя будет время, учись и на других языках». Другое наставление: «Тот, кто учится грамоте только на чужом языке, а не на своем, как делают некоторые из наших болгар, уподобляется тем, кто отрекается от своей матери и вместо нее берет себе другую». Мать же, указывает Партений Зографский, никто не ненавидит и никто не отрекается от нее: «не только люди не делают этого, но и животные», так что тот, «кто отрекается от своего народа, ниже самой последней скотины»¹⁶.

Не менее важное значение придавалось родному языку как важнейшему средству ускоренного приобщения болгарского народа к достижениям духовной (и не только духовной) культуры. Об этом писали многие. Так, Н. Геров писал: «Итак, чтобы легче стать образованными людьми и скорее достичь подлинного просвещения, мы должны обучаться на своем языке и писать книги на таком языке, какой мы употребляем в речи»¹⁷. Необходимость такого подхода к народно-разговорному языку как средству обучения и получения знаний для Н. Герова, как и для многих его единомышленников, очевидна. «Написанные на этом языке книги, — указывал он, — поймет каждый болгарин, даже и тот, кто не имел счастья много учиться, лишь от одного чтения изо дня в день приобретет он новые знания. Ребенок, стоит ему только научиться читать, сможет начать изучать землеописание, бытописание, арифметику и другие науки, слушая и читая на том языке, которому с малолетства его научили отец и мать»¹⁸.

Первостепенное значение для дальнейшего национального развития придавал обучению на родном языке и Петко Славейков. Он подчеркивал (1869), что учение на родном языке — это самый прямой путь к просвещению, к образованию народа, это «первое и возможное средство»,

¹⁶ Зографский П. Начальное учение за децата. Цариград—Галата, 1858, стр. 33.

¹⁷ Геров Н. Няколко мисли, с. 35.

¹⁸ Там же.

которое «скорее откроет нам глаза на то, что пужно для нашего прогресса, для нашего благосостояния и благоденствия»¹⁹.

В движении болгар за права родного языка в эпоху возрождения можно выделить два периода.

Первоначально, примерно до середины 30-х годов речь шла о приложении болгарского языка вообще как антиязыка греческому языку, засилие которого в школе, церкви, в других общественных сферах и даже в быту части наиболее состоятельных ремесленников, торговцев и зарождавшейся интеллигенции становилось все более широким и угрожающим. Вопрос о родном языке ставился сначала не столько в плане необходимости литературной обработки, нормализации, направленной на создание единого, общеполгарского литературного языка, сколько в том плане, чтобы убедить или, может быть, на первых порах приучить болгар к мысли о пригодности их языка для выполнения тех функций, какие выполняют уже развитые языки просвещенных народов. На первом месте здесь стоял вопрос о пригодности болгарского языка как учебного языка в школах и вообще как языка, на котором можно и нужно учиться читать и писать. Хорошо известно, что уже Паисий Хилендарский призывал соотечественников говорить и читать не по-гречески, а по-болгарски. Его призыв знать родной язык и учиться на нем («Ти, болгарине, не прелашай се, знай свой родъ и языкъ и учи се по своему языку») оставался весьма актуальным на протяжении многих десятилетий. П. Берон, В. Априлов и другие видные деятели эпохи Возрождения настоятельно советовали, убеждали болгар в необходимости начинать образование на родном языке, ссылаясь и на опыт европейских народов.

Существенно, что на этой стадии борьбы за права родного языка в русле общего движения за национальное возрождение еще не проводилось разграничение между живым, народно-разговорным болгарским языком и языком книжным, который был представлен разными типами или вариантами, различавшимися прежде всего разным соотношением в них элементов церковнославянской письменной традиции, восходящей в конечном счете к древнеболгарскому языку, и элементов живой речи, отражающих

¹⁹ *Славейков П.* Всинца наши за нас си. — «Македония», год. 1, № 33, 15.VIII. 1867.

особенности местных диалектов. Конечно, значительная разница между народно-разговорным и функционировавшим тогда церковнославянским языком ощущалась болгарами довольно явственно, но в плане противопоставления «родной язык — неродной (в данном случае — греческий) язык» как народно-разговорный, так и церковнославянский рассматривались болгарами как язык родной.

Впоследствии, начиная со второй половины 30-х годов, проблема родного языка приобретает иной аспект. Появление светских школ с преподаванием на болгарском языке (Габровское училище было открыто в 1835 г.), расширение книгопечатания, зарождение новой литературы остро поставили перед болгарами задачу преодоления господствовавшего в школе и книгопечатании языкового разнообразия (в грамматике и особенно в орфографии и графике), т. е. задачу нормализации, создания единого, общеполитического литературного языка. Теперь акцент ставился уже не просто на родной язык, а на единый, в определенной степени нормализованный литературный язык (на первых порах преимущественно в его письменной разновидности), хотя проблема «родной язык — неродной язык» продолжала еще оставаться актуальной до середины XIX в.

Создание единого болгарского литературного языка, необходимость которого по существу никто из образованных и патристически настроенных болгар не оспаривал, стало рассматриваться болгарской интеллигенцией как одна из важнейших и первоочередных задач общенационального значения. С успешным решением этой задачи непосредственно связывался дальнейший прогресс в образовании, литературе и других областях складывавшейся национальной культуры.

Уже Неофит Рильский, первым поставивший вопрос о необходимости создания единого, нормализованного литературного языка, писал в 1835 г., что пробуждающиеся от долгого сна и невежества болгары должны срочно усовершенствовать и нормализовать свой язык («да вообразят безобразието на болгарския язык»), чтобы со временем и они могли «пить и наслаждаться вкусной и прозрачной водой своих, а не чужих источников»²⁰.

Именно с нуждами просвещения народа связывал В. Априлов (1836 г.) необходимость «устройства языка»

²⁰ *Рилски Н.* Болгарска граматика сега перво сочинена. Крагуевац, 1835, с. 1—2.

таким образом, чтобы совместными усилиями образованных людей была выработана «единая система» или «общая система», т. е. единый литературный язык, которому впредь должны следовать школы и все образованные болгары. То, что необходимость в «общей системе» диктовалась, по мнению В. Априлова, прежде всего насущными задачами просвещения, видно уже из названия письма, с которым он обратился к своим ученым соотечественникам. Это знаменитое письмо, полный текст которого лишь недавно был обнаружен и издан И. Снегаровым, называется «Мнение В. Априлова относительно просвещения народа» (курсив наш. — Г. В.), но в нем речь идет преимущественно и главным образом о том, каким должен быть литературный язык и каким путем следует установить его единство. «Мнение» начинается словами о том, что нормализация болгарского языка вызывается прежде всего задачами просвещения: «По примеру новых европейских языков непременно необходимо, особенно в начале просвещения народа, чтобы и наши соотечественники в настоящее время сделали разговорный славянский язык более легким и более гладким»²¹. Мыслью о просвещении, с которым связано будущее Болгарии, и заканчивает В. Априлов свое «Мнение»: он призывает «наших образованных людей» рассмотреть его соображения, изложенные в «Мнении», и «осветить путь к просвещению нашего народа, и наше прекрасное отечество станет еще краше»²².

Несколько позднее И. Добровский подчеркивал (1850), что создание «письменного славяноболгарского языка» — это «исключительно важный и очень нужный предмет»²³. В конце 60-х годов Т. Икономов, редактор издававшегося в Болграде журнала «Общий труд» писал: «Обработка («разработването») языка, особенно языка нового, еще не установившегося, каким является наш болгарский, должна составить самую важную и существенную сторону развития и просвещения народа»²⁴. На первостепенное значение создания единого литературного языка неодно-

²¹ См. «Мнение на Василий Априлов относено просветата на народа». — Известия на Архивния институт, кн. 1, 1957, с. 219.

²² Там же, с. 224.

²³ См. «Мирозрение», 1850, I, стр. 44.

²⁴ [Икономов Т.] Програма за събиране образци по народната устна словесност и местни наречия. — Обшт труд, год. I, кн. 1, 1868, с. 1.

кратно указывала и газета «Цариградски вестник». Так, в одной из статей она писала (1859), что создание такого языка — это «животрепещущее, важное и чрезвычайно необходимое для умственного и нравственного развития болгарского народа дело»²⁵. В статье говорилось, что с созданием единого литературного языка болгарская литература обретет крылья, с помощью которых она достигнет «достойных и похвальных успехов». Даже устранение орфографических различий и выработка единых норм правописания рассматривались как одна из самых важных и необходимых предпосылок развития новой болгарской литературы. «Что бы ни было сделано другое, — писал (1865) В. Стоянов, один из будущих основателей и активных деятелей «Болгарского научно-литературного общества» в Браиле, — наш язык и наша литература никогда не увидят успехов и прогресса», если не будет создано «хорошо устроенное правописание»²⁶.

Следует особо подчеркнуть, что необходимость единого литературного языка нередко прямым образом связывалась с самим существованием болгар как самостоятельного народа. «Раз мы называемся болгарами, — говорилось в упомянутой выше статье из газеты «Цариградски вестник», — то мы должны иметь и единый язык болгарский». Именно в единстве литературного языка видели многие деятели Возрождения и признак единства, и средство единения, сплочения болгарского народа. Известный книгоиздатель прошлого века Х. Данов писал (1869), что создание «общей болгарской грамматики» (т. е. единого литературного языка) позволит болгарам «сохраниться навсегда и быть всем, как были и до этого, единым народом»²⁷. Учитель П. Иванов указывал (1871), что «общая грамматика — это самая прочная связь («врѣска») народа, сколь бы далеки ни были друг от друга его элементы и какой бы совершенно непонятный провинциализм не господствовал между ними»²⁸. «Если мы один народ, —

²⁵ См. статью «Предмет за болгарский език» в «Цариградски вестник», год. 9, № 456 от 19.XI.1859.

²⁶ См. письмо В. Стоянова от 9/19.VIII.1865, опубликованное в газете «Въсток», год. I, № 15 от 31.VIII.1865.

²⁷ См. «Летоструй», год. I, 1869, оборот л. 1. См. также заметку «Мнение за българското правописание» в «Македония», год. III, № 10, от 1.II.1869.

²⁸ *Иванов П.* Языкословии размишления. — Македония, год. V, № 38 от 20.IX.1871.

подчеркивал он в другом месте, — то мы должны иметь один литературный язык и одну грамматику»²⁹. Ср. и приведенную выше цитату из статьи «О новоболгарской азбуке» М. Дринова.

Число подобных высказываний о первостепенном значении единого литературного языка для дальнейшего развития национальной культуры и самой нации можно легко умножить.

Задачу создания такого языка нетрудно было провозглашать, но ее сложно было выполнить. Целый ряд лингвистических факторов (отсутствие непрерывной и достаточно сильной литературно-письменной традиции накануне Возрождения, ограниченной к тому же рамками преимущественно конфессиональной литературы, значительная диалектная дробность болгарского языка, влияние разных филологических школ в самой Болгарии и за ее пределами, в частности в Греции и др.) явился причиной того, что с самого зарождения идеи о необходимости создания единого для болгар литературного языка возникли и острые споры о характере этого языка (его церковнославянской или народно-разговорной основе), выборе диалектной базы, путях нормализации и совершенствования грамматики, лексики, правописания и др. Ввиду возникших разногласий сама дискуссия, широкий обмен мнениями по вопросам литературного языка рассматривался многими как важная предпосылка выработки его единых норм. Поэтому и участие в обсуждении таких вопросов, направленном на скорейшее создание литературного языка, постепенно стало осознаваться как долг и даже священный долг всех образованных болгар, а нежелание изложить собственный взгляд по тем или иным вопросам совершенствования и нормализации языка квалифицировалось иногда как непатриотическое и даже преступное отношение к нуждам народа.

Одним из главных, если не главным в собственно языковой проблеме был вопрос о том, каким должен быть единый, общebolгарский язык и каким путем он должен сформироваться и утвердиться. По этому вопросу существовали разные точки зрения, которые можно свести к двум основным, представляющим два принципиально

²⁹ *Иванов П.* Българска граматика по македонско наречие от г-на Мачуковски. — Право, год. VII, № 35, от 30.X.1872.

разных направления в нормализации литературного языка.

Согласно одной точке зрения, которую развивали так называемые архаисты (К. Фотинов, Хр. Павлович и др.), болгарский литературный язык должен ориентироваться не на народно-разговорный, а на церковнославянский язык и должен представлять собой несколько приближенный к народному языку, но церковнославянский в своей основе язык. Это направление не имело в Болгарии достаточно большого числа приверженцев и сравнительно быстро, уже к середине 40-х годов, сошло со сцены, хотя отдельные отголоски его давали о себе знать и позднее. Думается, что одной из причин непопулярности и недолговечности этого направления был сам характер прокламируемого им литературного языка. Лишенный целого ряда характерных особенностей живого болгарского языка, содержащий многие особенности церковнославянского языка, давно утраченные живым языком болгар, он казался искусственным, был довольно далек от народно-разговорного языка и потому был недостаточно понятным тем из болгар, кто не изучал его специально (срв. и причину непопулярности журнала К. Фотинова «Любословие»). В атмосфере широкого стремления к развитию образования, литературы, журналистики и т. д., порожденного наступившими глубокими социально-экономическими сдвигами, такой язык, как полагали многие деятели Возрождения, не мог быть эффективным средством развития разных областей национальной культуры.

Преобладающим было другое направление, представители которого (В. Априлов, И. Богоров и многие другие) были убеждены в том, что единый литературный язык следует строить на основе народно-разговорного языка, должным образом обработанного и обогащенного из разных источников. Считалось, что именно такой язык, понятный всем болгарам, наиболее пригоден для скорейшего приобщения широких кругов населения к знаниям и достижениям культуры, для развития новой литературы и т. д. На эту сторону литературного языка на народно-разговорной основе, в котором остро нуждалась формирувавшаяся нация, и акцентировали внимание многие из его приверженцев.

Так, И. Богоров писал (1846 г.), что потребности в быстром образовании народа диктуют, чтобы в основу

литературного языка была положена народная речь и с учетом последней было составлено единое правописание. Именно народный язык, подчеркивал он, — это «самый прямой путь, идя по которому, человек может легче постичь науку, ибо то правописание наиболее совершенно и тот язык наиболее сладок, который хорошо понимает наш народ, когда слушает его или читает на нем»³⁰. На этом Н. Богоров настаивал и впоследствии. Четверть века спустя (1871 г.) он подчеркивал, что литературный язык, основанный на живом народном языке, — важнейшее условие быстрого развития образования. «К просвещению народа, — писал он, — нет другого более короткого пути, кроме его родного языка»³¹.

Таким же было мнение и подавляющего большинства других деятелей болгарского Возрождения, боровшихся за создание национальной культуры.

Как известно, современный болгарский литературный язык сформировался на основе народно-разговорной речи, благодаря чему он с самого начала был понятен и доступен народным массам. Это обстоятельство в значительной мере способствовало достаточно быстрому развитию (всего за несколько десятилетий) широкой сети светских школ, литературы, которая ускоренным темпом прошла путь от синкретизма к разнообразным жанрам современной литературы; оно способствовало развитию периодики и других областей складывавшейся национальной культуры.

О некоторых предпосылках создания единого болгарского литературного языка

Создание единого литературного языка — сложная и трудная проблема, в которой тесно переплетаются объективные и субъективные факторы, определяющие пути развития литературного языка с начала его возникновения и повороты на том или ином отрезке его развития.

Выше уже было кратко отмечено своеобразие некоторых общественно-исторических и культурно-исторических условий Болгарии, в которых формировался болгарский литературный язык в эпоху возрождения и которые дикто-

³⁰ См. «Българский народен известник», № 2 от 20.IX.1846.

³¹ Богоров И. Третьо упътване за българский език. — Читалище, 1871, кн. 21, с. 644.

вали книжникам той поры определенный подход к решению как общих, так и частных задач устройства языка. Важнейшим из этих условий следует признать перерыв в книжно-письменной традиции, которым в значительной степени объясняется постановка вопроса о двух основных путях создания литературного языка, на которых настаивали книжники 30—40-х годов прошлого столетия. Другое важное объективное условие — диалектное разнообразие живой болгарской речи, которое сильно затрудняло выбор определенной диалектной основы литературного языка с самого начала его формирования.

Кроме этих и других объективных условий, которые мы подробнее здесь не рассматриваем, существовал целый ряд важных условий, или предпосылок, формирования литературного языка, связанных непосредственно с целенаправленной или «стихийной» деятельностью самих книжников данной эпохи, усилиями которых в конечном счете и создавался этот язык. Речь идет о тех условиях (предпосылках), которые должны были создать сами книжники и от которых в большей или меньшей степени зависело устройство собственно структурных особенностей, орфографии и других элементов литературного языка. Это были, таким образом, условия (предпосылки) субъективного свойства. Книжники в своей совокупности понимали, что эти предпосылки играют большую роль в создании литературного языка, о чем убедительно говорит уже само деятельное участие их в обсуждении и постановке тех задач, которые они сами должны решать в порядке предварительных условий формирования общего для всех болгар литературного языка.

Ниже рассматриваются некоторые из таких предпосылок. Мы ограничиваемся здесь рассмотрением только тех из них, которые в наибольшей мере свидетельствуют о том, сколь важное значение деятели Возрождения придавали созданию литературного языка в рамках всего культурно-национального движения той эпохи.

В качестве одной из важнейших предпосылок создания единого литературного языка рассматривалась необходимость широкого и свободного обмена мнениями по самым разным вопросам — общим и частным, грамматическим и орфографическим и т. д., касающимся быстрейшего решения назревшей общенародной задачи. Именно в обмене мнениями многие деятели Возрождения видели

залог того, что будут выработаны общеприемлемые и наиболее соответствующие нуждам народа и эпохе нормы литературного языка, что таким образом будут устранены возможности навязать всем болгарам субъективные взгляды отдельных лиц на устройство языка, будут наиболее успешно преодолены острые разногласия по многим спорным вопросам и т. д.

Такое или близкое к этому понимание важности об-мена мнениями находим уже у первых грамматистов и других книжников, открывших начальные страницы истории нормализации современного литературного языка.

Так, Неофит Рильский (1835) считал, что лучшим способом разрешения спорных и неясных вопросов в «исправлении» языка является изложение каждым своего мнения по этим вопросам. Он в частности находил целесообразным обсудить вопрос о том, в какой части Болгарии говорят на болгарском языке наиболее чисто («най-чисто и приискренно»), и лишь после этого, учтя «многие и различные мнения», составить грамматику болгарского языка и ввести ее на деле в употребление³². Сам Неофит показал этому пример, изложив в знаменитом «Филологическом предуведомлении» к «Болгарской грамматике» свое мнение — «ошибочное или правильное» («криво или право»)³³, как он писал, — о том, каким должен быть болгарский литературный язык и каким образом он может и должен быть создан. Так же и В. Априлов изложил свою точку зрения на устройство единого литературного языка в не менее знаменитом циркулярном письме, озаглавленном «Мнение Василия Априлова относительно просвещения народа» (1836), которое было написано на греческом языке и разослано им «всем (болгарским) ученым»³⁴. В. Априлов призывал своих образованных соотечественников рассмотреть его письмо и высказать свои соображения по затронутым в нем вопросам. Это, указывал он, осветит путь к просвещению народа, и «наше прекрасное отечество станет еще лучше»³⁵. А зачинатель болгарской

³² Рилски Н. Болгарска граматика, с. 4.

³³ Там же.

³⁴ См. письмо В. Априлова Ю. И. Венелину от 10.XII.1837 в кн.: Венелин Ю. О зародыше новой болгарской литературы. М., 1838, с. 44.

³⁵ См. «Мнение на Василий Априлов относено просветата на народа». — Известия на Архивния институт, кн. 1, 1957, с. 224.

журналистики К. Фотинов писал, что, если каждый книжник изложит свое мнение и даст свой совет, то это будет «большой пользой для исправления языка и его улучшения»³⁶.

Нужно сказать, что сначала призывы первых приверженцев нормализации языка к современникам обмениваться мнениями по языковым вопросам не находили достаточного широкого и ожидавшегося ими отклика. Не без горечи и некоторого удивления это констатировал в 1845 г. К. Фотинов. Ответом на его обращение к отечественникам принять участие в устранении «языкового несогласия»³⁷, иными словами — в устройстве единого литературного языка, было молчание. «Но ни глас, ни слышание!» — восклицал он³⁸.

Причин такого отношения, вероятно, много. Одна из них безусловно заключалась в том, что в 30-е и в начале 40-х годов еще вообще было мало достаточно образованных болгар, которые бы могли последовать примеру В. Априлова и Неофита Рильского и выступить с какой-либо собственной программой устройства литературного языка.

Однако постепенно, особенно в 50—60-е годы, обмен мнениями стал весьма оживленным; по существу он превратился в широкую и порой острую дискуссию по разнообразным вопросам формировавшегося литературного языка, в которую оказались вовлеченными многие люди с разной общеобразовательной и филологической подготовкой, с разными представлениями о характере литературного языка, путях его нормализации и т. д. Всех их объединяло убеждение и уверенность в том, что именно взаимный обмен мнениями по этим вопросам сыграет важную или даже решающую роль в установлении единых правил литературного языка.

Весьма характерно в этом смысле мнение Г. Мирковича. Он полагал, что изложение каждым образованным болгаринном своих взглядов по общим и частным вопросам языка, критика взглядов других грамматистов, уточнение уже предложенных правил (т. е. то, что и составляет содержание обмена мнениями) — единственное средство ис-

³⁶ Фотинов К. Понятие (познание) за древност (старост) славенска. Любословие, 1845, с. 192.

³⁷ Фотинов К. Указ. соч. — Любословие, 1844, с. 16.

³⁸ Фотинов К. Указ. соч. — Любословие, 1845, с. 192.

правления языка болгарской письменности. Изложив свой взгляд на формы и типы спряжения глаголов, он подчеркнул (1859): «Мы сказали то, что считали более правильным и лучшим, и считаем, что так должен поступить каждый, кто думает о пользе нашей письменности»³⁹. Если каждый образованный болгарин не выскажет своего мнения по вопросам языка, подчеркивал В. Стоянов (1865) — один из будущих основателей «Болгарского литературного общества» в Браиле, то, «что бы ни было сделано другое, наш язык и наша литература никогда не увидят успеха и прогресса»⁴⁰.

Изложение собственных взглядов, какими бы они ни были, по вопросам нормализации языка с самого начала многими рассматривалось как долг каждого образованного болгарина и патриота перед своим народом, его благополучием и будущей судьбой. В. Априлов указывал, что «долг и любовь к соотечественникам» — это те чувства, которые побудили его выступить с упоминавшимся уже «Мнением»⁴¹, представляющим собой настоящий филологический трактат об устройстве болгарского литературного языка. Со временем, когда споры о характере и путях нормализации литературного языка углублялись и расширялись и когда в связи с этим обмен мнениями приобретал, как полагали многие, первостепенное значение, изложение каждым своих взглядов по вопросам языка стало рассматриваться уже не просто как долг, а как священный долг подлинного патриота. В. Стоянов-Берон (1859), например, считал «священным долгом изложить всенародно свое мнение» о том, как следует сделать болгарский язык «правильным»⁴². Неизвестный «доброжелатель литературы» (1859) указывал, что изложить мнение, которое бы способствовало устранению языкового произвола и воспрепятствовало утверждению продиктованных личными мотивами взглядов отдельных писателей — это

³⁹ *Миркович Г. В.* Кратко изложение за наредбата на глаголити в ново-българският язык. — Български книжици, 1859, ч. 3, с. 827.

⁴⁰ См. письмо В. Стоянова от 9 (19). VIII. 1865 г. из Праги, опубликованное в газете «Восток», год. I, № 15 от 31.VIII.1865.

⁴¹ См. «Мнение» В. Априлова в «Известия на Архивния институт», кв. I, 1957, с. 220.

⁴² *Стоянов-Берон В.* Първа българско-френска граматика с едно изложение за българското правописание. Букурещ, 1859, с. V.

священный долг каждого «добросовестного патриота»⁴³. Несколько позднее В. Стоянов (1865) с волнением писал о «священном долге каждого ученого болгарина изложить свое мнение» о том, как составить «хорошо устроенное правописание» — одну из самых важных и необходимых предпосылок создания болгарского литературного языка и развития новой болгарской литературы. При этом он призывал своих соотечественников изложить свои мнения по этому предмету «как можно скорее в болгарских газетах, чтобы и это дело скорее было завершено»⁴⁴.

Некоторые книжники указывали даже, что никто не должен стесняться излагать свое мнение из боязни, что оно может оказаться спорным или ошибочным, поскольку при выработке общеобязательных правил единого литературного языка надо учитывать совокупность разных точек зрения по соответствующим вопросам языка. С этим непосредственно связаны и призывы отдельных книжников писать так, кто как может, не боясь «неправильностей» своего языка. Так, Й. Константинов, горько сожалевший по поводу царившего разнообразия в грамматике и орфографии⁴⁵, писал в начале 50-х годов, что создание единого литературного языка окажется невозможным, если все книжники не изложат своего мнения, в том числе и неправильного. «Если мы не будем писать неправильно, — отмечал он, — то мы никогда не будем писать правильно; если мы не будем ошибаться, то мы никогда не исправимся»⁴⁶. Поэтому каждый книжник, считающий «неправильными» изданные книги, должен указать путь к правильному болгарскому языку, сочинить его правила и обосновать их, и тогда все дружно последуют за ним. Прежде чем кого-либо осуждать, каждый должен представить свои правила. Но и после этого он должен не осуждать других, а призвать их ознакомиться с его правилами. В противном случае такой книжник будет подобен старому

⁴³ См. статью «Литературни бележки» в «Цариградски вестник», год. 10, № 416, от 31.I.1859.

⁴⁴ См. письмо В. Стоянова от 9(19). VIII.1865 г., опубликованное в «Въсток» год. I, № 15, от 31.VIII.1865.

⁴⁵ «Мне одинаково жалко и себя и мою Болгарию, — писал Й. Константинов, — и когда я читаю болгарские книги, у меня краснеют уши и щеки от наших неправильных изданий» (см.: *Константинов Й.* Не е право хладнокровие да показуваме верху наше славеноболгарство. — Цариградски вестник, год. 2, № 92, 19.VII.1852).

⁴⁶ Там же.

раку, который говорит молодому, чтобы тот шел вперед, а не назад. «Но если он не видел, как нужно идти вперед, то как он может идти?» — спрашивает Й. Константинов⁴⁷.

Не удивительно, что в такой атмосфере всеобщей в кругах интеллигенции заинтересованности в скорейшем создании единого литературного языка нежелание обменяться мнениями, изложить собственный взгляд по тем или иным вопросам нормализации языка квалифицировалось некоторыми как непатриотическое и даже преступное отношение к нуждам народа. Партений Зографский (1857), например, называл «врагом и недоброжелателем своего народа» всякого болгарина, имеющего какое-либо суждение по вопросам устройства языка, но держащего это суждение при себе⁴⁸.

Сознавая необходимость изложения собственных взглядов на устройство литературного языка, некоторые деятели Возрождения в силу одних или других обстоятельств были не в состоянии своевременно выполнить свой священный долг и испытывали от этого большие угрызения совести. Г. Крыстевич, например, еще в 1844 г. по просьбе Р. Поповича составил свои известные «Письма о некоторых трудностях болгарского правописания», которыми он хотел помочь «ввести какую-либо правильность и упорядоченность в наше новоболгарское правописание»⁴⁹. Он обещал их опубликовать и в 1850 г., но по разным причинам они увидели свет только в 1858 г. И все эти годы, признавался Г. Крыстевич, издание «Писем» было для него «болью сердца, ибо обещал народу, а обещание свое не выполнил»⁵⁰.

Выступление в печати с собственной системой правил было сопряжено у некоторых книжников с глубокими внутренними переживаниями и сомнениями в том, что предлагаемые ими правила будут не поняты и отвергнуты

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ См. его статью без заглавия в «Цариградски вестник», год. 7, № 315 от 9.II.1857.

⁴⁹ *Крыстевич Г.* Писма за някои си мъчности на българското правописание. «Български книжици», год. 1, 1858, ч. 1, с. 311. Значение «Писем» Г. Крыстевича в действительности гораздо шире, так как в них рассматриваются не только вопросы правописания, но и некоторые общие вопросы нормализации литературного языка.

⁵⁰ Там же.

и что их труд, таким образом, окажется бесполезным. Ярким примером подобного рода драматических волнений может служить И. Стоянов, который писал (1844), что он долго и много размышлял над правописанием, казавшимся ему наиболее подходящим, удобным («много угодно»). Но пример других сочинителей, признавался он, говорил ему, что никто не станет разделять его мнение об этом правописании, ибо оно будет воспринято как частное и пристрастное или как местное, т. е. непригодное для всех болгар. И. Стоянов допускал, что, даже если его мнение о нормализации правописания и правильно, оно все равно будет лишено значения и всякой важности в глазах его читателей, ибо оно изложено им — их современником⁵¹.

Предполагалось, что обмен мнениями должен носить свободный характер, т. е. что каждый, желающий принять участие в обсуждении стоявшей перед обществом проблемы, имеет право свободно высказать собственное мнение по тем или иным вопросам, как и собственное отношение к позиции других участников дискуссии. Только свободный, не ограниченный какими-либо предварительными условиями обмен мнениями, как отмечалось неоднократно в работах по вопросам языка, будет действительно полезным, ибо он позволит уяснить спорные вопросы, учесть разные точки зрения и на этой основе избрать наиболее правильное решение. «Каждый может, — писали Натанаил Зографский и Захарий Княжеский, — всегда изложить свое мнение о языке, чтобы со временем эти мнения были приведены в порядок»⁵². О значении свободного обсуждения языковых вопросов хорошо сказал Партевий Зографский. Разъяснив свою точку зрения на место разных наречий в создании единого литературного языка и на ряд конкретных вопросов грамматики, он призывал (1857) современников ответить ему «так или иначе», «свободно изложить свои мнения, поправить и дополнить» его точку зрения, если она покажется неприемлемой или неполной. Если же ответных суждений не последует, то нет смысла продолжать дальнейшее рассмотрение на-

⁵¹ См. его послесловие «За употребенното правописание в преводат» к кн.: Православное учение или сокращенно христианско богословие. Цариград, 1844, с. 221.

⁵² [Зографский] Натанаил, Княжеский З. Зерцало или огледало христианское. М., 1847, с. VII.

зревших вопросов. «Тогда и мы замолчим, — пишет П. Зографский, — чтобы не сотрясать понапрасну воздух» («да не биеме воздухо понапрасно») ⁵³. На решающее значение свободного обмена мнениями как базы нормализации языка указывал и В. Стоянов-Берон. Он писал (1859), что болгарский язык можно нормализовать («да се управи и нареди») только в случае, если каждый свободно изложит свое мнение, и на основе изучения и сравнения разных мнений среди них будет установлено «наиболее правильное» («най-право»), которое и должно быть принято всеми («да се общо приемне») ⁵⁴.

Важным условием успеха обмена мнениями признавалось также беспристрастное, объективное отношение к собственным положениям и тем фактам, на которых они базируются. Только такой подход позволит по-деловому разобраться в достоинствах и недостатках предлагаемых путей и средств совершенствования языка. Одним из вопросов, на решении которого особенно сильно и легко сказывались чисто субъективные и потому небеспристрастные факторы, был вопрос о выборе конкретного наречия в качестве базы общего литературного языка. Предпочесть «чужое», неродное наречие в качестве такой базы, отказаться от своего наречия, которое многим казалось наиболее чистым болгарским наречием и потому единственно заслуживающим такой почетной роли, казалось невозможным, немислимым, почти непатриотическим поступком, так как создание литературного языка на «чужом» наречии якобы лишало его необходимых качеств и особенностей. Поэтому именно в выборе диалектной базы языка необходимо было проявить максимум спокойствия, беспристрастия и осмотрительности. Партений Зографский (1857) подчеркивал, что при создании «общего письменного наречия» из «всех частных» разных наречий необходимо отложить в сторону «всякое пристрастие и самолюбие» ⁵⁵. Эту же мысль позднее подчеркивал и К. Шапкарев. Он говорил (1870), что в таком важном деле как выработка норм единого литературного языка

⁵³ См. его статью без заглавия в «Цариградски вестник», год. 7, № 316, от 16.II.1857.

⁵⁴ *Стоянов-Берон В.* Първа българско-френска граматика с едно изложение за българското правописание. Букурещ, 1959, о. V.

⁵⁵ См. его статью без заглавия в «Цариградски вестник», год. 7, № 315 от 9.II.1857.

«нельзя вдохновляться никаким самолюбием», что надо «действовать совершенно беспристрастно»⁵⁶. Почти одновременно с К. Шапкаревым учитель П. Иванов (1872), считая обмен мнениями необходимым условием создания «общей грамматики», писал: «Мнения об этом должны оцениваться беспристрастно, не фанатически, а с пониманием («разборно») и по-человечески»⁵⁷.

Свои суждения относительно общих путей нормализации языка и его конкретных правил авторы грамматик, статей и заметок, посвященных этим вопросам, обычно характеризовали скромно — как посильный вклад в общее дело, который отнюдь не может рассматриваться как решающий и который должен быть непременно признан остальными.

Уже Неофит Рильский дал пример критического отношения к собственным суждениям и готовности отказаться от них в пользу других, более обоснованных и приемлемых. Изложив свою точку зрения на ряд вопросов грамматики (членные формы, падежи и др.), Неофит подчеркнул, что сказанное им — это «только мнение, а не непреложное определение (потому что другой может рассуждать об этих вещах лучше и может изложить лучшее мнение), а когда и другие изложат свои мнения и когда другое мнение окажется лучшим и более основательным, тогда я готов буду сам склонить свою голову перед правдой («да подклоним шията си под правдата»), но не пред самомнением, и последовать за более хорошим и более правильным»⁵⁸.

Аналогичное отношение к собственным взглядам и предложениям демонстрируют позднее и другие грамматисты. Так, В. Стоянов-Берон (1859) свое мнение о некоторых вопросах правописания и грамматики болгарского языка, изложенные им в обширном предисловии к учебнику французского языка, заключает выражением готовности согласиться с любым «справедливым поправлением»⁵⁹.

⁵⁶ Ш[апкарев] К. Языкословие. — Македония, год. IV, № 63 от 3.VII.1870.

⁵⁷ Иванов П. Българска граматика по македонско наречие от г-на Мачуковски. — Право, год. VII, № 34 от 30.X.1872.

⁵⁸ Рилски Н. Болгарска граматика, с. 66.

⁵⁹ Стоянов-Берон В. Първа българско-френска граматика с едно изложение за българското правописание. Букурещ, 1859, с. V.

Изложение собственных взглядов некоторые авторы мотивировали при этом желанием показать пример другим: их собственное «недостаточное» мнение может побудить других изложить свою точку зрения по обсуждаемым вопросам, и в результате такого обмена можно было бы найти наилучшее решение. И. Стоянов (1844), например, указывал, что предложенные им некоторые правила правописания недостаточны для «исправления болгарского языка», и скромно замечал, что, излагая их, он «хотел только побудить любознательных писателей» последовать его примеру и выступить с собственными предложениями по упорядочению языка⁶⁰. Так же и И. Богоров (1848) изложение своей позиции по ряду вопросов грамматики и правописания и критические замечания о языке некоторых его современников (И. Стоянова, И. Момчилова) объясняет не намерением вызвать раскол среди образованных болгар, а желанием побудить каждого из них к поискам лучшего, наиболее правильного решения спорных вопросов⁶¹. Подчеркивалось особое значение обсуждения некоторых частей грамматики формировавшегося литературного языка. Г. Миркович (1859), например, призывал всех, кого занимает проблема языка и прежде всего учителей отнестись с особым вниманием и усердием к описанию глагола, поскольку это — «самая трудная часть» болгарской грамматики⁶². Он указывал, что непреходящая обязанность каждого, кто хоть сколько-нибудь разбирается в глаголе, — изложить о нем свои суждения⁶³. Исходя из этого, и сам Миркович излагает свою точку зрения на спряжение глаголов — для того времени, пожалуй, наиболее интересную⁶⁴. При этом он скромно отмечает, что его описание, возможно, «недостаточно

⁶⁰ См. его послесловие «За употребеното правописание в преводат». — Православное учение или сокращенно христианско богословие. Цариград, 1844, с. 229.

⁶¹ *Андреев [Богоров] И.* Първичка българска словница. Стамбол, 1848, с. 22.

⁶² *Миркович Г.* Краткое изложение за нередбата на глаголите в новобългарският язык. — Български книжици, год. II, ч. 3, 1859, с. 584.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Г. Миркович, в частности, впервые разделил глаголы на два спряжения (I спряжение — глаголы на -ж, -ж; II спряжение — глаголы на -ем, -им) и попытался выделить формы пересказывательного наклонения. Там же, с. 586—588.

в некоторых отношениях», «оно не может еще быть совершенным» и «может быть противно в чем-либо мнению кого-либо»⁶⁵, но он надеется, что если его соображения относительно форм глагола в существующих грамматиках и его собственное мнение об этих формах и не принесут непосредственной пользы в нормализации глаголов, все же они могут по крайней мере пробудить у других интерес и желание заняться описанием глаголов и иных разделов грамматики⁶⁶.

Из сказанного видно, что важное место в обмене мнениями по вопросам литературного языка отводилось критике высказываемых другими суждений, предложений и т. д. Пользу критики понимали, вероятно, все, кто был так или иначе причастен к литературной обработке языка. Было ясно, что критика, указывающая на недостатки языка писателей, переводчиков, газет и журналов, как и на недостатки и неточности положений грамматистов и других книжников, способствует в конечном счете установлению единых норм литературного языка. Критические замечания о языке писателей, переводчиков и других авторов, — указывал Т. Стоянов-Бурмов (1860), — это способ исправления языка и правописания⁶⁷, а некто Н. К. (1857) подчеркивал, что установление единых правил литературного языка — «этот важнейший в нашей литературе вопрос» — невозможно без «критического обозрения и всестороннего рассмотрения»⁶⁸.

Выступления с критикой грамматических положений отдельных авторов рассматривались как своего рода долг перед общественностью и объяснялись желанием принести пользу устройству литературного языка. Н. Пырванов (1868), например, отмечал, что свои замечания на грамматику И. Момчилова он публикует с целью «принести какую-нибудь пользу в обработке самого драгоценного наследия наших отцов — языка»⁶⁹.

Признание важности критического разбора мнений

⁶⁵ Миркович Г. Указ. соч., с. 585.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ См. его примечание к письму Д. Попова (Д. Войникова), опубликованное в «Български книжици», 1860, ч. 2, с. 31, сноски 1.

⁶⁸ См. заметку за подписью «Н. К.» в газете «Цариградски вестник», год. 7, № 311, 12.I.1857.

⁶⁹ Първанов Н. Бележки върх Грамматиката за новобългарския език от Ив. Н. Момчилова. Русчук, 1868, с. 5.

современников, однако, не означало, что критикуемые всегда относились к нему с должным вниманием и пониманием. Это с одной стороны. С другой стороны, и сама критика отнюдь не всегда была беспристрастной, содержательной и справедливой. Острая и предвзятая, она создавала порой нервную обстановку вокруг отдельных авторов и языка их сочинений. В связи с этим в болгарских изданиях эпохи Возрождения неоднократно раздавались призывы к серьезному отношению к критическим замечаниям и к спокойной, деловой критике — к критике без личных нападков и оскорблений. Отмечалось, что к обоснованным замечаниям надо относиться без обиды и даже с благодарностью. Партений Зографский (1857), например, просил всех дополнить его суждения о состоянии и путях совершенствования болгарского языка, специально отмечая, что он не только не будет обижаться на замечания, а наоборот, будет за них благодарен⁷⁰. Примерно в это же время Т. Стоянов-Бурмов также писал, что авторам, переводчикам и другим книжникам не следует обижаться на высказанную в адрес их языка критику, если последняя не переступает дозволенных границ⁷¹.

Критика, однако, нередко переходила рамки объективной оценки языка и позиции отдельных авторов по языковым вопросам. Конкретные ошибки и недостатки языка, слабости теоретических положений некоторых авторов оказывались мишенью, в которую их современники направляли свои критические стрелы. Не всем, естественно, «уколы» таких стрел казались безобидными и заслуженными; часто они воспринимались как личное оскорбление. Со своей стороны, критика языка и взглядов отдельных авторов далеко не всегда была объективной, сдержанной, уважающей их авторское достоинство и мнение. Критики порой не столько обосновывали свой отрицательный приговор языку и предложениям об устройстве языка критикуемых, сколько «одаривали» их насмешками и обвинениями, сплошь и рядом беспочвенными. Естественно, что возможная перспектива быть публично обвиненным в несуществующих грехах сдерживала некоторых от же-

⁷⁰ См. его статью без заглавия в газете «Цариградски вестник», год. 7, № 315, 9.II.1857.

⁷¹ См. его примечание к письму Д. Попова (Д. Войникова), опубликованное в «Български книжици», 1860, ч. 2, с. 31, сноска 1.

лания изложить свои взгляды по обсуждавшимся языковым вопросам или заставляла их выступать не под своей фамилией или вообще анонимно.

Несмотря на громкие голоса, призывавшие каждого образованного болгарина к выполнению его «священного долга» — изложить свое мнение по языковым вопросам, несмотря на призывы к беспристрастности и терпимости в оценке чужих мнений, атмосфера, которая установилась в середине XIX в. среди части авторов разного рода сочинений и их критиков, характеризовалась духом непримиримости, некоторой взаимной враждебности и отчужденности. Показателем этого являются собственно говоря, и сами упомянутые призывы: будь все критические выступления сдержанными, обоснованными, а отношение к ним со стороны критикуемых доброжелательным, не было бы, вероятно, и нужды говорить о том, какой характер должна носить критика. Указанную атмосферу хорошо передает редакционная заметка журнала «Български книжици», опубликованная в 1859 г. Ее автором был, вероятно, Г. Крыстевич, редактировавший в то время этот журнал. В заметке подчеркивалась полезность критики, указывающей на ошибки авторов и излагающей мнение самих критиков. Редакция сообщала, что страницы журнала «Български книжици» открыты не только для любой критики, но и для любого ответа на критику, но призывала и критиков и критикуемых ограничиваться в своих рассуждениях существом предмета и не затрагивать чести и достоинства сочинителей. В противном случае критика не служила бы «на пользу всего народа», а представляла бы собой «какое-то личное пристрастие или отмщение»⁷². В случае несоблюдения этого требования авторами критических статей редакция журнала отказывалась их печатать. «Так поступают просвещенные люди Европы, этого требует здравый смысл, так должны поступать и мы», — заключал автор редакционной заметки⁷³. Вместе с тем в заметке указывалось, что для пользы дела необходима гласность авторства. В редакционном примечании говорилось, что образованный болгарин, пишущий о чем-либо и «особенно о нашей письменности и словесности, должен

⁷² «Български книжици», год. II, 1859, ч. 1, с. 228.

⁷³ Там же. Об этом же писала редакция и несколько позже («Български книжици», год. II, 1859, ч. 2, с. 314, сноски).

обладать похвальной смелостью («дерзост») сообщить свое имя, чтобы читатели знали и критикуемого и критикующего и, следовательно, могли его заслуженно похвалить и приумножить к нему свое уважение, если они найдут, что то, что он написал, он написал хорошо»⁷⁴.

Примером того, какого рода критике мог подвергнуться автор грамматики, могут служить заметки Т. Стоянова-Бурмова о «Грамматике или буквеннице словенской» Х. Сичан-Николова (Цариград, 1858). В первой заметке, опубликованной за подписью «П. . . ва», Т. Стоянов-Бурмов (1859) говорит, что «Грамматика» Х. Сичан-Николова представляет собой плохой перевод французской грамматики, что она дает правила не древнеболгарского, а церковнославянского языка, что особенности принятого в ней правописания не разъяснены и т. д.⁷⁵ По мнению рецензента, эта «Грамматика» свидетельствует о том, что ее автор «не только не знает надлежащим образом французского и славянского языка, но не изучил также главнейших и основных правил болгарского языка, и что он взялся за дело, несоразмерное с его способностями и знаниями»⁷⁶. В этой же заметке Т. Стоянов-Бурмов писал, что похвальный отзыв на «Грамматику», опубликованный в «Цариградском вестнике»⁷⁷, был инспирирован самим Х. Сичан-Николовым и что это «возбуждает негодование в отношении тех, кто так безрассудно играет делом народного образования»⁷⁸. Свою рецензию Т. Стоянов-Бурмов сопроводил следующим письмом в редакцию журнала «Български книжици»: «Покорнейше прошу вас поместить в ближайшем номере «Книжиц» прилагаемую мною статью, но благоволите держать в тайне имя и местожительство ее сочинителя, дабы она вместо уяснения и исправления не возбудила ненависть и злобу у того, сочинение которого в ней рассматривается»⁷⁹.

⁷⁴ «Български книжици», год. II, 1859, ч. 1, с. 227.

⁷⁵ П. . . ва. Струва ли за употребление в училищата, като учебна книга, Буквеницата Сичан-Николова? — Български книжици, год. II, 1859, ч. 1, с. 229—230.

⁷⁶ Там же, с. 229.

⁷⁷ Здесь, по-видимому, имеется в виду объявление о готовящемся издании этой «Грамматики», опубликованное в газете «Цариградски вестник», год. 7, № 343 от 24.VIII.1857 г. См.: Стоянов М. Българска възрожденска книжнина, т. I. София, 1957, с. 320.

⁷⁸ П. . . ва. Струва ли. . . , с. 228.

⁷⁹ «Български книжици», год. II, 1859, ч. 1, с. 227.

Х. Сичан-Николов, естественно, был оскорблен таким отзывом о его книге и не замедлил с ответом, в котором обвинял рецензента в том, что тот не рассмотрел существа книги, но задел его честь, допустив личные выпады в его адрес ⁸⁰.

После этого Т. Стоянов-Бурмов выступил с новой заметкой (на этот раз уже подписанной его подлинной фамилией), где писал, что в своем ответе Х. Сичан-Николов задел его лично и потому он вынужден вновь говорить о «Грамматике». Здесь Т. Стоянов-Бурмов вновь указывает, что книга Сичан-Николова не полезна для школ, и добавляет, что она достойна только сожжения. Он писал: «Она («Грамматика». — Г. В.) предназначена для того, чтобы показать всем, что тот, кто много о себе думает и принимается за дело, для которого у него нет сил и способностей, вместо выполнения предпринятого дела оказывается посрамленным («приема посрамление»), и что книги, имеющие горькие и дикие плоды, годятся только для костра («огнь»), как и деревья того же рода. Например, бук, не дающий хороших плодов, сжигают и используют в качестве (строительного) материала для зданий; «Буквеница», имеющая родство с ним (т. е. с буком. ⁸¹ — Г. В.). . . вся, очевидно, останется только для сжигания и других подобных нужд, за исключением нескольких экземпляров, которые будут храниться в библиотеках как вечный поучительный урок» ⁸². В новой заметке Т. Стоянов-Бурмов объясняет, что свой первый отзыв о «Грамматике» он не подписал своей фамилией не из боязни, что будет задета его честь (как полагает Х. Сичан-Николов,) а потому, чтобы Х. Сичан-Николов «был более свободен от злобы и ненависти» и мог, таким образом, глубже вникнуть в свои ошибки и осознать их ⁸³.

Приведенный эпизод из истории критики граммати-

⁸⁰ См. его «Кратко извинение на безименният сочинител на критиката против Буквеницата. — Български книжици, год. II, 1859, ч. 2, с. 314—318. Это обвинение редакции журнала «Български книжици», нашла неосновательным (Там же, с. 314).

⁸¹ Здесь Т. Стоянов-Бурмов обыгрывает звуковое совпадение названия дерева *бук* и начало второго названия грамматики Х. Сичан-Николова — «*Буквеница*».

⁸² *Стоянов-Бурмов Т.* Отговор на извинението г-н Хр. Сичан-Николов за критика. — Български книжици, год. II, 1859, ч. 2, с. 393—394.

⁸³ Там же, с. 401.

ческих трудов в Болгарии показателен не столько спором по существу отдельных вопросов, касавшихся нормализации современного литературного языка (объектом критики было пособие по грамматике церковнославянского, а не современного болгарского языка), сколько характером критики, направленной к полной дискредитации автора и его труда посредством обвинений в некомпетентности и неспособности автора разобраться в предмете своего труда. Хотя резко отрицательная оценка Т. Стояновым-Бурмовым «Грамматики» Х. Сичан-Николова имела серьезные основания, однако тон и характер ее были чрезмерно суровы⁸⁴. Нельзя сказать, что эта книга и в то время при всех ее недостатках была не только совершенно бесполезной, но и вредной, достойной лишь осмеяния и сожжения.

Подобного рода критика адресовалась и другим грамматистам и писателям, сыгравшим в сравнении с Х. Сичан-Николовым несомненно гораздо более важную роль и в становлении литературного языка и в общем культурном развитии Болгарии в эпоху возрождения. Особенно резкой критике и насмешкам подвергались язык и произведения И. Богорова, Й. Груева, Г. Раковского и др., которым не раз приходилось в этой связи слышать обвинения в непатриотичности, в забвении общественного долга и в преследовании чисто личных интересов и других неблагоприятных делах. Чтобы не быть голословным и для более полного представления о характере некоторых критических выступлений, имеющих отношение к теме настоящей работы, приведем еще несколько примеров.

Особенно острой и односторонней критике подвергались грамматика и язык произведений И. Богорова главным образом со стороны тех, кто был против утверждения народного языка области Стара-Планины в правах литературного, и тех, кто выступал против пуристических тенденций Богорова и связанного с ними широкого словотворчества. Уже в самом начале 50-х годов Н. Геров писал, что И. Богоров возомнил себя «грамматическим Наполеоном», хотя он совершенно не понимает грамматики и не знает болгарского языка⁸⁵. По его мнению, грамматики

⁸⁴ Ср. с этим гораздо более сдержанный и деликатный отзыв Г. Крыстевича на эту же книгу в «Български книжици», год II. 1859, ч. 1, с. 41—44 (в разделе «Книжевний дневник»).

⁸⁵ См. его заметку без заглавия, подписанную «Мльчан», в газете «Цариградски вестник», год. В, № 53 от 22.IX.1851 г.

И. Богорова представляют собой неполный и неточный перевод «Русской грамматики» Н. Греча и в эту-то рвань («дрипел») «грамматический Наполеон» хочет одеть болгарский язык ⁸⁶.

В таком же духе выступил и некто Драгойский (1851), который характеризовал язык И. Богорова как «гнусавый и смешной» («гнусав и смешлив»), который И. Богоров слышал от «некоторых совсем старых и несчастных беззубых балканских старух и греков», говорящих на том же «просто-старо-бабо-влахо-въртинаро-цигано-болгаро-никаквий» языке, на каком и издает И. Богоров свои книги ⁸⁷. Чтобы дети смогли читать его книги, у них нужно клещами вырвать зубы или они вообще должны рождаться без зубов. Драгойский советует И. Богорову оставить в покое бумагу, не марать ее своими языковыми упражнениями, чтобы впредь ее не постигла такая же участь, какая постигла уже изданные Богоровым книги, — служить оберточной бумагой для продажи черного перца ⁸⁸.

Критика языка произведений И. Богорова и особенно его пуристических проявлений, с годами все более усиливавшихся, продолжалась и позже. В конце пятидесятых годов суровую характеристику сочинений И. Богорова, в частности двух его статей, опубликованных в журнале «Български книжици» (1858), дал уже упоминавшийся выше «доброжелатель литературы». По его мнению, «богоровский язык» представляет собой «совершенное удаление от свойств нашего народного языка в расположении слов и непростительные нововведения», в нем торжествуют «старые и заржавелые слова» и составленные кое-как («криво-ляво») новые имена. Этот язык якобы показывает, что И. Богоров «не хочет или не умеет — что одно и то же — употреблять каждое слово в соответствии с его значением» или — и это, по мнению критика, скорее — что Богоров стремится продемонстрировать свое словарное богатство и блеснуть новообразованиями («с новини»), не задумываясь над тем, как и где их лучше употребить. Одним словом, переправляя и переделывая язык, И. Богоров достиг того, что он стал писать на непонятном бол-

⁸⁶ См. его заметку «За г. Андреевата География» в «Цариградски вестник», год. В, № 59 от 3. XI. 1851.

⁸⁷ См. его заметку без заглавия в «Цариградски вестник», год. В, № 58, от 27. X. 1851.

⁸⁸ Там же.

гарам языке. «Доброжелатель литературы» счел нужным даже связать «преобразование языка» И. Богорова с изменением им фамилии, которой он подписывал свои сочинения, — сначала Богоев, позже Андреев и, наконец, Богоров, в связи с чем критик устанавливает и три типа его языка — богоевский, андреевский и богоровский⁸⁹. «Доброжелатель литературы» указывал, что редактор журнала «Български книжици» (которым был в то время И. Богоров) должен иметь основательные знания, особенно в филологии, должен иметь вкус, чтобы стоять на страже изящного, он должен «исполнять священный долг — защищать родной («отечественниа») язык от разрушительного направления, а не ломать («кълчеви») его, как ему вздумается, и разрушать его свойства»⁹⁰. Из этого следовало, что И. Богоров не обладает нужными знаниями и качествами. «Тяжело говорить, — заключал «доброжелатель», — что редактор (журнала «Български книжици») больше заботиться о своих предрассудках в области языка, а не об общенародной пользе»⁹¹.

«Доброжелатель литературы», правда, просил не обижаться И. Богорова за подшучивание, высмеивание его языка и фамилии («що му подметнахме и името и езика»). «Мы сделали это, — пишет он, — не для того, чтобы унижить его перед читателями», а руководствуясь тем, что речь идет об «очень важном предмете». Ввиду большой важности этого предмета критик и решил публично высказать свои «несколько слов против его (т. е. Богорова. — Г. В.) убеждений»⁹². У него, однако, как видим, не хватило смелости и решимости выступить со столь серьезными претензиями к языку И. Богорова открыто, под собственным именем.

Очень резко о брошюрах И. Богорова «Упътване за българский язык» (1869) и «Второ упътване за българский език» (1870) отозвался Д. Енчев (1870)⁹³.

Не меньше обвинений и упреков услышал в свой адрес и другой грамматист середины прошлого века — Й. Груев.

⁸⁹ См. заметку «Литературни бележки» в «Цариградски вестник», год. 9, № 413 от 10.I.1859.

⁹⁰ Там же, № 416 от 31.I.1859.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же, № 413 от 10.I.1859.

⁹³ Енчев Д. Една небутана стърна. — Право, год. IV, № 15, от 8.VI.1870.

Сопшемся здесь лишь на мнение некоего В. Колибарского, который в заметке, написанной в связи с выходом в свет книги Й. Груева «Основа на българска граматика» (Белград, 1858), не сказал ни одного доброго слова о грамматике и языке других книг заслуженного деятеля болгарского Возрождения. Для В. Колибарского Й. Груев — это «наш на всю Болгарию феномен и самохвал» («самохвалник»), мнящий о себе, что он — «первый болгарский автор, основатель грамматики, нормализатор («наредител»), переводчик»⁹⁴. О самой «Грамматике» Й. Груева он говорил, что это грамматика «клинковско-болгарского языка» с совершенно произвольным правописанием. Все переводы и другие издания Й. Груева якобы полны непонятных выражений и перегружены, как телеги, ошибками. Причину этого критик видит в самомнении Й. Груева, который спешит скорее издавать свои переводы и руководства, не догадываясь о том, что пословица «быстрая сука рождает слепых (щенят)» может относиться и характеризовать его собственные издания⁹⁵. Однако вершиной этой разносной, безосновательной, лишенной к тому же и элементарного приличия критики является полное отрицание В. Колибарским какого бы то ни было общественного значения деятельности Й. Груева, преследовавшего якобы только цели личного обогащения⁹⁶.

Мы не касались здесь собственно лингвистического содержания приведенных и других критических выступлений и показали лишь чисто внешнюю сторону части критики, отличавшейся грубостью тона, необоснованностью суждений и неуважением к авторам и их труду. Из приведенных примеров (а их число можно легко умножить) видно, как встречались в болгарской печати опыты грамматической обработки литературного языка и язык отдельных произведений, в какой обстановке возможного публичного осмеяния и всевозможных обвинений приходилось выступать тем, кто в меру своих сил и знаний, желая и возможностей способствовал созданию и совершенствованию единого литературного языка. Призыву к сдержанности и беспристрастности в оценке чу-

⁹⁴ См. заметку без заглавия В. Колибарского в газете «Цариградски вестник», год. 9, № 422 от 14.III.1859 г.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же.

жих мнений внимали далеко не все авторы критических выступлений.

В такой обстановке не всем хотелось вновь выступать в защиту собственного мнения или с критикой оппонентов, чтобы не навлечь на себя новые нападки и насмешки. Авторы грамматик и других сочинений, естественно, не были в восторге от грубой критики в их адрес. Некоторые из них обижались на своих критиков и не всегда вступали с ними в открытый спор, особенно в тех случаях, когда вместо серьезного и объективного разбора их трудов, они подвергались незаслуженным нападкам, насмешкам и т. д. Их молчание в свою очередь вызывало недовольство у части читателей, расценивавших его как неуважение к заинтересованной в соответствующем решении языковых вопросов части общества. П. Иванов, например, писал (1872), что болгарские грамматисты до сих пор нервозно встречали упоминание их ошибок, что они, сохраняя молчание или проявляя «напыщенное презрение» («с един вид надуто презрение»), хотят остаться при «своем мнимом грамматическом авторитете»⁹⁷. Огульное обвинение П. Ивановым всех грамматистов в неуважительном отношении их к читателям и в чрезмерном самомнении было далеко от истины. Его мнение, однако, очень показательное в том, что хорошо отражает отношение части тогдашней болгарской интеллигенции, выступавшей в роли критика трудов по вопросам языка, к авторам грамматик — одним из основных кодификаторов норм литературного языка.

Боязнь несправедливых обвинений и упреков, однако, останавливала не всех. Она не смущала тех, кто честно стремился внести свой вклад в общенациональное дело — создание единого литературного языка. В этом отношении показательное мнение Н. Пырванова, который писал (1868), что публикует свои критические замечания на «Граматику новоболгарского языка» И. Момчилова, заранее зная, что они вызовут много крика и возможные «басмысленные нападки» («несмыслените нападения») ⁹⁸.

Разумеется, кроме отрицательной критики и критики, граничащей с бранью, в печати публиковалось и немало доброжелательных откликов, по достоинству оценивав-

⁹⁷ *Иванов П.* Българска граматика по македонско наречие от г-на Мачуковски. — Право, № 34, от 30.V.1872.

⁹⁸ *Първанов Н.* Бележки върх Граматиката за новобългарския език от Ив. Н. Момчилова. Русчук, 1868, с. 5—6.

ших большое значение грамматик, одобривших язык отдельных произведений писателей и т. д. Для иллюстрации приведем несколько примеров.

О «Първичка българска граматика» И. Богорова, значение которой полностью отвергали Н. Геров, Драгойский и др., В. Априлов (1847) писал, что она предпочтительнее других и была бы еще лучше, если бы автор ее не заменил некоторые грамматические термины. Последнее, однако, не имеет «никакого существенного неудобства»⁹⁹. Большое значение «Основы болгарской грамматики» Й. Груева в школьном преподавании и в литературе признавал Н. Пырванов (1870). Несмотря на несогласие по ряду вопросов грамматики и с принятой Й. Груевым орфографией, он признавал, что эта грамматика «играет важную роль», а вышедшие к 1870 г. 4 ее издания свидетельствуют о ее авторитете в школе¹⁰⁰.

Столь же высокое признание и оценку получили грамматика и статьи по вопросам языка других авторов, игравших видную роль в нормализации литературного языка. Чувство благодарности и глубокой признательности автору первой болгарской грамматики — Неофиту Рильскому — выражал, например, Г. Миркович (1859). Он писал, что грамматика Неофита Рильского — это «первый труд, хотя и недостаточный, но достойный большой похвалы как начало, которое всегда трудно и за которое мы всегда должны быть ему признательны»¹⁰¹. О «Грамматике новоболгарского языка» И. Момчилова (1868) Н. Пырванов писал, что, несмотря на отмеченные им недостатки, это «предшественница («предходница») нашей совершенной грамматики», что в ней изложены теоретические основы («основност») грамматики болгарского языка¹⁰². Он указывал также, что И. Момчилову «впервые выпала честь показать нам грамматику, написанную по системе, столь нужной для любого, особенно учебного дела»¹⁰³.

⁹⁹ Априлов М. Мисли. . . с. 35.

¹⁰⁰ Пырванов Н. (Рец. на кн.:) Основа за българска граматика от г. Груева, четвърто издание, 1869. — Македония, год. IV, № 61 от 25.VI.1870.

¹⁰¹ Миркович Г. В. Кратко изложение за наредбата на глаголити в новобългарският език. Български книжици, год. II, 1859, ч. 3, с. 583.

¹⁰² Пырванов Н. Бележки върх Грамматиката за новобългарския език, с. 18.

¹⁰³ Пырванов Н. [Рец. на кн.]: Грамматика за новобългарския език

Перечень подобных отзывов о многих грамматических трудах и языке других изданий можно было легко продолжить. Эти отзывы показывают, что в полемических схватках на страницах печатных изданий звучали и голоса тех, кто давал дельную, некрикливую и справедливую оценку роли и места отдельных грамматистов, писателей и др. книжников и их трудов. В целом, однако, складывается впечатление, что последние гораздо чаще были объектом отрицательной — часто голословной и совершенно незаслуженной — критики, нежели предметом серьезного анализа, одобряющей похвалы и признательности. Видимо, прав был Д. Войников (1860), сетовавший на постоянную и, главным образом, только отрицательную критику языка болгарских книг. Он писал, что «нет ни одного переводчика или сочинителя книг на болгарском языке, который бы заслужил от наших ученых столько же похвалы, сколько (он заслужил) укоров»¹⁰⁴.

Критике чужих взглядов на литературный язык, его грамматику и пр., а также критике практической языковой деятельности писателей отводилось, как видно из сказанного, существенное место в нормализации литературного языка.

Несмотря на серьезные недостатки, присущие ей, точнее некоторой ее части (необъективность оценки, грубый характер, голословность суждений и др.), критика в целом и на деле сыграла важную роль. Значение ее в том, что она, во-первых, подчеркивала первостепенную важность нормализации языка как общенациональной задачи, решению которой обязан способствовать каждый образованный и патриотически настроенный болгарин; во-вторых, она, несомненно, оказывала положительную роль в уяснении целого ряда вопросов нормализации литературного языка, в утверждении ее принципов; в-третьих, критика формировала определенное отношение у широкого круга читателей к языку отдельных писателей, к грамматикам и др., пробуждала в них интерес к вопросам языка и побуждала их к воздействию на процесс складывания норм литературного языка, к посильному участию в его совершенствовании.

от Ив. Н. Момчилов. — Македония, год. II, № 24 от 11.V.1868.
¹⁰⁴ См. письмо Д. Попова (=Д. Войникова) в редакцию журнала «Български книжици», год. III, 1860, ч. 2, с. 31.

О выборе диалектной базы формировавшегося литературного языка

Относительно диалектной базы формировавшегося в эпоху возрождения литературного языка книжниками того времени было высказано много соображений и предложений. В обсуждении этой проблемы приняло участие большое число учителей, грамматистов, издателей и др. Уже одно это обстоятельство свидетельствует о том, что решению вопроса о диалектной базе формировавшегося литературного языка деятели Возрождения придавали исключительно большое значение. Они понимали, что от конкретного решения этого вопроса зависит не только утверждение того или иного облика общеполгарского литературного языка (особенности его грамматики, звукового строя и др.), но и дальнейшее развитие образования, литературы, других областей формировавшейся национальной культуры на всей болгароязычной территории.

Многие деятели Возрождения отдавали себе ясный отчет и в том, что выбор конкретной диалектной базы литературного языка тесно связан и с общей задачей национального сплочения и единения всех болгар.

На исключительную важность выбора диалектной базы болгарского литературного языка указывал уже Ю. Венелин. «Если народу пришла пора приниматься за грамоту, — писал он (1838), — если его язык распался на несколько наречий, если неизбежен выбор одного из них для литературы, то сочинители должны быть весьма осторожны и разборчивы в этом выборе»¹¹⁶. Ю. Венелин считал, что выбор всеми книжниками какого-либо одного диалекта в качестве литературного языка — крайне маловероятное дело, которое может быть приписано «счастливому случаю». Если же такой случай не представился и если появились грамматики разных наречий и книги на этих наречиях, то никто из сочинителей книг «не имеет права свой жаргон навязывать другому»¹¹⁷. Возникшие между сочинителями разногласия должны решаться не

¹¹⁶ Венелин Ю. О зародыше новой болгарской литературы. М., 1838, с. 37.

¹¹⁷ Там же, с. 37.

ими самими, а, как пишет Венелин, «судом высшей филологии»¹¹⁸. Венелин в общем предугадал, как будет ставиться и разрешаться болгарскими книжниками вопрос о выборе диалектной основы литературного языка. У них не оказалось того «счастливого случая», который помог бы им с самого начала развития литературного языка утвердить в качестве его основы определенное наречие. Они (точнее — те из них, кто считал необходимым строить современный литературный язык на базе живой, народной речи) писали сначала, ориентируясь каждый на свое наречие, или, что в общем то же самое, подвергали литературной обработке свое наречие. Это естественно породило острые споры по вопросу о том, какое именно наречие и почему следует предпочесть при формировании единого для всех болгар литературного языка и допустимо ли вообще строить последний на базе одного наречия. «За» и «против» того или иного наречия или синтеза особенностей разных наречий высказывалось много книжников. Споры между ними, однако, были разрешены не «судом высшей филологии», как предполагал Венелин, т. е. не в результате признания всеми разработанного учеными-филологами пути устройства литературного языка, а самим ходом развития языка в разных общественных сферах его приложения в середине XIX в.

Рассмотрим некоторые из наиболее важных вопросов, которые ставились и решались деятелями Возрождения в рамках обсуждения широкой проблемы диалектной базы литературного языка.

Сложность решения проблемы диалектной базы определялась тем, что болгарский язык на территории своего распространения имеет значительные местные различия, отличается большой диалектной дробностью. Эта особенность болгарского языка была в общих чертах хорошо известна книжникам эпохи возрождения, хотя их конкретные знания местных различий и диалектного членения языка были, по понятным причинам, ограничены, неполны и часто случайны. Рассмотрим сначала кратко, что говорили они о диалектном разнообразии своего языка.

¹¹⁸ Там же. — Эти положения Венелина спустя почти полтора десятилетия дословно повторил Н. Палаузов (см. его статью «Няколко мисли за болгарското правописание». — Цариградски вестник, год. «В», № 81, 12.IV.1852).

Уже Неофит Рильский, автор первой болгарской грамматики (1835), привел большое количество фонетических, грамматических, акцентных и лексических различий, какого, по его мнению, не имеют другие языки¹¹⁹. Он, правда, не связывал их распространение с определенной территорией. Впоследствии о больших различиях в языке писали многие. Так, Партений Зографский (1857) отмечал, что болгарский язык имеет «много местных наречий или говоров», что почти в каждой епархии имеется «свой говор»¹²⁰. Несколько раньше один корреспондент «Цариградского вестника» писал (1851), что различается не только язык жителей Скопле и Тырнова, разделенных значительным расстоянием, но и язык тырновцев и их соседей загорцев имеет заметные различия»¹²¹. Некто Т. Р. указывал (1862), что «язык на востоке Болгарии — не тот же язык, который употребляется на западе, так же как и язык, на котором говорят в придунайских областях, не тот же самый язык, который господствует в южных краях»¹²².

Отмечалось также, что различается язык не только больших и территориально удаленных областей, но что даже в языке отдельных городов и сел наблюдаются те или иные различия. Газета «Цариградский вестник» в одной из редакционных заметок, например, писала (1853), что почти в каждом болгарском городе и селе говорят по-разному¹²³. Такого же мнения был и Петко Славейков. Указав на целый ряд фонетических особенностей восточных говоров, он писал (1859), что говоры отдельных сел и городов характеризуются многими различиями. П. Славейков подчеркивал также, что даже язык отдельно взятого населенного пункта дает много примеров сосуществования разных особенностей. В тырновском крае («Тырновия»), по его мнению, вообще царит полная неразбериха, смешение разных особенностей («най-голяма бабилонщина»). В самом Тырнове можно услышать различное произношение одних и тех же слов, граммати-

¹¹⁹ Рилски Н. Болгарска граматика, с. 10.

¹²⁰ См. его статью без заглавия в газете «Цариградски вестник», год. 7, № 315, 9.II.1857.

¹²¹ А. Нп. Т. Болгарски. — Цариградски вестник, год. 13, № 55, 6.V.1851.

¹²² Цариградски вестник. . . , год. 13, № 36, 1.IX. 1862.

¹²³ См. «От редакцията». — Цариградски вестник, год. 4, № 148, 21.XI.1853; № 149, 28.XI.1853.

ческих форм и др.¹²⁴ Подобную мысль высказывал и И. Богоров. Он писал (1869): «Вообще признано, что болгары повсюду говорят на одном языке, они повсюду различают, что такое *приносъ* и что такое *прѣносъ*, но часто человек находит какую-нибудь небольшую разницу в языке соседних говоров и сел: даже в языке одного и того же села, нижней и верхней его частей, имеются некоторые различия»¹²⁵.

В связи с таким состоянием болгарского языка неоднократно высказывалось мнение, что существующие в языке различия создают некоторые и даже существенные затруднения во взаимном общении и понимании. И. Добровский (1850), например, отмечал, что болгары разных областей употребляют в своей речи слова, даже не турецкие или другие иноязычные, а собственно болгарские, которые жители других областей не могут легко понять. Поэтому у населения данной области складывается впечатление, что жители другой области говорят не на чистом, а на испорченном болгарском языке¹²⁶. Особенно часто указывалось на затруднительное понимание болгарскими Македонии языка жителей северо-восточной Болгарии и наоборот. Так, газета «Право» (1869) отмечала, что македонские болгары понимают наречие придунайских болгар, а придунайские болгары понимают наречие македонское хуже, чем те и другие понимают церковнославянский¹²⁷.

Приведенные и другие подобные суждения о многочисленных различиях языка соседних областей, городов и сел, как и о сосуществовании разных особенностей в языке даже одного города или села, отражали действительное состояние болгарского языка на территории его распространения. И если в отдельных случаях книжники прошлого столетия и преувеличивали глубину различий между говорами отдельных сел и городов или между наречиями обширных областей, как и степень затруднений понимания — ввиду этих различий — при взаимном общении жителей разных мест, все же следует признать, что в целом представление книжников эпохи возрождения о своем языке как о языке со множеством местных различий в фо-

¹²⁴ *Славейков П.* Няколко думи за събиранieto и за езика на причтити. — Български книжици, год. I, ч. 2, 1859, с. 249.

¹²⁵ *Богоров И.* Угътване за българский язык. Виена, 1869, с. 7.

¹²⁶ См. «Мирозрeнне», I, 1850, с. 48.

¹²⁷ См. «Право», год. IV, № 24, 9.VIII.1869.

нетике, грамматике и лексике было обосновано. Но именно такое состояние языка и явилось объективной причиной сложности выбора диалектной основы литературного языка.

Констатируя существование различий в языке болгар разных областей, многие книжники эпохи возрождения указывали и основные (главные) диалекты, или наречия, как тогда обычно писали.

Первоначально ими было высказано мнение о делении болгарского языка на два основных наречия. Впервые это сделал Хр. Сичан-Николов (Костович) в 1845 г., разделивший болгароязычную территорию на две части — восточную и западную — и указавший целый ряд языковых различий между ними¹²⁸. Правда, он еще не называет наречия этих частей восточным и западным, но по существу установленное им двуделение болгароязычной территории принято и в современной диалектологии. Позже о двух основных наречиях говорили и другие книжники, называя их по-разному. Так, два наречия выделял П. Зографский (1857): верхнеболгарское («горноболгарско»), на котором говорят в Болгарии (т. е. нынешней северной Болгарии), Фракии и в некоторых местах Македонии, и нижнеболгарское («долно-болгарско»), на котором говорят «в Македонии вообще или в старой Болгарии»¹²⁹. Каждое из этих двух наречий имеет свои поднаречия. В другой статье (1858) П. Зографский нижнеболгарское наречие называет македонским, а верхнеболгарское наречие оставляет без локального определения, называя его, в отличие от македонского, просто «другим наречием»¹³⁰. В 60—70-е годы о двух главных наречиях писали В. Стоянов, П. Оджаков и др. В. Стоянов называл их в одном случае (1865) восточным и западным, или македонским¹³¹, в другом (1872) — восточным и только западным¹³², а П. Оджаков (1866) — болгарским и македонским¹³³.

¹²⁸ Сичан-Николов Хр. Болгарска аритметика. Букурец, 1845, с. V—VI.

¹²⁹ См. «Цариградски вестник», год. 7, № 315, 9.II.1857.

¹³⁰ Зографский П. Мисли... с. 35.

¹³¹ См. его письмо из Праги от 9/19 августа 1865 г., опубликованное в газете «Въсток», год. I, № 15, 31.VIII.1865.

¹³² Стоянов В. Стойко Владиславов Софроний. — «Периодическо списание», год. I, кн. 5—6, 1872, с. 50, сноска.

¹³³ Оджаков П. Начялни познания от география. Вена, 1866, с. 28.

Ряд книжников выделял три главных наречия. По-видимому, три наречия имел в виду А. Гранитский (1859), когда говорил о балканском наречии, на котором говорят и пишут «балканские болгары», т. е. болгары, живущие в области Балканских гор, и о других болгарских наречиях — наречии «македонских болгар» и наречии «болгар в окрестностях Пловдива и в этом городе», т. е. надо полагать, о македонском и фракийском¹³⁴. Х. Данов (1869) в качестве главных наречий указывал мизийское, фракийское и македонское¹³⁵. Эти же наречия называл и К. Шапкарев (1870)¹³⁶, и Л. Каравелов (1872), который вместо мизийского называл дунайское и отмечал также, что кроме этих основных существуют и более мелкие местные наречия — карловское, сопотское, копривштенское и др.¹³⁷

Иначе производил диалектное членение И. Ковачов (1875). По его мнению, «главными наречиями» являются северовосточное (или балканское), южноболгарское (или македонское) и среднеболгарское (или шопское)¹³⁸. Он, таким образом, не выделяет в качестве главного фракийское наречие, которое он, по-видимому, «делит» между северным (балканским) и южным (македонским) наречиями, но зато в ранг главных возводит шопское наречие. Это наречие, по его мнению, занимает промежуточное положение между двумя другими.

В начале 70-х годов ряд авторов говорил о четырех главных наречиях. Некто Бичов (1871) указывал такие наречия: фракийское (пловдивское или копривштенское), старопланинское, македонское и родопское¹³⁹. Иной со-

¹³⁴ Гранитский А. Разговори французско-български и правила за произношението на французските букви. Букурещ, 1859, с. 44—47.

¹³⁵ См. «Летоструй», год. I, 1869, оборот л. 1. См. также заметку «Мнение за българското правописание» в «Македония», год. III, № 10, 1.II.1869.

¹³⁶ К. А. П. III [Шапкарев]. Языкословие. — Македония, год. IV, № 63, 3.VII.1870.

¹³⁷ См. его заметку «Книжевни известия» в газете «Свобода», год. III, № 14, 30.IX.1872.

¹³⁸ Ковачов И. Едно мнение върху общи език и по правописание у нас, извикано от оценката на «Български буквар» в в. «Напредък». — Ден, год. I, № 16, 26.V.1875, с. 5.

¹³⁹ Бичов. Языкословни разисквания. — Македония, год. V, № 22, от 1.VI.1871.

став четырех главных наречий называл П. Иванов (1871): балканское, фракийское, македонское и шопское¹⁴⁰.

Таковы в общих чертах суждения книжников эпохи возрождения о характере местных различий и об основных наречиях болгарского языка. -

Следует отметить, что, говоря о наличии множества местных различий языка и его наречиях, болгарские книжники неизменно подчеркивали его единство в целом. Вот что писал, например, И. Добровский (1850) о многообразии местных различий и единстве языка болгар, населяющих разные области Балканского полуострова. «Если какой-нибудь болгарин из центра Болгарии, например, из Софии, услышит, как говорят дунайские болгары, болгары Черноморского и Эгейского побережья, например, солунские, а затем услышит других болгар из пределов нынешнего греческого государства. . . , а затем, если услышит, как говорят болгары из Албании, то он увидит, что все эти болгары говорят по-болгарски и они могут понимать друг друга. Но он заметит в то же время, что каждый из них имеет в своей речи некоторые различающиеся слова, правда, не турецкого и не другого какого-либо языка, а болгарские слова, которые он легко не сможет понять. Он скажет тогда, как у нас в таком случае обычно говорят о тех болгарях, которые не понимают очень легко, что они говорят на испорченном болгарском языке»¹⁴¹. Эту же мысль о единстве болгарского языка, выступающего в диалектном многообразии, очень хорошо выразил и Райко Жинзифов (1863). Он писал: «Мы считаем болгарским языком тот язык, на котором говорят во всей Македонии, Фракии и Болгарии и среди говоров которого имеется больше или меньше различий»¹⁴². Он считал, что нельзя говорить о словах македонских и фракийских (например, *вѣда*, *рѣжа*) и о словах болгарских (например, *водá*, *рѣжá*), потому что «нет македонцев, нет фракийцев как отдельных народов, а есть только славяноболгары, которые живут в указанных местах и имена которых, возможно, имеют право на употребление в географии, но не как обозначение народности. Короче говоря,

¹⁴⁰ Иванов П. Язикословни размишления. — Македония, год. V, № 38, от 20.IX.1871.

¹⁴¹ «Мирозрение», I, 1850, с. 48.

¹⁴² См. «Новобългарска сбирка». М., 1863, с. 15.

есть один неделимый народ болгарский и один язык болгарский; который, как и любой другой язык, распадается на наречия»¹⁴³.

Представление книжников эпохи Возрождения о болгарском языке как о едином целом, выступающем в многообразии местных разновидностей, и о единстве народа как носителя этого языка имело огромное значение во всей их деятельности, направленной на создание единого литературного языка.

В условиях значительного диалектного разнообразия при отсутствии уже выработанных и общепризнанных традицией норм вопрос о том, по какому пути должно идти формирование вновь создаваемого литературного языка, был одним из главных, вставших перед книжниками эпохи возрождения. Следует ли этот язык строить на основе одного какого-либо наречия или же для этого необходимо использовать богатство разных наречий или даже всего народного языка — вот как стоял вопрос. Каждый из книжников — сознательно или бессознательно — должен был этот вопрос решать прежде всего для себя, приступая к переводу или сочинению собственных книг, статей и т. д. Но многие из них выступали с объяснением собственных и (или) критикой чужих взглядов по этому вопросу, что и составило обширную литературу по этому вопросу.

Часть книжников полагала, что литературный язык должен строиться и развиваться на основе одного, конкретного наречия. Сторонников такого пути устройства литературного языка было много. Пожалуй, можно утверждать, что большинство авторов эпохи возрождения опиралось в общем на одно наречие, подвергая его большей или меньшей литературной обработке. Однако далеко не все они выступали с доказательствами и объяснением такого подхода, хотя выбор ими конкретного наречия определялся просто: они писали или литературно обрабатывали свое родное наречие. Даже авторы популярных в середине XIX в. грамматик болгарского языка — Й. Груев, Г. Миркович, И. Момчилов и др. — не говорили о необходимости предпочтения всеми болгарами того наречия, которое легло в основу утверждаемых ими правил литературного языка.

¹⁴³ Там же.

Отсутствие соответствующего обоснования выбора того или иного наречия иногда ставилось даже в вину авторам книг и грамматик. Так, Т. Стоянов-Бурмов (1860) упрекал Г. Мирковича за то, что тот в своей грамматике¹⁴⁴, написанной на господствующем в письменности восточно-болгарском наречии, не объяснил, почему он предпочитает именно это наречие и оставляет в стороне другие. По мнению критика, доводами в пользу данного наречия (а возможно и только балканского) могло бы служить то, что, во-первых, это наречие «более распространено, более употребительно среди болгар», а, во-вторых, оно представляет собой «прямого потомка («една права линия чедо») древнеболгарского языка, сохранившегося в памятниках»¹⁴⁵, т. е. что это наречие, надо полагать, ближе остальных к древнему языку болгар. Он подчеркивает, что такое обоснование необходимо было привести для того, чтобы «его (Мирковича, — Г. В.) грамматика приняла характер всеобщей для всех болгар, а ее наречие представлялось бы действительно достойным предпочтения. Это помогло бы и устранению притязаний тех болгар, которые не считают его общим, и придало бы ему больше веса»¹⁴⁶.

Но были и такие книжники, которые считали нужным привести необходимые с их точки зрения аргументы в пользу однодиалектной основы. Так, С. Радулов (1853) указывал, что в основе любого литературного («письменного») языка обязательно лежит отдельное наречие, а не «наречие всего государства», например, в основе русского литературного языка — московское наречие, в основе французского — парижское. Так же обстояло дело и с древнеболгарским письменным языком, в основе которого, по Радулову, лежало наречие столицы древней Болгарии и близлежащих областей по обе стороны центральной части Балкан. Так же, т. е. на основе одного наречия, должен быть построен, по его мнению, и современный болгарский литературный язык, в основу которого болгарам, по примеру их предков, лучше всего следо-

¹⁴⁴ Имеется в виду: Кратка и методическа българска граматика от Д. Г. Миркович. Цариград — Галата, 1860.

¹⁴⁵ См. статью «За българската граматика на Г. Мирковича» в «Български книжици», 1860, ч. II, с. 224.

¹⁴⁶ Там же.

вало бы положить «наречие, наиболее согласное с древнеболгарским»¹⁴⁷.

Гораздо больше было таких книжников, которые не ставили в общем плане вопроса об устройстве литературного языка на базе одного наречия, но, предлагая в качестве таковой конкретное наречие ввиду тех или иных его преимуществ, фактически этим и доказывали свою приверженность такому пути создания языка. Подробнее конкретные предложения книжников по этому вопросу см. ниже.

Трудность выбора конкретного наречия в качестве основы общего литературного языка на практике заключалась прежде всего в том, что разные книжники избирали разные наречия (как правило, каждый свое, родное), доказывая, что именно основанный на предлагаемом ими наречии литературный язык будет одинаково понятен для болгар разных областей. Эту трудность понимали и сами книжники. Известный издатель Хр. Данов писал (1869): «Есть люди, которые хотят, чтобы их наречие было принято за основу нашего письменного языка; другие же хотят, чтобы писали так, как говорит народ (т. е. без строгой единой нормы, — Г. В.). Но чье наречие нужно принять сначала и как нужно писать, чтобы народ мог понимать этот язык?»¹⁴⁸. Указав на три главные болгарские наречия — мизийское, фракийское и македонское, Хр. Данов спрашивал: какое из этих трех наречий должно быть положено в основу литературного языка, если сторонники каждого из них настаивают на своем¹⁴⁹.

Конкретные предложения отдельных книжников строить литературный язык на основе того или иного наречия наталкивались, как правило, на резкое возражение других. При этом — и это следует особо подчеркнуть, — возражая против предложений своих современников, они исходили не с позиций сторонника некоего общеполгарского наддиалектного или междиалектного койне (такого в то время не было), а с позиций приверженца тоже конкретной, но иной диалектной базы литературного языка. Иными словами, взамен неуютной, неприемлемой для

¹⁴⁷ Радумов С. Нравоучение за децата. Одесса, 1853, с. III.

¹⁴⁸ См. «Летоструй», год. I, 1869, оборот л. 1; см. также: «Македония», год. III, № 10, 1.II.1869.

¹⁴⁹ Там же.

одних диалектной основы предлагалась другая конкретная диалектная база, которая в свою очередь по тем же причинам отвергалась другими книжниками.

О том, насколько сильны и непримиримы были противоречия по вопросу о конкретной диалектной базе, свидетельствуют сами высказывания многих деятелей тех десятилетий. В качестве иллюстрации приведем мнение известного книгоиздателя Хр. Данова. В конце 60-х годов, когда, казалось, вопрос о диалектной базе уже был решен самим ходом развития школьного дела, литературы, журналистики и под., он еще писал, что приверженцы мизийской основы языка (т. е. сторонники так называемой тырновской школы) рассматривают книги на фракийском наречии как отраву для детей, а приверженцы фракийской основы языка (т. е. представители пловдивской школы) такой же отравой считают книги, изданные на мизийском наречии ¹⁵⁰.

В качестве основного аргумента против нормализации языка на основе одного диалекта или (что в сущности почти одно и то же) установления данного диалекта в качестве общего и единого литературного языка выдвигалось положение, что такой язык не будет понятен для всех болгар. Общепонятность же литературного языка рассматривалась как совершенно необходимая черта, без которой он не может претендовать на право быть «общим», т. е. всенародным или, как сейчас мы бы сказали, национальным. Материалы эпохи возрождения дают этому много свидетельств. Сошлемся на мнение нескольких видных деятелей.

Г. Раковский в одной из статей подчеркивал (1860), что литературный язык должен быть «понятен всем болгарам» и что поэтому при его создании нельзя «ограничиться одним только местным наречием» ¹⁵¹. Он ссылается и на опыт европейских народов (немцев, итальянцев, французов), который говорит, по его мнению, о нецелесообразности устройства литературного языка, как общепонятного

¹⁵⁰ См. «Летоструй», год. I, 1869, оборот л. 1. См. также: «Мнение за българското правописание». — Македония, год. III, № 10, 1.II.1869.

¹⁵¹ Раковски Г. Общи въпроси за старобългарски книжевен език, на основания коих, ако ся решат, трябва да ся поправи днешни книжевен български език. — См. «Прибавка» к «Дунавски лебед», год. I, № 7, 27.III.1860.

по своему назначению, на базе одного наречия. «Было бы совсем неправильно, чтобы мы, болгары, теперь не обратили на это внимание!» — писал Г. Раковский¹⁵². Мнение Раковского в данном случае особенно интересно, так как он, в отличие от многих единомышленников в этом вопросе, не только констатировал невозможность устройства общепонятного языка, опирающегося на одно наречие, но и показал пример создания языка, отвечающего, как ему казалось, требованию общепонятности. Правда, опыт Раковского оказался явно неудачным, и его язык подвергся справедливой критике прежде всего за то, что он был непонятен.

О неправомерности предпочтения одного наречия при создании общего для всех болгар литературного языка уже на рубеже 60—70-х годов неоднократно писал К. Шапкарев. В одной из статей он писал (1870), что при «образовании и выработке» языка нельзя «предпочитать исключительно то или иное наречие» (например, мизийское, фракийское или македонское), на котором были воспитаны книжники и которые они пытаются представлять как болгарский язык вообще, видя в других лишь помеху устройству единого языка. Шапкарев, в отличие от Раковского, считает неубедительной ссылку на западноевропейские языки тех авторов, кто доказывает необходимость однодиалектной базы и для болгарского литературного языка, ибо европейские языки и народы не имеют ничего общего с болгарским языком и народом¹⁵³.

Мысль о том, что создаваемый литературный язык не может базироваться на одном наречии, неоднократно высказывал И. Богоров. Он подчеркивал, что никто не имеет права «писать книгу для всего народа на местном наречии»¹⁵⁴. Он осуждал попытки тех, кто стремился навязать свое наречие всем болгарам. «Некоторые же, — писал он, — идут дальше, желая навязать свое наречие как якобы более правильное всем болгарам»¹⁵⁵. Богоров видел в этом одно из серьезных препятствий на пути к скорейшему созданию действительно единого и обще-

¹⁵² Там же.

¹⁵³ К. П. П. Ш. [Шапкарев]. [Языкословие]. — Македония, год. IV, № 63, 3.VII.1870.

¹⁵⁴ См. раздел «Книжевен дневник» в «Български книжици», год. I, ч. 3, 1858, с. 5.

¹⁵⁵ Там же.

понятного литературного языка. Такие попытки, как и практика издания книг на местных наречиях, «принесут немалый вред успеху» и болгарской литературе, прежде чем они будут изжиты ¹⁵⁶. С этих позиций он подвергал резкой критике язык многих авторов и особенно И. Груева. И. Богоров, вероятно, не сомневался в том, что попытки отдельных лиц утвердить их собственное наречие в качестве общего литературного языка в конечном счете потерпят неудачу и видел подтверждение этому в крахе имевших место подобных начинаний. Так, причину непродолжительного существования журнала «Любословие» Богоров усматривал в том, что его редактор, К. Фотинов, «очень сильно придерживался своего местного наречия», хотя предназначал этот журнал для всего народа ¹⁵⁷.

Обусловленное привязанностью критиков к своему родному наречию неприятие той однодиалектной основы, на которой настаивали другие писатели и грамматисты, нередко распространялось не только на язык этих авторов, но и на изданные ими грамматик. Это можно показать на примере Богорова и И. Груева. Выше уже говорилось об отношении Богорова к языку И. Груева. Такое же отрицательное отношение к нему высказывали и другие известные деятели. Достаточно сослаться здесь на протокол собрания группы видных учителей и книгоиздателей, состоявшегося в Тырнове 11 мая 1869 г. Собравшиеся, среди которых были Н. Михайловский, И. Момчилов, Петко Славейков и др., констатировали, что в своей грамматике ¹⁵⁸ И. Груев «нагромоздил кучу несуразностей», что он «не составляет правила согласно свойствам болгарского языка и не заботится о его постепенной обработке, а, наоборот, хочет раз и навсегда подчинить наш язык своим собственным правилам»¹⁵⁹. Участники собрания пришли к заключению, что настала пора издавать книги не на «груевском» языке, а на настоящем болгарском языке ¹⁶⁰.

¹⁵⁶ «Български книжици», год. I, ч. 3, 1858, с. 5.

¹⁵⁷ *Богоров И.* Просветение и книжнина на българети. — Български книжици, год. I, ч. 3, 1858, с. 153.

¹⁵⁸ Имеется в виду: *Груев И.* Основа на българска граматика. Изд. 1—5, 1858—1869.

¹⁵⁹ См. «Протокол» этого собрания, опубликованный в кн.: *Радиоев М.* Биография на Ивана Момчилова. София, 1912, с. 44.

¹⁶⁰ Там же, с. 45.

Не менее резким нападкам подвергался также язык и грамматики ¹⁶¹ Богорова. В литературе обычно отмечается критика современниками его пуристических и словотворческих увлечений. Однако объектом нападок, порой грубых и далеко не всегда справедливых, был и его язык в целом. Так, некто Драгойский писал в 1851 г. (т. е. в то время, когда пуристические и словотворческие тенденции у Богорова носили еще умеренный характер), что такой язык, на котором пишет Богоров, ему приходилось слышать только «от некоторых совсем старых и несчастных беззубых балканских старух и греков», что это «гнусавый и вызывающий смех» и вообще не чисто болгарский, а «просто-старо-бабо-влахо-въртинарско-цигано-болгаро-никаквий» язык ¹⁶². Драгойский здесь явно намекает на балканское наречие, которое в сочетании с индивидуальными особенностями языка и орфографии Богорова и представляет, по его мнению, не болгарский язык, а невообразимую смесь.

То, что язык и грамматики отдельных авторов отвергались критиками с позиции их собственного наречия или грамматик, которые они в свою очередь сами хотели утвердить в качестве «общей» нормы, было очевидно и тогда.

Еще в 30-е годы налицо была тенденция отдельных книжников всячески превозносить достоинства собственного наречия и поносить чужое, что уже и в то время вызывало справедливые возражения других книжников. Неофит Рилский, например, писал (1835) о таких авторах, что они предпочитают «свое местное наречие без каких-либо оснований и доказательств и только свое местное наречие защищают и расхваливают, а чужое — плохое или хорошее — без разбору укоряют и уничижают» ¹⁶³. В последующие десятилетия отношение некоторых книжников к чужим наречиям мало изменилось. Д. Войников (1860) с горечью констатировал, что любой болгарский писатель и переводчик услышал в своей адрес гораздо больше упреков, чем похвалы, причем упреков за то, что он в своем творчестве не следовал наречию и правописанию своего

¹⁶¹ *Андреев [Богоров] И.* Първичка българска граматика. Букурещ, 1844; *Он же.* Първичка българска словница. Стамбол, 1848.

¹⁶² «Цариградски вестник», год. V, № 58, от 27.X.1851.

¹⁶³ *Рилски Н.* Болгарска граматика, с. 3.

критика или соответствующего «ученого»¹⁶⁴. Еще позднее К. Шапкарев (1870) писал, что многие книжники принимали за «более общее» (т. е. литературный язык) восточно-болгарское наречие только потому, что они были воспитаны на этом наречии, и поэтому отрицательно относились ко всяким попыткам использования других наречий¹⁶⁵.

К этому следует добавить, что отрицательное отношение к тому или иному наречию как основе литературного языка могло иногда диктоваться и утвердившимся в народе данной области и разделявшимся отдельными авторами пренебрежительным отношением к наречию соседей и вообще других областей как к наречию неправильному, не чисто болгарскому и под.

Вместе с этим надо подчеркнуть, что неприятие грамматики и языка произведений отдельных авторов мотивировалось не только привязанностью к собственному наречию.

Некоторые авторы, как уже сказано выше, были всерьез озабочены тем, что утверждение какого-либо одного наречия в качестве основы общего литературного языка делает последний в действительности непонятым для части болгар и лишает его этим самым важнейшей функции. Характерным в этом смысле было отношение ряда деятелей Возрождения, особенно уроженцев Македонии (К. Шапкарева и др.), к балканскому наречию, ставшему господствующим в письменности уже в 50-е годы. Показательно в этом отношении и мнение И. Ковачова, который даже в середине 70-х годов писал о «неудовлетворительности исключительного употребления одного только наречия и особенно нашего современного литературного языка или, что одно и то же, балканского наречия», характер которого делает его непонятым для многих болгар¹⁶⁶. Однако сам Ковачов (см. об этом ниже) не мог предложить взамен балканского наречия ничего иного, кроме... своего родного, кюстендилского, наречия, которое, как

¹⁶⁴ См. письмо Д. Попова (Д. Войникова) в редакцию журнала «Български книжици», год. III, кн. 2, 1860, с. 31.

¹⁶⁵ Шапкарев К. [Языкословие.] — Македония, год. IV, № 63, 3.VII.1870.

¹⁶⁶ Ковачов И. Едно мнение върху общи език и по правописание у нас, извикано от оценката на «Българския буквар» в в. «Напредък». — Ден, год. I, бр. 16, 26.V.1875.

ему казалось, одинаково понятно жителям Северной Болгарии, Фракии и Македонии.

Таковы некоторые соображения, которые высказывались книжниками эпохи возрождения относительно устройства литературного языка на базе одного наречия.

Пожалуй, господствующим среди сторонников монодиалектного пути формирования литературного языка было мнение о том, что основу этого языка должно составить наиболее чистое болгарское наречие. Сама по себе эта мысль вполне естественна. Она связана с общим движением болгар за национальное самоутверждение, важной опорой которого в свою очередь было существование болгарского языка как самостоятельного в ряду других славянских и неславянских языков. Нет ничего удивительного поэтому в том, что диалектная пестрота, с одной стороны, и желание дать возрождающейся нации достойный ее прошлого и будущего литературный язык, который должен быть максимально чисто болгарским, с другой стороны, наталкивали грамматистов и прочих книжников прежде всего на мысль о том, что в основу этого языка следует положить наиболее чистое болгарское наречие.

Такое решение одной из важнейших проблем создания литературного языка казалось на первый взгляд простым и привлекательным. На деле же оно не могло бы не столкнуться с целым рядом трудностей, в чем отдавали себе отчет и книжники того времени. Одна из главных трудностей заключалась в том, как определить, какое из существующих наречий объективно является наиболее чистым. Мнения книжников по этому вопросу существенно расходились как потому, что у них не было строгих критериев определения сравнительной чистоты разных наречий, так и потому, что само знание ими всех наречий было весьма ограниченным.

Что касается самого понятия чистоты наречия, то большинством книжников связывало его обычно с отсутствием иноязычных (прежде всего турецких и греческих) слов, а также некоторых других элементов языка (например, членных форм *-o*, *-e*, которые рассматривались иногда как сербизмы). Такое понимание чистоты наречия связано с тем, что само диалектное разнообразие нередко рассматривалось как результат «неправильного» развития, обусловленного неблагоприятными внешними обстоятельствами — турецким игом и греческим духовным гос-

подством, в силу которых в болгарский язык (его наречия) проникло много иноязычных элементов¹⁶⁷. Именно отсутствию иноязычных слов как важнейшему показателю чистоты наречия придавали первостепенное значение такие поборники народной основы литературного языка как В. Априлов, И. Богоров и др.

Идея о наиболее чистом наречии как об основе литературного языка зародилась, вероятно, одновременно с первыми попытками болгарских книжников в 20—30-е годы подвергнуть этот язык нормализации. Во всяком случае, Неофит Рилский в 1835 г. отмечал как раз эту идею, которая жила в умах некоторых его современников¹⁶⁸. Сам Неофит Рилский выбор такого наречия считал делом нереальным, однако его авторитетное суждение не убеждало приверженцев такого пути формирования литературного языка и не удержало их от «поисков» наиболее чистого болгарского наречия.

Такой взгляд развивал, например, неизвестный автор, который писал (1858), что, если болгарский язык той области, где он сохранился в наиболее чистом виде, будет принят «в качестве общего для всего народа», то будет нетрудно сделать «по нему всеобщую болгарскую грамматику, которая будет содержать все его правила и в соответствии с которой должен писать и говорить каждый ученый и культурный болгарин»¹⁶⁹.

Важно отметить, что наиболее чистым многие деятели Возрождения считали вообще язык сельского болгарского населения. Причину этого они усматривали в том, что в селах, в отличие от городов, живет этнически однородное, болгарское население, что в них нет греков и турок, общение с которыми неизбежно влечет за собой проникновение в речь болгар большого числа турецких и греческих слов — важнейшего признака испорченности, «нечистоты» наречия. О том, что крестьяне говорят на самом чистом болгарском языке, писал уже В. Априлов в своем знаменитом циркулярном письме, разосланном им образованным соотечественникам в 1836 г. Призывая их к со-

¹⁶⁷ См., например: *Петков Б.* Слово, произнесено в Калоферското училище. . . на празника с. Кирилла и с. Методия. — *Съветник*, № 14, 4.VII.1864.

¹⁶⁸ *Рилски Н.* Болгарска граматика сега перво сочинена, с. 4.

¹⁶⁹ См. статью «За всеобща българска граматика». — *Български книжици*, год. I, 1858, ч. 3, стр. 101.

зданию «общей системы», т. е. общebolгарского литературного языка, В. Априлов рекомендовал опираться при этом на язык крестьян. «По моим представлениям, — указывал он, — наш язык более чист там, где он менее смешан с другими языками. Следовательно, он более чист в селах, чем в городах, поскольку в первых живут только болгары, а во вторых оттоманцы и греки»¹⁷⁰. В. Априлов, правда, не говорил о языке крестьян определенной территории, который необходимо обработать в качестве общebolгарского литературного, полагая, видимо, что крестьяне всюду говорят одинаково чисто, без турцизмов и грецизмов. Точку зрения В. Априлова разделял и Г. Кръстевич, который, однако, соглашаясь, что в селах «воистину» говорят на более чистом болгарском языке, чем в городах, вместе с тем ставил вопрос, о каких именно селах идет или должна идти речь, и выражал все же сомнение в большей правильности крестьянской речи¹⁷¹.

О том, что язык крестьян — наиболее чистый, писали и другие. Например, И. Богоров, один из наиболее ярких и последовательных сторонников устройства литературного языка на народно-разговорной основе, уже гораздо позднее, в 70-е годы, отмечал: «Всюду у нас крестьяне говорят по-болгарски более чисто и лучше произносят слова, между тем как горожане, смешанные с разными народностями, испортили свой язык и употребляют много слов чужих — турецких, греческих и др., так что для нас, болгар, родной язык — это сельский народный язык, живущий и поныне»¹⁷².

Любопытно, что среди книжников эпохи возрождения распространено было мнение, что наиболее чисто по-болгарски говорят помаки (болгары-магометане), которые якобы вообще или меньше другого болгароязычного населения испытали влияние языка турок, греков, сербов и др. Так, Е. Васкидович, отстаивая необходимость утверждения традиционного правописания в ка-

¹⁷⁰ См. «Мнение на Василий Априлов относено просветата на народа». — Известия на Архивния институт, кн. I, София, 1957, с. 221.

¹⁷¹ *Кръстевич Г.* Писма за някои си мъчности на българското правописание. Писмо 1 (15 априлий 1844). За азбуката. — Български книжици, год. I, 1858, ч. 2, с. 314.

¹⁷² См. его статью «Един и общ български език». — Книговище за прочит, кн. 4, 1874, с. 3; То же. — Читалище, 1875, кн. 5, с. 224.

честве «твердого доказательства того, что ж, љ, в, ъ, ы, и в болгарском языке — естественные и не подлежащие изъятию буквы», приводил «живую грамматику, которая ежедневно звучит в ушах наших и особенно у помаков, которые ни турецких, ни сербских, ни русских, ни валахских и греческих слов не знают»¹⁷³. На особую чистоту языка помаков указывал также И. Богоров¹⁷⁴, а автор одной статьи даже считал, что помаки говорят якобы на лишенном сербизмов шопском поднаречии шопско-дебырского наречия, которое характеризовалось им как единственное из всех славянских наречий, сохранившееся в своей первоизданной чистоте без примеси чужих слов, в частности турецких и греческих»¹⁷⁵.

Теперь, когда болгарские народные говоры, в том числе и говоры помаков, достаточно хорошо изучены, мы знаем, сколь преувеличены приведенные здесь суждения об исключительной чистоте языка помаков. Но в то время, когда еще обсуждался вопрос о выборе конкретного наречия в качестве основы литературного языка, такое мнение о языке помаков могло показаться заслуживающим доверия и внимания, хотя и тогда отмечалась неопределенность общего положения об особой чистоте языка этой части болгароязычного населения. Так, в редакционном примечании к цитируемой выше статье из журнала «Читалище» указывалось, что неясно, о каких помаках идет речь в статье, и что ловчанские и приискрыские помаки, составляющие якобы их наибольшую часть, говорят, как правило, на «дунайском балканском наречии», а родопские (разложские, неврокопские) помаки — тоже на совсем другом, а не шопском или дебырском наречии¹⁷⁶.

Некоторые книжники говорили не о наиболее чистом, а о наиболее правильном болгарском наречии как основе литературного языка, понимая под этим, вероятно, по существу то же самое — прежде всего отсутствие иноязычных слов и других элементов, нарушающих чистоту и

¹⁷³ *Васкидович Е.* Детинско прибавление или различни нравствени поучения и правоучителни истории. Цариград, 1852, с. 9.

¹⁷⁴ *Богоров И.* Упътване за българският език. Виена, 1869, с. 12—13.

¹⁷⁵ См. статью «Българският език. Наука за звуковите. Един опит над тѣз наука». — Читалище, год. III, 1873, кн. 11, с. 1015.

¹⁷⁶ См., например, редакционное примечание к упомянутой здесь статье из журнала «Читалище», с. 1015, сноска.

ясность языка. Так, в начале 50-х годов Н. Геров указывал, что «хорошим письменным языком», т. е. литературным, должно стать «более правильное и более чистое наречие», которое можно установить путем сравнения местных особенностей всех наречий¹⁷⁷. Таково же было и мнение Л. Каравелова, который уже позднее, в начале 70-х годов, предлагал в качестве литературного языка принять то наречие, которое при сравнении всех наречий «окажется более правильным»¹⁷⁸. Подобной точки зрения придерживались и другие деятели Возрождения¹⁷⁹.

Достаточно распространенным было мнение, что при выборе конкретной диалектной основы литературного языка следует руководствоваться наибольшей близостью наречия к древнеболгарскому языку. При этом одним из показателей такой близости современного наречия также считалось, как правило, отсутствие в нем иноязычных слов. Естественно, что наречие, ближайшее к древнеболгарскому языку, рассматривалось одновременно и как наиболее чистое и правильное.

Обращение к древнеболгарскому языку как к своего рода арбитру при выборе конкретной диалектной базы литературного языка вполне понятно. Этот язык был предметом законной гордости всех болгар, независимо от того, какую роль они отводили ему в формировании современного литературного языка. Даже наиболее радикальные сторонники чисто народной основы литературного языка (например, В. Априлов, И. Богоров и др.) отдавали должное древнеболгарскому языку и рассматривали его как один из источников обогащения и совершенствования формировавшегося литературного языка, в частности его лексики. Авторитет древнеболгарского языка был настолько велик, что доказательство большей близости с ним какого-либо наречия уже как бы само собой предreshало, по мнению многих книжников, вопрос

¹⁷⁷ См. его статью «Болгарски». — Цариградски вестник, год. V, № 76, 1.III.1852. Это же см. и в брошюре: *Героу Н. Няколко мисли за българският язык и за образованието у българиите*. [Цариград], 1852, с. 36.

¹⁷⁸ См. заметку «Книжевни известия». — Свобода, год. III, № 14, 30.IX.1872.

¹⁷⁹ См., например: *Шишков Т. Наръчен учебник за начална математика в три курса: аритметика, алгебра и геометрия за народните ни училища. Първий курс. Теоретическа и практическа аритметика*. Търново, 1869, с. 7.

о преимущественной роли этого наречия в устройстве литературного языка.

В истории современного болгарского литературного языка «арбитражная функция» древнего языка в решении спорных вопросов была выдвинута уже автором первой грамматики. Именно Неофит Рилский выдвинул и обосновал идею о том, что в условиях многочисленных диалектных различий единственно возможным критерием отбора форм и слов для литературного языка может быть лишь большее соответствие их древнеболгарским («славенским») формам и словам. Но если Неофит рекомендовал обращаться к древнему языку лишь при решении конкретных вопросов нормализации литературного языка, то другие книжники позднее стали обращаться к нему как к «нелживому свидетелю», говоря словами Неофита, и в решении такого общего вопроса, каким является выбор диалектной основы.

Данный критерий был предложен уже в конце 30-х годов В. Априловым и Н. Палаузовым. В письме Неофиту Рилскому от 30.VI. 1837 г. они указывали: «Произношению (т. е. речи в широком смысле слова. — *Г. В.*) той части Болгарии, где говорят ближе к старому языку, должны следовать и ученые»¹⁸⁰. Эту же мысль высказывал и Г. Крыстевич. По его мнению, болгары в устройстве своего литературного языка должны поступить так, как поступили греки со своим, а именно: «Писать так, как мы говорим, но согласно тому наречию, которое ближе всего к древнеболгарскому языку и наиболее с ним сообразно»¹⁸¹. А В. Петков предлагал возвести в ранг литературного языка наречие той области, где распространен «наиболее чистый болгарский язык» и где он «меньше всего отступил от древнего»¹⁸². С. Радулов тоже полагал, что лучше всего принять «за основание нашего письменного языка наречие, которое более согласно с древнеболгарским»¹⁸³.

О том, насколько популярной была эта точка зрения, свидетельствует и следующий факт. Газета «Цариградски вестник», сообщая в 1853 г. о намерении издать собрание народных песен, загадок и других произведений народ-

¹⁸⁰ Априлов В. Съчинения. София, 1968, с. 278.

¹⁸¹ Крыстевич Г. Указ. соч., с. 316.

¹⁸² Петков В. За българският език. — «Цариградски вестник», год. 7, № 336, 6.VII.1857.

¹⁸³ Радулов С. Нравоучение за децата. Одесса, 1853, с. III.

ного творчества, сочла нужным специально отметить, что эти произведения позволят каждому «смотреть и сравнивать, где язык более чист и приятен и к древнеболгарскому (словенскому) приближается»¹⁸⁴.

Выдвигался и критерий наибольшего благозвучия, которым должно обладать наречие, избираемое в качестве основы литературного языка. Обычно благозвучие называлось как сопутствующее другому свойству, но иногда оно рассматривалось и как важнейшее качество такого наречия. На него прежде всего обращал внимание, например, П. Зографский, предложивший использовать македонское наречие в качестве «главной основы» создаваемого болгарского литературного языка. Он писал: «Македонское наречие. . . хорошо было бы взять за его (литературного или, его словами, «общего письменного языка». — *Г. В.*) главную основу, по той причине, что оно более полновечно, более плавно и стройно, а во многих отношениях полнее и богаче»¹⁸⁵. П. Зографский, правда, не настаивал на том, что литературный язык должен базироваться исключительно на македонском наречии, а отводил ему только главную роль в устройстве этого языка благодаря его особому благозвучию.

Некоторыми книжниками поднимался вопрос о среднем и общепонятном наречии как об основе литературного языка. Петко Славейков, например, подчеркивал, что такое решение вопроса было бы «и правильным, и разумным, и полезным», ибо это способствовало бы сохранению «единства нашего народа»¹⁸⁶. Он писал о необходимости выбора болгарами наречия «среднего», которое было бы понятно во всех областях¹⁸⁷.

Более подробно эту же точку зрения развивал И. Ковачов, предлагавший избрать для литературного языка «такую форму (наречие, — *Г. В.*), которая занимала бы среднее положение между остальными и была бы ближе к каждой из них»¹⁸⁸. Кроме этого, Ковачов придавал

¹⁸⁴ См. заметку «От редакцията». — «Цариградски вестник», № 148, 21.XI.1853 (это же и в № 149, 28.XI.1853).

¹⁸⁵ См. его статью «Мисли за болгарскиот язык». — Български книжици, год. I, 1858, ч. 1, с. 36.

¹⁸⁶ *Славейков П.* Македонскиот въпрос. — Македония, год. V, № 3, 18.I.1871.

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ *Ковачов И.* Едно мнение върху общи език и по правописание у нас, с. 5.

большое значение также общепонятности соответствующего наречия и его чистоте.

Называлась также и наибольшая распространенность наречия. Предполагалось, что наречие, на котором говорит большинство болгар, более достойно предпочтения при создании общebolгарского литературного языка, чем те, носители которых составляют меньшую часть населения. На этом критерии настаивал, например, Т. Стоянов-Бурмов¹⁸⁹.

Таковы критерии, которые выдвигались разными деятелями эпохи возрождения для выбора конкретного наречия в качестве основы общebolгарского литературного языка. Уже само разнообразие этих критериев говорит о значительном интересе, который проявляли книжники к этому вопросу, о большом значении, которое они ему придавали, о глубокой их заинтересованности в наиболее целесообразном, правильном его решении, которое отвечало бы задачам и нуждам в развитии национальной культуры и упрочении единства народа. С другой стороны, разнообразие выдвинутых критериев свидетельствует о сложности самой задачи, которую в меру своих знаний и ее понимания пытались решить деятели Возрождения, — выбрать достойное во всех отношениях наречие, на основе которого следовало бы строить и развивать литературный язык. Каждый из рассмотренных выше критериев казался тем, кто его выдвигал, достаточно обоснованным, целесообразным и правильным. Но для других книжников, выдвигавших свой критерий, он был произвольным, необидительным и потому неприемлемым.

¹⁸⁹ См. его заметку «За българска граматика на Г. Мирковича». — Български книжици, год. III, 1860, ч. 2, с. 224.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК У СЕРБОВ
В КОНЦЕ XVIII—НАЧАЛЕ XIX ВЕКА



История литературного языка у сербов в XVIII в., согласно периодизации Б. О. Унбегауна, делится на три периода: 1) с 1690 до 1740 гг., 2) с 1740 по 1780 гг. и 3) последнее двадцатилетие XVIII в.—начало XIX в. Процесс становления сербского национального литературного языка был длительным и сложным. Он представлял собой не просто переход от древнесербского «сербульского» языка, бытовавшего еще в конце XVII и начале XVIII в., к литературному языку на народной основе, кодифицированному Вуком Караджичем, а был связан с попытками формирования разных структур литературного языка — церковнославянской на русской основе, русской литературной XVIII в. (историографический слог и т. п.), средней или смешанной русско-церковнославяно-сербской или русско-сербской и т. п. структур, известных главным образом под названием «славяносербского языка». Путь развития этих идиомов, их взаимоотношение и зависимости, наконец, связи с формированием сербской литературы и литературных жанров XVIII в. изложены в предшествующих параграфах, которые из-за недостатка места не помещены в этой книге. Их публикация предполагается в серии «Славянское и балканское языкознание. История литературного языка и письменности». Автором написана также работа «Литературный язык у сербов до XVIII в. (XII—XVII вв.)», где рассматривается соотношение древнеславянского литературного языка и древнесербского литературного языка в зависимости от литературных жанров, времени их возникновения, функциональной направленности текстов, их переводности или непереводности и т. п.

Литературный язык у сербов в 1780—1800 гг. Последнее двадцатилетие XVIII в. в истории сербского литератур-

ного языка может быть охарактеризовано как переходный период от «славяно-сербского» или вернее русско-славянского литературного языка к литературному языку на народной основе, хотя само понятие и формы «народной» основы были в то время достаточно расплывчаты и требуют дополнительного определения.

Для этого периода можно считать еще характерным наличие трех основных компонентов или трех основных моделей или типов, в принципе даже трех разных языков — русского (или «русскословенского», т. е. определенного вида русского языка XVIII в.), древнеславянского (церковнославянского) русского типа и сербского (народно-сербского). Эти три языка или три типа, согласно терминологии и определенному локальному (внутреннему, внутренне сербскому) подходу некоторых исследователей¹, могут быть выделены довольно четко и определенно как некие модели или даже нормативные системы, но не как конкретный язык конкретных произведений и памятников.

Что касается языка отдельных произведений, то он в рассматриваемый период лишь в редких случаях отражал в чистом виде один из трех упомянутых языков (или типов), представляя собой в каждом конкретном случае определенную смесь или определенную переходную, нюансовую языковую картину, часто специфическую не только для того или иного писателя, но и для того или иного произведения отдельного писателя.

Такая ситуация может быть условно названа ситуацией к о н к у р е н ц и и о п ы т о в нормирования и кодифицирования литературного языка, и она характерна лишь для определенных периодов — периодов борьбы за становление норм национального литературного языка. Именно в «преднациональный» период эта конкуренция обостряется, а ее прекращение знаменует собой начало нового этапа, этапа стабилизации норм национального литературного языка.

Для последнего двадцатилетия XVIII в. характерно не столько наличие и использование трех языков, трех языковых систем, что наблюдалось и в более ранние временные отрезки, сколько определенное соотношение текстов,

¹ *Младеновић А.* Типови књижевног језика код Срба у другој половини XVIII и почетком XIX века. — Реферати за VII Међународни конгрес слависта у Варшави. Нови Сад, 1973, с. 39—53.

написанных на этих языках, или приближающихся к ним в языковом отношении. Это соотношение свидетельствует об активном процессе вытеснения древнеславянского (церковнославянского) языка из литературной, в первую очередь светской сферы и о все большей противопоставленности «русско-славянского» (русского) языка в сербском употреблении и сербского языка на народной основе — «народно-сербского» литературного языка. Такая более резкая противопоставленность, ведущая, естественно, к решительной конкуренции, отклоняющей в конечном итоге возможность сосуществования, была вызвана как раз «уходом с основной сцены» древнеславянского языка, осуществлявшего роль координатора, нормализатора и основного связующего звена между «русско-славянским» и «народно-сербским». С отстранением «славянского» (церковнославянского) общая система связи распалась и несовместимость отдельных языков и языковых элементов оказалась более очевидной. Система трех языков, воспринятая на какое-то время (40—80-е годы XVIII в.) как система трех стилей, и то не всеми и не в полной мере, распалась, и процесс сближения этих трех родственных литературно-языковых образований, укреплявшийся рядом переходных форм, сменился процессом их отталкивания. Весь вопрос уже в XIX в. сводился к степени и интенсивности этого отталкивания. Этому во многом способствовало расширение и изменение системы литературных жанров, а также быстрое развитие, обогащение и осложнение стилистической системы сербского литературного языка конца XVIII в. Конец XVIII в. ознаменован стремительным ростом сербской книжной продукции. Если, согласно библиографическому исследованию Г. Михайловича² с 1700 г. по 1740 г., как уже отмечалось, вышло около десятка книг, а с 1740 г. по 1780 г. — немногим более 130, то за двадцать последних лет их было напечатано более 250. Примечательно также и то, что стремительный рост произошел в последнее десятилетие: с 1790 г. по 1800 год вышло в свет 187 сербских изданий, немногим менее половины всех изданий за XVIII век. Известно, что количественные показатели сами по себе еще недостаточны и должны дополняться другими показателями. Именно этому и будут посвящены дальнейшие

² Михайлович Г. Српска библиографија XVIII века. Београд, 1964.

рассуждения. Отметим только заранее, что как раз к концу XVIII в. относится деятельность таких известных сербских писателей и переводчиков, как Досифей Обрадович, Йован Раич, Эммануил Йанкович, Йован Мушкатирович, Григорий Терлаич, отчасти Захарий Орфелин и др.

Число книг, изданных в рассматриваемый период на древнеславянском (церковнославянском) языке, еще довольно значительно: оно не уступает числу книг, вышедших за предшествующий период (около 30 книг), но в процентном отношении их удел оказывается значительно меньшим, чем в более ранний период. Состав этих книг довольно традиционен: псалтырь, евангелие, деяние апостолов, часослов, сборники молитв, акафисты, ирмологии и т. п.

Язык учебно-теологической и житийной литературы. Весьма характерен тот факт, что не богослужebная, а церковно-учительная литература, предназначавшаяся для учащихся духовных и светских школ различных уровней, писалась в конце XVIII в. уже на языке, близком к народному. Так, знаменитый катехизис Йована Раича, выдержавший с 1776 г. по 1797 г. пять изданий, хотя и изобилует церковнославянизмами, но в общем отражал язык торгово-интеллигентской среды Воеводины, своеобразное воеводинское койне³.

В качестве примера можно привести начало «Вступления» в «Катихисисъ малый. . .» по рукописи автора 1774 г.:

«Приидите чѣда послушайте мене стра́ху Бжю научу васъ» Шал. 33, 12.

«В[опросъ]. Чему́ насъ ты́ учи́ти хо́еши, ка^а насъ тако каже́ши»

Ѓ[говоръ]. Я васъ намерѣвамъ научити да будете добри хр^ти́ани, и поштени члцы.

В. То ми желимо и хо́емо слышати.

Ѓ Ако желите и научитесе тако сатворите хо́ете бити блгополучни на овомъ свѣту а на ономъ блаже́ни.

Нетрудно заметить в приведенном отрывке элементы древнеславянского (а не русского) языка, типа члцы, элементы того же языка общие с русским — слышати и

³ Следует отметить при этом, что сами диалекты Воеводины не отличались и не отличаются и в наше время большой дифференциацией и составляют с собственно сербскими («сербянскими») диалектами одно диалектное целое — шумадийско-воеводинскую группу говоров.

формы, характерные для сербского локального типа древнеславянского — *сатворите*. По поводу языка «Катихиса малаго. . .» (в рукописи «Катихисмъ меншии. . .») известный сербский исследователь А. Младенович писал: «Поскольку это произведение написано для простого народа и школьных детей, очевидно, что в нем следует ожидать народный язык (ср. Руварац. Арх. J. Рајић 69). И действительно, язык Раича в «Катихисмъ меншемъ» в значительной мере — народный, что, впрочем, уже известно. Но в «Катихисмъ меншемъ» — немало элементов и церковнославянского языка, что, конечно, понятно, если принять во внимание характер самого произведения (ср. напр. *будетъ* КМ 4, 23, *будуть* КМ 4, *самаго спасителя* КМ 8, *вѣчнаго грѣха* КМ 8 *жизнь* 10 и т. п.)⁴.

В принципе тем же языком пользовался Раич в своих переводах с русского таких книг, как «Собраніе рѣзныхъ и праздничныхъ нравоучительныхъ поученіи въ трѣхъ частехъ по ѡсобъ сostante. . .» (Вена, 1793; рукопись датирована 1789 г.) митр. Гавриила Петрова и митр. Платона Левшина и «Свещенна Историја ради малолѣтне дѣтице краткима вопросама и ѡвѣтама сочинѣна у Москвѣ 1782 лѣта а на прѣстѣй сербскій языкъ ради сербске дѣтице преведѣнна въ лѣто 1792. Въ Монастырѣ Ковилѣ. Въ Виѣнѣ, 1793» митр. Платона Левшина.

А. Младенович справедливо замечает, что речь в этом случае должна идти не столько о переводе, сколько об «осербливаніи» (посербливану) русских слов, форм и отчасти предложений⁵. Но следует добавить, что это осербливание нередко вело к вольному пересказу оригинала, к более пространному его изложению. Так, если в русском оригинале «Свещенной Историі» находим — «Помраченіе ума и превратность вождедѣній, то в «переводѣ» Раича дается и перевод и толкование: «Помраченіе ума и развратность воли, то есть склонность на свако зло, и одним словомъ зло срѣце»⁶.

Язык упомянутых произведений И. Раича нельзя считать чисто народным, хотя он и называл его «простымъ срѣбскимъ языкомъ» и старался максимально приблизить

⁴ Младеновић А. О народном језику Јована Рајића. [Нови Сад, 1964] с. 15.

⁵ Там же, с. 12.

⁶ Там же, с. 14.

к такому, за что он значительно позже, уже в XIX в., снискал похвалу Вука Караджича. Говоря о «Священной Истории» Й. Раича, Вук отмечал: «Книга эта в наше время чрезвычайно важна для Сербского языка хотя бы потому, что ни в одной другой книге нет такого числа признаков подлинного Сербского языка, сколько есть в ней, и, во-вторых, что эта книга о Божественном и потому никто не может сказать, что ее какие-то еретики писали и в свет выпустили»⁷.

К языковой системе или точнее к гаммам языков и стилей, которыми пользовался Й. Раич, мы еще вернемся, когда речь пойдет о сербском «историческом слоге», о стихотворных произведениях и драме XVIII в., сейчас же отметим, что наряду с проникновением народного языка в церковную литературу чисто учебно-дидактического и проповеднического характера, наблюдалось и утверждение позиций древнеславянского (церковнославянского) языка русского типа часто со значительной долей элементов русского литературного языка XVIII в. за счет «сербульского» типа, принятого еще в начале XVIII в. и ранее. Довольно ярким примером этого процесса может служить «очищение» и сокращение Феодосиева «Житія . . . Сумешна и Саввы . . .» (в тексте ошибочно авторство жития приписывается Доментиану), выполненное еписк. Кириллом Живковичем.

В качестве примера такого «очищения» приведем начальные строки «Житія»:

Савва Свѣтѣй пѣрвыи Архїепїскопъ Сѣрбскїй, Просвѣтїтель и велїкїй Чудотворецъ, бѣ сынъ велїкаго Кнѣза, Стефана Немани самодержавнаго владѣтеля Дѣшклїтїи Далмациї, Травуниї, Босны, Славонїи, Россїи, и всѣхъ Сѣрбскихъ, и во Иллирицѣ обрѣтающихся Нарѣдѣвъ, иже первѣе Свѣтѣмъ Апѣстоломъ Павломъ проповѣдъ Евѣнгелїа прїѣша и крестїшася (с. 3).

Историографический слог у сербов в конце XVIII в. Как известно, утверждение древнеславянского языка русской редакции в богослужении продолжалось и в XIX в. и его церковный узус сохранился и в наши дни. Однако,

⁷ *Караџић Вук Ст.* Главне разлике између данашњега славенскога и српског језика. — Скупљени граматички и полемички списи, књ. II, Београд, 1894, с. 262—263.

уже в конце XVIII в. начал ощущаться процесс обособления церковно-сакрального языка (древне-славянского русского редакции) от языка несакрального, который мог применяться и в церковной и в светской сфере.

В качестве таких несакральных текстов в конце XVIII в. были тексты исторического содержания. Довольно значительное число исторических сочинений в сербской литературе XVIII в. отмечено до последнего двадцатилетия. Этот завершающий период, однако, был не менее богат книгами, посвященными отечественной сербской, южнославянской и русской истории.

Фундаментальным трудом в этой области было знаменитое четырехтомное разыскание Й. Раича «Исторія разныхъ славенскихъ народовъ наипаче Болгарь, Хорватовъ и Сербовъ изъ тмы забвенія изытая и во свѣтъ историческій произведенная Іоанномъ Раичемъ архимандритомъ во свято архагельскомъ монастырѣ Ковилѣ, часть I—IV. Въ Виеннѣ. 1794—1795».

Язык этого произведения близок к тому языку, которым написана орфелинская «Исторія о житіи и славныхъ дѣлахъ. . . Петра Великаго. . .» (1772 г.). По сути дела такой язык был одной из разновидностей русского литературного языка XVIII в. («историографический» его слог) с таким же, как и у русских писателей того времени, осложненным на латинско-немецкий лад синтаксисом и еще с отдельными словами сербско-книжного происхождения. Морфология же и графико-фонетический облик слов за некоторыми редкими исключениями носят типично русский характер, что видно хотя бы из следующего отрывка из «Исторіи» Й. Раича:

Славянь, или Славиновъ имя прежде шестаго столѣтствія и временъ Іустиніана Великаго Императора Римскаго Греческимъ и Латинскимъ Исторіографомъ свѣдомо небыло по свидѣтельству Кромера (Кн. I. Гл. I) но ниже мѣсто кое въ Земляхъ или въ Человѣцѣ каковомъ въ древныхъ Географіахъ, или Исторіахъ обрѣтается, откуда бы сей Славенскій Народъ порѣкло свое произвести могль. . . (т. I, с. 2—3).

Русский характер языка этой книги подтверждает, как и в случае с историческим сочинением о Петре Великом З. Орфелина, переиздание с незначительными исправлениями первого тома раичевой «Исторіи» в России, в Петербурге в 1795 году. Как известно, «Исторія» Раича

дожидалась своего выхода в свет около тридцати лет ⁸, и если учесть этот момент, станет ясно, что большие исторические разыскания Орфелина и Раича возникли почти одновременно. Первого интересовала новая по тому времени история, второго — преимущественно древний и средневековый период.

Однако, установившийся к последней трети XVIII в. язык исторических сочинений оказался очень сильно сербизированным в переводе Николая Лазаревича «Повѣсти житія славнаго и побѣдоноснаго Россійско-императарскаго Фелдмаршала Графа отъ Суварова Рымникской Николаемъ Лазаревичемъ иногда бывшимъ Нормальныхъ Школь Наставникомъ съ Нѣмецкаго на Славеносербскій языкъ преведена» (Въ Будимѣ, 1799) ⁹. Показательна при этом тематика книги, свидетельствующая о неослабном интересе сербов к русской воинской славе, к русским «державным персонам» — правителям и полководцам ¹⁰.

Еще один вопрос был актуален для сербов в Габсбургской империи во второй половине XVIII в. — вопрос, поднятый итальянцем Мавро Орбини в его известной книге «Il regno delgi Slavi» (Pesaro, 1601), о христианизации славянства при Кирилле и Мефодии. Орбини полагал, что оно было проведено по римскому образцу и поэтому к переводу Саввы Владиславлевича (СПб., 1722) было добавлено обширное послесловие Феофана Прокоповича, где мнение рагузинского (дубровницкого) бенедиктинского монаха оспаривалось. Точку зрения Феофана Прокоповича изложил и поддержал в своей «Исторіи» Й. Раич. Не приходится удивляться поэтому, что всего лишь два года спустя после выхода первых томов раичевой «Исторіи» в переводе еписк. Петра Петровича с немецкого вышла книга Х. С. Смида «Историческое разсмотреніе вопроса есть ли христіанство въ Бохеміи и Моравіи чрезъ Мефодія по ученію греческія или латинскія церкви введенно?» (Въ Будимѣ, 1796). Язык этой книги — также русский

⁸ *Радойчић Н.* Српски историчар Јован Рајић. Београд. 1952, с. 63—65.

⁹ *Албин А.* О језику Николаја Лазаревича. — ППЈ, 5, 1969, с. 1—29.

¹⁰ *Мокутер И.* Русско-сербские литературные связи в XVIII веке (общий обзор). — *Studia Slavica*, t. XVIII, f. 1—2. Budapest, 1972 и *Mokuter J.* Petar Veliki u srpskoj književnosti XVIII veka. — *Studia Slavica*, t. XI, f. 3—4. Budapest, 1965.

историографический слог с некоторыми элементами древнеславянского и сербского языка.

К числу исторических сочинений рассматриваемого периода можно присовокупить еще довольно краткие описания истории «пречанских» (задунайских и засавских со стороны Белграда) сербских монастырей Викентия Луштины «Крѣтка пѣвѣсть ѿ общежитѣльномъ монастырѣ Златицѣ во Валахо-Иллѣрїческой Регимѣнтѣ сущемъ: ѿ егѡ началѣ и приключѣніахъ ѿ 1225 даже до 1797 лѣта» (Въ Будинѣ, 1798) и «Крѣтка повѣсть ѿ общежитѣльномъ монастырѣ Мѣсичѣ сущемъ въ Банатѣ Темишварстѣмъ. . .» (Въ Будинѣ, 1798) и Викентия Ракича «Исторїа монастырѣ Фенѣка. . .» (Въ Будинѣ, 1799). Язык этих кратких исторических очерков не очень удален от историографического слога Й. Раича, но и не лишен своеобразия. Он изобилует сербизмами: у Луштины прежде всего лексическими (*планина, шума, воденица* и т. п.), а у Ракича и грамматическими. Сочинение В. Ракича написано десятистопным силлабическим стихом и потому оказывается одновременно и поэтическим произведением барокко-вишневского типа.

Административно-юридические документы и их язык. В конце XVIII в. текстами, относительно близкими по своему стилю и содержанию к историческим, были рескрипты, распоряжения и документы юридического, административно-юридического и административно-хозяйственного характера. И хотя основными деловыми и канцелярскими языками в пределах Австрийской империи были, как отмечалось выше, латинский и немецкий язык, некоторые указы, узаконения и установления печатались на «славено-сербском». Этот «славено-сербский язык» был в отдельных случаях таким же как и в исторических сочинениях, а в других случаях он содержал меньшее число русизмов, будучи своеобразным симбиозом сербского городского разговорного языка, наделенного грамматическими и иными чертами воеводинских говоров с древнеславянским языком русского образца, приспособленного к административным нуждам и отраженного больше в орфографии, чем в лексике и грамматике. Как правило, эти тексты были очень краткими (от 10 до 25 страниц) и не очень многочисленными (за последнее двадцатилетие XVIII в. их насчитывалось менее двадцати). К ним относились: указ о крестьянах, брачное узаконение, рас-

поряжение о служителях, указ о золотых деньгах, наставление помещикам, закон о выезде из империи, закон о бродягах, закон о преступлениях, школьные ученические правила, положение о тушении пожара и др.

В качестве образца «славяносербского» языка на русской основе приведем отрывок из «Школскихъ ученическихъ правилъ» (Вена, 1793):

І Какъ ученицы пре^а бгѡмъ и въ цркви стоати имѣють. А Пре^а бгѡмъ. 1. Начало премудрости есть страхъ бжій. Страху сему ученицы наипаче въ школь да обучаются; ибо той есть крѣпчайшее побужденіе къ блгосодержанію, и служить ср^ацамъ страха тогѡ исполненнымъ ѿ грѣха удержатиса емуже страстный человекъ немалую склонность имать (Начало «Правилъ», с. 2).

Аналогичным языком писан рескрипт Иосифа II о «греческом» богослужении в Вене (1783).

В качестве образца языка, приближенного к народному, приведем отрывок из указа Иосифа II о золотых деньгах (1786):

«Мы Іосифъ второй, бжіею млтію избранный Императоръ Римскій. . . Понеже не само в' общей торговини по целой Еуроши но и по издатимъ в' чужихъ державахъ заради новаца уредбамъ, злато спрѡу сребра в' цѣни много выше повишено есть, нежели какое досадъ по Нашимъ узакѡнїямъ злато Нашихъ державъ оцѣнѣно было. . .» (Начало указа, с. 1).

Таким образом, к концу XVIII в. деловой официальный язык оказывался не монолитным: в нем соперничали идиомы — русско-«славяно-сербский» и «средний», значительно сближенный с народным, но чисто народный еще отсутствовал.

Язык сербской журналистики конца XVIII в. Язык указа о золотых деньгах близок к языку сербских газет того времени. Появление «Сербской новины» и «Славено-сербскихъ вѣдомостей» в Вене в 1792 г. и регулярный выпуск последних в течение 1793—1794 гг. свидетельствует о возникновении к концу XVIII в. если не массового, то все же немалочисленного сербского читателя, которому и предназначалась газета. И хотя из-за ограниченного числа подписчиков «Новина» почти сразу, а «Вѣдомости» на третьем году прекратили свой выход в свет,

сам факт их существования явился важным звеном в истории сербской культуры и сербского литературного языка.

Как образец газетного языка приводим отрывок сообщения о России:

РОССІА. Изъ Петербурга являсе, да Началнии Генералъ Графъ Суваровъ кои э у финланду Команду водіо, отъ Императрице отржеденъ есть за Комменданта надъ цѣлимъ воинствомъ Губерніи Екаѳерінославской, Крѣма, и другихъ отъ Турковъ недавно отузетихъ Земаля. Прежде нежели э воинство сего славнаго Коменданта на зимне Конаке отишло, держао Г. Генералъ у предѣлу отъ Ёммола мустерунгъ, гдисусе све Регѣменте къ великому удовольствію нѣова Комменданта владале (Славенно-сербскія вѣдомости, № 1, 28. XII. 1792, с. 8).

Уже в приведенном отрывке можно заметить, помимо русизмов, некоторые «диалектизмы» по отношению к современной (и поздней вуковской) норме, вроде икавских форм *гди* (*гдисусе*), *нѣова* (ср. форму с *x* — *нихова*), славянизмы типа формы *отржеденъ*, соответствующей нынешней *одреѣненъ* (возможно, что такое чтение при написании *жд* и существовало), *славнаго* (ср. русское дореволюционное написание *славнаго* и нынешнее сербское *славнога* и *славног*), *нежели* и др., варваризмы *мустерунгъ*, *регентъ* и т. д.

Исследователь сербского литературного языка того времени А. Албин пришел к выводу, что в языке сербских газет 1792—1794 гг. «мы находим смешение языковых слоев, то есть сербскославянских, русскославянских, шумадийско-воеводинских и народных (общих) сербских черт»¹¹, подобно тому, как это наблюдается в языке некоторых произведений Орфелина, Раича и даже в языке Обрадовича. Хотелось бы, однако, отметить, что, если уж различать шумадийско-воеводинские черты и черты народные «общие» (что вызвано, вероятно, ретроспективным взглядом от караджичевской или даже современной нормы), то следует, безусловно, отграничивать и русский язык XVIII в. от древнеславянского (церковнославянского) языка русской редакции, хотя сербскими писателями и журналистами в конце XVIII в. употреблялись

¹¹ Албин А. Језик новина Стефана Новаковића (1792—1794). Нови Сад, 1968, с. 107.

преимущественно такие русизмы, которые были общи русскому языку XVIII в. и древнеславянскому поздней русской редакции.

Смещение языковых слоев в газетном языке не было четко нормировано или хотя бы достаточно упорядочено. Вообще можно даже говорить об отсутствии газетно-языковой нормы в современном ее понимании не только в формальном (фонетико-морфологическом и синтаксическом), но и в лексическом отношении. Так, в «Вѣдомостяхъ» наряду с более употребительной формой *человѣкъ* можно иногда встретить и сербское народное *човекъ*, или помимо слова *соборъ* изредка бывает сербульское (древнеславянское сербского типа) *саборъ*, помимо русского (и древнеславянского русского типа) *конецъ* — и сербизированное *конацъ*, которое позже в вуковом и современном литературном языке заменено словом *крај*¹². Все же некоторое преобладание русско-древнеславянскорусских (т. е. русских и церковнославянских русского образца) элементов в формальной стороне слова было очевидным: *конецъ*, *князь*, *священникъ*, *любезный*, *темница*, *отечество*, *соборъ*, *полкъ*, *солнце*, *долги*, *пепелъ*, *пишу*, *воюетъ* и т. п. Указанный разбой мог быть связан и с темой газетной заметки или сообщения, и с ее источником, хотя подобные колебания были известны в то время и в текстах и языке одного автора.

Особый интерес представляет стиль и язык прокламаций, распространявшихся австрийскими военными и гражданскими властями либо во время временной оккупации сербских территорий, находившихся под турецким владычеством (1788—1791), либо в пределах своих владений. Естественно, они предназначались более широкому кругу читателей, чем круг читателей газет, однако их язык очень близок к газетному и юридическому (языку постановлений, рескриптов и т. п.), что видно хотя бы из следующих отрывков:

... Будући да Оттомáннїческаѧ Пóрта Царїцу Москóвскую неприáтелски оувредїла есть, а Величество Имперáтора кáш вѣрный союзникъ Царицы Москóвскїѧ, принуждена себѣ нáише и ѿ своѣ стране ору́жіе дїзати и вóйску свою протїву Пóрте ступáти дáти. . .

¹² Албин А. Язык новина. . ., с. 109.

...А кои бы дѡмъ свѡй, или другѡе свое жилище и звѡнѡ своегѡ дѣла оставили, побѣгли, и за кратко време не бысе паки возвратили, хоѣду свега свога блга и имѣнѡ во вѣки лишѣни, и та нѡва имѣнѡ другѡимъ оне исте цркве хрѣтіанцѡмъ, кои кодъ дѡмѡвъ при дѣлѣхъ своихъ мирно се владаю, абіе гвнѡ подѣлена быти... (1788).

Однако «доза» различных элементов и тем самым степень смешанности языка в текстах указанного типа не была стабильной. Так, например, в прокламации распространявшейся в Среме в 1795—1796 гг. на разных языках в связи с эпидемией чумы, преобладает русско-славянорусский язык с довольно ограниченным числом сербизмов и с громоздким, характерным и для русского «славянского» высокого стиля синтаксисом, что очевидно из приводимого отрывка — начала прокламации:

Краткое поученіе како отъ куги сачуватися мощи.

1. Куга, аще паче другихъ Болѣзней смертоносѣиша есть, ничегоменше имѣеть она паче другихъ добро сіе въ себѣ, да Богъ челоѡкомъ во обще власть далъ есть въ свирепствѣ ея наивящемъ угнетати, особенное же всякому отъ ея сачуватися мощи. 2. Собственному токмо пренебреженію, собственной токмо предосудительности, яже чрезъ надежду на недѣйствителна не само, но и шkodлива средствѡя, отъ употребленія истинно полезныхъ употребленіяхъ удержаютъ, челоѡвци да припишутъ, аще Куга опустошенія между ими творити будетъ. Они еще къ тому противу самага Промисла Божія грѣшатъ, понеже средствѡямъ отъказываютъ, кои ихъ къ избѣжанію страшнѣишаго зла упутствуютъ.

Грамматическое оформление слов в этом тексте преимущественно русское и русскославянское, лексика того же происхождения за исключением ряда слов или сербских, или созданных по сербскому образцу (*куга, сачуватися, упутствуютъ*), синтаксис же — латинско-немецкий с обязательной постпозицией глагола. Едва ли сербский простодушн понимал эту сложную контаминацию книжных форм, слов и их сочетаний.

Учебные книги, словари, школьные и иные похвальные слова и их языковая характеристика. Язык учебников, число которых к концу XVIII в. стало значительным, был близок к средне-смешанному типу, присущему газетному языку. Довольно ясно проступающая народная основа,

принятая в Сремских Карловцах, в сербской митрополичьей столице, не без влияния Венских правительствующих кругов, в учебниках теологического характера и прежде всего в «Катихисисѣ» Й. Раича, о которой речь была выше, может быть прослежена и в ряде отдельных пособий по языку (грамматики иностранных языков и т. п.) и особенно по точным наукам (арифметике и т. п.).

Довольно чистый «славено-сербский язык» русско-славянского образца сохранился, однако, в букварях, переиздававшихся неоднократно после 1770 г., и в грамматике А. Мразовича («Руководство къ славенстѣй грамматіцѣ во употребленіе славено-сѣрбскихъ народныхъ Училищъ издано трудом Авраама Мразовича иждивеніемъ же общества Новосадскаго. Въ Виеннѣ, 1794).

Это видно из приводимых отрывков из грамматики, взятых из «Предисловія» и раздела «G) Глаголь»:

Съ начѣла ещѣ мною воспріѣтаѡ буправленіѣ повѣренныхъ мнѣ Народныхъ Оучилищъ единое ѿ главныхъ моихъ попеченій, бѣ, между прочими оученическими предметы и наставленіе къ Славенстѣи Грамматіцѣ въ тѣхъ весті; и сегѡ ради къ произведенію сегѡ полезнаѡ намѣреніѣ потщѣхса многоразличнѣ здѣ и индѣ ѡбрѣтаемыѣ Славенскѣи Грамматіки, и ѣже лучшаѣ тѣхъ избрати: (стр. III). G) Глаголь. А Из'ясненіе глагола. Глаголь есть часть слова скландаемаѣ, ѣже состоѣніе каковаѡ лица илѣ вещи кѡпнѡ съ временемъ показуеть; ѣко азъ есмь, онъ почиѣаетъ, мы пишемъ, онѣ любятъ. Б. Раздѣленіе глаголовъ. 1. Въ смотреніи знаменованіѣ еже имѣють, и сѣтъ таковѣи, а. Дѣйствительнѣи, ѣже дѣйство каковыѣи вещи внѣ тоѣ бывѣемое знаменуютъ. Н. п. Пытаю, бію. Здѣ не пребѣаетъ дѣйство во вещи, ѣже дѣйствуетъ, но простыраетса къ другѡй вещи (с. 96).

Таким образом, в конце XVIII в. у сербов «словенский» (древне-славянский позднего типа) был грамматически кодифицирован, в то время как сербский письменный язык на народной основе оставался грамматически некодифицированным до времен Вука Караджича.

Нечто вроде опыта грамматической нормализации «славяносербского» языка, приближенного к «среднему слою» (т. е. русско-славянского приближенного сербскому руссифицированному), опыта, сделанного, правда, в це-

лях объяснения форм и структуры значений итальянской грамматики, было произведено Викентием Лустиною, который отмечал, что его книга «списана есть общимъ нарѣчіемъ (діалектомъ) Иллѳрическимъ обыкновенно Славенносербскимъ назватимъ» и, притом, приспособленная для понимания «обучающейся Юности» («Грамматика италянская ради употребленія Иллѳрическаго Юности собрана Викентіемъ Лустиною». — Въ Вѣннѣ, 1794). Раздел, касающийся лексики, и в особенности разговорник Лустины, пронизаны сербской речью¹³.

Попыткой, хотя и не очень удачной, лексической кодификации «славяно-сербского» языка на русской основе было издание словаря, приписываемого Теодору Аврамовичу («Нѣмецкій и сербскій словарь на потребу сербскаго народа въ Кра́л. державахъ». Въ Виеннѣ, 1 изд. 1790; 2 изд. 1791). Следует заметить, что помимо русских и «славянских» (церковнославянских) слов, взятых, как известно, из рижского немецко-русского словаря Я. Родде (1784)¹⁴, Т. Аврамович внес немало сербских народных слов (часть из них с чертами воеводинских и локальное — сремских говоров)¹⁵ и тем самым отразил состояние литературного сербского языка конца XVIII в., допускающего смешанный тип в различных пропорциях смешения. Лексическую кодификацию языка на народной основе произвел почти три десятилетия спустя Вук Караджич, издав свой «Српски рјечник» (1818)¹⁶.

В конце XVIII в. в сербской задунайско-савской среде («преко») возник особый вид или жанр произведений, связанных с деятельностью средних школ или учреждений, близких к митрополичьему двору, жанр приветственных и похвальных слов. Сохранилось около полтора десятка опубликованных слов этого типа, что свидетельствует об особом интересе и внимании к этой форме торжественного

¹³ Подробнее см. в кн.: *Lionello Costantini. Slavo ecclesiastico e volgare nella Grammatika italianskaja di Vikentije Ljuština*. Firenze, 1976.

¹⁴ *Гудков В. П.* Из истории сербской лексикографии (Венский словарь 1791 г.). — Исследования по сербохорватскому языку. М., 1972, с. 183—196.

¹⁵ *Албин А.* Особине народних говора у «Немачко-српском речнику» (1790). — ППЈ, књ. 6, 1970, с. 41—45.

¹⁶ *Ивић П.* О Вуковом Рјечнику из 1818 године. — Сабрана дела Вука Караџића, књ. II, Српски рјечник (1818). Београд, [1966].

красноречия. Среди них следует упомянуть «Слово благодарственное по окончаніи испытанія господамъ посѣтителемъ и родителемъ ꙗкоже и Господину Локал — Директору ученикомъ Илією Живановичемъ изговоренное 1799-го года во первомъ теченіи Мѣсѣца Марта дня» (Въ Будинѣ писмены Кралевскаго Всеучилища [1799]), авторомъ котораго былъ Яковъ Пеяковичъ, «Слово на торжественный праздникъ Народнѣ Осѣчке школе Наставникомъ» (Въ Вѣннѣ, 1792). «Слово торжественное Егѡ Высокородію Господину Іакову Петѣ Егѡ сщєннѣйшаго Ц. К. и Ап. Величества Совѣтнику и Народныхъ училищъ кралевскому надзирателю такожде и благорѡднымъ изъ среды славнаго Пештанскаго Магистрата судіамъ, г. Міхаилу Крегáру гражданоначальнику, Г. Іѡáнну Мушкатиновичу старѣйшинѣ ꙗкоже и ѡбранномъ граждановъ кругу. Случаемъ гавнаго въ наукахъ Испытанія въ Собственномъ Народѣ Сербскаго Училищи изговорено. На той наипаче конєць, во еже убогихъ училищъ Юношъ нужнымъ недостаткомъ изъ Общїа казны спомоществовати. Въ Пештѣ. 4/15 Сентємврїа 1799» Космы Йосича, «Слово въ день торжественнаго инцалáціи Ещєцелленціи Православнаго Архиепѣкопа Карловачкаго, всегѡ Славено-Сербскаго народа Митрополита, Его сщєннѣйшаго Цесаро-кралевскаго и Апостолїческаго Величества Тѣйнаго Совѣтника Гѣдина Мѡвсєа ѡ Путникѣ. Проповѣданое во Всенародномъ Собраніи въ Каедральной Митрополїи цркви Димїтрїемъ Геѡргїевичъ проповѣдникомъ ѡ Протѡпрєвѣтеромъ Кáрловачкимъ Мѣца Юнїа 29 днї 1781 лѣта (Напечатано во Вїеннѣ при Іѡсифѣ блгорѡдномъ ѡ Курцбекѣ востѡчномъ дворномъ Тѣпографѣ въ лѣто 1781)», «Слово в' предѣ избраніе Архі-Епѣкопа и Митрополїта Аврѣамомъ Петровичъ прото-пресвѣтеромъ Конзїсторїума епархїи Бáчкїа подѣ 29-мѣ Октѡмврїа 1790 лѣта въ Темисварѣ сочинено (Въ Вїеннѣ, 1791)» и др.

Уже сами заглавия слов многое говорят о ихъ языке, а в некоторых случаях и о такихъ элементахъ языка, какъ акцентная система. «Слово» Стефана Раича, наставника Осечской школы, сплошь пронизано народными элементами¹⁷, в то время какъ «Слова» пештскихъ и карловацкихъ казнодеевъ — очень далеки отъ народнаго языка и преис-

¹⁷ Албин А. Прилог проучавању језика Стефана Рајића. — ППЈ, књ. 3, 1963, с. 1—22.

полнены витийства, присущего высокому «славенскому» слогу. Латинский синтаксис, типичный для «славянизмы» XVIII в. в них ярко обнаруживается, а часть этих слов, например, «Слово торжественное» Космы Йосича, или «Слово в' день. . . иншалаціи. . .» Дмитрия Георгиевича имели параллельные латинско-славянские тексты.

В качестве иллюстрации приведем еще одно слово, одно из самых коротких, — «Слово предъ Испытомъ Іванномъ Мушкатировичъ глаголанное»:

Вседражайшее присутствіе Ваше, егоже насъ удостоили есте. Высокопочтениѣишии Благодѣи! Толикаа въ сердцахъ нашихъ дѣйствуютъ движеніа, да мы такое, за многоцѣнный даръ нѣкій почитовати имама; обаче елико вѣще днесъ веселіе: толико болше страху подверженіи есмы, боящеса, да не како вмѣстѣ веселіа, еже ѿ Вашегѣ съ нами удовольствіа получитьи уповаемъ; печаль не малую приобращемъ, ибо несумнѣнно бѣдетъ здѣ, ихже ожиданію труди наша негли ѿвѣствовати не будутъ; ничто меньше, мы доволніи суще тѣми, иже возрастъ и слабость такожде нашу въ разсужденіе благонаклонно пріемлютъ въ прописанныхъ предмѣтахъ учебныхъ, гавному испыту, дерзновенно подвергаемса («Торжественный испытъ четьредесать и пять учениковъ въ Національномъ неунитскагѣ закона Училици Пештанскомъ по ѡкончаномъ теченіи лѣтномъ месеца августа дне 31 лѣта г^рдна 1793 гавно производиміи. По полудне ѿ 3 до 6 Часѣвъ — Въ Вієннѣ. При б. Г. Стефанѣ Новакевичъ. . .).

Русский возвышенный слог с древнеславянскими (церковнославянскими) элементами (*имама, есмы, обаче* и т. д.) изредка с сербской локальной окраской (*испыту, почитовати*), но почти без типично сербских фонетических черт характерен для слова И. Мушкатировича.

К сожалению, на эти витийственные тексты исследователи обращали мало внимания, между тем как они, на наш взгляд, хорошо отражают языковые нормы, принятые в практике сербских училищ и влиявшие, несомненно, на развитие литературного языка. И хотя следует признать, что эти тексты имеют малую литературную ценность, их значение как памятников литературного языка немалое.

Дифирамбическая и «гражданская» поэзия и ее язык. Наряду с похвальными словами среди сербов в ту же пору бытовали и дифирамбические стихи. К таковым принадлежали «Стихи сочинени на похвалу Его Величеству Государю Леополду Второму Императору Римскому Кралю Унгарскому и проча^а и проча^а. Иждивенѣмъ Міхаила Владиславлевича, Нормалногъ учител^а» (В' Вієннѣ, 1791) неизвестного автора, «Пѣснь похвална^а благо^дному Господару Димитрию Ѡ Анастасіевичъ и прочимъ жителѣмъ карловачкимъ за ревность къ наукамъ и основаніе Народнаго гимназіума Карловачкагѡ сложена Ѡ народолюбца» (Въ Вієннѣ, 1793) Николя Стаматовича, «Стиси на похвалу Преосвященнѣйшаго и Высокодостойнѣшаго Господина Стефана отъ Аввакумовичъ Жезль архіерейскій въ Карловцѣ Сремстѣмъ приемающаго. Сочинени Гавріиломъ Храниславлевичъ въ К. Університетѣ Пештанстѣмъ правъ слышателемъ» (Въ Будимѣ. . . 1798), «Славопѣніе въ жѣртву ѡбщаго благодаренія пречестнѣйшему Господіну Архимандріту Раичу при случай трудѡвъ Егѡ въ Дѣписаніи славянскихъ нарѡдѡвъ на свѣтъ испѣдшихъ принесѣнное родосинѡвнею благодарностію Григ. Терлаича. Мѣсаца Листопада 22 днѣ 1794» (Въ Вієннѣ) и другие. Были случаи, когда дифирамбические стихи сопровождали слова того же плана, как это сочеталось в сочинении иерея Максима Рашича «Слово купно с пѣснію. Въ день пришѣствія Егѡ Еѣццелленціи Г^дна Петра Ѡ Петровичъ. . . (Въ Будимѣ, 1799).

Приводим финальные строки этого сочинения:

Ѡ! Владыко ТЕБѢ желимъ
 здравствуй всегда и бодерствуй
 съ нами долгоденствуй.
 Все торжествуйте
 и днесъ воспойте
 ПЕТРА ПЕТРѢВИЧА.

Естественно, что помимо печатных стихотворных дифирамбов было известное число рукописных, зафиксированных песенниками XVIII в. и начала XIX в. Одним из таких было «Привѣтствіе высокопреосвященнѣйшему и высокодостойнѣйшему Господину Г. Викентію Іоановичъ

Љ Видакъ во врѣмя избранія на архиепископство. Сочинилъ Иоаннъ Аввакумовичъ въ Карловцѣ»¹⁸.

Приводим первых два четверостишия (из пяти) этого стихотворения:

Видакъ Сербїи имя умилно,
радость и славу днесь избобилно
тебѣ вѣщаетъ
та прославляетъ

ТОРЖЕСТВУЙ.

Иди, оружи съ жезломъ, сапоги
облекъ крыловни, Меркуръ, на ноги:
воструби ясно
востоку гласно
ВИКЕНТІЙ!

Довольно четко выраженный русский литературный язык XVIII в., с некоторыми сербизмами и типичными русизмами, которые, однако, для сербов в те времена были лишены сниженной стилистической окраски (*сапоги* и т. п.), язык, очень близкий к похвальным словам, но почти лишенный типичного для них латинизированного синтаксиса, был характерен не только для дифирамбических стихов, но и для многих стихов иного назначения.

В качестве примера недифирамбической поэзии приводим начало из книжечки «Стихи о нѣдели честь субботи прїемшей» (Въ Виеннѣ, 1792) неизвестного автора, изданные «иждивеніемъ Міхаила Владиславлевича»:

Въ началѣ міра, егда созидаше
Творецъ вся, яже видитъ око наше,
Въ шесть дней изволилъ, всю тварь совершити,
Благоволиже, въ седмый день почити.
Еже новыя преста твари созидати
Но не преста о тѣхъ промышляти. . .

На формирование сербской поэзии XVIII в. и ее поэтического языка большое влияние оказали тексты южно-

¹⁸ Цит. по изд.: *Остојић Т., Ђоровић В.* Српска грађанска лирика XVIII века. Из старих песмарица. Београд. — Ср. Карловци, 1926, с. 17. Текст предположительно ретранскрибирован с современной орфографии. Избрание Викентия Ивановича Видака митрополитом произошло 5 июня 1774 г. Таким образом, традиция подобных приветствий у сербов идет во всяком случае от начала 80-х годов XVIII в.

русских школьных духовных песен и вирш, принесенных русскими учителями еще в первой половине XVIII в. Так, сербами был воспринят целый цикл праздничных церковных песен, в числе которых только рождественских было семь («Слава во вышнихъ Богу», «Шедше трѣ цары», «Богъ предвѣчный народился», «Ликуй днесъ Сіѡне» и др.). Сборник этих песен был издан «иждивеніемъ Г. Даміана Каулиціи Новосадскагѡ книго-продавателя» под названием «Пѣсни различныа на Господскіа праздники» (В' Вієннѣ, 1790).

Т. Остоич и В. Чорович собрали большую коллекцию (133 номера) сербских рукописных стихов XVIII в.¹⁹, которая в последние годы пополняется новыми публикациями²⁰. Любопытно, что эти стихи демонстрируют по сути дела все типы (виды) литературного языка, или точнее литературных языков, бытовавших в сербской среде во второй половине и к концу XVIII в. — русского, «славяно-русского» (т. е. церковнославянского русского типа с элементами русского, а иногда и сербского языка), смешанного славяно-русско-сербского (очень часто со значительным преобладанием последнего) и чисто сербского языка, т. е. языка, близкого к народному, или народного. Существенно, что выбор языка (или «типа» языка) очень часто определяется поджанровым показателем или тематикой стихотворения. Стихи на евангельские и подобные сюжеты написаны русским и рускославянским языком преимущественно, в то время как лирические любовные (иногда даже несколько фривольные) стихи сочинены на народном языке. Чистый сербский язык представлен в стихах, писанных народным размером и в народной манере. Однако иногда и в текстах первой группы встречаются духовные стихи, отличающиеся народным слогом:

Стаде Госпа ядовати
Христось съ крста вопяти:
«Ти отиди майко моя
Теже су ми сузе твоє
Ног на крсту муке мое!

(«Пѣснь во Великій постъ». Т. Остојић и В. Чоровић, № 8; орфография здесь и далее восстановлена мною предположительно).

¹⁹ Остојић Т., Чоровић В. Српска грађанска лирика. . .

²⁰ Сучевић М. Неколико примера српске грађанске лирике XVIII века. — Зборник Матице Српске за књижевност и језик, књ. 3. Нови Сад, 1956, с. 167—170.

И наоборот, в любовной лирике может быть представлен русский язык, пронизанный сербизмами:

Ах, нещастна моя младость
мѣняешся ты днѣсь [въ] жалость:
Прстаеѣтъ днѣсь союзъ любви
ибо люта смерть мя уби.

(Т. Остојић и В. Ђоровић, № 74)

Таким образом, «рукописная» лирика в принципе оказывалась наименее нормированным жанром в отношении языка, что и естественно, т. к. она находилась на грани устной и книжной словесности и отражала разные традиции — духовных песнопений, народных духовных стихов, народной лирической поэзии, дифирамбической поэзии, русско-западноевропейских образцов.

Влияние рукописной и народной традиции сказалось и на языке печатных поэм и баллад на духовные и «исторические» темы. Довольно ярким народным языком окрашены поэмы Стефана Стратимировича и Викентия Ракича:

Любосава или совѣтъ матери ко дочери. Пѣснь 1-я.

Сербска Майка Кр'ѣрку совѣтуе:

Любосава мое мило дѣте!

Кр'ви моа! тыси вет' велика

Доиде време да ти майка каже. . .

(«Любосава и Радованъ или Пѣсни нравоучительныя по начину простонародныхъ сербскихъ пѣсней». Въ Будимѣ 1800, с. 3. Автор митр. Стефан Стратимирович не указан.).

ИЛИ:

Жертва Авраамова.

Аггелъ: Пробудисе и дични Аврааме

И обрати твое лице на ме

Донесо ти заповѣдь ѿ неба

Бѣдру теби сада бѣти треба. . .

(«Жертва Авраамова и собеседованіе грѣшника съ Богоматерію. Преведенное съ Греческаго на Сербскій языкъ Викентіемъ Ракичемъ Проигуменомъ Фенечкимъ. . . Въ Будимѣ, 1799).

ИЛИ:

Пѣснь с : в: мученицы Варвары:

(1) Оу времена Маѣмѣанъ цара

без'божнога елинскогъ цесара

- (2) Славанъ богатъ родомъ елиъ беше
у Илиполю Диоскоръ се зваше.
(3) Родиму се кѣрца єдиница
Варвара є то башъ мученица. . .

(«Пѣснь историческая ѡ житїи Свѣтаѡ и праведнаѡ Алейїа
Человѣка Божїа. . . сочиненнаѡ Винцентїемъ Ракичѡ. . .
Въ Будимѣ [1798])

Народный язык с очень незначительными славянизмами присутствует, как видно, и в произведении с национальным сюжетом («Любосава и Радованъ»), и в произведениях с библейскими или христианскими агиографическими сюжетами. Такой же язык обнаруживается в «перевод» на «просто-сербскїй ѣзыкъ» Стефана Раича поэмы «Сатуръ или дивїй човекъ» Антона Рельковича (Вена, 1793). «Перевод» этот фактически был с такого же «простого» языка, но в икавском диалектном облике ²¹, — говоря современным языком, осуществилась передача одного варианта сербскохорватского языка другим вариантом.

Любопытно, что в большинстве случаев заглавия книг и песней даются на русскославянском, а текст на сербском. Интересна и орфография в поэме Стратимировича с передачей *ћ* в виде *т* с паерком (при одном случае — *ћешъ*) и слогового *р* в виде *р* с паерком, иногда, вероятно, в виде *ер* (*сербска*) и принятый в ней размер — «десетерац». Характерно и указание в самом заглавии поэмы «Любосава и Радованъ» на то, что она написана тем же способом, что и «простонародные» песни ²². Та же «простонародная» манера была принята в рукописном прозаическом сказании о битве на Косове поле, известном под заглавием «Житїе св. князя Лазаря», основанном на сербских народных эпических песнях ²³. Текст его возник, вероятно, в первой четверти XVIII в., а списки известны начиная с 1746 г. Следует помнить, однако, что возникшая на основе тех же сербских эпических песен

²¹ Алексїй Р. Језик Матије Антуна Рельковића. — Јужнословенски филолог, књ. IX и X. Београд, 1930 и 1931.

²² См. подробно: Младеновић А. Народни језик у песми «Љубосава и Радован» митрополита Стевана Стратимировића. — ЗФЛ, књ. XIV/2. 1971.

²³ Гудков В. П. Рукописное сербское сказание о Косовской битве как документ истории литературного языка. — ЗФЛ, књ XVII/2, 1974, с. 49—56.

Троношская летопись была писана поздним древнеславянским языком русского извода.

Черты народного языка довольно ярко проступают и в известном стихотворении Йована Раича «Бѣй змаѣ са орлови на краткѣ шписанъ ѿ I. P. A. в' Лѣто 1789» (Въ Виѣннѣ, 1791), аллегорически прославляющем победы русского и австрийского оружия над турецким (над «змеем»):

Змай се лѣтый гѣтови
съ орли воевати:
Некага некъ се лѣти
хоће ихъ познати:

—
Аравитскій лѣтый змай
потрѣсуе крилы,
Оштра зѣбе ѿ нѣкте
и ѿвѣтъ се сѣли

(стр. 3)

Б. О. Унбегаун отмечал близость языка и стиля этого стихотворения к языку и стилю сербских народных песней. Исследователи обращали внимание на употребление в «Бое» народных пословиц и постоянных эпитетов. А. Младенович справедливо указал, что в этом стихотворении «читатель сразу же встречается с народной лексикой, которую он не найдет в остальных трудах Раича»²⁴. Есть у Раича и слова, которые позже в конце XIX в. и в XX в. стали ощущаться как диалектизмы (*гдино* 'где', *жербо* 'ибо', *погледишь* и др.), связанные со сремской территорией.

Наконец, следует сказать, что такой типичный для классицизма поэтический жанр, как ода, продолжал бытовать у сербов и в конце XVIII в. и сохранял популярность в первые десятилетия XIX в.²⁵ Известны «Ода юже преосвященнѣйшему Господину Стефану отъ Аввакумовичъ въ достоинство епископа ступившему. Посвятилъ Лука Емушицкій во Всеучилище Пештанстѣмъ правахъ слышатель» (Въ Будимѣ, 1798), «Ода о будущемъ заведеніи наукъ філософическихъ въ Карловцѣ Срем-

²⁴ Младеновић А. О народном језику Јована Рајића. . . , с. 18.

²⁵ Первая ода в сербской литературе XVIII в. была написана, или, вернее, издана Орфелиным в 1760 г.

стѣмъ и о слѣдствіяхъ сего заведенія сочинена отъ Д. Ф. А. С. [А. Стойковича] (Въ Будинѣ Градѣ, 1800), оды «О щастіи нынѣшняго вѣка», «О чистой совѣсти» и в честь митрополита Иосифа Шкабенты Алексея Везилича в его книге «Краткое сочиненіе о частныхъ и публичныхъ дѣлахъ» (Вена, 1783), «Ода на взятіе Измаила 11 Декабря 1790 года, сочиненная Иваномъ Янковичемъ де Миріево Двора Ея Императорскаго Величества Пажемъ» (СПб., 1790) и др. Последняя фактически принадлежит русской литературе и написана на чисто русском языке. Что же касается языка отдельных од, то он очень близок к языку дифирамбических стихов, о которых речь шла выше. Близость эта объясняется и большой схожестью или почти идентичностью жанра. Ее можно продемонстрировать небольшим примером:

«Оружіе крѣпко правую радость
 Человѣку даетъ чистая совѣсть.
 Возлюбимъ достойно совѣсть нескверну
 Мысль незлобну.

(А. Везиличъ. О чистой совѣсти)

Возвышенному языку оды противостоял простой язык веселой переводной комедии.

Народность языка переводных комедий. Для конца XVIII в. характерно появление у сербов драматических текстов чисто светского содержания. И хотя они не оригинальные, переводные, значение их для истории литературного языка этим не умаляется. Речь идет о пьесе «Терговци»²⁶, которая была «приведена с' италіанскогъ изъ Карла Голдонини Комедіа отъ Е. Іанковича студента медицине (щампано у Лаипсигу 1787 године)», о комической пьесе-диалоге с педагогической направленностью «Зао отацъ и невалдо синъ или родител'и, учите вашу децу познавати! Ёдна правоучителна весела игра за децу у четири дѣиствїа списана Францомъ Ксаверъ Старкъ а преведена с' Немецкогъ Ёман. Іанковичемъ Натуре —

²⁶ Вероятно, в этом, как и во многих других случаях, написание *er* читалось как *p* слоговое. В противном случае следовало бы ожидать *торговци*. Об этом свидетельствует и написание *Трговци* в предисловии к переводу пьесы «Зао отацъ. . .» (с. 5) и в самом тексте комедии.

испитаемогъ дружества у Халли членомъ» (Вена, 1789) и о комедии «Благодарни синь. Сеоска весела игра у єдномъ дѣиствїю ставлѣна на просто Србски. . .» (У. Лаипсигу, 1789). Последняя комедия не переведена Э. Янковичем, а «ставлѣна» на просто-сербский язык, т. е. во многом осерблена, т. к. и имена действующих лиц даны сербские и действия перенесены в Банат и язык в ней довольно типичный для сербского крестьянства из «Преко».

Характер языка переводчика можно проиллюстрировать начальным и заключительным пасусом его оригинального (непереводного) вступления к комедии «Герговци»:

Прологъ. Нималосе неустручавамъ, о и неколико листа щампи предати кадъ на ползу нїову посмотримъ. Наивећа часть национални мои, и данас їоще мисли, дасу Комедїе несамо младости но и старимъ людма шкодне и само за немецко измишлѣнѣ и држе гдису ћаволи Швабе измислили какоћеду варати новце отъ люди. . . (с. 1); . . .Италїанска имена, персона ове комедїе нисамъ хотео са Српскимъ променути, эръ э име име, или било Италїанско или Српско; а друго опоминѣмъ дасе нисамъ непрестано италїанскогъ аутора речи држао, него кадъ кадъ ицелу конструкцију променуо за датиои (дати јој — *H. T.*), српски ликъ. Ащо нисамъ писао у славенскимъ негъ у матернимъ Езику, тоћеми сваки опростити, кадъ помисли, да я нисамъ Славянинъ негъ Срблинъ, и данешпемъ за Славяне, негъ за Срблѣ (с. 4).

Аналогичный простой разговорный язык сохраняется в текстах перевода Э. Янковича:

Актъ други. Сцена десета. Коралина и Фаченда.

Кор. Отъ кудъ ви знате мое послове?

Фач. З' Богомъ остаите, морамъ ићи у банку.

Кор. Кажитеми отъ кудъ знате, дасамъ дала новце младомъ господару.

Фач. Казаомїе Пасквинїо, вашъ драги, вашъ младоженя. Жене, жене тко вамъ може помоћи, кадъ сами шое горе избирате (оде). («Герговци. . .», с. 71).

Таков же язык предисловий и текста других комедий. Нет сомнения, что не только и не столько сербское национальное самосознание побудило Э. Янковича выбрать довольно чистый сербский народный язык для своих переводов и переделок. Сам жанр комедии решительно требовал «простого» языка, а не возвышенного слога. Язык Э. Ян-

ковича был довольно точной фиксацией воеводинского диалекта с некоторыми элементами нормализации и искусственности, без которых невозможно формирование литературного языка. Следует отметить, что отдельные черты воеводинского диалекта не ощущались в ту пору как диалектизмы (см. у Э. Янковича *наѣићеду, знаду, умеду, раззумеду, променуо, јоце, нїову, гди, национални* (род. мн. без *x*), *людма* и др.) поскольку они употреблялись у многих писателей того времени в «народном» варианте литературного языка и входили, вероятно, в еще не совсем установившуюся норму, в потенциальную норму, в «преднорму», которая позже была заменена несколько иной вуковской. Кроме того эта «преднорма» была не единственной, т. к. существовали и иные нормы более стабильные, созданные в XVIII в. на иной основе.

Число русизмов, вернее славянорусизмов, в языке Э. Янковича невелико. Они связаны в первую очередь с приставками *со-*, *вос-* (*содржава, возбудили*) и с отдельными лексемами (*ожидава, част* 'часть' и т. п.). Довольно чистый народный характер языка переводов Э. Янковича отметил и А. Младенович на основе анализа текста комедии «Терговци»²⁷. Можно даже говорить о выдержанности в переводах Э. Янковича типично разговорного стиля языка, надо полагать, воеводинского городского койне.

Естественно-научные и моралистические тексты и их языковые особенности. К оригинальным, непереводам трудам Э. Янковича относится его «Физическое сочинение о изсищенію и раздѣленію воде у воздухъ, и изясненіе разливаніа воде из' воздуха на землю отъ Е. Јанковича Кандидата медицине и Содружника халскаго ученнаго и Натуре-испитаемого дружества (у Лаипсигу, 1787)», написанное на том же народном языке, что и язык переводов того же автора. Это можно проиллюстрировать следующим отрывком:

Савако тѣло на земли можесе у маня тѣла разделити, коесе онда назива, таль, часть или парче. Напримерь: едну ябуку можемо у два, у три, у четири и више тали

²⁷ Младеновић А. Однос између домаћих и рускословенских елемената. . . , с. 47—48. См. также: *Herrity P.* Језик Емануела Јанковића. — Научни састанак слависта у Вукове дане. Реферати и саопштења. 2. Београд, 1972, с. 55—63.

разсеѣи, пакъ опеть свако ново парче на ново у манѣ части оделявати и тако непрестанно делѣнѣ повтаравати докъ недостанемо врло мало парчета (с. 5).

Следует отметить осторожность, с которой автор вводит новые слова и понятия, неизвестные народному языку, либо давая их синонимы (*часть, таль, парче*), либо толкуя их (*Океанъ — наивеѣе море у свету и т. п.*). «Физическое сочиненіе» Э. Янковича можно причислить к первым опытам создания оригинальной научной прозы и научного языка, научной терминологии.

Среди переводных текстов конца XVIII столетия был еще один круг педагогическо-моралистических и нравоучительных сочинений нередко на библейские темы, выполненных в духе «века Просвещения» и исходящих из среды французских, немецких, английских и греческих авторов средней руки. Некоторые из этих переводных сочинений пользовались успехом и выходили несколькими изданиями, либо в виде продолжения, либо как переиздания. К таковым принадлежали «Руководство къ честности и правости» И. И. Фелбигера в переводе Атанасия Деметровича Секереша, переиздававшееся с 1782 г. по 1798 г. пять раз (1 изд. — Вена, 1777), «Поучительный Магазин за дѣцу. Просвѣщенію разума и исправленію сердца Ѡ госпожи Маріи ле Пренсъ де Бомонтъ сочиненъ а саде славеносербске ради юности съ нѣмецкаго на сербскій езыкъ преведенъ Авраамомъ Мразовичемъ» (Вена, кн. I, 1787 и кн. II, 1793; кн. III и IV, 1800) и ряд других текстов. Язык этих текстов не всегда был одинаков. Если А. Д. Секереш переводил на довольно четкий славянский (славянорусский) язык, то переводы А. Мразовича отличались языком, лишь в незначительной степени славянизированным, который им даже считался «чисто сербским», «простым»²⁸. А Мразович призывал и других писателей следовать примеру Досифея Обрадовича, чтобы они «на простомъ езику дѣла и сочиненія своя на ползу рода своего писали и издавали. . .»

Литературно-языковая деятельность Досифея Обрадовича. Досифей Обрадович был крупнейшим сербским писателем конца XVIII в., ознаменовавшим не только зрелость сербской литературы, но и ее довольно решительный

²⁸ Албин А. Језик у делима Аврама Мразовича (1756—1826). — ЗФЛ, XIII/2, 1970, с. 149—191.

переход к более самостоятельному пути, обращение к чисто светской тематике, использование языка, близкого к народному, во всех литературных сферах и жанрах. Литературному наследию Обрадовича, которое справедливо связывается с общеевропейским направлением рационализма и просвещения, посвящен ряд исследований и монографий²⁹. В нашем кратком очерке трудно дать даже беглый анализ произведений Обрадовича. Можно отметить лишь, что они не очень разнообразны в жанровом отношении и могут быть подразделены на оригинальные и переводные или компилятивные со значительной долей собственного творческого момента, что вполне отвечало духу XVIII века. Активный период творчества у Обрадовича длился недолго — с 1783 по 1789 год. Его начало ознаменовано изданием оригинальной автобиографии «Животъ и приключенія Димитріа Обрадовича нареченога у калуѣрству Досіѳеа нимъ истимъ списать и издать» (у Лайпсіку, ч. I — 1783, ч. II — 1788), носящей явно правоучительную направленность, а конец — патристическим и патетическим стихотворением «Пѣсна о избавленію Сербіе» (Віэннѣ, 1789). В этот промежуток времени написаны еще «Совѣти здраваго разума» (У Лайпсіку, 1784) и «Езопове и прочихъ разнихъ баснотворцевъ съ различни езика на славеносербски езикъ преведена садъ први редь съ правоучителними полезними изяснѣніами и наставлѣніами издате и сербскои юности посвећене басне» (У Лайпсіку, 1788), а также сделан перевод — «Слово поучително господина Георгіа Іоакима Целикофера при реформатовъ обществу, немецкога предикатора. Съ немецкогъ езика преведено Досіѳеемъ Обрадовичемъ (У Лайпсіку, 1784). «Совѣти здраваго разума», носящие довольно яркую дидактическо-моралистическую направленность, построены в виде ряда рассуждений о любви, злобе, добродетели, скупости и т. п. с приложением двух назидатель-

²⁹ Помимо неоднократно упоминавшейся классической для своего времени книги Й. Скерлича «Српска књижевност у XVIII веку», где есть большой раздел о творчестве Обрадовича, и книги К. Ф. Радченко «Досифей Обрадович и его литературная деятельность» (Киев, 1897), характерных для раннего периода исследования творчества известного сербского просветителя, отметим из новейших работ книгу Й. Деретича «Доситеј и његово доба» (Београд, 1969), где дана и литература вопроса. Литературу вопроса см. также в кн.: *Kuna H. Jezičke karakteristike književnih djela Dositeja Obradovića*. Sarajevo, 1970.

ных автобиографических очерков, напоминающих о пользе просвещения. «Басне», назидательность которых предусмотрена самим жанром, сопровождаются второй частью «Живота и приключений. . .», изложенной уже в виде писем. Сюжеты басен, как отмечал сам автор, взяты из Лессинга, Эзопа, Федра и Лафонтена, форма же их не стихотворная, а прозаическая, и к тому же их мораль у Обрадовича нередко длиннее основного текста. «Совѣти» изобилуют изречениями и сентенциями философов и моралистов, анекдотами, историческими рассказами и библейско-евангельскими текстами.

Еще более компилятивные, а частично и просто переводные — книги второго, последнего периода творчества Досифея Обрадовича (1793—1808). К ним относятся «Собрание разныхъ нравоучительныхъ вещей въ ползу и увеселеніе Досифеемъ Обрадовичемъ» (В Виеннѣ, 1793) часть первая, а часть вторая под заглавием «Мезимаць» издана посмертно (Будимъ, 1818), «Етика или философія нравоучителна по системи Г. Профессора Соави» (У Венеціи. . . 1803) и некоторые менее значительные сочинения. «Собрание. . .» как бы продолжает традицию орфелинского «Магазина» и напоминает по своему общему «оглавлению» литературные европейские журналы конца XVIII в.³⁰

Таким образом, все основные сочинения Обрадовича имеют одну, довольно четко выработанную моралистическую, отчасти этико-философскую, отчасти дидактико-практическую направленность, подчиненную его рационалистическо-педагогическим взглядам. Секуляризация народного просвещения становилась целью его литературной и общественной деятельности. Проблемы выбора и формирования литературного языка у сербов были также

³⁰ Нами не отмечены некоторые ранние сочинения, которые Обрадович не готовил к печати, как-то «Првенаць, Ужица, или Доситева Буквица» (у Карлштату, 1830), ранняя (1770 г.) выборка-компиляция и переводы из толкования Иоанна Златоуста на Деяния Апостольския, рассуждения «из некоторых эллино-греческих» книг нравоучительного характера, сокращенное изложение басен Эзопа, «Христовѣа, сирѣчь благи обычаи и Вѣнаць отъ Алфавита» (Пешть, 1826), переведенное (около 1770 г.) с греческого наставления, касающееся внешнего поведения, своего рода книга хорошего тона, проповеди (числом пять, около 1770 г.), оды и несколько стихотворений позднего периода. Некоторые из них, проповеди прежде всего и стихи, сохранились в чужих списках, возможно, не отражающих точно языка Обрадовича.

подчинены этой задаче, ибо Обрадович считал: «езикъ има свою цѣну отъ ползе, кою онъ узрокуе (производит. — *Н. Т.*)». Народный язык, по его мнению, «дѣло веома полезно», ибо, когда ученые люди свои мысли «на общему целога народа езику пишу», тогда «просвѣщеніе разума и цвѣтъ ученія» не остается только у тех, кто понимает старый литературный язык, а распространяется на крестьян, преподается и самому простому народу и пастухам. Как известно, этим же принципом руководствовался впоследствии и Вук Караджич. Язык Обрадовича был в общем единым в его произведениях. Этот момент очень важен и для понимания его литературно-языковой концепции и для определения в языковом плане места его произведений в общей системе и соотношенности произведений его современников сербов.

В качестве образца языка Обрадовича можно привести начало из его известного краткого сочинения «Любезни Харлампиѣ здравствуй Христось воскресе» (Лейпциг, 1783), которое было написано и издано одновременно с «Животомъ и приключеніями. . .» и переплетено в одной книге. Это обращение к Харлампию было своеобразным литературным манифестом знаменитого сербского просветителя.

Вот его начало:

Нећу я чекати да проћу две Године, за одговорити
Чловеку любезнику и пріятелю, каконо ти неки обића-
вају. Ябити біо, нама по пріятію тога писма, одписао:
да нисам судіо за болѣ, чекати да проће време плача и
сѣтованя; глада и увивиканя едним словом, време вели-
кога поста, кадъ пасуль царствуе и негова Сестра сочи-
вица. Гра и купусь земліом управляю.

Ево време златно и весело,
Кадъ нам нѣе забранѣно Ело!
Евангелска царствуе Свобода,
Събацивши ярамъ съ чловеческогъ рода
Давидъ пророкъ у тимпане Свира
Некъ поць у тріодъ Недира.

Довольно чистый народный язык достаточно четко проступает и в приведенных строках. Наряду с ним ощущаются, если судить по современному или вуковскому языковому восприятию, книжные элементы (*човек*, но не

человѣкъ, что ближе к народному *човек*, или *любезникъ*, *сѣтованя*, но не *сѣтованія*) и элементы родного банатского говора (*каконо*). О языке Обрадовича написано несколько статей и монографий, из коих самая значительная и новая — книга Герты Куны³¹, подведшей итог прежним исследованиям и самостоятельно анализировавшей большой материал.

«Если принять во внимание, — пишет сараевская славистика, — что литературное творчество Досифея связано исключительно с одним стилем литературного языка, который для того времени может считаться народным, и что таким образом, у него нет языковой двойственности, которая характерна для остальных писателей Досифеевой поры, и более раннего времени, становится ясным почему Досифей знаменует собой столь решительный поворот в воеводинской литературе XVIII в.»³² Это заявление в принципе справедливо, хотя можно указать на ряд сербских авторов, писавших, как и Досифей в конце XVIII в. только на сербском «народном» языке с некоторыми славянорусизмами (Э. Янкович и др.) и на ряд авторов, писавших исключительно на «славенском» (или «славенороссийском») языке (Г. Терлаич, К. Живкович, К. Йосич и др.). Естественно, что все дело сводилось во многих случаях к жанровой ограниченности произведений (или переводов) отдельных авторов, но и у Обрадовича жанровый диапазон не столь широк, как у Орфелина или Раича (о чем речь будет ниже). Тем не менее большая заслуга Обрадовича в том, что он закрепил язык, близкий к народному, на большом числе объемистых текстов (частично оригинальных, частично неоригинальных — компилятивных, переводных), притом текстов с определенной идейной программой, новой и перспективной для того времени, и потому популярных в широких читательских кругах и в первой половине XIX в.

Язык Обрадовича не был «народным» в такой степени, в какой был язык Караджича, хотя и сам Караджич не мог отказаться от книжных элементов и использовал их, сознавая, что они «народу мало известные» или «по-

³¹ *Kuna H. Jezičke karakteristike*. . . — Там же и анализ других работ (Сучевича, Прибича, Барьяктаревича и др.).

³² Там же, с. 263.

сербленные»³³. В борьбе с книжными элементами, со славянизмами Обрадович был умерен и сохранял в своих прозаических произведениях ту долю славянизмов (славяно-русизмов), которая была необходима и для понимания текста «простым народом и пастухами» и для выражения абстрактных, философских и научных понятий, почти так же, как это делал более чем полвека спустя в своих поэтических произведениях Негош. Если обращаться к национальным аналогиям, которые всегда приблизительны, а во многих случаях и рискованны, то в истории сербского литературного языка Обрадович выполнял ту же роль, что у русских Карамзин, а Негош, что и Пушкин; Караджич же и его сторонники пошли дальше, настаивая на более радикальных мерах, которые, на наш взгляд, не могли не привести к значительному сокращению стилистических возможностей литературного языка. В старом «славянском» или сильно славянизированном языке Обрадович видел источник обогащения нового языка. Он считал так: «Неће наш стари (язык. — Н. Т.) пропасти, зашто учени люди у народу всегда ће га знати и сь помоћу старогъ нови ће се од данъ до данъ у боле состоянїе приводити»³⁴. Элементы «старого» языка в произведениях Обрадовича не столь значительны. К ним относятся прежде всего русскославянские лексикализованные формы, которые автор даже не считал нужным сербизировать, или сербизировал в малой мере (*собранїе, совершенїе, возхищенъ, воздвигнути, веиши, погибель, орудїя, каменья, цветући* 'цветущий' и т. п.) и довольно архаическое правописание тоже русскославянского типа. В морфологии в имени русскославянское влияние ощущается в малой мере (*ногами, заслугами*, наряду с *ногама, злїйши, мудрїйши* и т. п.), а в глаголе оно почти отсутствует. Слабо отражено русскославянское влияние и в синтаксисе, и спорадично в словообразовании (суффиксы *-ески, -ество* и др.). Вообще же как и у многих других писателей XVIII в. и начала XIX в. у Обрадовича довольно четко проступает воеводинская, главным образом

³³ Известен большой список слегка осербленных слов (в основном по признаку рефлекса *ъ* и *ь*) Йована Райча, которые Вук привел в статье «Главне разлике између данашњегга словенскога и српског језика», с. 263.

³⁴ *Обрадовичъ Д.* Любезни Харлампе. . . , с. 9; см. также: *Обрадовичъ Доситије.* Сабрана дела. Београд, 1961, с. 65.

банатская, диалектная основа, которая только в отдельных случаях (преимущественно в случаях рефлекса ѣ) и то лишь в ранних произведениях, сочеталась с северно-далматинскими икавскими чертами. К воеводинским особенностям относятся *бићеду*, *валеду*, *разумеду*, *мореду*, *прићиму*, *кричу*, *живу* (3 л. мн. ч.), *трети*, *гребати* ('тереть', 'погребать'), *нарастио*, *умрео*, *поћемо* (1 л. мн. ч. повел. накл.), *некадеръ* и др.³⁵

Отмеченные особенности в языке Обрадовича не всегда регулярны, многие из них спорадичны, непоследовательны. Абсолютное большинство грамматических черт языка известного сербского просветителя совпадает с чертами вукковского и современного литературного языка. Но едва ли не самым главным в языковом новаторстве Досифея было обращение к народной лексике, которая по удачным и показательным подсчетам Х. Куны на 95%—88% была сербскохорватской («народной»), на 0,5%—6% была русской, на 1,3%—10% была «общей» (сербско-русской) и на 1,5%—3% — заимствованной (не считая русской). Колебания в процентах зависят от произведений и от характера текста (повествовательного или философически-рассудительного). Процент русизмов и так называемых «общих» слов был, естественно, меньшим в живом повествовательном слого ³⁶.

Языковая система произведений Й. Раича. Исследователи сербского литературного языка XVIII в. уже обращали внимание на отличия языка и языковых воззрений Обрадовича от языка и языковой системы Раича и Орфелина. Это отличие наблюдается прежде всего в том, что язык Обрадовича монолитен, относительно единообразен во всех произведениях, а язык Раича и Орфелина у каждого довольно резко различается в зависимости от жанра. Именно в этом аспекте в 1-й части и анализируется язык Орфелина; что же касается Раича, то язык его отдельных произведений рассматривался в связи с общей языковой характеристикой жанра. Поэтому важно дать суммарную схему раичевого языка.

Однако прежде чем к этому обращаться, следует вспомнить один существенный факт. Сочинение Й. Раича, написанное в 1793 г. и изданное в Буде посмертно

³⁵ *Kuna H. Jezičke karakteristike. . .*, с. 135, 142, 151, 267 и др.

³⁶ Там же, с. 260.

(1802 г.) — «Цвѣтникъ въ двѣстѣ и двадесять и четыре избранныхъ исторіяхъ насажденный, и изъ источниковъ іылевыхъ напоенный, въ немъ же крины оудолніи добродѣтелей посредѣ терній пороковъ растутъ и цвѣтутъ, въ ползу и оукрашеніе всѣхъ любителей честности предложенъ 1793. за 67 лѣто дарованная жизни трудъ сей въ благодареніе Богу принесенъ І. Р. въ Будинѣ Градѣ» очень близко по своей тематике, жанру и общей идейной направленности к таким сочинениям Обрадовича, как «Совѣты здраваго разума. . .», «Собраніе разныхъ нравоучительныхъ вещей. . .» и подобное. Тем не менее «Цвѣтникъ» Раича, являющийся переводом немецкой книги «Aescha philologica. . .», возникшей еще в XVII в. и переиздававшейся в XVIII в., отличается довольно архаическим языком, церковным «славяно-русским» слогом.

Раич так объясняет выбор языка перевода: «Еже стѣла касаетсѣ въ книзѣ сей оупотрѣбленнаго, онъ есть дрѣвній славенскій всѣмъ общій иначе называемый церковный. Оупотрѣбленъ же наипаче за то, дабы сходенъ былъ с бѣблическимъ стѣлемъ въ нравоченїяхъ оупотрѣбленнымъ: Иначе бы слогъ со всѣмъ раздрѣнъ былъ и непрїатенъ, аще бы помѣшани бѣли діалекты. Нижѣ еще бы прѣстымъ сербскимъ нарѣчїемъ писано было, мѣгли бы инъ кто ѿ благочестївыхъ славанъ ползоватисѣ» («Цвѣтникъ», с. XI).

Однако в этом выборе можно видеть и сторону полемическую, направленную против расстриги Обрадовича, увлеченного идеями иозефинизма, рационализма и антиклерикализма. Й. Скерлич писал, что Раич перевел «Цвѣтникъ», вероятно, по желанію митрополита Стратимировича, «который хотел книгой аналогичного содержания парализовать большое влияние «неблагочестивых» *Басен* Досифея Обрадовича»³⁷.

Интересно, что Й. Раич, бывший сторонником, как это видно из его практической деятельности, литературного многоязычия, для жанра правоучительных произведений избрал «церковный слог». В конце XVIII в. еще можно было в одном и том же жанре пользоваться двумя

³⁷ Скерлич Й. Српска књижевност у XVIII веку, стр. 231. Предполагается, что в адрес Обрадовича обращены слова Караджича о «еретиках» в его рассуждении о книге Й. Раича «Свещенная исторія». См. выше цитату на с. 274 и сноску 7.

языками. Так одни торжественные слова писались «высоким слогом», как и «Цвѣтникъ» Раича, другие, например слова Викентия Ракича, были сильно «осерблены». Много, однако, зависело и от семантико-стилистической направленности текста в пределах определенного жанра. «Славяно-русский» и народный сосуществовали, правда у разных авторов, в сфере нравственно-дидактической литературы. Это же можно сказать в какой-то мере и о драматических произведениях, хотя между комедией (переводы Янковича) и трагедией (издание и редакция Раича) большое различие не только в плане тематическо-стилевом, но и в хронологическом в данном конкретном случае (издание трагедии Э. Козачинского, ставившейся на сцене в 1736 г.³⁸). Два языка в конце XVIII в. употреблялись и в повествовательной или повествовательно-занимательной литературе. Так, если для перевода самого объемистого повествовательно-беллетристического текста появившегося на сербском языке в XVIII в. «Живота и чрезвычайныхъ приключеній Робинзона Круссе» был избран Николаем Лазаревичем язык сильно приближенный к народному³⁹, то переводчик «Велизарія» Мармонтеля Павел Юлинац обратился к языку славенорусскому с рядом сербских черт. В этом случае снова можно усмотреть некоторое различие в оттенках жанра: в приключениях Робинзона Крузо писалось о современности и о человеке невысокого социального ранга, в романе Мармонтеля речь шла о событиях византийской истории, о давних событиях и судьбах полководца блистательного века императора

³⁸ Можно, однако, отнести языковую редакцию и даже языковую форму этого произведения к концу XVIII в. по ряду причин. Важно обратить внимание не только на год издания (1798), но и на то, что на полях книги рядом с «Прологомъ» (своеобразным предисловием) значится фамилия «Козачинскій», а на полях «Дѣйствія А (1-го)» значится — «Козачинскій и Райчъ». Таким образом скромный И. Раич, ставивший на титульном листе ряда своих книг лишь инициалы (I. P.), указал на свое соавторство, на свое участие, сказавшееся прежде всего в языковом упорядочении текста («нынѣ пречищена и исправлѣна»).

³⁹ «. . . И то мыслимъ неваля, да я преводъ овай не бы у состоянїю бїо, и како мыслимъ, іоштѣ лакше вышимъ штїлусомъ сочинити, али самъ отъ племенитодушнаго Книге ове Фунтора произволенїю просто, дабы сватко све ясно разумѣвати могао, къ тому обязанъ бїо, овако просто составити, кое како што мыслимъ, и више обще похвале заслужити можетъ. . .» (Предисловие к книге; без пагинации).

Юстиниана (VI в.). Но дело, видимо, не только в этом, а и в разной хронологии переводных текстов. Временное расстояние между переводом Юлинца и переводом Лазаревича — 22 года. Это как раз время, когда не только очень быстро росла продукция оригинальных и переводных произведений, но и шел довольно стремительный процесс формирования сербского национального литературного языка. На смену жанрово обусловленному разноязычию, как это было у Орфелина и Раича, шло одноязычие, независимое от жанра произведения, как это предложил Обрадович и некоторые его современники. Одноязычие в конце XVIII в. возникало на основе инвариантного «среднего» пути. Доза разных элементов в этом среднем языке была различна.

Путь же И. Раича не был средним. Его можно отнести к сторонникам теории «трех стилей», т. к. он в своей литературно-языковой практике пользовался довольно четко нормированными различными языками, каждый из которых он называл слогом: «словенским» позднего русского извода («древній славенскій всѣмъ общій, иначе называемый церковный»), русским историографическим слогом XVIII в. и сербским, сильно приближенным к народному («простымъ сербскимъ нарѣчїемъ»). По языковому принципу в первую рубрику можно отнести «Цвѣтникъ», «Трагедїю, сирѣчь печальную повѣсть. . .», во вторую — «Исторїю разныхъ славенскихъ народовъ. . .», «Краткую Сербліи, Россїи, Босны и Рамы кралевствъ исторїю» (Вена, 1793), в третью — «Катихисїсъ малый», «Свещенную исторїю», «Собранїе разныхъ . . . поученїй», «Бой змаа са орлови» и др. Приблизительно той же схемы на четверть века раньше придерживался Орфелин.

Конкуренция, противопоставленность и нестабильность норм в конце XVIII в. Становление «среднего» языка. Подводя итог развитию литературного языка у сербов в последние десятилетия XVIII в., можно сказать, что за этот период не только очень значительно возросла и в несколько раз по сравнению с предшествующим периодом увеличилась книжно-литературная продукция, не только умножилось число писателей и оригинальных произведений, но и развилась и укрепилась система жанров, усилилась стилистическо-языковая дифференциация жанров (а иногда и внутри жанров). Именно такую дифференциацию принимали и своим творчеством утверждали Орфелин

и Раич. Орфелин, однако, судя по его двойному языковому тексту «Плача Сербіи», не приурочивал строго каждый из трех языков (или в ином понимании «стилей») к определенному жанру, т. е. не считал их строго дополнительно распределенными. Это же отношение к различным языкам или «стилям» XVIII в. было, видимо, и у других писателей, которые в отличие от Орфелина и Раича не пробовали своего пера в разных жанрах. Любопытно, что в сравнительно короткий срок двух десятилетий в сербском литературно-языковом процессе были испробованы различные пути, поставлены различные опыты стабилизации норм литературного языка. Помимо не очень прочного и четкого сосуществования трех языковых потенциальных норм и литературно-языковых моделей, напоминающих теорию трех стилей, были опыты утвердить «славенский» высокий стиль в качестве литературного (отдельные рескрипты, словарь Т. Аврамовича, «Слова» Я. Пеяковича, К. Йосича, Д. Георгиевича, сочинения и переводы П. Юлинца, Г. Терлаича, А. Везилича, М. Максимовича, оды и стихи Г. Храниславлевича, Н. Стаматовича, Н. Аввакумовича и др., переводы А. Д. Секереша и др.)⁴⁰ и «простое сербское нарѣчје» в том же качестве (отдельные рескрипты, драматические и натуралистические тексты Э. Янковича, переводы Н. Лазаревича, сборник И. Мушкатиновича и др.). Ни высокий славено-русско или русско-славенский, ни «простой» сербский не были строго нормированы и в каждом конкретном случае, в каждом конкретном тексте часто наличествовали элементы трех основных языковых фондов, языковых слоев или «систем»: русской литературной XVIII в., сербской народной (преимущественно воеводинского типа) и древнеславянской русского образца. Не была еще окончательно забыта и полностью вытеснена и система «сербульская» — древнеславянская сербского образца. Что касается последней, то она не воспринималась как особая четвертая система, как особый четвертый фонд и фактически не была таковой — она была вариантом древнеславянской системы русского образца. Иными словами, в XVIII в. у сербов существовал древнеславянский язык в двух

⁴⁰ При этом мы оставляем в стороне случаи использования чистого древнеславянского языка позднего русского типа, заменившего в текстах старый сербульский тип (см. выше, с. 274 о языке К. Живковича).

вариантах — позднем русском и позднем сербском. Писатели могли выбирать один из этих двух вариантов, даже комбинировать их, но авторитет этих вариантов не был равноправным, — он менялся в разное время в разных обстоятельствах ⁴¹.

Что же касается других фондов или систем, не древнеславянского, а русско-славянского и сербского «простого», то они не были так четко нормированы и строго очерчены и в пределах высокого «русско-славянского» стиля и в пределах «простого» народного существовал довольно широкий спектр, создававшийся языком отдельных произведений, так что в ряде конкретных случаев возникала ситуация, когда, по справедливому замечанию Б. О. Унбегауна, трудно было сказать, какого характера язык текста — славянский русского образца или ославяненный русский, либо же, добавим, русифицированный сербский или сербизированный русский.

Некоторые современные исследователи говорят о русско-сербских языковых соотношениях в сербском литературном языке XVIII в., исходя исключительно из фактов русского и сербского языка ⁴² и не учитывая в должной мере третьего — древнеславянского фонда (или системы). А между тем, именно он был главной опорой для всей литературно-языковой ситуации и главным фактором, обеспечивающим взаимодействие, хотя и близкородственных, но все же разных языковых фондов и систем. И этот фактор оказывался очень действенным и необходимым не только на основании экстралингвистических, историческо-культурных моментов (весьма существенных, авторитетных и определяющих развитие литературного языка), но и на основании чисто языковых моментов — грамматических, историко-фонетических и

⁴¹ Существовало, видимо, положение, проводившееся, правда, последовательно, когда подобно экавскому и екавскому вариантам (*лепо, лијено*) употреблялись слова *совѣтъ* и *саветъ*, *воздухъ* и *ваздухъ*. Экавские варианты локально распределены, а русский и сербский варианты древнеславянского языка, поскольку они функционировали лишь в литературном языке, могли распределяться только по жанрово-стилистическому параметру, если они продолжали сосуществовать. Вук выбрал сербский вариант и тем самым положил конец варьированию. Лишь отдельные слова сохранились ныне в локальном распределении (*точка* и *тачка* и т. п.).

⁴² См., например, *Гудков В. П.* О «славенском» языке Захария Орфелина, с. 49—50.

лексических. Так, общими моментами древнеславянского языка с народным сербским было неполногласие⁴³, форма инфинитива на *-ти*, наличие форм аориста, имперфекта и плюсквамперфекта, близость форм прилагательных мужского рода ед. ч. и т. п., а общими моментами с русским языком оказывались некоторые формы в склонении, например, основ на *-ā* (*воды, водѣ*), некоторые формы презента, например 3 л. ед. ч. (*мыслить*, ср. сербск. *мисли*). 1 л. ед. ч. на *у, ю* (*мыслю*, ср. ст.-сл. *мыслѹ*, сербск. *мислим*), 1 и 3 л. мн. ч. (*мыслимъ, мыслятъ* ср. ст.-сл. *мыслимъ, мыслѹтъ*, сербск. *мислимо, мисле*), прич. прош. времени на *-л* (*мыслилъ*, ср. сербск. *мислио*) и др.⁴⁴

Следует отметить, что именно эти общие с древнеславянским языком элементы были особенно устойчивы в языке сербских писателей XVIII в., хотя были и отклонения в ту или иную сторону. Так, ничем иным, как стремлением к максимальной русификации, нельзя объяснить употребление Орфелином в «Жити. . . Петра Великаго. . .» форм прилагательных и причастий на *-ой* (м. р. ед. ч. им. п. *дикий, лучшей, лишенной*), при сохранении, однако, инфинитива на *-ти* (а не на *-тъ*), неполногласия и т. п.

К концу XVIII в., тем не менее, обозначился довольно четко процесс, который можно назвать выбором «среднего» пути, отличавшегося сочетанием народных и книжных (русских и славянорусских) элементов при общей народной основе. Это направление пришло на смену практике «трех стилей», так же как на смену «среднего» языка пришел язык, близкий к народу, а потом уже народный язык вуковского типа. Однако хронологически эта смена концепций и норм (точнее опытов норм) вырисовывается не столь четко, т. к. разные решения статуса и характера литературного языка к концу XVIII в. принимались и осуществлялись иногда одновременно, как

⁴³ Полногласие в сербских текстах XVIII в. — явление редкое. Оно может встретиться в лексикализованных формах, таких как *предосторожность* у Обрадовича или *перемѣна* у Раича (форма **предостражность* была неизвестна).

⁴⁴ К сожалению, не проделана работа по выявлению сходных (и различных) черт с древнеславянским языком отдельных литературных языков грекославянского ареала, что было бы существенно для определения их соотношения друг с другом и с древнеславянским языком прежде всего. При этом важно было бы рассмотреть и синтаксический, и лексический аспекты.

это видно хотя бы из приведенных выше примеров языка отдельных писателей. Тем не менее, нельзя не заметить общей тенденции и стремления в самом конце XVIII в. и начале XIX в. перейти от разноязычия или «разностилья» (при котором *стиль* \approx *язык*) к одноязычию. Этот переход, осуществлявшийся задолго до Вука, велся двумя путями — эволюционным, постепенным («среднее» решение) и революционным, резким (крайнее решение). В обоих случаях направление пути было одно: к народному языку, к народным диалектам. Наиболее крупной фигурой в сербской литературе того времени, решившей этот вопрос достаточно радикально и вызвавшей своим решением немалое число последователей, был Досифей Обрадович. Вероятно ему, а не Вуку Караджичу следует в первую очередь приписать роль реформатора сербского литературного языка. Вук же закончил, теоретически обобщил, лингвистически обосновал (вкуче с Дж. Даничичем и другими его последователями) и кодифицировал то, что проводил и произвел Обрадович. Безусловно, очень велика роль Вука в реформе правописания, но правописание и структура литературного языка — моменты разные⁴⁵, хотя в известной мере, и прежде всего в социолингвистическом плане, связанные между собой.

Было бы совершенно неправильно считать, что до Вука, или даже до Досифея Обрадовича народного языка в сербской литературе не было. В общем, начиная с Венцловича он употреблялся в литературе почти всегда, но дело в том, что он не был поливалентен, как в эпоху сформировавшегося национального литературного языка, а жанрово ограничен, иногда оттеснен на периферию, иногда смешан с книжным славянорусским или русским. Изменение жанровой структуры сербской литературы, «секуляризация» отдельных ее сфер, появление новых чисто светских жанров и их разновидностей, смена литературных вкусов и направлений — все это вело к изменению функций «стилей» или языков, применявшихся в литературе и в письменной практике, к поиску единого литературно-языкового решения, единого языка. Ставилась также очень важная задача объединения форм и норм письменного и разговорного (устного) языка. Этому не-

⁴⁵ Именно поэтому, считая вопрос орфографии и графики совершенно автономным, мы его в этой работе не затрагиваем.

мало способствовал национально-революционный подъем у сербов, вызванный Первым сербским восстанием во главе с Карагеоргием и зарождением новой сербской государственности.

Единый язык, однако, мог быть построен на двух разных началах: а) при сохранении связи с традицией, с его историческим развитием и б) при разрыве с традицией (который при всех обстоятельствах, как показал удавшийся эксперимент Караджича, не мог быть полным⁴⁶).

Стремление не нарушать связи с традицией вело к «средним» решениям, которых к концу XVIII в. и особенно в начале XIX в. было все больше и больше.

Внимательные наблюдения А. Младеновича привели его к выводу, что в конце XVIII в. и в начале XIX в. можно выявить средний «тип» литературного языка, названный им вслед за А. Беличем, М. Стевановичем и др. «славяносербским»⁴⁷, который «не был ни чисто народным, ни чисто русским (геср. русскославянским), а определенной смесью этих двух языков»⁴⁸. Этот вид литературного языка был представлен «в первую очередь в печатных текстах светского содержания». «Нельзя сказать, — заявляет А. Младенович, — что славеносербский язык у отдельных писателей употреблялся без всяких правил. Определенные особенности появляются очень часто весьма последовательно, либо в духе сербского народного, либо в духе русского (геср. русскославянского) языка, что указывает на известную языковую организованность»⁴⁹. К этим особенностям известный сербский лингвист относит ряд русских или русско-славянских черт (*ол* на месте

⁴⁶ Толстој Н. И. Архаизам и новаторство у језичкој реформи Вука Караџића. — Анали филолошког факултета, св. 5. Београд, 1966.

⁴⁷ В данном случае, как отмечает А. Младенович, термин «славяносербский» употреблен несколько условно, т. к. современники им пользовались довольно широко применительно к разным литературноязыковым системам. «Славено-сербским» называл свой язык и Г. Терлаич («Идеа. . .», 1793), и Д. Обрадович («Езопове. . . басне», 1788), и Н. Лазаревич («Повѣсть житія. . . Графа отъ Суварова», 1799), и В. Луштина («Грамматика италянская, 1794) и др.

⁴⁸ Младеновић А. Језичка кодификација и књижевни језик код Срба друге половине XVIII и првих деценија XIX века. — Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахроническом аспектах. М., 1974, с. 27.

⁴⁹ Там же, с. 27.

старого вокалического *l*, творит. ед. основ на *i* типа *милостію*, *глупостію*, родит. мн. без окончания или с окончанием *-ов*, *-ей*: *рукъ*, *мѣстъ*, *пророковъ*, *страстей*, *дней*, суффиксы **-ьски*, **-ьство* > *-ески*, *-ество*: *мужески*, *мужество*) и ряд сербских народных (*а* > *е*; *ль* > *о*; род. ед. основ на *ā* — *жене*, дат. ед. — *жени*, твор. ед. *женом*, местн. ед. *у беседи*, им.-вин. мн. ч. *жене*, местн. ед. основ на *ǫ* — *у граду*, *у селу*)⁵⁰.

Таким образом, обнаруживается средний «славеносербский» язык (или «тип», или «стиль»). Конечно, его выявление опирается на другие более четкие идиомы и нормы — сербские народные, русские и «славянские» русского образца. Это придает «славеносербскому» (среднему) языку определенную расплывчатость очертаний и дает некоторым исследователям известные основания говорить, что существует «славяносербская проблема, чтобы не употреблять выражение «славяносербский язык», поскольку о таком языке трудно говорить с лингвистической точки зрения»⁵¹.

Метод языковой характеристики текста проф. А. Младеновича. В 1969 г. А. Младенович предложил применить метод статистического обследования русских (и славяно-русских) и сербских народных элементов в конкретных текстах ряда сербских писателей довуковской эпохи, составив при этом список явлений, наиболее типичных для определенного «типа» языка (или просто языка). К числу таких явлений он отнес четыре историко-фонетических (разные результаты рефлекса *ь/ъ* : *а* или *е/о*, рефлекса *ѣ* : *е* или *'а*, рефлекса слогового *l* : *у* или *ол*, рефлекса конечнослогового *l* : *о* или *л*), одиннадцать по склонению существительных (род. ед. основ на *ā* : *е* или *ы/и*, дат. ед. *и* или *ѣ/е*, твор. ед. *ом* или *ою/ею*, местн. ед. *и* или *ѣ/е*, зват. ед. м. р. *у/е* или равное им. ед., твор. ед. ж. р. основ на *ī* : *'у* или *ію* типа *милошћу* или *милостію*, местн. ед. м. и ср. р. *у* или *ѣ*, *и*, им.-вин. мн. ж. р. основ на *ā* : *е* или *ы/и*, род. мн. тех же основ *а/у/и* или *ѳ*, род. мн. м. и ср. р. основ на *ǫ* : *а/и* или *ѳ*, *ов*, *ев*, *ей*, род.

⁵⁰ Там же, с. 27—28. — Перечень особенностей можно было бы увеличить, включив «русскославянские» приставки *со-*, *воз-* и т. д., и т. п.

⁵¹ *Грицкат И.* У чему је значај и какве су специфичности славеносрпског периода у развоју српскохрватског језика. — ЗФЛ, IX, 1966, с. 64.

мн. ж. р. основ на *ĩ* : *u/iju* или *ей*) и два по морфологии глагола (1 л. ед. ч. наст. вр. -*м* или -*у/-ю*, образование буд. вр. *ћу, ћеш* + инфинитив или формы наст. вр. глаголов сов. в. наряду с формами наст. вр. глагола *быти* + инфинитив)⁵². Год спустя он добавил еще 12 явлений, из коих три относилось к историко-фонетической сфере (предлог-префикс *у* или *в* и рефлексы префикса *вѣз-*, слоговой *р* или сочетания *ер, ор*, группа *чр-* или *чр-*), одно по склонению существительных (зв. пад. ж. р. основ на *ā* : *о* или *а*), четыре по склонению местоимений (все формы личного местоимения 1, 2 и 3 л. и возвратного местоимения *себе* или *себя*) и одно по фонетическому облику предлога *чрез*⁵³. Таким образом в вопросниках А. Младеновича, которые он использует применительно к отдельным текстам, содержится 29 пунктов, из коих почти половина относится к формам падежей имен существительных, четвертая часть к историко-фонетическому аспекту и немного больше четверти к морфологии местоимения, прилагательного и глагола. Анкетный список, безусловно, можно значительно расширить и дополнить (например, вопросами о рефлексах древних **dj, *tj, *ktj*, о формах тв. п. мн. ч. основ на *ǫ примерима : примѣрами : примѣры*, о формах местн. п. мн. ч. основ на *ā школама : школахъ*, о формах 1 и 3 л. мн. ч. глаголов наст. вр., о причастиях, о приставках *са/со* и т. д. и т. п.), однако и в предложенном виде анкета при ее применении дает очень интересные и важные результаты. Было бы целесообразно рассматривать эти результаты не дихотомически (сербское народное : русское), а с выделением древнеславянских (церковнославянских) элементов, которые, однако, очень часто будут совпадать с русскими, т. к. русский язык насыщен древнеславянизмами, но будут иногда и отличаться от него, как в случае *примерима : примѣрами : примѣры* или *кроз : черезъ : чрезъ*. Очень существен вопрос о синтаксических конструкциях, где наряду с сербскими, русскими и древнеславянскими образцами выступали и латинско-немецкие построения, но, пожалуй, самую боль-

⁵² Младеновић А. Одно између домаћих и рускословенских елемената у књижевном језику код Срба пре његове Вуковске стандардизације. — ЗФЛ, XII, 1969, с. 44.

⁵³ Младеновић А. О неким рускословенским и српскохрватским језичким особинама у Орфелиновом «Магазину». — ЗФЛ, XIII/1, 1970, с. 110—116.

шую роль в определении «типа», вида или характера языка играла лексика, о чем уже говорилось выше.

Расширение сферы функционирования народного языка. Помимо «средних» решений, которые, несмотря на стремление к стабилизации форм и выработке нормы, были довольно разнообразны и неустойчивы, существовал и народный язык, опиравшийся преимущественно на воеводинскую диалектную базу и часто приближавшийся из-за определенного количества книжных (прежде всего славянорусских) элементов к «среднему» языку (типу). К XIX в., надо полагать, почти исчезло ощущение необходимости строить систему литературного языка в сербских землях по принципу диглоссии, вернее триглоссии (по принципу трех «стилей», о чем см. выше) и сохранилась лишь конкуренция «среднего» и «народного» пути. Однако, если система трех языков (или трех «стилей») требовала, хотя и не достигла вполне, отталкивания трех идиомов для их более четкого противопоставления друг другу, сложившаяся ситуация «конкуренции» среднего и народного, еще не оформившихся и потому можно сказать «потенциальных» литературных языков, вела к их сближению, к размыванию и отсутствию четкой границы между ними. Потенциальный народный литературный язык, очень близкий к литературному языку караджичевского типа, бытовавший сначала в ограниченной сфере в рамках системы «трех стилей», а затем в гораздо более широких и свободных границах, существовал задолго до Караджича. Следует согласиться с А. Младеновичем, изучившим тексты XVIII в. по упомянутому выше методу, что «наличие народного языка в произведениях ряда наших (сербских. — Н. Т.) писателей XVIII и начала XIX века несколько не случайно и не вызвано исключительно появлением Досифея Обрадовича.

Появление этого нашего писателя во второй половине XVIII столетия ознаменовало собой, укрепило, а может быть и форсировало определенный вид литературного выражения, который уже был в практике, выражения народным языком»⁵⁴.

Таким образом, народный язык в качестве литератур-

⁵⁴ Младеновић А. Типови књижевног језика код Срба у другој половини XVIII и почетком XIX века. — Реферати за VII Међународни конгрес слависта у Варшави. Нови Сад, 1973, с. 52.

ного прошел путь довольно длительного исторического развития до появления в 1818 году «Српског рјечника» и несколько позже других сочинений Вука. Однако, в этот период он не занимал монопольного положения и, входя в систему языков, позже стилей, а еще позже «средних» опытов и решений, был важным, но не единственным фактором эволюции литературного языка у сербов в XVIII в. и в начале XIX в.⁵⁵

Литературный язык у сербов в начале XIX в. (до 1825 г.). Деятельность Вука Караджича исследована до деталей и потому мы ее затронем в самых общих чертах, принципиально важных для понимания общего процесса становления сербского литературного языка. Точно так же будут даны краткие характеристики языка лишь отдельных представителей сербской литературы начала XIX в., творчество которых ярко отразило литературно-языковое развитие той поры.

Первые два десятилетия XIX в. были ознаменованы еще более интенсивным, чем в конце XVIII в., ростом сербской печатной продукции. Если с 1781 г. по 1800 г. вышло в свет, согласно Г. Михайловичу, 258 книг, то, согласно С. Новаковичу, с 1801 г. по 1820 г. появилось 362 книги, а если добавить еще пятилетний период, то за

⁵⁵ Караджич развитие литературного языка у сербов представлял себе иначе, несколько ретушируя в свою пользу общее положение вещей. Незадолго до смерти он писал (по русски): «Въ 1814 году я сдѣлался Сербскимъ Писателемъ. Тогда Сербская Литература была почти въ томъ же состояніи, въ какомъ и русская до Петра Великого. Тогда у насъ было всего около сотни книгъ, изданныхъ сербами; но ни въ одной изъ нихъ не было народнаго чистаго сербскаго языка, но болѣе или менѣе онѣ отличались неправильною смѣсью церковнославянскаго съ народнымъ Сербскимъ языкомъ, испорченнымъ до смѣшнаго. Причины тому были слѣдующія: 1) Потому что мы имѣли два языка въ употребленіи, церковный и народный, и были между нами такие люди, даже изъ высшаго сословія и умные люди, — напримѣръ, Архіепископъ Карловицкій Стратимировичъ и Архимандритъ Кенгелацъ, — которые думали, что церковный языкъ есть собственно сербскій, а народный языкъ есть ничто иное, какъ испорченный древній Славянскій, и потому подлежить его совсѣмъ покинуть, и на мѣсто его возвысить и ввести въ употребленіе между народомъ Церковный языкъ. 2) Сербскіе писатели того времени исключительно были австрійскіе уроженцы и подданные, воспитанные въ городскихъ, чужеземныхъ училищахъ и совсѣмъ не знавшіе народнаго языка». («Записка» Вука Караджича Виктору Петровичу Балабину Російскому послу при Австрійскомъ дворѣ. Вѣна, 1862 года).

первую четверть XIX в. (1801—1825 гг.) вышло 442 книги⁵⁶. К этому следует добавить, что объем отдельных книг и изданий в XIX в. очень сильно возрос, так же как и решительно возросло число книг, изданных гражданской азбукой (в XVIII в. книги, напечатанные «гражданкой» исчислялись десятками, с 20-х годов XIX в. это малое число относилось уже к книгам с кириллическим, «церковным» шрифтом). В результате сокращения (не только процентного, но и численного) издания книг чисто духовного (церковного) предназначения в эту пору, наблюдается увеличение числа светских книг, как беллетристического, так и нелитературного содержания. В 1813 г. появляется газета «Новине сербске», выходящая сначала ежедневно кроме праздников, а затем два раза в неделю. 1824 год был годом рождения сербского периодического (4 раза в год) «толстого» журнала «Сербске лѣтописи» под редакцией Г. Магарашевича. На смену разным начальным учебникам, школьным и популярным руководствам XVIII в. по филологическим и некоторым точным дисциплинам (грамматика, арифметика и т. п.) пришли частью оригинальные, частью переводные, для своего времени довольно солидные и объемистые труды или обобщающие руководства по физике (А. Стойковича 1801—1803 гг., Г. Лазича 1822 г.), естествознанию (И. Вуич, 1809; П. Кенгелац, 1811), медицине (П. Хаджич, 1802; Г. Бечкеречки, 1807), географии (П. Соларич, 1804; В. Булич, 1824; И. Вуич, 1825), хозяйственной экономике, земледелию и домоводству (Й. Мушкатирович, 1805; С. Новакович, 1809; В. Дамьянович, 1814), логике (Н. Шимич, 1808), философии (Г. Бечкеречки, 1809), юриспруденции (Е. Джуркович, 1823), истории (Д. Давидович, 1821; Г. Магарашевич, 1823). Наряду с ними резко возросло число практических руководств-наставлений по отдельным отраслям сельского хозяйства, начало которым было положено «Искуснымъ подрумаромъ» Орфелина. Появились руководства по производству сахара (1813), виноградарству (1818), пчеловодству (А. Максимович, 1810), шелководству (П. Атанацкович, 1823), ветеринарии (Сатмари, 1818) и др.

⁵⁶ *Новаковић С.* Српска библиографија за новију књижевност. 1741—1867. У Биограду, 1869. — Данные С. Новаковича преуменьшены, т. к. ему были известны не все издания начала XIX в.

Конкуренция языковых норм и литературных направлений в начале XIX в. Сербский литературный язык уже в самом начале XIX в. стал употребляться далеко за пределами художественной, художественно-нравоучительной и деловой (канцелярской) сферы и начал обслуживать обширные области духовной и материальной культуры и повседневной жизненной практики. В упомянутых выше изданиях господствовал либо язык, очень близкий к народному, как, например, в «Сербскихъ лѣтописяхъ» и других книгах, либо «средний» язык, часто сильно тяготеющий к народному, как, например, в научных текстах. Важно, что научная терминология в начале XIX в. развивалась на фоне народной лексики, которая употреблялась для всех нейтральных, неспециальных понятий, предметов и действий. Этот путь становления специальной терминологии был избран еще Э. Янковичем (см. его «Физическое сочинение», 1787). Большое влияние на становление сербской терминологии оказала уже установившаяся в XVIII в. русская естественнонаучная и философско-гуманитарная терминология, которая, однако, не принадлежала к «высокому» языковому стилю. Язык же прессы в ту пору, по наблюдениям А. Албина, был «ближе современному литературному языку, потому что в нем отсутствует ряд ярких воеводинских диалектных особенностей. . . ; их отсутствие, как и отсутствие других диалектных черт, приближает язык «Новинъ сербскихъ» к современной норме»⁵⁷. В этом — немалое отличие языка газеты Д. Давидовича и Д. Фрушича от «Сербскихъ новинъ» и «Славенно-Сербскихъ Вѣдомостей» XVIII в.

Первая четверть XIX в. была знаменательна и в литературно-историческом плане. Ее можно характеризовать как пору расцвета нового направления — сентиментализма и дальнейшего развития еще не вытесненного сентиментализмом классицизма. Подобное параллельное протекание разных литературных направлений, а не более или менее решительная смена одного другим, типично для истории национальных литератур, проходивших ускоренный путь развития. Происходила конкуренция литературных направлений, так же как и конкуренция литературно-языковых норм. Истоки сербского сентимента-

⁵⁷ Албин А. Дијалекатске особине у Новинама сербским. — ЗФЛ, XVI/1, 1973, с. 123.

лизма можно обнаружить уже в деятельности и творчестве Обрадовича (переводы сентиментальных рассказов Мармонтеля в «Собрании. . .», перевод комедии Лессинга «Дамон» и т. п.)⁵⁸. В лице Г. Терлаича это направление нашло своего сторонника (стихотворный перевод Гесснеровой идиллии «Паломон» под заглавием «Забавленіе единаго лѣтнаго утра. . .»). Его пропагандировали и ценили и Д. Давидович, издатель «Новинъ Сербскихъ» и Г. Магарашевич, редактор «Сербскихъ лѣтописа». В языковом плане переводы сентиментальных повестей, идиллий и т. п. были довольно разнообразны: от почти народного языка Д. Обрадовича и Д. Давидовича до очень книжного и архаично-словено-русского с отдельными сербизмами языка Г. Терлаича, наряду с немалочисленными промежуточными «средними» решениями. Более определенным было положение с оригинальными текстами, писанными двумя крупными представителями сербского сентиментализма — прозаиком Милованом Видаковичем и драматургом Иоакимом Вуичем.

Произведения Видаковича. В XIX в. они были очень популярны. Его перу принадлежали романы «Усамленный юноша» (1810), «Благовонный крынь цѣломудренія любви, либо страдательная повѣсть Велимира и Босильке» (1811), «Любомиръ у Елісіуму» (3 части: 1814, 1817, 1824) и др. Видакович считал, что он пишет на языке, свойственном образованным сербам и отмечал в заглавии своей первой книги: «Усамленный юноша» — «повѣсть правоучителна — на простому діалекту Сербскомъ сочинѣна». В сопоставлении с языком «Нумы Помпиниуса» Г. Терлаича (1801) и «Цвѣтника» Й. Райча (1802) язык Видаковича, действительно, был близок к народно-разговорному языку и сербская речевая база проступала в нем достаточно четко и ясно. Однако, уже сравнение с языком Обрадовича свидетельствует о значительном числе книжных элементов в языке Видаковича, встречающихся преимущественно в лексике, но проникших и в морфологию (хотя в последнем случае не обходилось, как показал еще Караджич, и без импровизации). Такой «средний», но все же не очень удаленный от народно-диалектной базы путь, известный сербский романист избрал сознательно, желая пользо-

⁵⁸ *Zivković D.* Počeci srpske književne kritike. (1817—1860). Beograd, 1957, с. 33—39.

ваться языком, отличным от языка «кухни» или языка «шияков» (сербов, говорящих на диалекте)⁵⁹. Однако он считал, что это отличие не должно быть большим: «сви народи имаду свой особитий книжевный языкъ, на коимъ книге пишу и кой имъ се отъ Куинскогъ мало разликуе, обаче се толико разликуе да га и простъ человекъ разумѣти може: како бысмо и мы таковый имали? . . . Дакле нити валя да Славенски пишемо, будутьи да народъ общій овый древний языкъ не разумѣ! нити валя пуко просто писати, као што народъ и најпростій говори; понеже у свакой провинциі другаячѣ говоре, следовательно морали бы и списатели у свакомъ предѣлу другаячѣ и книге писати» (все народы имеют свой особый литературный язык, на котором пишут книги и который от кухонного мало отличается; именно он отличается так, что его и простой человек понять может; как же и нам не иметь такого языка? . . . Значит, нам не годится писать по-славянски, поскольку народ этот общий и древний язык не понимает, и не годится писать совсем попросту, как говорит самый простой народ, поскольку в каждой провинции говорят по иному, по своему, и писатели следовательно должны были бы писать книги в каждой области по своему)⁶⁰.

Уже из приведенной цитаты видно, что язык Видаковича близок к народному (с некоторыми типично воеводинско-шумадийскими чертами), морфологически упорядочен на народной основе, а в лексической его части не лишен отдельных книжных (русскославянских) элементов (*человекъ, провинція, следовательно*). Эти элементы, кстати, встречались в языке Караджича того времени. Так, в рецензии Вука на роман Видаковича «Усамленный юноша», помещенной без подписи в «Новинахъ Сербскихъ» (№ 205, 206, 208 за 1815 г.), только на первой странице рецензии (819-й с. газеты) находим: *романтическо, повѣстонравоучителный, благоприятне, чувствованіемъ, желателно, прирѣнью, вообще* и т. п.

Однако, дело в том, что язык сентиментальных романов Видаковича отличается, хотя и не в очень сильной мере,

⁵⁹ См. полемику Видаковича с Караджичем в кн.: «Скупљени граматички и полемички списки Вука Стеф. Караџића», књ. I, Београд, с. 81—91, 106—175.

⁶⁰ «Примѣчаніе о сербскомъ языку»; в кн. М. Видаковича «Любомиръ у Елісіуму. . .». Въ Будимѣ, 1814, л. 17 а. б.

от языка его филологических рассуждений, примечаний и т. п. Это видно даже из сопоставления приведенного выше примечания к роману «Любомиръ у Елісіуму» с текстом самого романа.

Приводим его начало: Тиха ноть плаветный Неба сводъ звѣздами бѣше веть посула; изъ между коихъ луна, ихъ Царица какъ по синьемъ океану къ западу величественно пливаше, и свое слабога свѣта зраке отъ себе на све по земли предмете низпущая, видъ нѣкѣй меланхоліческой, обаче за благосовѣстне душе, угодный и за чувствителна сердца пріятный дивно представляше. Сва животна, сви звѣріе, скоти и пернати сладкимъ се веть покоемъ наслаждаваху: глубочайше молчаніе по цѣломъ естеству простерто бѣше: і іощъ санъ у сузно Любомира око не ухаждаше; іощъ Морфей нѣгове мокре трепавице, отяготити и у санъ принудити не могаше!

В этом отрывке легко заметить ряд книжных не сербских черт историко-фонетического (*изъ между, ухаждаше, молчаніе, но сузно, благосовѣстна, но санъ*), морфологического (*звѣздами, низпущая*) и лексического характера. Все они отражают так называемый «средний» путь или «среднее» решение, которое, однако, у Видаковича не было достаточно последовательно проведено и упорядочено. Исследователь языка крупнейшего сербского сентименталиста Й. Кашич в своей обстоятельной монографии справедливо замечает, что «большой недостаток языковой практики, которую Видакович проводил, заключался в отсутствии строгих правил и установленной нормы использования «словенского» языка»⁶¹. «Словенский» же язык, по мнению Видаковича, должен был придать сербскому народному языку «лѣпшій вкусъ» и им следовало сербский «мало исправляти». Существенно, что Видакович говорил о едином сербском литературном языке в то время, когда Вук еще призывал писателей писать каждого на своем диалекте⁶², а потом лишь разбираться

⁶¹ Кашич Ј. Језик Милована Видаковића. Нови Сад, 1968.

⁶² В 1817 г. Вук писал: «Это простейший и единственный способ, которым можно достигнуть подъема нашей литературы: чтобы каждый писатель начал писать так, как говорят в тех пределах, где он родился и вырос: сремец по сремски, бачванин по бачвански, сербиянец по сербиянски, герцеговинец по герцеговински, босниец по боснийски, черногорец по черногорски, далматинец

какой из них лучше. Он ощущал необходимость создания системы стилей сербского литературного языка и сам, как видно хотя бы из приведенных выше отрывков, старался стилистически дифференцировать разные по жанру и функциям тексты. Но это для него был единый язык, один язык, а не система нескольких языков, как для Орфелина или Раича.

Надо полагать, что и сам метод сентиментализма с его стремлением к чувствительному и добродетельному восприятию мира, к созерцанию природы и к возвышенной любви, побуждал Видаковича обращаться к славянизмам как к необходимому средству выражения ряда абстрактных и книжных по своей сути понятий и сентенций. Совершенно иную — «фольклористическую» позицию занимали представители романтизма, — именно они и стали сторонниками Вуковых реформ.

Вук Караджич, как известно, находил в лице М. Видаковича своего серьезного противника и посвятил ему ряд полемических статей. Он был за установление фонетико-морфологической нормы без обращения к «славянизмам» (хотя и употреблял их в первый период своей деятельности как лексикализованные формы). Подобную же линию он пытался провести и в лексике, что ему, однако, не вполне удалось.

Укрепление позиций народного языка в драматургии (И. Вуич). Писателем, с которым Караджич не полемизировал по вопросам языка и язык которого в значительной мере отвечал предъявляемым им требованиям, был Иоким Вуич. Ряд исследователей его также причисляют к сентименталистам, однако, в отличие от Видаковича, он писал, переделывал или переводил и издавал преимущественно литературные произведения («Любовная зависть чрезъ едне цицеле» Рихтера, 1805; «Награждение и наказание» Шлеппера, 1807; «Слепый мышъ» Генслера, 1809; «Крешталица (крикунья)» Коцебу, 1814 и др.), продолжая и в области литературы и в сфере литературного языка традиции Э. Янковича. К концу его жизни вышли в свет его автобиография — «Животоописаніе» (1833) и «Путешествіе по Унгаріи, Валахіи, Молдавіи, Бесарабіи, Херсону и Крыму» (1845), не оказавшие существенного

по далматински, хорват по хорватски, славонец по славонски и т. д.» — Скупљени граматички и полемички списи, књ. I, с. 150.

влияния на сербскую литературу и литературный язык. Множество пьес — переводных и полуоригинальных осталось в рукописи.

Язык Вуича — разговорный сербский язык с очень незначительным числом книжных элементов. Скерлич, очевидно сравнивая его с сербским театральным языком начала XX в., назвал этот язык плохим, а переводы — лишенными литературной ценности⁶³. Учитывая, однако, исторические условия, в которых возник и употреблялся этот язык, нельзя не прийти к иному мнению.

Приведем два отрывка из драмы «Награждение и наказание»:

Исходь первый. Санда и Марица. (Седе предъ куфомъ и куделю преду).

С а н д а. Ёсть, ёсть драга девойко, радовала бы се особито, кадъ бы те срефномъ видити могла; али —

М а р и ц а. Али ви нећете, да ми дозволите; да се я за Господина Учителя удамъ, а онъ заиста ёсть еданъ лепый и любимый младийъ ах!

С а н. Али ты ни си за нѣга жена.

М а р. Зашто ни самъ, та заръ ни самъ ни я учителѣва кѣи? . . . (стр. 1).

Исходь третій. Немиръ и Санда.

С а н. Е! што сте намъ новъ донели Госп: Иштванъ?

Н е м: Ни самъ много добра могао донети. А знаете ли гди ё садъ Радмиръ?

С а н. Мой зеть?

Н е м. Да! то Богъ ме онай красній зеть. . . (с. 10).

Большой заслугой Вуича было не только создание сербского театра, но и закрепление на его сцене и в драматических печатных текстах сербского языка одного определенного типа. Традиция, начатая Э. Янковичем, была продолжена и утверждена трудами Й. Вуича и развита в дальнейшем Йованом Стерией Поповичем. Й. Вуич был в числе тех, к началу XIX в. уже немалочисленных писателей, которые культивировали тот язык, который некоторое время спустя кодифицировал Караджич (хотя известно, что по вопросам орфографии и по некоторым иным моментам Вуич довольно резко выступал против Караджича). Такой язык, однако, еще не был общеприня-

⁶³ Скерлич Ј. Историја нове српске књижевности. Београд, 1953, с. 138.

ТЫМ, О ЧЕМ СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ НЕ ТОЛЬКО ТВОРЧЕСТВО М. Видаковича, но и творчество такого популярного в начале XIX в. поэта, как Лукиан Мушицкий.

Язык позднего классицизма. Оды Л. Мушицкого. Лукиан Мушицкий принадлежал к направлению классицизма. Вероятно, общее литературное средо этого направления требовало от принадлежавших к нему писателей торжественности стиля, высокого слога, приподнятости чувств и мифологической возвышенности образов. Тем более, что излюбленным жанром литературного творчества Мушицкого были оды, которые он писал наряду с эклогами и идиллиями. По меткому определению Д. Живковича, Мушицкий оставался в рамках «школьного классицизма»⁶⁴, во многом следуя за ломоносовскими представлениями о литературе и языке, и придерживаясь теории трех стилей. Все же следует отметить, что для Мушицкого это были стили одного языка, а не разные языки, как ощущали некоторые сербские писатели XVIII в. У сербов в этом отношении в более скромных масштабах и несколько позже повторилась ситуация, бывшая в России в XVIII в. и в начале XIX в., которую очень удачно определил Б. В. Томашевский следующим образом: «Ломоносов очень твердо сознавал, что русский язык и церковнославянский — это разные языки, что только часть церковнославянского словаря усвоена русским письменным языком. Для Шишкова уже нет двух языков. Он считает, что существует один славено-российский язык и что отличия церковнославянского языка от русского языка — это только стилистические отличия. При этом в понятия «стиль», «стилистическое» он вкладывает содержание, характерное для человека XVIII в. В наше время под стилем понимают нечто индивидуальное, свойственное лицу, говорящему в данных условиях. Эта индивидуальность стиля отрицалась в XVIII в. Люди XVIII в. насчитывали три стиля: «высокий», «средний» и «низкий». Для них стиль — это замкнутая система, следуя которой можно написать целое произведение. Ода — от начала до конца пишется одним стилем; комедия от начала до конца пишется другим стилем. Стили XVIII в. — это своеобразные подязыки, подразделения в языке. Если стиль всегда обнаруживает говорящего, субъект речи, то эти субъекты

⁶⁴ Živković D. Počeci. . ., s. 43.

речи в XVIII в. были зафиксированы, т. е. образ одописца был заранее задан, и он с начала до конца должен был свой восторг выражать определенным языком, который тогда и назывался стилем»⁶⁵.

Именно по этой причине Мушицкий в своих одах не мог отказаться от многих славянизмов и писать тем языком, которым писал, например, Вуич. И все же дух XIX в. и общее направление развития сербского литературного языка той поры побуждали Мушицкого к употреблению некоего «усредненного» стиля со значительной долей славянизмов, но и с определенным числом сербизмов одновременно и в то же время и языка с сильно уменьшенной дозой славянизмов.

В качестве примера высокого стиля Мушицкого можно привести начало его «Оды на смерть благороднаго господина Саввы Вуковича земледержца берексовскаго, представльшагося 30-го Марта. Л. 1810 го» (Въ Будимѣ, 1810):

Судбю Лѣро намъ тажа премѣна сбѣса.
Съ восторгомъ сладкимъ чѹвши ты
(Ещё луна три кратъ во кругъ не обратѣса)
Въ честь Мѹзамъ Саввы даръ златый (1).

Со мною возжелà (Ѣ дѣль тебѣ протѣвныхъ
Егда ѡторгнус') ублажãть
Егѡ народный дѹхъ: лѣпъ образъ нравъ гражданскихъ
Дабщему жизнь усладжãть (2).

Мушицкий пытался вопреки канонам классицизма, о которых писал Б. В. Томашевский, использовать два стиля (два языка) внутри одного жанра. В одном из своих писем Вуку (от 28.X.1817) он писал: «Словенских од у меня до сих пор 18, а сербских 30. . . Оды я разделил на книги. В первые книги я поместил высших лиц и высшие предметы, а во вторые низших лиц и друзей и низшие предметы»⁶⁶. Так, стихотворение посвященное Караджичу «Вуку Стефановичу Серблину отъ Серблянина» написано на сербском языке со сравнительно небольшим числом славянизмов. Того же характера был и язык известной поэмь Мушицкого «Гласъ Народолюбца» (1819).

⁶⁵ Томашевский Б. В. Стилистика и стихосложение. Л., 1959, с. 39.

⁶⁶ Вук Стефановић Караџић. Преписка. књ. II, Београд, 1908, с. 198—199.

Народный язык как стиль поэтической речи начала XIX в. В отличие от Л. Мушицкого, обращавшегося к классическим стихотворным формам, другой сербский, не менее в свое время популярный поэт, Гавриил Ковачевич писал свои поэмы на народном языке, подражая языку народных песен и пользуясь народным размером — «десетерцем»⁶⁷. Налет славящины был у него незначителен (*а по сему, полну, церкви, всакоме*) и стремление писать стихи на народном языке было своеобразным поэтическим *сredo*, поэтической манерой, напоминающей отношение Вука к сербским народным песням и его редакцию их языка.

Приведем краткий отрывок из «Пѣсни ѿ случайномъ возмущеніи въ Сербіи приключившемся, и ѿ изображеніи дѣль Сербіяноу въ дѣйствиі произведенныхъ Исторически поведена и у стіхове сложена. . .» (Въ Будимѣ, 1804):

Када чуше она три Даје
 такву песму башъ ѿ Аганліе
 Свисе они гнѣвомъ запламтише
 пакъ кодъ Паше у градъ ѿидоше
 (с. 21).

О том, что почти чистый сербский язык воспринимался в самом начале XIX в. многими и в частности самим Г. Ковачевичем, как определенный литературный стиль, свидетельствует не только заглавие, писанное по славяно-сербски («славянски»), но и отдельные ремарки, данные автором в тексте. Например: «Котораго Богъ праведноу наградиль: имѣль бо 3 сыны и 5 дщерей, бѣ же въ богатствѣ изобилень имѣа злата и сребра рудокопѣа заводы» («Стихи ѿ поведеніи и намѣреніи Сербскаго великаго Князя Лазаря противъ Турскаго юполченія съ разными егоу Велможей разговоры: и ѿ Изображеніи Страшнаго, и грознаго онаго между Сербами, и Турками на полю Косову Сраженія, Случившагося во 1389-мъ лѣту, Іунія 15-го дне. . .» (Въ Будинѣ Градѣ, 1805, с. 5)⁶⁸. Любопытно,

⁶⁷ См. обстоятельное исследование: *Реметић С.* Језик пјесама Гаврила Ковачевића. — ППЈ, књ II, 1975, с. 51—91.

⁶⁸ О том, что такой подход и такая практика существовала в начале XIX в., свидетельствует выведенный в комедии Й. Стерић Поповича «Покондирена тиква» поэт Ружичич, который говорит по «славеносербски», а сочиняет стихи на чистом народном языке. На это положение обратил внимание и Д. Живанович, но иначе

что подобно Мушицкому, который пользовался двумя типами языка (или двумя языками) в зависимости от «высоты» лица или предмета, Ковачевич также, когда писал о своих современниках, сербских повстанцах против дахий, обращался к чисто народному языку, а когда воспевал князя Лазаря — насыщал свой язык, хотя и не чрезмерно, славянизмами:

А по сему Кнѣзь Лазарь
скитръ царства пріемла
И со царствомъ владѣти
полну власть имѣа
Царско имѣ, и тѣло
собственно имаше
А зватисѣ во Кнѣза
всѣмъ повелѣваше,
Царствомъ Сербскимъ премудрѣ
нача управлати. . .

(«Стихи о поведени. . .», с. 4).

Таковы были, в общем, стилистическо-жанровые различия, обуславливающие употребление народного языка в период до реформационных усилий Вука Караджича. Сам Караджич пережил эволюцию своих взглядов, менявшихся с первого выступления в печати в 1814 г. и до времени издания сербских народных песен в 1823 г. В дальнейшем, как известно, эта эволюция продолжалась.

Ранний период деятельности Вука Караджича. Остановимся кратко на некоторых фактах научно-литературного творчества Вука. В 1814 году вышла в свет «Писменица Сербскога језика по говору простога народа написана Вуком Стефановићем Сербјанцем» (У Виенни, 1814), в которой делался первый опыт кодификации фонетических и грамматических норм сербского народного языка, как языка литературного. «Писменица» эта тем самым противопоставлялась известной и широко распространенной у сербов грамматике А. Мразовича, написанной под влиянием знаменитого труда Смотрицкого (бытовавшего в модифицированном виде в сербской среде в XVIII в.) и оказавшей немалое, в первую очередь структурное воз-

его истолковал. См.: *Живановић Д.* Вукова борба 'за српски песнички језик. — *Анали Филолошког факултета*, 4. Вуков зборник. I. Београд, 1964, с. 151.

действие на первый лингвистический труд Вука⁶⁹. Эта грамматическая кодификация, с изменениями и значительными дополнениями, повторилась в первом издании словаря «Српски рјечник истолкован њемачким и латинским ријечма скупио га и на свијет издао Вук Стефановић» (У Бечу, 1818), где давалась также и прежде всего лексическая кодификация, защищавшегося Вуком литературного языка⁷⁰. В том же 1814 г. немного раньше «Писменицы» появилась «Мала простонародња Славено-Сербска песнарица издана Вукомъ Стефановичемъ (У Виѣни, 1814), положившая начало классическому караджичевскому корпусу сербских фольклорных текстов. Ровно через год (1815) вышла вторая книга песен «Народна србска пѣснарица издана Вукомъ Стефановићемъ, часть втора (У Виѣни, 1815). Первая содержит 108 песенных текстов, а вторая — 117. Менее чем через десять лет Караджич приступил к упорядочению текстов народных песен, значительно пополнив свое собрание, классифицировав песни и распределив их в четырех книгах под общим заглавием «Народне српске пјесме». Первые три книги этого собрания вышли в 1823—1824 гг. Двумя годами раньше увидели свет «Народне српске приповијетке» Вука. В 1815 г. началась и литературно-критическая и полемическая деятельность Караджича рецензией на роман «Усамленный юноша» М. Видаковича, которая была продолжена рецензией (1817) на роман «Любомирь у Елісіуму» того же автора. Эта деятельность позволила Вуку изложить свое сгедо и начать решительную борьбу за свои взгляды на сербский литературный язык и правописание. В общих чертах и в конечном итоге они сводились к следующему. Сербский литературный язык, по мнению Вука, должен быть единым в лингвистическом отношении и, как бы сказали в наше время, поливалентным, т. е. обслуживающим все сферы литературной, культурной, общественной и деловой жизни. Языковые различия (фоне-

⁶⁹ Стојановић Љ. Живот и рад Вука Стеф. Караџића. Београд, 1924, с. 73—82.

⁷⁰ См. обстоятельную монографию: Ивич П. О Вуковом Рјечнику из 1818 године. Сабрана дела Вука Караџића, књ. II. Српски рјечник (1818), Београд [1966]. — П. Ивич между прочим указывает на отсутствие в этом словаре многих характерных для современного литературного языка слов (*веза, глуп, значај, искрен, награда, напор, побуна, проба, победа, пораз, устанак* и др., с. 159—160).

тические, морфологические, лексические) в разных «стилях» литературного языка должны быть устранены. Число славянизмов следует свести до минимума, все они должны быть «осерблены», турцизмам во многих случаях отдавалось предпочтение перед славянизмами. Воеводинская диалектная база народного языка подлежит замене восточно-герцеговинской базой с екавским (а не экавским) произношением. Эти взгляды, изложенные нами в более краткой и категорической форме, чем самим Караджичем (что могло привести к некоторой схематизации), как известно, затем постепенно модифицировались, принимая менее резкие очертания и согласуясь с конкретными задачами развития литературного языка. Шагом к некоторой «архаизации» и возвышению литературного языка над диалектами явилось введение звука *x*, ликвидация альтернативы типа *дијете* : *џетета*, признание ряда книжных лексем и т. п.⁷¹ Но все это уже происходило в сороковые годы, когда по меткому выражению Йована Суботича для Вука ему по языку родная «Герцеговина была всюду, где говорят по-сербски».

Вук и сербский литературный язык. Вук, не будучи писателем в современном понимании этого слова, а лишь филологом, видимо, понимал, что для утверждения нового литературного языка необходим корпус текстов, его представляющих. Грамматическая и лексикографическая предварительная или «проектная» кодификация уже существовала, нужна была и кодификация текстовая. Такой текстовой кодификацией были «Сербские народные песни», которые Вук подвергал известному редактированию⁷², и перевод Нового Завета, выполненный Вуком еще в 20-е годы, но увидевший свет лишь в 1847 г. Однако и без редактирования язык сербского эпоса и сербской лирической поэзии был в каком-то отношении наддиалектным. Он был своеобразным поэтическим койне, что делало его удобным для использования в функции литературного языка.

Сербский литературный язык на вуковской основе не был строго нормирован в сфере лексики. Караджич, отказавшись вскоре после своего высказывания о праве каждого сербского писателя писать на своем диалекте

⁷¹ *Ивић П.* Два аспекта Вуковог дела. — *Анали Филолошког факултета*, 5. Вуков зборник II, Београд, 1965, с. 99—107.

⁷² *Стојановић Љ.* Живот и рад. . . с. 105—109 и 158—164.

(1817 г.) от этого положения, все же допускал (хотя бы молчаливо) присутствие областной лексики в языке разных писателей. Областную лексику он приводил и в своем словаре. Это допущение, эта относительная свобода лексической нормы сохраняется до сих пор. Применительно к лексике основной пафос полемической борьбы Караджича был направлен, как уже отмечалось, против славянизмов. Видимо по этой причине он первоначально, в предисловии к «Писменице» похвально отзывался о языке Обрадовича, говоря, что «этот первый сербский писатель начал 30 лет тому назад на простом сербском языке писать и печатать и других ученых сербов побуждать следовать ему»⁷³, а потом отрицательно отзывался о его языке.

В сербском литературном языке со времен Караджича произошли определенные изменения. Отдельные элементы караджичевского языкового узуса ушли в прошлое⁷⁴. Эти вопросы, однако, не относятся к нашей теме, как не входит в нашу задачу и рассмотрение истории литературно-языковой борьбы идей и направлений после 1825 г. Все же важно отметить, что вопреки замыслам Вука, относящимся уже к 30-м годам, установились два равноправных варианта — экавский и екавский и оказался допустимым ряд грамматических (особенно синтаксических) и лексических дублетов. С изменением жанровой структуры сербской литературы изменилось и соотношение сил в борьбе за народную основу литературного языка. В следующей после кратко рассмотренной нами четверти века полемика шла уже не столько между сторонниками и противниками народной основы литературного языка, — этим народным литературным языком пользовалось абсолютное большинство, сколько между сторонниками и противниками вуковской орфографии (и графики)⁷⁵, между сторонниками и противниками вуковских «крайних» решений в области лексики и словообразо-

⁷³ «Скупљени граматички и полемички списи. . .», с. 9.

⁷⁴ *Ivić M.* Једно поређење Вуковог језика са нашим данашњим књижевним језиком. — ЗФЛ, I. 1957; *Дмитриев П. А., Сафронов Г. И.* Из истории русско-югославянских литературных и научных связей. Л., 1975, с. 80—112.

⁷⁵ Д. Живкович справедливо отмечал, что «народным языком писали и слагали стихи и до Вука и во времена Вука — и Йован Раич, и Досифей Обрадович, и Григорий Трлаич, и Павле Соларич, и Лукиян Мушицкий, и Стерия, Йован Суботич, Джордже Малетич, Никола Борович, Никанор Грузич и многие другие; борьба

вания. Шел выбор между более умеренным (в новых условиях «средним») и более крайним «вуковским» путем.

Романтизм отменил систему жанров, бытовавших в эпоху почти параллельного существования сентиментализма и классицизма и дал возможность народному языку целиком войти в литературу, стать подлинно литературным и поливалентным. Однако, не следует думать, что решение, прокламированное Караджичем, требовавшее «полного» разрыва с традицией, со славянщиной, было единственно возможным. Полного разрыва с традицией не произошло и у Вука, и как заметил А. Белич, «и Караджичев язык, с течением времени, начал в какой-то мере приближаться к этому гипотетическому среднему стилю»⁷⁶.

Был вполне допустим и реален другой, в каком-то отношении более «средний» путь, избранный Негошем, при котором фонетика и морфология были нормализованы целиком на народной штокавской (той же восточногерцеговинской) основе, а лексика кодифицировалась на базе симбиоза народных и книжных (славянских) элементов. Такой путь был близок к «карамзинско-пушкинскому» пути, известному в исторической практике русского литературного языка. Он был вполне возможен, но он был в середине XIX в. в одном отношении менее прагматичен, чем путь, предлагавшийся Караджичем. Он затруднял быстрое, почти немедленное сближение с языком, создававшимся и кристаллизовавшимся на той же штокавской основе в Хорватии⁷⁷. Для скорейшего создания единого сербскохорватского литературного языка был, естественно, более приемлем вуковский вариант.

Принятые сокращения: ЗФЛ — Зборник за филологију и лингвистику. Нови Сад; ППЈ — Прилози проучавању језика. Нови Сад.

Вука с его противниками велась прежде всего за новое правописание, а не за «новый» язык, потому что на «старом», «полуцерковном» языке никто не сочинял стихов уже в тридцатых и сороковых годах прошлого века». — *Живковић Д.* Вукова борба. . . с. 151. См. также: *Толстој Н. И.* Бура Даничић као историјски лексикограф и руска лексикографија XIX века. — Научни састанак слависта у Вукове дане. 5. Београд, 1976, с. 496.

⁷⁶ *Белић А.* Вукова борба за народни и књижевни језик. Београд, 1948, с. 35.

⁷⁷ *Брозовић Д.* Српскохрватски стандардни језик и Вук Стефан Караџић. — *Анали Филолошког факултета*, 5, с. 31—32.

СТАНОВЛЕНИЕ СЛОВЕНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В ПЕРИОД НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ



Интенсивный рост национального самосознания словенцев начинается во второй половине XVIII в. Окончание процессов национального возрождения относится ко второй половине XIX в. Основное содержание эпохи национального возрождения в Словении составляет борьба за развитие национальной литературы, культуры, науки, единый словенский литературный язык, расширение его функций и кодификацию норм¹.

Зарождение и становление словенской письменности происходило в условиях иноязычного господства. Усиленная германизация, начавшаяся уже в середине VIII в., привела к ассимиляции словенского населения в целом ряде районов первоначальной словенской этнической территории, а длительное немецкое господство — к задержке развития словенской письменности, к искусственному ограничению функций словенского языка. Первые попытки создания словенского литературно-письменного языка относятся, как известно, к XVI в. — к периоду протестантского движения и связаны с именами проповедника Приможа Трубара и его сторонников — С. Креля, А. Бохорича, Ю. Далматина. Диалектной основой первых памятников, написанных на этом языке, является говор Любляны, расположенной на границе двух центральных диалектов, гореньского и доленьского (фонетическая основа преимущественно доленьская)².

¹ Подробнее о хронологических рамках и содержании национального возрождения у словенцев см.: *Prijatelj I. Duševni profili slovenskih preporoditeljev*. Ljubljana, 1935, s. 1; *Kidrič Fr. Razvojna linija slovenskega preporoda v prvih razdobjih*. — *Razprave društva humanističnih ved*, V—VI, Ljubljana, 1930, s. 42.

² *Rigler J. Začetki slovenskega knjižnega jezika*. Ljubljana, 1968, s. 100—110.

Сфера приложения словенского литературно-письменного языка в то время ограничивалась духовной литературой. К этому же периоду относятся и первые опыты его грамматической и лексикографической обработки: грамматика Адама Бохорича «Articae horulae. . .» (Wittenberg, 1584) «Зимние посиделки о латинско-краньской письменности», лексический указатель в библии Ю. Далматина («Biblia, tv je, vse svetv pismv. . .», Wittenberg, 1584) и «Dictionarium qattuor linguarum» (Gratz, 1592) «Четырехязычный словарь» Иеронима Мегисера.

В годы антиреформации (католической реакции), начавшейся в XVII в., наблюдается спад литературно-письменной деятельности в Словении, наследие протестантов подвергается гонениям.

В XVII в. происходят важные фонетические изменения в центральных диалектах — бурное развитие редукции безударных и кратких ударных гласных, вокализация *l*, ассимилятивные изменения согласных, что способствовало углублению различий между письменным языком и живой речью. Эти различия, а также усиление диалектной дифференциации и административной дробности Словении привели к временному отказу от письменных традиций, заложенных в XVI в. Так, в 30-е годы XVIII в. в произведениях на словенском языке отмечается обилие диалектных элементов, лексических и синтаксических германизмов. В XVIII в. оживляется литературно-письменная деятельность в Каринтии, Штирии и Прекмурье. Писатели этих областей опираются на живую речь родных диалектов. Можно говорить, что в этот период сосуществовали региональные модели литературно-письменного языка. Сферой приложения этих языков оставалась литература духовного содержания. Произведения художественной литературы и немногочисленные научные труды, в том числе и грамматики словенского языка, издавались на немецком и латинском языках. Функции официально-делового языка (язык законов, постановлений, решений и т. д.) выполнял немецкий.

Средством устной коммуникации словенцев до начала национального возрождения служили словенский и немецкий языки. Их социально-функциональная дистрибуция может быть представлена следующим образом. Во всех официальных сферах коммуникации использовался немецкий язык. В неофициальных же сферах общения в выс-

ших и средних общественных слоях имело место двуязычие: словенско-немецкое и (в юго-западных районах Словении) словенско-итальянское³. Словенский язык в этом двуязычии представляли территориальные диалекты и первые формы наддиалектных образований — городские койне (в основном в районах крупных населенных пунктов). Среди низших слоев городского и сельского населения единственным средством коммуникации был словенский язык. Языком церкви были латинский и немецкий, однако многие священники использовали для проповедей словенский язык⁴.

С середины XVII в. в словенских землях Австрийской империи начинается заметное оживление экономической и культурной жизни. Развиваются горная, текстильная промышленность и торговля; постепенно внедряются капиталистические формы ведения хозяйства. Усиливаются абсолютистские тенденции в политике габсбургских монархов (с 1619 г. во внутренних австрийских областях вводится централизованное управление, реорганизуется армия). В период с середины XVII и до середины XVIII в. происходят существенные изменения в социальной структуре словенского общества: появляется прослойка интеллигенции (врачи, юристы, учителя), ставшая затем носителем просветительских идей в словенской культурной жизни, зарождается рабочий класс (рудодобытчики Горении).

Оживляется литературная и научная деятельность, правда, на первых порах исключительно на немецком и латинском языках. Возникают первые научно-культурные общества. Наиболее значительное из них — «Academija

³ О характере двуязычия и языковой ситуации в Словении в конце XVII—начале XVIII в. свидетельствуют новые, интересные сведения, в частности данные анкетной книги иезуитского ордена в Вене. Согласно этим данным, все кандидаты в орден словенского происхождения на вопрос анкеты о владении языками указывали два языка — словенский и немецкий (словенский и итальянский — кандидаты из юго-западных областей), причем 17 кандидатов из 20 приехавших из центральных областей Словении (Крайны) первым указали словенский язык. См.: *Höfner J. Iz neke jezuitske anketne knjige. Kronika*, 1973, s. 105—109; *Koruza J. K problematiki slovenskega preroda. — Jezik in slovstvo*, l. XXI, št. 4. Ljubljana, 1975/76, s. 105—107.

⁴ Подробнее об этом см.: *Koruza J. K problematiki slovenskega preroda*, s. 108—110.

Operosorum Labacensium» — «Академия трудолюбивых» — начало свою деятельность в 1701 г. Издания этого общества публиковались на латинском языке и еще не носили национального характера ⁵.

Дальнейшему развитию капиталистических отношений и углублению социальной дифференциации общества способствовали реформы Марии Терезии и Иосифа II. Антифеодальную направленность имели административные реформы Марии Терезии: основание «Директория внутренних дел» в Вене как органа высшей власти, ограничение прав помещиков (барщинный патент 1775 г.), введение особой налоговой книги. Отмена крепостной зависимости крестьян, осуществленная в 1781 г. во время правления Иосифа II, а также постановления, облегчающие продажу крестьянских наделов, способствовали процессу обезземеливания крестьян и появлению групп свободного населения, пополнявших, с одной стороны, ряды наемной рабочей силы, с другой — прослойку интеллигенции.

Политика государственной централизации, которую проводили габсбургские монархи в период просвещения, способствовала преодолению феодальной дробности Словении, росту внутренней взаимосвязанности отдельных словенских областей. Немаловажное значение для успешного хода процессов возрождения имели попытки государства установить контроль над церковью, ограничившие роль духовенства в культурно-общественной жизни словенцев.

В известной мере благотворное влияние на оживление культурной жизни в словенских землях оказали школьные реформы. Резолюцией от 28 сентября 1770 г. Мария Терезия провозгласила образование государственным делом: «Школа есть и остается всегда государственным делом» ⁶. С 1772 г. вводится три типа народной школы: «тривиальные» для сельской местности и небольших населенных пунктов, «главные» в крупных городах и «нормальные» в административных центрах. В 1774 г. начальное школьное образование становится обязательным.

⁵ *Grafenauer B.* Zgodovina slovenskega naroda, zv. IV. Ljubljana, 1961, s. 123—131.

⁶ *Митрофанов П.* Политическая деятельность Иосифа II, ее сторонники и ее враги (1780—1790). — Записки историко-филологического факультета С.-Петербургского университета, т. XXXIII, 1907, с. 726.

Во введении к «Общему школьному уставу» указывается: «... Образование молодежи обоего пола составляет основу истинного благоденствия народов»⁷.

Одновременно с централизацией внутренних областей Австрийской империи проводилась усиленная германизация словенского и другого иноязычного населения, что отразилось в первую очередь в языковой политике габсбургских монархов. В письме Марии Терезии от 9 ноября 1770 г. для чешских земель выражалось требование «следить за распространением немецкого языка с большим рвением, чем раньше». Это указание в полной мере относилось и к словенским землям. Явным было и стремление Иосифа II придать немецкому языку «все атрибуты единственно признанного государственного и официального языка в габсбургских землях»⁸. С 1776 г. знание немецкого языка становится необходимым условием для поступления в гимназию.

С другой стороны, правительство было поставлено перед необходимостью использовать в некоторых случаях и национальные языки зависимых областей. Так, стремясь, чтобы декреты и законы были понятны словенским крестьянам, не владеющим немецким языком, правительство впервые в 1758 г. распорядилось напечатать патент о военной службе на словенском языке. Новый школьный устав от 1774 г. и так называемая «Методическая книга» 1775 г. предусматривали проведение начального обучения на родном (словенском) языке и перевод с немецкого основных школьных учебников.

Важным событием, оказавшим заметное влияние на развитие национального возрождения словенцев, была французская оккупация и создание «Иллирийских провинций», в состав которых вошла большая часть словенских земель. «Французская оккупация активизировала и укрепила те общественные силы, которые ослабляли феодализм. Ликвидация всех цеховых привилегий, свобода торговли и ремесел. . . открыли дорогу капиталистическому развитию»⁹. Поддержка национального движения в Иллирии входила в политические планы Наполеона,

⁷ Там же, с. 729.

⁸ *Kidrič Fr. Zgodovina slovenskega slovstva. Od začetkov do marčne revolucije.* Ljubljana, 1931, s. 206.

⁹ *Kardelj E. Razvoj slovenskega narodnega vprašanja.* Ljubljana, 1970, s. 211.

поскольку это прежде всего уменьшало опасность влияния со стороны Габсбургской монархии.

Открылись новые возможности и для развития словенской национальной культуры и укрепления позиций словенского языка. Словенский язык впервые получает свободный доступ в школы, расширяются и его официальные функции. В этот период преподавание в народных школах осуществляется исключительно на словенском языке, в городских школах словенский язык преподается наряду с французским, немецким, латинским. В гимназиях и лицеях в младших классах большинство предметов ведется на словенском языке, в старших — на французском¹⁰.

Поражение Наполеона и возвращение Австрийской империей прежних позиций (1814 г.) вызвало новую волну германизации в словенских землях. Словенский язык вновь изгоняется из школ. Однако теперь процесс национального пробуждения остановить уже было невозможно. Политический лозунг «Объединенной Словении», выдвинутый в 40-е годы XIX в. накануне буржуазно-демократической революции 1848 г. и выросший позже в политическую программу словенских демократов, отражает рост национального самосознания словенцев и формирование словенской нации.

В развитии национального возрождения словенцев и словенского литературного языка можно выделить два основных этапа: начальный этап с середины XVIII в. по 1-е десятилетие XIX в. и завершающий этап — со второго десятилетия до 70-х годов XIX в.

Первый (начальный) этап национального возрождения характеризуется пробуждением интереса к национальной культуре, истории, народному творчеству. В этот период создается ряд работ по истории Словении: рукописная «Краньская хроника» («Kranjska Kroneka») Марко Похлина, серьезное исследование «Versuch einer Geschichte von Krain und der übrigen südlichen Slaven Oesterreichs», Laibach, 1788, 1791) Антона Томажа Линхарта («Опыт истории Крайны и других южных славян Австрии»); начинается сбор народных песен (Валентин Водник), поговорок и пословиц (Янез Михелич). Существенное значение в этот период имела борьба за равноправие родного языка,

¹⁰ Grafenauer I. *Kratka zgodovina starejšega slovenskega slovstva*. Ljubljana, 1973, s. 211.

за постепенное расширение его функций. Начинается систематическая грамматическая и лексикографическая обработка литературно-письменного языка, усиленно обогащается его лексический фонд. Неизбежно встает вопрос о нормах литературного языка, в выработке которых намечается два направления: на базе конкретного (люблянского) диалекта (Марко Похлин и его сторонники) и возврат к литературно-письменной традиции протестантской литературы (Юрий Япель, Блаж Кумердей).

В начальный период национального возрождения словенцев еще остро чувствуется их социально-экономическая отсталость и политическая незрелость. Идеи национального возрождения не смогли охватить широких слоев населения. Франце Кидрич, давший наиболее полную характеристику развития словенской литературы в период национального возрождения, указывает, что во второй половине XVIII в. и в первые десятилетия XIX в. процесс возрождения развивался «вглубь, а не вширь»¹¹. Показательно, например, отсутствие поддержки словенских периодических изданий, являвшихся своего рода идейным органом национального движения. Так, газета «Lublanske Novize» («Люблянские новости»), негласным редактором которой был с 1797 г. до 1799 г. Валентин Водник, прекращает в 1800 г. свое существование из-за отсутствия подписчиков, и периодическая печать в Словении вновь остается только немецкой. Проводниками идей национального движения были отдельные лица (Марко Похлин и его окружение), кружок Жиги Цойса, наиболее яркими представителями которого являлись Антон Томаж Линхарт, Валентин Водник, Блаж Кумердей, кружок янсенистов (Юрий Япель).

В этот период более успешной оказалась борьба за расширение функций словенского языка: он становится языком публицистики, поэзии, вводится в школах.

Отличительной чертой начального этапа является отсутствие идеи национального единства населения всех областей Словении. Характерно, в частности, отсутствие в течение длительного времени самих наименований для обозначения словенцев как отдельного народа (наименование «Slovenec» употреблялось в значении «славянин»). Впервые слова Slovenec, Sloven в значении «словенец»

¹¹ Kidrič Fr. Zgodovina slovenskega slovstva, s. 350.

помещает в словенско-немецкий словарь Ожбалът Гутсманн в 1789 г.

Центром движения за национальное возрождение в целом и борьбы за расширение функций словенского языка в частности становится Любляна. Деятели этой эпохи, преимущественно уроженцы центральных областей Словении (Крайны), в обращениях к народу использовали наименование «краньцы» («Kranjci»), в филологических исследованиях называли родной язык «краньским» («kranjščina»). Например, посвящение «Краньской хроники» М. Похлина «честным краньцам», название грамматики («Kraunska grammatika», Laibach, 1768). Не упоминаются представители других словенских областей, особенности нецентральных диалектов не учитываются. Исключение должна была составить «Grammatik der Slavischen Sprache in Krain, Kärnten und Steyermark», Laibach, 1809 («Грамматика славянского языка в Крайне, Каринтии и Штирии») Ернея (Варфоломея) Копитара, уже само название которой предполагало характеристику языковых особенностей нецентральных областей — Каринтии и Штирии, однако в тексте ее такой материал отсутствует.

В других словенских областях также недостаточно четко выражено сознание необходимости национального и языкового единства. Так, в работах каринтийского просветителя О. Гутсманна, наиболее близкого идеям национального возрождения, представлено большое количество локальных (рожанских и подъюнских) диалектных черт. В Прекмурье литературно-письменный язык функционирует на базе прекмурских говоров и венгерской графики (Штефан Кюзмич).

Таким образом, для начального этапа национального возрождения словенцев и формирования словенского литературного языка характерны неосознанность национального единства словенцев, необходимости единого литературного языка, черты региональности в литературно-письменной деятельности.

На втором (завершающем) этапе национального возрождения происходит формирование идеи национального единства. Лозунг объединенной Словении и равноправия словенского литературного языка, являющийся основным пунктом политической и национально-культурной программы словенских демократов в середине XIX в., свидетельствует о завершении процесса становления словен-

ской нации. Во второй половине XIX в. исторически уже была подготовлена почва для формирования единого словенского литературного языка. Ибо «образование национальных языков связано с возникновением буржуазного общества. Вместе с образованием наций впервые возникает и национальный язык как «общий язык» нации, преодолевший феодальную раздробленность поместно-территориальных говоров средневековья»¹².

Впервые идеи национального возрождения и утверждения словенского языка нашли выражение в «Крайнской грамматике» («Krajnška grammatika») Марко Похлина, опубликованной в 1768 г. в Любляне. Во введении М. Похлин обращается к истории и подчеркивает древность славянских племен и их языковую близость, указывает на равноправное положение словенского языка в прошлом, сожалеет, что в настоящее время в Крайне усиленно насаждается немецкий язык в ущерб словенскому. В грамматике звучит страстный призыв, обращенный к жителям Крайны: «Да не будем стыдиться своего родного языка, дорогие соотечественники!» М. Похлин пишет о пользе словенского языка в повседневной жизни и ведении дел, о его грамматическом совершенстве. В числе самых актуальных задач он приводит новый перевод библии на словенский язык, создание грамматики и словаря этого языка.

Идеи М. Похлина в дальнейшем подхватывают и развивают многие деятели национального возрождения. Блаж Кумердей, один из наиболее активных борцов за возрождение и расширение прав словенского языка, выступая на собрании словенских филологов возобновившей свою деятельность «Академии трудолюбивых», замечает: «У нас нет больше причин стыдиться говорить по-краньски»¹³. Валентин Водник, будучи проводником идей возрождения в жизнь, в 1797 г. вводит в редактируемой им газете «Люблянские новости» целую рубрику, посвященную задачам развития словенского языка. Важными пунктами программы языкового развития, предлагаемой В. Водником, является борьба за чистоту языка, необходимость учета при выработке литературных норм черт штирийского и каринтийского диалектов.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология*. М., 1933, с. 414.

¹³ Цит. по кн.: *Kidrič Fr. Zgodovina slovenskega slovstva*, s. 194—195.

Утверждению словенского языка и его связям с другими славянскими языками уделено большое внимание и в упомянутой выше «Грамматике славянского языка в Крайне, Каринтии и Штирии» Эрнея Копитара, являющейся в течение длительного времени программным трудом словенского национального возрождения.

Важнейшей задачей возрождения и утверждения словенского языка была борьба за расширение сферы его использования, за развитие национальной литературы на родном языке. Первым словенским писателем, обратившимся к светским жанрам литературы, был М. Похлин. С 1781 г. по 1789 г. он издает ряд популярных книг для народа, переведенных с немецкого: «Bukvice za rajtengo», 1781 («Арифметика»), «Kratkočasne uganke in čudne kunšte» («Загадки и шарады»), «Kmetam za potrebo inu pomoč», 1789 («Для нужд и в помощь крестьянам»). Его перу принадлежит и первое историческое произведение на словенском языке «Краньская хроника», оставшееся в рукописи. С 1779 г. начинается издаваться первый словенский поэтический альманах («Pisanice od lepeh umetnost», 1779—1781), составленный Антоном Феликсом Девом при участии М. Похлина. Основной целью составителей альманаха было доказать пригодность словенского языка к светским поэтическим жанрам. В подготовке третьего выпуска альманаха (1781 г.) участвовал и молодой Валентин Водник, написавший несколько оригинальных поэтических произведений.

К этому же периоду относится и творчество первого словенского драматурга Антона Томажа Линхарта, написавшего в 1789 г. комедию «Županova Micka» («Жупанова Мицка») и в 1790 г. «Veseli dan ali Matiček se ženi» («Веселый день или Матичек женится») — сатирическую комедию по мотивам Бомарше. Большое значение для популяризации борьбы за равноправие словенского языка имели любительские спектакли в Любляне в конце 1789—начале 1790 г., в которых принимал участие и сам А. Т. Линхарт. Он занимается и переводами текстов делового характера.

В конце XVIII в. функции словенского языка расширяются за счет периодической печати. Неоценимый вклад в зарождение и развитие словенской публицистики и журналистики внес В. Водник. В 1795 г. по инициативе Жиги Цойса он начинает подготовку «Большого сельского календаря» («Velika pratika»), представлявшего собой

предназначенное для просвещения народных масс периодическое издание. Этот «Календарь» издавался с 1795 по 1797 г. и содержал сведения по арифметике, географии, метеорологии, экономике, а также развлекательные тексты (новогодние поздравления и пожелания, эпиграммы, загадки и т. д.). Здесь же В. Водник помещает и ряд своих новых поэтических произведений, провозглашавших идеи национального возрождения. В 1797 г. люблянский издатель Янез Фридерик Эгер предпринимает издание упомянутой выше первой газеты на словенском языке — «Люблянские новости», редактором которой вплоть до 1799 г. был В. Водник. «Люблянские новости» выходили два раза в неделю и включали в себя иностранную политическую хронику, новости внутренней жизни, статьи по экономике, различные объявления, разделы юмора и поэзии. В. Водник отводит целую рубрику вопросам словенского языка и национального возрождения, в которой помещает сведения по истории Словении и др.

Занятый подготовкой периодических изданий, В. Водник не оставляет и поэтической деятельности. В 1806 г. выходит его сборник «Поэтический опыт» («Pesme sa rokushino»), первый сборник стихотворений на словенском языке, в 1809 г. — «Песни ополченцев» («Pesmi sa Brambovze»).

Одновременно с развитием поэзии, драматургии и журналистики на словенском языке на рубеже XIX в. отмечаются попытки написания на словенском языке научных и научно-популярных произведений различной тематики: работы в области биологии братьев Цойсов, переводы с немецкого А. Т. Линхарта «Книга о чуме и болезнях крупного рогатого скота, овец и свиней» («Bukve od kug inu bolesen goveje shivine, tih Ovac inu Svin», 1792), В. Водника «Поваренная книга» («Kuharske bukve», 1799), пособие по пчеловодству, переведенное штирийцем Я. Голичником («Popolnoma podvucenje za vse čebelarje», 1792).

Со второй половины XVIII в. значительно возрастает количество публикуемых на словенском языке произведений духовного содержания. Так, только М. Похлин с 1769 по 1774 гг. издает семь книг духовного содержания.

На рубеже XIX в. наиболее остро встает вопрос о проникновении словенского языка в систему образования,

Уже во время проведения школьных реформ в землях внутренней Австрии Блаж Кумердей весной 1773 г. выносит на рассмотрение Венскому правительству «патриотический проект, как успешнее всего обучать краньское население чтению и письму»¹⁴. Основным положением этого проекта была подготовка учебных пособий на словенском языке: букваря и других учебников в словенско-немецком и немецко-словенском изданиях.

С 1777 г. начинается работа по подготовке учебных пособий. В 1779 г. выходит в немецко-словенском издании хрестоматия и сборник упражнений, переведенный Б. Кумердеем, а также пособие для учителей «Требования к учителям» («Zahteve do šolmaštrov»), подготовленное референтом люблянской школьной комиссии Я. Эдлингом, в 1779 г. — «Отрывки из большого катехизиса с вопросами и ответами» («Izvlaček tega velikega katehizma z'uprašajnamí inu odgovorami») в его же переводе. Ю. Япель готовит к изданию «Большой катехизис» («Ta velki catekismus»), Й. Дебевец — «Краньский букварь» («Kranjski plateltof»).

Особенно усилилась деятельность по изданию школьных пособий в период «Иллирийских провинций» (1809—1813 гг.), когда существенно изменилась роль словенского языка в народном образовании. Согласно проекту о реорганизации школьного образования от 30 мая 1810 г., каждому молодому иллирийцу должно было быть предоставлено право получить и совершенствовать свое образование на родном языке¹⁵. Важную роль в проведении школьных реформ и в создании учебных пособий с учетом новых нужд школьного образования сыграл В. Водник, занимавший в то время пост директора люблянской гимназии, ремесленных и художественных школ и инспектора народных школ. Со свойственной ему энергией и энтузиазмом он берется за подготовку целого ряда учебных пособий: в 1811 г. выходят «Азбука для начальных школ» («Abezeda za Perve Shole»), «Закон божий для Иллирийских провинций» («Kershanski navuk za illirske deshele»), «Грамматика для начальных школ» («Pismenost ali Gramatika sa Perve Shole»), грамматика французского

¹⁴ Kidrič Fr. Zgodovina slovenskega slovstva, s. 175.

¹⁵ Там же, s. 507.

языка («Pozhetki Gramatike, to je Pismenosti Franzoske»), в 1812 г. — словенско-немецко-французский букварь («Abezeda ali Asbuka. Das ABC-Buch-L'Abécé»). Наиболее значительным из этих произведений была грамматика словенского языка, во введении к которой В. Водник подчеркивает необходимость создания словенских грамматик и букварей¹⁶.

Использование словенского языка в официальной сфере было ограниченным на протяжении всего первого периода национального возрождения. Однако с течением времени и в этой области наблюдаются заметные сдвиги. Со второй половины XVIII в. начинают переводиться на словенский язык основные правительственные постановления. Значительная часть таких переводов сделана А. Т. Линхартом и В. Водником. С 1799 г. в Любляне стали появляться объявления на словенском языке, первая словенская надпись сделана в 1802 г. на построенном около Любляны мосту. Создание «Иллирийских провинций» не внесло существенных изменений в положение словенского языка. Государственным языком и языком армии стал французский язык. Словенский же язык по-прежнему использовался в двуязычных текстах объявлений, постановлений, иногда по-словенски записывались присяги.

Таким образом, в первый период национального возрождения функции словенского языка значительно расширяются, оживляется издательская деятельность, зарождаются новые жанры национальной литературы (дидактическая, научно-популярная литература, поэзия, драматургия, журналистика). Словенский язык частично проникает в школы, что стимулирует подготовку необходимых учебных пособий. Регулярно осуществляются переводы правительственных постановлений. Все это приводит к лексическому обогащению литературно-письменного языка, к усложнению его синтаксической структуры.

Вместе с расширением функций словенского языка вырабатывались нормы литературно-письменного языка, развивалась грамматическая наука и словенская лексикография.

¹⁶ Pismenost ali Gramatika sa Perve Shole. V Lublani, 1811, s. 3.

Как уже указывалось выше, сложность языковой ситуации в Словении к началу национального возрождения усугублялась возникшими расхождениями между устной речью и теми нормами, которые были приняты за основу письменного-литературного языка еще в XVI в.

Своего рода анахронизмом была как система правописания, так и графика литературно-письменных изданий — бохоричица. Нельзя не отметить также бедность лексического состава языка и несовершенство его синтаксической структуры, связанные с жанровой ограниченностью литературы на словенском языке. Нормы, которые соответствовали уровню литературно-языкового развития до XVIII в., оказались не пригодными для выполнения сложных задач, вставших перед литературным языком в эпоху национального возрождения. Не могли удовлетворять нужды времени и имеющиеся издания грамматики А. Бохорича и словаря И. Мегисера.

Все это настоятельно требовало внесения соответствующих изменений в правописание, создания новых грамматик и словарей словенского языка. Необходимо было прежде всего решить вопрос об отношении к протестантской литературно-письменной традиции и о степени отражения в письменной форме языка тех явлений, которые коренным образом изменили фонетический строй словенских диалектов — редукции кратких ударных и безударных гласных и переход *l* в *ɟ* в различных позициях в зависимости от диалектной зоны.

М. Похлин, автор первой словенской грамматики нового времени («Kraynska grammatika», Laybach, 1768), отходит от письменных норм протестантской литературы, положив в основу предлагаемых им норм фонетические особенности люблянского говора: вокализация *l* (произносимый на месте *l* в позиции конца слога *ɟ* обозначен с помощью графемы *-v* (*zapovedov*), формы с редукцией безударных *a*, *o*, *e* (*rez* < *raz*-, *ne*- < *na*-, *koker* < *kakor*), формы с депалатализацией *l'*, *n'* (*krajlico* < *kraljico*). Одновременно М. Похлин вносит и ряд изменений в графику. Эти изменения прежде всего касались графем, обозначающих шипящие и свистящие, ср.

Бох.	Похл.	Совр.
ʃ	s	s
h	ch	š
s	ʃ	z
sh	lh	ž

Кроме того, М. Похлин вводит графемы *q, w, x, y*, двойные согласные *ll, tt*, графему *e* для обозначения долгого закрытого *é*, произносимого в Жгореньском диалекте как *e*, в доленьском как *ej*, различает на письме *i* и *je*, использует *j* для обозначения дифтонгов.

По сравнению с грамматикой А. Бохорича в грамматике М. Похлина дана более правильная картина склонения: впервые отражена в парадигме форма тв. падежа, фиксируется форма местн. падежа мн. ч. (правда, она интерпретируется как одно из исключений род. падежа). В склонении имен прилагательных м. р. представлены флексии *-ega, -eti* в отличие от старых *-iga, -imu*. Имеются и ошибочные формы, например, в тв. падеже мн. числа склонения имен существительных мужского рода приведены как обязательные формы с флексиями из других типов склонения: *-ami, -mi (kraljami, krajlmi)*, единственно же правильная форма с флексией *-i (kralji)* интерпретируется как сокращенная.

Грамматика М. Похлина еще не могла быть совершенной в лингвистическом отношении. Не совсем удачные графические нововведения, уязвимые интерпретации некоторых форм послужили поводом для острой критики со стороны многих деятелей словенского возрождения и прежде всего О. Гутсманна, Б. Кумердея, В. Водника, Е. Копитара. Главный огонь критики был направлен против отхода от графики А. Бохорича и выбора в качестве диалектной базы литературно-письменного языка люблянского говора, которому были свойственны максимальная степень редукции гласных, отразившаяся и на морфологической системе (например, совпадение форм супина и инфинитива, маскулинизация существительных и прилагательных среднего рода), обилие германизмов. Закрепление этих особенностей в литературном языке в еще большей мере отдалило бы его от носителей других словенских диалектов.

Борьбу против нововведений М. Похлина начинает каринтиец Ожбальт Гутсманн. В 1770 г. он издает книгу с размышлениями о христианстве («*Kristianske resnice skuz premišluvanje naprejnešene inu za pridige tudi naranane*»), к которой прилагает написанные по-немецки замечания о словенском правописании. Во введении он указывает, что хочет писать так, «чтобы его поняли не только каринтийские, но и штирийские и крааньские сло-

венцы»¹⁷. О. Гутсманн выступает за сохранение старых обозначений свистящих и шипящих, устранение букв *g, w, x, y*, дифференцированное использование графем *i* и *j*, *u* и *v*, считает целесообразным обозначать дифтонги с помощью *i*, а не *j*, отвергает все формы, отражающие люблянскую редукцию.

Однако в языке О. Гутсманна встречаются формы, отражающие фонетические и лексические черты рожанского и подъюнского говоров: *e < *b* (*den*; ср. совр. лит. *dan*), *ie < *ě* (*lieto*; ср. совр. лит. *leto*)¹⁸.

Несомненный прогресс в словенской грамматической науке того времени представляет собой вышедшая в 1777 г. в Целовце «Грамматика словенского языка» О. Гутсманна («Windische Sprachlehre», Celovec, 1777). Автор грамматики, исходя из принципа констатации языковых фактов, не включает зв. падеж, отсутствующий в системе словенского склонения, отказывается от несвойственных словенскому языку форм род. падежа с предлогом *od*, дает более точное определение тв. падежа, последовательно приводит формы местн. падежа. О. Гутсманн включил и некоторые нововведения М. Похлина — флексии прилагательных *-iga, -imu*, отражение на письме вокализации *l* в формах действительных причастий на *-l*, используя для этого графему *u* (*biu, gledau*).

Развитию словенской лингвистической науки способствовала и деятельность Блажа Кумердея, основателя первого в Словении лингвистического кружка (1779 г.). В замыслы Б. Кумердея входило написание не только грамматики словенского языка, над которой он работал свыше 15 лет, но и сравнительной грамматики славянских языков. К сожалению, грамматическим исследованиям Б. Кумердея не суждено было увидеть свет, однако рукописи, поступившие и хранившиеся в библиотеке Жиги Цойса, были ценным источником грамматических сведений для многих деятелей словенского возрождения, в том числе и Е. Копитара. В рукописи осталась и работа по правописанию «Опыт краинского правописания» («Versuch Uiber die Krainerische Rechtsschreibung»), в которой отвергаются все нововведения М. Похлина, кроме графемы *ę*

¹⁷ Цит. по кн.: Zgodovina slovenskega slovstva. Ljubljana, 1956, s. 366.

¹⁸ Toporišič J. Slovenski jezik, kakor so ga videli tisti, ki so o njem razmišljali. — Jezikovni pogovori, knj. II. Ljubljana, 1967, s. 20.

для обозначения долгого закрытого *e*. Эта графема использовалась в словенских изданиях почти до середины XIX в. В подготовленной к печати в 1784 г. сравнительной грамматике Б. Кумердей, сопоставляя языковые особенности отдельных словенских областей Крайны, Краса, Истры, Нижней Каринтии и Штирии, приходит к выводу, что общесловенским языком должен стать язык Крайны.

Совместно с Юрием Яплем Б. Кумердей готовит новый перевод библии. При работе над текстом перевода вырисовывается определенная концепция литературного языка: учет литературно-письменной традиции протестантской литературы и вместе с тем последовательная замена доленьских фонетических черт гореньскими (* \bar{o} > гор. *ó*, дол. *u*; * \bar{e} > гор. *é*, дол. *ej*); графика на основе бохоричицы с использованием графем с надстрочными знаками для обозначения качества гласного *ó* [\bar{o}], *è* [\bar{e}], похлиновской графемы *ę* [\bar{e}], апострофа после однофонемных предлогов (*k' njemu, s pèrстам*), *j* для обозначения дифтонгов; отказ от двойных согласных, отказ от отражения на письме редукции гласных и вокализации *l* (*sapovedal, pìsal*).

С 1800 г. в редакционной комиссии по изданию библии начинает сотрудничать В. Водник. Работая одновременно над грамматикой, В. Водник обращает внимание на необычность словенского ударения. Так было открыто тоническое ударение, свойственное центральным словенским диалектам. В. Водник вводит акут для обозначения восходящего и гравис для нисходящего ударения, в связи с чем отказывается от надстрочных знаков над гласными и похлиновской графемы *ę*.

Предложения В. Водника об особых знаках для различения качества ударения в редакционной комиссии не были приняты. В 1806 г. начинается оживленная переписка В. Водника с Й. Добровским. Переписка с крупнейшим чешским ученым была хорошей филологической школой для В. Водника. Й. Добровский указывал на необходимость правильно определить местн. и тв. падежи, ограничить количество флексий для род. падежа мн. числа, упорядочить графику, используя чешские графемы, хотя бы для обозначения шипящих¹⁹.

В 1809 г. выходит «Грамматика славянского языка в Крайне, Каринтии и Штирии» Е. Копитара, представ-

¹⁹ *Kidrič Fr. Zgodovina slovenskega slovstva*, s. 423—427.

лявшая собой качественно новое явление в словенской грамматической науке. Это первое научное описание фонетической системы словенского языка, включающее в себя сведения по истории словенского литературного языка и характеристику гореньского и доленьского диалектов.

Фонетическую систему словенского литературного языка Е. Копитар характеризует следующим образом: противопоставление долгих и кратких гласных, гласных *e*, *o* по характеру образования в долгих слогах (описывает открытые *o* и *e*), наличие так называемого полугласного — гласного среднего ряда и среднего подъема *ə*, редукция кратких ударных и безударных *i* и *u* (произношение на их месте *ə*), произношение на месте *l* билабиального *ɰ*, противопоставление твердых и палатализованных *l/lʲ*, *n/nʲ*. Таким образом, Е. Копитар предлагает фонетические особенности гореньского диалекта (*o*, *e* вместо доленьских *u*, *ej*, *o* в заударном слоге на месте *u* в качестве литературной нормы), в известных пределах признает и фонетические инновации центральных словенских диалектов. В области морфологии им были узаконены флексии *-am*, *-ama* в склонении существительных мужского рода, отражающие морфологическую систему центральных диалектов²⁰. Е. Копитар впервые в словенистике парность глаголов связывает с различиями между ними в длительности глагольного действия, выделяя две группы глаголов — *verba perfectiva* и *verba imperfectiva*²¹.

Графика, предложенная Е. Копитаром, строилась на основе бохоричицы. В ней сохранены были надстрочные знаки для обозначения долгих и кратких ударных гласных. Принцип правописания — этимологический, в соответствии с которым редукция гласных и вокализация *l* (*kruh* [krəh], *plesal* [plesoɰ]) на письме не отражались.

Важным событием первого этапа словенского национального возрождения было появление «Грамматики для начальных классов» («Pismenost ali Gramatika sa Perve Shole», Lublana, 1811) В. Водника — первой грамматики на словенском языке. Грамматика включает разделы, посвященные не только правописанию и морфологии, но и синтаксису и словообразованию; в ней даны новые све-

²⁰ Toporišič J. Slovenski knjižni jezik, knj. 2. Maribor, 1966, s. 51.

²¹ Kopitar J. Grammatik der Slavischen Sprache in Krain, Kärnten und Steyermark. Laibach, 1808, S. 302—309.

дения о тоническом ударении в словенском языке, функционировании глагольных форм, синтаксисе предложения. Достижением В. Водника была и разработка словенской лингвистической терминологии.

В разработке норм словенского литературно-письменного языка важное место отводилось борьбе с германизмами — лексическими и синтаксическими. В приложении к «Люблянским новостям» в 1797 г. В. Водник, опровергая общее мнение о бедности словенского языка, писал: «Крайнский язык сам по себе богат, лишь у людей беден словарный запас, потому что они слишком мало помнят из того, чему их учила мать»²².

Путь к обогащению лексического состава литературно-письменного языка и вытеснению лексических германизмов он ищет прежде всего в сборе лексического материала в словенских областях: «Нужно ли за словами идти на сторону, побираться, когда я их нахожу дома. Мы должны поискать словенские крайние слова, разбросанные то здесь, то там по стране»²³. В. Водник указывает и на возможность обогащения словенского языка за счет привлечения лексики старославянского и русского языков.

В публицистике В. Водника можно отметить немало слов, заимствованных из немецкого языка, но, как правило, только тех, какие были присущи в тот период народной речи: *cuker*, *erb*, *fajn*, *fara*, *flanela*, *gmajna*, *tinta* и т. д. Показательно, что часть этих слов вошла либо в современный литературный язык (*fara*, *gmajna*), либо в разговорный язык (*fajn*, *cuker*). При обозначении же новых понятий В. Воднику свойственны пуристические тенденции, ср. такие новообразования, как *kervomočnik* «тиран», *minister očitne varnosti* «министр безопасности».

В. Водник решительно выступал и против синтаксических германизмов. Так, в его текстах отсутствуют столь распространенные в то время элементы немецкого синтаксиса как употребление вин. падежа вместо род. при отрицании, постоянная связь род. падежа с предлогом *od*. В 1798 г. он отказывается от употребления артикля *ta*, выполнявшего роль показателя определенности (*ta veliki katekizem*). Некоторых германизмов В. Воднику избежать

²² Цит. по кн.: *Toporišič J. Slovenski knjižni jezik*, knj. 2, s. 47.

²³ Цит. по кн.: *Kidrič Fr. Zgodovina slovenskega slovstva*, s. 327.

не удастся, например, употребления глагола *imeti* в значении должествования²⁴.

Вопросы борьбы с германизмами затрагивает во введении к своей грамматике и Е. Копитар, отмечая, что присутствие лексических и синтаксических германизмов свойственно в большей или меньшей степени всем словенским писателям. В качестве способа устранения обилия германизмов он указывает на необходимость общения писателей с крестьянами, перевод произведений не с немецкого, а с латинского языка, чтение произведений на славянских языках, не подверженных влиянию немецкого языка, организации кафедры словенского языка в Любляне.

Одновременно с совершенствованием грамматического описания словенского языка начинает развиваться словарное дело. Первый словарь эпохи национального возрождения принадлежит М. Похлину «Краткий трехязычный словарь» («Tu malo besedišče treh jezikov, 1781»). При написании этого словаря М. Похлин использовал не только все словенские словарные материалы, но и чешские, хорватские словари. Часть из включенной М. Похлином хорватской и чешской лексики закрепилась и вошла в современный литературный язык: хорв. *bolest*, *budalost*, *oblika*, *podnebje*, *zrcalo*; чешск. *geslo*, *odpor*, *pisarna*. В словарный состав словенского литературного языка вошли и такие новообразования М. Похлина как *dvomiti*, *prekop*, *rokodelec*, *stavek*, *testenina*, *tržišče*, *umetnost*, *preproga*. В словаре отражена и новая терминологическая лексика (например, 430 ботанических наименований).

В 1789 г. выходит немецко-словенский словарь О. Гутсманна «Deutsch-windisches Wörterbuch mit einer Sammlung der verdeutschen Stammwörter und einiger vorzüglichen abstammenden Wörter» (Celovec). Словарь стал ценным лексикографическим источником на многие годы. Помимо лексики предыдущих словарей, М. Похлин включает также лексику каринтийских говоров, собственные новообразования, в качестве иллюстраций приводит немало народных выражений и поговорок. Из новообразований О. Гутсманна в современный литературный язык вошли, например: *delavnica*, *dnevnik*, *ladjevje*,

²⁴ *Kidrič Fr. Zgodovina slovenskega slovstva*, s. 330.

ljubosumnost, novice, obljubiti, odbor, sladkor. В словаре представлена и новая политическая лексика.

В области словенской лексикографии интенсивно работали также Б. Кумердей и В. Водник, но их материалы остались неопубликованными.

Заслуга в разработке словенской терминологической лексики принадлежит Жиге Цойсу. Он готовит издания по горной, ботанической и зоологической терминологии: «*Krainische Berg- und Hütten Sprache. Slovenski rudni inu fushinsski jezik*» (Laybach, 1796), оставшиеся в рукописи «*Botanische Nomenklatur*», «*Catalogus botanicus secundum Linneum*», «*Slavische Nomenklatur der in Krain bekannten Fische nach Bloch's Eintheilung der Fische Deutschlands*».

Итак, в первый период национального возрождения отмечаются заметные успехи в грамматической и лексикографической обработке словенского языка: описывается фонетическая система с учетом словенских инноваций, открывается тоническое ударение, уточняется состав падежей и система флексий именного склонения, дифференцируются глаголы совершенного и несовершенного видов, даются сведения по функционированию глагольных форм, синтаксису и словообразованию, значительно обогащается словарный состав языка, разрабатывается терминологическая лексика.

Важным событием первой половины XIX в. была организация кафедры словенского языка в Люблянском лицее. Инициатор создания кафедры — один из наиболее активных борцов за кодификацию норм литературного языка и его чистоту Матевж Равникар. В 1817 г. заведующим кафедрой стал Франц Метелко.

Первостепенной задачей словенских филологов оставалась разработка норм правописания и системы графических обозначений. Проблемам словенской графики было посвящено совещание в Вене в 1820 г., в котором приняли участие Е. Кошитар, М. Равникар, Ф. Метелко и Й. Добровский. В 1824 г. в Граце выходит грамматика словенского языка Петера Дайнко «*Lehrbuch der windischen Sprache*», в которой предпринята попытка применить кириллические знаки для обозначения шипящих. П. Дайнко отходит от традиций литературно-письменного языка, базирующегося на центральных диалектах, ориентируясь на особенности родного восточно-штирийского диалекта (радгонские говоры).

Годом позже издает свою грамматику Ф. Метелко («Lehrgebäude der Slowenischen Sprache», Wien, 1825). Ф. Метелко вводит новые кириллические знаки для согласных *h, z, s, š, č, ž*, предлагает иной принцип обозначения открытых *e, o* и гласного среднего ряда среднего подъема *э*. При описании фонетических особенностей предлагаемых им норм литературно-письменного языка он исходит из особенностей доленьского диалекта.

Образцы литературно-письменного языка, которые предложили П. Дайнко и Ф. Метелко, нашли своих сторонников в соответствующих диалектных областях Словении. Так, принципы грамматики П. Дайнко были учтены в публикациях Антона Шерфа и Коломана Кваса. Большое количество книг, пропагандирующих новый образец литературно-письменного языка, издает и сам П. Дайнко. Принципы графики Ф. Метелко принимались во внимание при издании учебников и литературы духовного содержания вплоть до 1833 г., когда использование так называемой метелчицы для нужд школы было официально запрещено.

Таким образом, в 20-х годах XIX в. единству словенского литературного языка угрожает реальная опасность. Наряду с активно функционирующей моделью литературно-письменного языка на базе гореньского диалекта, утвердившейся в первый период национального возрождения, начинают функционировать модели на базе восточноштирийского и доленьского диалектов.

Графические нововведения П. Дайнко и Ф. Метелко вызвали решительный протест большинства деятелей национального возрождения. Штириец Антон Мурко в грамматике словенского языка для немцев («*Theretisch-praktische slawische Sprachlehre für Deutsche*», Gratz, 1832) пишет: «Графика Адама Бохорича ничуть не хуже других европейских. До сих пор мы, штирийские словенцы, были тесно связаны с краньскими как языком, так и графикой. Теперь же между нами воздвигается стена, пагубная как для словенского языка, так и для словенской национальной культуры»²⁵. Франце Прешерен отзывается на смешанный принцип правописания (латинско-кириллический), пропагандируемый Ф. Метелко и его сторонниками, стихотворением о каше, которое было

²⁵ Цит. по кн.: «Jezikovni pogovori», knj. II, s. 30.

опубликовано в 1832 г. в литературно-художественном альманахе «Краньская пчелка» («Kranjska Čbelica»).

Вопросам норм единого словенского литературного языка в связи с проблемами графики и правописания посвящена серия приложений к «Иллирской газете» («Ilirske novice»). В них Матия Чоп выступил против реформы словенской графики, предложенной Ф. Метелко; одновременно он отверг и дискутируемый в этот период фонетический принцип правописания. Необходимость этимологического принципа правописания М. Чоп мотивировал большими фонетическими различиями между отдельными словенскими диалектами. В статьях М. Чопа четко выражена тенденция при выработке норм единого языка учесть особенности всех словенских диалектов, тем самым отказаться от вариантов литературно-письменных языков, базирующихся на одном конкретном диалекте. Исходя из этого, М. Чоп считал целесообразным не обозначать качество гласных на письме (в штирийских говорах отсутствует противопоставление долгих *o*, *e* по качеству). Он указывает как на одну из возможностей реорганизации словенской графики использование диакритических знаков для обозначения шипящих (по типу чешской графики).

В национальном возрождении славянских народов большую роль играла идея славянской взаимности. Одним из главных пунктов общественно-политического и культурного движения в югославянских землях Австрийской империи, известного под названием «иллиризм», было создание единого для всех южных славян литературного языка. Для словенцев это означало бы отказ от национального литературно-письменного языка. Идеи иллиризма получили распространение в тридцатых годах XIX в. и прежде всего в тех словенских областях, которые в наибольшей мере были подвержены германизации и не имели своей литературно-письменной традиции (Штирия и Каринтия). Свообразным центром иллиризма в Словении становится Грац, а его наиболее активными пропагандистами Станко Враз и Матия Маяр Зильский. В центральных же областях Словении, где уже активно шел процесс нормирования национального литературного языка и успешно развивалась на этом языке художественная литература, идеи иллиризма не были приняты.

Страстным борцом за сохранение самобытности словенского литературного языка был Франце Прешерен.

Одним из завоеваний буржуазно-демократической революции 1848 г. было признание равноправия словенского языка. Новый орган периодической печати в Словении «Новости сельской жизни и ремесленничества» («Kmetijske in rokodelske Novice»), созданный в 1843 г., выступает за немедленное введение словенского языка в школы и учреждения. События 1848 г. одновременно вызвали и новую волну иллиризма. Так, на страницах первой словенской политической газеты «Словения» («Slovenija») появляются высказывания в пользу иллирийского (хорватского) языка. И. Мацун, например, ссылаясь на малую численность словенского народа, пишет о целесообразности введения в школы не словенского, а иллирийского языка²⁶. В ноябре 1848 г. Матия Маяр Зильский издает «Правила о преобразовании иллирийского наречия в общеславянский язык» («Pravili kako izobraževati ilirsko narečje in obče slovenski jezik», v Ljubljani, 1848). Основной путь преобразования словенского языка в общеславянский М. Маяр видит в отказе от тех языковых черт, которые определяют его специфику и отдаляют его от других славянских языков. М. Маяр предлагает сближение двух график — латиницы и кириллицы, этимологическое написание отдельных слов, изменение ряда морфологических форм, например, в склонении прилагательных различие флексий *-oga/-ega* в зависимости от качества согласного основы. Уязвимость идей М. Маяра весьма убедительно показал П. Хицингер,^{*} подчеркнувший, что первостепенной задачей словенцев является объединение Словении, сохранение же словенского литературного языка необходимо в целях связи с широкими народными массами. Редактор «Новостей» Янез Блейвейс, выступая против искусственного языка М. Маяра, выдвигает требование: «Для словенцев по-словенски!»²⁷.

Идея создания общеславянского литературного языка в Словении постепенно трансформируется в идею единого словенского литературного языка. «Новости» становятся трибуной борьбы за единый словенский литературный язык на основе единой графики. В качестве образца такой

²⁶ *Prijatelj I. Borba za individualnost slovenskega književnega jezika v letih 1848—1857.* Ljubljana, 1937, s. 14.

²⁷ Цит. по кн.: *Prijatelj J. Borba za individualnost slovenskega književnega jezika v letih 1848—1857,* s. 67.

графики была предложена чешско-иллирийская графика — так называемая «гайчица». В 1849—1850 гг. на страницах «Словении» появляется серия статей с обсуждением конкретных путей достижения единства словенского литературного языка. Л. Светец, М. Цигале и Я. Циглер предлагают при кодификации норм литературного языка учесть морфологические особенности нецентральных диалектов. Новые формы были использованы М. Цигале при переводе кодекса законов, а в 1851 г. официально утверждены и рекомендованы правительством для школьных изданий.

* * *

Процесс формирования словенского литературного языка в основных чертах был завершен в 70-е годы XIX в.

В результате кодификации норм в литературном языке была воспринята гореньская система вокализма, упорядочена графика (переход на «гайчицу»), привлечен целый ряд морфологических черт, свойственных нецентральному (каринтийским и штирийским) диалектам (в склонении прилагательных утвердились флексии *-ega*, *-etu*, *-et* вместо *-iga*, *-itu*, *-it*, свойственных центральному диалектам, в склонении существительных м. и ср. рода — флексии *-ot*, *-ota* вместо *-at*, *-ata*, родовые окончания форм сравнительной степени прилагательных, союз *da* вместо *de* и т. д.)

Всемерно расширились функции словенского языка. В XIX в. на нем были созданы литературно-художественные произведения различных жанров, вошедшие в сокровищницу словенской национальной литературы.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	5
<i>А. Г. Широкова, Г. П. Нецименко.</i> Становление литературного языка чешской нации.	9
<i>Л. Н. Смирнов.</i> Формирование словацкого литературного языка в эпоху национального возрождения	86
<i>К. К. Трофимович.</i> Развитие верхнелужицкого литературного языка в середине XIX века.	158
<i>Г. К. Венедиктов.</i> Некоторые вопросы формирования болгарского литературного языка в эпоху возрождения	207
<i>Н. И. Толстой.</i> Литературный язык у сербов в конце XVIII — начале XIX века.	269
<i>О. С. Плотникова.</i> Становление словенского литературного языка в период национального возрождения	329

НАЦИОНАЛЬНОЕ
ВОЗРОЖДЕНИЕ
И ФОРМИРОВАНИЕ
СЛАВЯНСКИХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

Утверждено к печати
Институтом славяноведения
и балканистики

Редактор издательства *Т. М. Скрипова*
Художник *Н. П. Фролов*
Художественный редактор *Т. П. Поленова*
Технический редактор *С. Г. Тихомирова*
Корректор *Н. И. Кодыкова*

ИБ № 5101

Сдано в набор 23.09.77
Подписано к печати 05.01.78
Формат 84 × 108^{1/16}. Бумага типографская № 2
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая
Усл. печ. л. 18,69. Уч.-изд. л. 19,6
Тираж 1700. Тип. зак. 768
Цена 2 р. 30 к.

Издательство «Наука»
117485, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94а
1-я типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9-я лин., д. 12

25. 33x.



ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ
ՆԱԽԱՐԱՐԱԿԱՆ ԳՐԱԴԱՐԱՆ